

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

**УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО,
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Сборник материалов
VII Республиканской научно-практической конференции
студентов, магистрантов и аспирантов
Брест, 4 ноября 2016 года

Брест
БрГУ имени А.С. Пушкина
2017

УДК 341
ББК 67.9
У 26

*Рекомендовано редакционно-издательским советом Учреждения образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»*

Рецензенты:

кандидат юридических наук, доцент **М. В. Андрияшко**
кандидат юридических наук, доцент **Т. А. Горупа**

Редакционная коллегия:

кандидат философских наук, доцент **О.Н. Иванчина** (отв. ред.)
кандидат юридических наук, доцент **В.В Лосев**
кандидат юридических наук, доцент **С.М Храмов**
кандидат философских наук, доцент **Г.И. Займист**
преподаватель **В.И. Резюк**

У 26 Уголовная юстиция: законодательство, теория и практика : сб. материалов VII Респ. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Брест, 4 нояб. 2016 г. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина ; редкол.: О. Н. Иванчина (отв. ред.) [и др.]. – Брест: БрГУ, 2017. – 287 с.

ISBN 978-985-555-461-6
ISBN 978-985-555-460-9.

В сборник включены материалы, отражающие актуальные проблемы уголовного права и криминологии, уголовного процесса и прокурорского надзора, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности.

Издание адресовано студентам, магистрантам, аспирантам, научно-педагогическим работникам, а также практикующим юристам.

Ответственность за языковое оформление и содержание материалов несут авторы и их научные руководители.

УДК 341
ББК 67.9

ISBN 978-985-555-461-6
ISBN 978-985-555-460-9

© УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2017

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 343

П.А. ВОЛОДЬКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – О.Н. Иванчина, кандидат философских наук, доцент

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В современных реалиях значимость и актуальность принципов законности и справедливости трудно переоценить. В данной статье поставлена цель – эксплицировать смысл данных принципов, сравнить их между собой. Законность – неотъемлемая часть жизни общества, его организующий принцип. Он является юридической формой отношений, возникающих в обществе. Вместе с тем в любом демократическом государстве не представляется возможным полное осуществление принципа законности без реализации принципа справедливости, который является наилучшей формой выражения социальной сущности права. В уголовно-правовой отрасли решаются вопросы свободы и жизни человека, поэтому данные принципы крайне важны. При этом следует учесть, что справедливость – это критерий при оценке того или иного преступления, учета его мотива и цели, а также личности преступника. С.В. Стрыгина пишет: «По смыслу и по этимологии справедливость восходит к праву, обозначает наличие в социальном мире правового начала и выражает его правильность, императивность и необходимость» [1, с. 221]. Таким образом, справедливость и законность – коррелирующие друг с другом категории; справедливость издавна отождествляется с правом и не может существовать отдельно от него.

Согласно уголовному кодексу Республики Беларусь, принцип законности гласит: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовной ответственности иначе как по приговору суда и в соответствии с законом. Преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом. Нормы Кодекса подлежат строгому толкованию. Применение уголовного закона по аналогии не допускается» [2], но применяется согласно принципу справедливости: «Наказание и иные меры уголовной ответственности должны быть справедливыми, т.е. устанавливаться и назначаться с учетом характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного. Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление» [2]. Практически аналогичное определение дается и в российском законодательстве. В целом принцип законности осуществляется во многих странах мира, пусть и с некоторыми своими особенностями.

Справедливость и законность – важнейшие ценности в цивилизованном обществе, затрагивающие всю сферу правотворчества. При подготовке и рассмотрении законопроектов выявляются юридические коллизии; отсутствие необходимой реакции на них может стать причиной нарушения законности [3, с. 14]. Предотвращение возможных коллизий на стадии правотворчества – необходимое условие эффективной реализации закона в будущем. Претензии, споры, конфликты, возникающие в цивилизованном обществе, решаются на основе принципов законности и справедливости. Главными целями законности и справедливости выступают защита

прав и свобод участников правоотношений, а также соблюдение равенства граждан перед законом и судом. Если права и свободы личности находятся под угрозой, то требования законности и справедливости не могут быть реализованы в полной мере.

Известно выражение древних римлян: “*Aequum et bonum est lex legum*”, что означает: «Справедливость и общее благо являются законом законов». Это актуализирует роль справедливости, которая должна быть комплиментарна законности. Н.Н. Вопленко пишет: «Законность является официальным показателем совпадения правовых и нравственных оценок в процессе реализации права» [4, с. 6], потому может показаться верным высказывание: что справедливо, то и законно, но не все законное всегда может быть справедливым. Все таки нельзя полностью отождествлять данные понятия, это означало бы «подмену законности справедливостью или, наоборот, замещение справедливости законностью, что в полной мере не соответствует действительности» [5, с. 71].

Многие граждане Республики Беларусь на вопрос «Как вы считаете, справедливы ли законы в нашем государстве?» отвечают следующими фразами: «Закон пишет власть, а власть и справедливость – понятия трудно совместимые», «Справедливости нет как таковой, законы лишь пытаются заменить справедливость», «Законы все равно не соблюдаются, в первую очередь представителями власти». На наш взгляд, нельзя поддерживать данные высказывания в полной мере. В обществе всегда есть часть граждан, не согласных с действующей властью и, соответственно, законами, принимаемыми этой властью. Однако и профессиональные юристы отмечают не полную корректность некоторых действующих нормативно-правовых актов в настоящих социально-экономических условиях. Например, Декрет Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2015 г. № 3 «О предупреждении социального иждивенчества». Цель данного Декрета предельно ясна, но в стране, где постоянно идет сокращение количество рабочих мест, что существенно снижает шансы на трудоустройство, вводить подобные меры не просто несправедливо, а экономически не совсем логично.

Справедливость часто ассоциируется с термином «своя правда», которая у каждого своя. Поэтому, слыша «Его несправедливо осудили», можно представлять, что наказание слишком жестоко или его вообще не должно было быть в конкретной форме. Тем не менее строгость и справедливость закона в разных странах дефинируется весьма различно. Так, например, жители Саудовской Аравии могут сказать, что в Республике Беларусь действуют очень мягкие законы по отношению к некоторым деяниям. В законодательстве Саудовской Аравии прописан ряд деяний, за которые предусмотрена смертная казнь (гомосексуализм, практикование занятий колдовством и чародейством, богохульство, атеизм). В Республике Беларусь все эти деяния не подпадают под действие не только уголовного закона, но даже административного кодекса о правонарушениях.

В заключении важно отметить: справедливость и законность, безусловно, схожие понятия, понятные почти в любой точке мира. Однако их интерпретация зависит от многих факторов (социокультурных, экономических, политических, религиозных и др.). Единое определение и использование данных принципов для всех правовых систем мира в настоящее время не представляется возможным, да и вряд ли когда-то наступит. Различные культуры всегда будут иметь, как следствие, различные системы права. Поэтому субъективное представление о принципах законности и справедливости будет по-прежнему актуально.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стрыгина, С. В. К вопросу о реализации принципа справедливости в праве / С. В. Стрыгина // Конституционный принцип справедливости: проблемы реализации : материалы Междунар. конституц. форума. – Саратов, 2009. – Вып. 1. – С. 221.
2. Уголовный кодекс Респ. Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 1 нояб. 2016 г. – Минск : Амалфея, 2016. – 312 с.
3. Халфина, Р. О. Почему не работает закон / Р. О. Халфина // Журн. рос. права. – 1997. – № 4. – С. 24–26.
4. Вопленко, Н. Н. Юридическая справедливость: определение и границы понятия [Электронный ресурс] / Н. Н. Вопленко // Юридическая научная библиотека издательства «СПАРК». – Режим доступа: <http://lawlibrary.ru>. – Дата доступа: 20.10.2016.
5. Вязов, А. Л. Принцип справедливости в современном российском праве и правоприменении (теоретико-правовое исследование) [Электронный ресурс] / А. Л. Вязов // Библиотека диссертаций. – Режим доступа: <http://www.dslib.net>. – Дата доступа: 20.10.2016.

УДК 343.9

Е.Э. ДЕМИДЧИК, В.И. РЕЗЮК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ФАКТИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ОЦЕНКИ ЛАТЕНТНОСТИ

Состояние преступности определяется абсолютным числом совершенных преступлений на определенной территории за определенное время. Реальное состояние преступности, ее уровень выражается числом фактически совершенных преступлений, однако с учетом того, что определенная часть преступлений остаются не выявленными или, как говорят специалисты, латентными [1].

Хотя значение фактической преступности имеет большое криминологическое значение, уточнение ее значения представляется весьма затруднительным – посредством оценки показателей латентности отдельных групп преступлений это становится возможным.

Г.Г. Шиханцов отмечает, что по экспертным оценкам соотношение зарегистрированных и латентных преступлений в Беларуси – 1:3; 1:4 (средний уровень латентности, соответственно низкий уровень – 1:2, а высокий 1:5; 1:6). Можно учитывать, пусть и весьма критично, данные о подобных соотношениях, выделяемые криминологами других государств, но ввиду значительной общности наук, законодательства и, даже, многих обычаев, традиций некоторые исследования представляют особый интерес: так, в Российской Федерации отмечается соотношение зарегистрированных и латентных 1:7 – 1:8 (а некоторые исследователи даже высказывают мнение о 1:10 – 1:12) [1]. При определении латентности отдельных видов преступлений возможно использование подобных данных, но необходимо учитывать их приблизительный характер по отношению к ситуации в Республики Беларусь.

В криминологии выделяют три уровня латентной преступности. Низкий уровень латентности характерен для тяжких преступлений против личности: убийство, умышленное причинение тяжких телесных повреждений. Во вторую группу входят

преступления со средним уровнем латентности: кражи, изнасилования, хулиганства. В группу высоколатентных включают: взяточничество, иные коррупционные преступления.

За 2015 г. было зарегистрировано примерно 40 тыс. краж, являющихся среднелатентными преступлениями, а исходя из среднего значения коэффициента латентности для подобных преступлений и высокого состояния этого вида можно предположить еще более заметное значение абсолютного показателя. За этот же год было выявлено 145 изнасилований, а реально, основываясь на выводах специалистов-криминологов, в несколько раз больше: так, согласно мнению В.В. Лунеева, учтенные изнасилования соотносятся с латентными как 1:6 [2]. Характерной чертой взяточничества является его высочайшая латентность. В Республики Беларусь в 2015 г. было зарегистрировано 1 112 фактов, фактически, можно предположить, в несколько раз больше [3]. Если учесть, что в 2014 г. было зарегистрировано 782 факта взяточничества, то заметный рост (на 330 зарегистрированных или 42 %) [3] может объясняться снижением показателя латентной преступности, т.е. повышением качества правоохранительной деятельности. Но это совершенно не значит, что фактическое количество совершенных преступлений уменьшилось, скорее всего участились факты выявления и как результат регистрации подобных преступлений.

Предлагаются и иные подходы в определении фактической преступности в контексте оценки показателей латентной. Российский криминолог Д.А. Ли, в исследованиях статистических данных о преступности в разных странах мира, выдвинул мнение о том, что регистрируется всего 24 % преступлений, а 76 % преступникам удается избежать ответственность, т.е. латентная к фиксируемой преступности составляет 3:1, а 5,6 % людей в государстве, по его мнению, совершают преступления [4].

Учет показателей латентности при определении фактической преступности не следует сводить исключительно к математическим действиям – важно определить тенденции, особенности развития, обозначить на этом основании стратегию и тактику противодействия. Так, сегодня управление наркоситуацией можно оценить как управление ситуацией со значительной латентной составляющей с определенным числом скрытых неясностей [5].

Выделенное позволяет говорить и об отсутствии линейной зависимости фактической и латентной преступности: не всегда рост (или снижение) зарегистрированной преступности сопровождается прямо пропорциональным изменением фактической преступности, речь может идти об изменении долей зарегистрированных и латентных преступлений.

Определение фактической преступности в контексте оценки латентности является эффективным инструментарием криминологических исследований, но оно не должно ставить цель получить абсолютный показатель состояния преступности, ее уровня – понимание сущности фактической преступности, его возможного значения позволяет определить реальный уровень угроз обществу, а уточненное значение латентности при этом может быть использовано для определения концепции борьбы с преступностью, ее отдельными видами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиханцов, Г. Г. Криминология : учеб. пособие / Г. Г. Шиханцов. – Минск : Новое знание, 2016. – 102 с.

2. Лунеев, В. В. Криминология : учеб. пособие / В. В. Лунеев, Н. Ф. Кузнецова. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 315 с.

3. Общая статистика за 2015 год [Электронный ресурс] // М-во внутренних дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=256493>. – Дата доступа: 10.10.2016.

4. Ли, Д. А. Преступность в России. Системный анализ [Электронный ресурс] / Д. А. Ли. – М. : Гелва, 1997. – Режим доступа: <http://www.novsu.ru/npe/files/um/1412/bg/shell/arh/mono/Ли%20Д.%20Преступность%20в%20России.%20Системный%20анализ.htm>. – Дата доступа: 10.10.2016.

5. Махров, И. Е. Наркоситуация с позиций социологии управления / И. Е. Махров // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2008. – № 14. – С. 179–184.

УДК 343

А.О. ЖУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – И.А. Заранка, преподаватель

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ ЗАРАЖЕНИЯ ВЕНЕРИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ И ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ

Наиболее важным и неотъемлемым правом человека, является право на охрану здоровья. Оно является приоритетным объектом уголовно-правовой охраны любого государства, поэтому естественным является закрепление в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК РБ) составов, предусматривающих ответственность за посягательство на здоровье другого человека.

В науке уголовного права, отношения, которые охраняются конкретной статьей УК РБ, называются непосредственным объектом преступления. В некоторых составах, обеспечивающих охрану здоровья, вопрос о непосредственном объекте является спорным. К таким составам относятся стст. 157 и 158 УК РБ.

УК РБ под непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 158, понимает общественные отношения, обеспечивающие здоровье другого человека от заражения венерической болезнью. Однако нормативные правовые акты Республики Беларусь в области здравоохранения, не содержат упоминания о венерических заболеваниях, а используют термин «инфекции, передающиеся половым путем». Именно этот термин используется в Постановлении Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 15 июня 2012 г. № 75 «Об установлении перечня заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства здравоохранения Республики Беларусь» (в редакции Закона Республики Беларусь от 20 июня 2008 г. и абзаца десятого ст. 1 Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека» (далее – постановление). Согласно медицинской терминологии ИППП (инфекции, передаваемые половым путем) – это группа инфекционных заболеваний, которые распространяются при половом акте с человеком, имеющим эту инфекцию. В свою очередь «классические» венерические болезни являются лишь видом ИППП и включают в себя: сифилис, гонорея, мягкий шанкр, лимфогранулематоз венерический, называемый также четвертой

венерической болезнью, донованоз, паховая гранулема или пятая венерическая болезнь. Из этого можно сделать вывод о том, что законодательство в области уголовного права не предусматривает наступление уголовной ответственности за распространение инфекций, не включенных в список венерических болезней.

Другой проблемой является отсутствие полного перечня венерических заболеваний в законодательстве Республики Беларусь. В приложении к постановлению закреплено только две инфекции, передающиеся половым путем, а именно сифилис и гонорея. Этот перечень кажется чрезмерно узким, т.к. существует достаточно много венерических заболеваний, влекущих серьезные последствия [4].

Что же касается вопроса об определении содержания непосредственного объекта заражения вирусом иммунодефицита человека (ст. 157 УК РБ), в уголовном праве он является дискуссионным. Одни ученые-юристы считают, что непосредственным объектом при заведомом поставлении другого лица в опасность заражения вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) является здоровье потерпевшего [1]. Другие – только жизнь человека. Эти ученые обращают внимание на то обстоятельство, что современная наука не выработала эффективных медицинских препаратов, которые предотвратили бы наступление смерти потерпевшего, все зависит лишь от времени ее наступления. Третьи ученые – не только здоровье, но и жизнь другого человека. Свою точку зрения авторы обосновывают тем, что, как правило, данное заболевание сопряжено со смертельным исходом. Интересно оценивают объект данного преступления четвертая группа. По их мнению заражения вирусом иммунодефицита человека имеет два объекта: основной и дополнительный. Основным являются общественные отношения в области охраны прав человека на здоровье, а дополнительным – общественные отношения в сфере охраны жизни каждого человека [2]. УК Республики Беларусь придерживается точки зрения, что под непосредственным объектом данного состава следует понимать только здоровье другого человека. Преступление признается оконченным с момента попадания вируса иммунодефицита в организм здорового человека от вирусоносителя, и рассматриваемый состав не охватывает «будущие» последствия в виде смерти потерпевшего. Дальнейшая этиология заболевания, скорость протекания болезни и время наступления летального исхода на квалификацию не влияют [3].

Таким образом, исследование проблемных вопросов стст. 157 и 158 УК РБ показывает, что в понимании данных составов существуют принципиальные разногочения. В целях единообразного понимания положений действующего УК РБ, при применении норм о преступном заражении венерическим заболеванием и вирусом иммунодефицита человека, необходимо выработать единую терминологию и закрепить перечень заболеваний, влекущих ответственность по ст. 158 УК РБ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Загородников, Н. И. Преступления против здоровья / Н. И. Загородников. – М. : Юрид. лит., 1969. – 168 с.
2. Можайская, Л. А. Социально-правовые проблемы профилактики ВИЧ-инфекции / СПИДа: уголовно-правовой и медицинские аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л. А. Можайская ; Гос. комитет РФ по высш. образованию, Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 1993. – С. 6–7.
3. Норвартян, Ю. С. К вопросу о непосредственном объекте заражения венерической болезнью и ВИЧ-инфекцией [Электронный ресурс] / Ю. С. Норвартян // Вестн. Самар. гуманитар. акад. Серия Право. – 2013. – № 1. – Режим доступа:

<http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-neposredstvennom-obekte-zarazheniyavenericheskoy-boleznyu-i-vich-infektsiey>. – Дата доступа: 24.10.2016.

4. Тыдыкова, Н. В. Заражение потерпевшего венерическим заболеванием или ВИЧ-инфекцией как квалифицирующий признак: критика уголовного закона [Электронный ресурс] / Н. В. Тыдыкова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 3 (29). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/zarazhenie-poterpevshego-venericheskim-zabolevaniem-ili-vich-infektsiey-kak-kvalifitsiruyuschiy-priznak-kritika-ugolovnogo-zakona>. – Дата доступа: 24.10.2016.

УДК 343

С.А. ЗАЛЕВСКАЯ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

ОТГРАНИЧЕНИЕ НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ ОТ НЕПРАВОМЕРНОГО ЗАВЛАДЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ

В теории уголовного права возникает необходимость разграничения таких преступлений, как нарушение авторских прав и неправомерное завладение компьютерной информацией в связи с тем, что оба деяния могут совершаться с использованием одних и тех же средств совершения преступления и могут посягать на один и тот же предмет. В данной работе будут проанализированы вышеуказанные составы с целью выработки ограничительных характеристик данных составов преступлений друг от друга.

В ст. 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) установлена ответственность за нарушение авторских прав, смежных прав и права промышленной собственности. Данная ст. находится в гл. 23 (преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина) раздела 7 (преступления против человека), что, несомненно, подчеркивает значимость данного вопроса.

Объектом нарушения авторских прав является непосредственно авторское право. Предметом будут являться произведения, являющиеся объектами авторского права. Объективная сторона может быть выражена в присвоении авторства, принуждении к соавторству, незаконном распространении и ином незаконном использовании объектов авторского права. Субъективная сторона – только прямой умысел. Субъект общий с 16 лет, по ч. 1 и по ч. 2 предусмотрен специальный субъект, лицо, которое в течение года привлекалось к административной ответственности за такое же нарушение, в ч. 3 предусмотрен специальный субъект – должностное лицо, совершившее деяние с использованием своих служебных полномочий [1, с. 211].

Для эффективного противодействия нарушению авторских прав уголовно-правовыми средствами следует выработать правила квалификации.

К проблемным вопросам, в частности, относится отграничение собственно авторских прав от иных, смежных с авторскими, прав. Для того чтобы разобраться в данном вопросе, необходимо определить, что относится к объектам авторских прав, а что нет. В ст. 6 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 г. № 262-З указаны объекты авторского права. Объектами авторского права являются: литературные произведения (книги, брошюры, статьи и др.),

драматические и музыкально-драматические произведения, произведения хореографии и пантомимы и другие сценарные произведения, музыкальные произведения с текстом и без текста, аудиовизуальные произведения (кино-, теле-, видеофильмы, диафильмы и др.), произведения изобразительного искусства (скульптура, живопись, графика, литография и др.), произведения прикладного искусства и дизайна, произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства, фотографические произведения, в т.ч. произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, карты, планы, эскизы, иллюстрации и пластические произведения, относящиеся к географии, картографии и другим наукам, компьютерные программы, произведения науки (монографии, статьи, отчеты, научные лекции и доклады, диссертации, конструкторская документация и др.), иные произведения. К объектам авторского права также относятся: производные произведения (переводы, аннотации, рефераты и т.д.), составные произведения (энциклопедии, сборники и т.д.).

Не являются объектами авторского права в соответствии со ст. 7 ранее указанного закона: официальные документы (правовые акты, судебные постановления, иные документы административного и судебного характера, учредительные документы организаций), а также их официальные переводы; государственные символы Республики Беларусь (Государственный флаг Республики Беларусь, Государственный герб Республики Беларусь, Государственный гимн Республики Беларусь), символы государственных наград Республики Беларусь (ордена и медали), государственные знаки (денежные знаки Республики Беларусь, почтовые марки и иные знаки), официальные геральдические символы (флаг и гербы административно-территориальных единиц Республики Беларусь, геральдические знаки, знамена, нагрудные знаки, эмблемы государственных органов и др.); произведения народного творчества, авторы которых неизвестны. Авторское право не распространяется также на собственно идеи, методы, процессы, системы, способы, концепции, принципы, открытия, факты, даже если они выражены, отображены, объяснены или воплощены в произведении [2].

Что касается второго состава, то за неправомерное завладение компьютерной информацией предусмотрена уголовная ответственность ст. 352 УК. Объектом посягательства в данном составе преступления выступает информационная безопасность, т.е. состояние защищенности информационных систем, представляющих собой совокупность информационных ресурсов государства, физических и юридических лиц, информационных технологий и комплекса программно-технических средств, осуществляющих информационные процессы в человеко-машинном или автоматическом режиме, и права и законные интересы владельцев и пользователей компьютерной информации [1, с. 648].

Предметом выступает компьютерная информация в целом, т.е. сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, зафиксированные в оперативной памяти ЭВМ или на машинном носителе или передаваемые по телекоммуникационным каналам в форме, доступной восприятию электронно-вычислительной техникой. Объективная сторона преступления выражена такими альтернативным и действиями как: несанкционированное копирование компьютерной информации, иное неправомерное завладение компьютерной информацией, либо перехват информации, передаваемой с использованием средств компьютерной связи. Т.к. состав материальный, то преступление признается оконченным с момента причинения существенного вреда. Субъективная сторона может быть выражена в форме как умысла, так и неосторожности. Субъект общий с 16 лет [1, с. 656].

Как видно из выше изложенного, данные составы различаются между собой по объекту посягательства, субъективной стороне преступления. Объективная же сторона имеет сходства, т.к. объекты авторского права могут быть также и компьютерной информацией, например, при внесении таких объектов в оперативную память ЭВМ или на машинные носители. В данном случае разграничение необходимо проводить по объекту и предмету посягательства.

Предмет ст. 352 гораздо шире нежели ст. 201 УК, и может включать помимо объектов авторского права и другую информацию.

Возникает вопрос, как же квалифицировать неправомерное завладение компьютерной информацией, если данная информация будет являться объектом авторского права? В этом конкретном случае такое деяние будет составлять идеальную совокупность [3], при условии, что наступит предусмотренное ст. 352 УК последствие в виде причинения существенного вреда и при необходимости наличие специального субъекта, предусмотренного ст. 201 УК, т.к. это две общие нормы, которые одновременно нарушаются одним и тем же деянием, а, следовательно, квалифицироваться данное деяние будет по обеим статьям особенной части УК. Таким образом, на наш взгляд, необходимо разрешать возникающие вопросы, вынесенные на обсуждение в данной работе, в процессе квалификации совершенного преступления исходя из принципа разумности, на основании положений об идеальной совокупности.

Также следует учесть, что нарушение авторских прав возможно только с прямым умыслом, в отличие от состава, предусмотренного ст. 352 УК [2].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / А. И. Лукашов [и др.] ; под общ. ред. А. И. Лукашова. – Минск : Изд-во Гревцова, 2009. – 960 с.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 1200 с. – Режим доступа: http://nemiga.noip.info/literature/History/Comments_in_CCRB.pdf. – Дата доступа: 25.11.2016.

3. Хомич, В. М. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть [Электронный ресурс] : учебник / В. М. Хомич. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/?url=yadiskpublic%3A%2F%2FZF%2FjJBCcGfv%2BV00RS%2BjOrs9awSkN3QE823xX1C5qy2c%3D&name=1.doc&page=5&c=5537cf04b4ec>. – Дата доступа: 25.11.2016.

УДК 343

Д.А. ЛАЗАРЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – И.А. Заранка, преподаватель

ВИКТИМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК УСЛОВИЕ СОВЕРШЕНИЯ КАРМАННЫХ КРАЖ

Карманная кража – это понятие, характеризующее одну из форм краж личной собственности граждан. Данный вид краж имеет свою давнюю историю: так, еще первый фильм, имеющий преступный сюжет был снят 1895 г. и назывался «Арест

карманника». Еще в царской России существовало отделение полиции – «филеры», которые осуществляли борьбу с данными преступлениями. В СССР также существовала специальное подразделение по борьбе с так называемыми ворами-карманниками – «бабочниками».

Однако и в современном мире карманные кражи продолжают занимать свою значительную нишу в структуре хищений. Зачастую благодаря тому, что потерпевшие сами могут рассматриваться как косвенные участники преступления, т.к., не совершая определенных действий, не принимая мер предосторожности, они повышают степень вероятности стать жертвой преступного посягательства, в т.ч. и карманной кражи.

Данная проблема должна быть рассмотрена с учетом положений виктимологии как науки о жертве преступления. Под виктимностью понимается поведение человека, которое создает благоприятные условия для совершения в отношении него преступления.

Прежде всего, давая виктимологическую характеристику данного вида краж, следует сказать, что карманные воры осуществляют свои преступные посягательства обычно в тех местах, где есть большое скопление людей, это может быть любое общественное место, начиная от маршрутных транспортных средств и метро в час пик и заканчивая рынками, ярмарками и площадями. При этом в таких местах присутствует определенный эффект «толпы», «давки», которым облегчается доступ к тому, либо иному имуществу гражданина, чем и может воспользоваться потенциальный злоумышленник.

И на основании вышесказанного необходимо провести виктимологическую классификацию исходя из места хранения предмета карманной кражи, т.к. именно место нахождения предмета карманной кражи обуславливает специфику ее совершения. Можно выделить:

- место высокой виктимности, является наиболее доступным для вора и не требует использования каких-либо специфических навыков, т.к. предмет кражи может «выпадать» из спектра внимания потерпевшего на долгое время либо же вообще постоянно находиться вне его; таковым может являться обыкновенная дамская сумочка через плечо, которая сделана из непрочного материала (его можно легко порезать) или же замки которой легко открываются или же их просто-напросто нет; когда женщина стоит плотно в толпе, входит и выходит из общественного транспорта, сумочка ускользает из-под ее контроля, становясь легкой добычей для воров; поэтому в данном случае необходимо следить за сумкой, с виктимологической стороны лучше всего, чтобы она находилась не за спиной, а впереди и в поле зрения, чтобы ее нельзя было открыть или разрезать снизу или сбоку, не заметно для хозяйки;

- место средней виктимности характеризуется тем, что предмет, на который направлен преступный интерес злоумышленника, находится в периодическом внимании потерпевшего и для своего извлечения требует определенных специфических навыков и сноровки от преступника; примером таких мест можно обозначить так называемые «сумки-карманы» или же боковые карманы брюк, курток; так, жертва разговаривает на остановке по новомодному мобильному телефону и вкладывает его в свой боковой карман брюк; далее при посадке в маршрутку еще с несколькими людьми один из них начинает толкаться, чтобы успеть занять место; другой в это время тоже якобы пытается влезть за жертвой и, улучив момент, вытаскивает телефон, который тут же передается лицу, стоящему на остановке, тот в свою очередь мирно уходит; или же в многолюдном месте, к примеру на рынке, преступник начинает «случайно толкаться»; одновременно с толчками либо когда жертва перестает быть

«восприимчивой» к ним, он запускает руку в боковой карман куртки или сумочку и достает то, что ему было необходимо; добыча переходит напарнику, который сразу же отходит от жертвы; ей чаще всего становится женщина, больной, одинокий или рассеянный человек [1];

- место низкой виктимности, определяется тем, что предмет карманной кражи, хранящийся в нем, находится в постоянном внимании хозяина и в недоступном месте для потенциально вора, и совершить его хищение затруднительно, даже прибегая к специфическим навыкам и умениям; примером может являться вышеназванная дамская сумочка, находящаяся впереди и в постоянном поле зрения хозяйки, однако наиболее типичным местом низкой виктимности можно назвать внутренний карман верхней одежды, имеющий застежку; так, если бумажник будет находиться в застегнутом внутреннем кармане пиджака, вор, даже используя специальные навыки, умения и инсценировки, все равно не сможет осуществить задуманное, т.к. жертва имеет достаточно большие шансы заметить его преступный замысел еще на начальном этапе, а именно при попытке расстегнуть карман.

Как видно, не стать жертвой можно, проявив немного бдительности и предусмотрительности в отношении своих действий, не создавая самому условия для совершения преступления.

Подводя же итог, следует сказать, что для уменьшения количества карманных краж государству прежде всего необходимо через свои уполномоченные органы обязать юридические лица распространять виктимологическую информацию подобного рода в местах массового скопления людей, а именно общественном транспорте, рынках, крупных торговых точках, на культурно-массовых мероприятиях.

Кроме того, в таких местах самим гражданам всегда нужно проявлять особую предусмотрительность, быть более бдительными: при езде в общественном транспорте не засыпать и не «забываться», не читать во время движения, не заглядываться в окно, не хранить деньги и ценные вещи в местах высокой и средней виктимности, обращать внимание на людей, которые пытаются подойти поближе, встают сзади или сбоку, прижимаются или отвлекают внимание [1].

И главное, вору-карманнику рассчитывают на ловкость своих рук, беспечность и невнимательность жертвы и безразличие людей ко всему происходящему, поэтому необходимо быть собранным самому, внимательным к окружающим, предупреждать их, если была замечена готовящаяся кража. И в таком случае число карманных краж обязательно уменьшится.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карманная кража [Электронный ресурс]// Сайт КБП. – Режим доступа: <http://kbp.by/vospitatelnyj-chas/karmanaya-krazha>. – Дата доступа: 19.10.2016.

УДК 343

И.В. ЛОСЕВ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.В Лосев, кандидат юридических наук, доцент

ПРИЧИНЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА БЕЗ ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЯ: НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ

Актуальность темы обусловлена важностью защиты уголовно-правовыми средствами отношений собственности Республики Беларусь от преступных посягательств.

Проведенное исследование проблем криминализации причинения имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 Уголовного кодекса Республики Беларусь, далее – УК), в т.ч. на основе исторического и сравнительно-правового методов с учетом опыта Российской Федерации, позволило сформулировать предложения по совершенствованию уголовного законодательства Республики Беларусь.

Для законодательного закрепления признака, позволяющего разграничивать собственно причинение имущественного ущерба без признаков хищения и другие преступления, схожие по способам совершения и механизму причинения ущерба, представляется целесообразным указать в ст. 216 УК, что ответственность по этой ст. наступает не только при отсутствии признаков хищения, но и при отсутствии признаков других преступлений, связанных с причинением имущественного ущерба.

В понятии хищения имущества, сформулированном в ч. 1 примечаний к гл. 24 «Преступления против собственности» УК, среди обязательных признаков хищения прямо названы умышленная вина и корыстная цель. Представляется, так же необходимо поступить и применительно к законодательному определению понятия причинения имущественного ущерба без признаков хищения с целью отграничения этого преступления от гражданско-правового деликта и тем самым более четкого определения пределов криминализации.

Для совершенствования уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 216 УК, представляет интерес сравнение с криминализацией причинения имущественного ущерба в России и Казахстане. В Беларуси разграничение преступления и административного правонарушения проводится в зависимости от размера имущественного ущерба: в ч. 1 ст. 216 УК квалификационным (обязательным) является ущерб в значительном размере, т.е. на сумму, в 40 и более раз превышающий размер базовой величины (далее – БВ); в ч. 2 ст. 216 УК предусмотрен ущерб в крупном размере – в 250 и более раз превышающий размер БВ (ч. 3 примечаний к гл. 24 УК).

С 1 января 2016 г. базовая величина в Республике Беларусь составляет 210 тыс. бел. руб. (с 1 июля 2016 г. – 21 бел. руб.). Тем самым уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба в значительном размере без признаков хищения наступает при сумме ущерба в размере 840 бел. руб. и более, в крупном размере – 5 250 бел. руб. и более. На 10 октября 2016 г. по курсу Национального банка Республики Беларусь 1 доллар США составлял 1,91 бел. руб.; тем самым 840 бел. руб. эквивалентно 439 долларам США, 5 250 бел. руб. – 2 749 долларам США.

В России признаки следующие: в ч. 1 ст. 165 УК РФ обязательный признак «крупный размер», квалифицирующие признаки в п. 1 ч. 2 ст. 165 УК РФ – «совершенное группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой», п. 2 ч. 2 ст. 165 УК РФ – «причинившее особо крупный ущерб». Крупный

размер (ч. 1 ст. 165 УК РФ) – сумма, превышающая 250 тыс. рос. руб. на день совершения преступления (ч. 4 примечаний к ст. 158 УК РФ), особо крупный размер (п. 2 ч. 2 ст. 165 УК РФ) – сумма, превышающая 1 млн. рос. руб. (ч. 4 примечаний к ст. 158 УК РФ). На 10 октября 2016 г. по курсу Центрального банка Российской Федерации 1 доллар США составляет 62,3 рос. руб.; крупный размер – 250 тыс. рос. руб. эквивалентно 3 949 долларам США (т.е. в 9 раз больше, чем в Беларуси), особо крупный размер 1 млн. рос. руб. – 16 051 доллар США.

Очевиден более строгий подход законодателей Республики Беларусь к криминализации причинения имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 УК) по размеру ущерба, чем в России. При этом, для сравнения, в Беларуси уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба бюджету государства в результате уклонения от уплаты сумм налогов, сборов (ст. 243 УК) наступает при сумме ущерба, соответствующей 1 000 БВ, т.е. в 25 раз больше, чем в ст. 216, а в результате уклонения от уплаты таможенных платежей (ст. 231 УК) – 2 000 БВ, т.е. в 50 раз больше, что является очевидно несоразмерным по сравнению с квалификационным размером ущерба в ст. 216 УК.

В настоящее время возможно установить квалификационный ущерб в ч. 1 ст. 216 УК, позволяющий разграничивать преступное причинение имущественного ущерба без признаков хищения и административное правонарушение, не в значительном размере (40 БВ), а в крупном размере (250 БВ). Это будет соответствовать в т.ч. мероприятиям по частичной декриминализации отдельных преступлений против собственности, предусмотренным Концепцией совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (утв. Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672).

Соответственно в ч. 2 ст. 216 УК предусмотреть причинение имущественного ущерба в особо крупном размере, т.е. на сумму, в 1 000 и более раз превышающую БВ.

Представляется необходимым сохранить в ч. 1 ст. 216 УК альтернативный способ причинения имущественного ущерба «путем модификации компьютерной информации».

Предлагается дополнить ч. 2 ст. 216 УК квалифицирующим признаком «повторно», как это сделано в уголовном законодательстве Беларуси применительно к ряду других преступлений против собственности.

По нашему мнению, дополнять ст. 216 УК особо квалифицирующим признаком «организованной группой» нет необходимости, т.к. в ч. 12 ст. 4 УК разъясняется, что под группой лиц, если иное не оговорено в ст. Особенной части УК, понимается признак, характеризующий совершение преступления группой лиц без предварительного сговора, по предварительному сговору или организованной группой.

Нет также необходимости дополнять ст. 216 УК квалифицирующим признаком «лицом с использованием служебных полномочий», поскольку такое деяние охватывается составами злоупотребления властью или служебными полномочиями либо их превышения, а также бездействия должностного лица (стст. 424–426 УК).

При увеличении квалификационного (минимального обязательного) ущерба в ст. 216 УК до крупного (250 БВ) для обеспечения неотвратимости уголовной ответственности нами предлагается исключить причинение имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 УК) из перечня деяний, которые влекут уголовную ответственность лишь при наличии выраженного в установленном уголовно-процессуальным законом порядке требования, для чего исключить п. 19 из ч. 1 ст. 33 УК, а указание на ч. 1 ст. 216 УК – из ч. 2 ст. 26 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, содержащей перечень дел частного обвинения,

и осуществлять уголовное преследование и обвинение в суде по всем уголовным делам о причинении имущественного ущерба без признаков хищения (чч. 1 и 2 ст. 216 УК) в публичном порядке.

С учетом этого предлагается сформулировать ст. 216 УК следующим образом:

«1. Умышленное причинение ущерба в крупном размере с корыстной целью посредством извлечения имущественных выгод для себя или близких в результате обмана, злоупотребления доверием или путем модификации компьютерной информации при отсутствии признаков хищения или других преступлений, связанных с причинением имущественного ущерба (причинение имущественного ущерба без признаков хищения) –

наказывается...

2. Причинение имущественного ущерба без признаков хищения, совершенное группой лиц по предварительному сговору либо в особо крупном размере, –

наказывается...».

Реализация законодателем сформулированных предложений позволит восполнить недостающие элементы в системе охраны отношений собственности в Республике Беларусь, будет способствовать реализации мероприятий Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (утв. Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672).

УДК 343

В.Э. МАНЕЦ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – О.Н. Иванчина, кандидат философских наук, доцент

ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКА И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В уголовном законе Республики Беларусь присутствуют определения преступлений, направленных против личной свободы. Объектом посягательства в них выступает свобода человека. В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК РБ) есть две статьи, касающиеся данного объекта, – «Похищение человека» (ст. 182) и «Захват заложника» (ст. 291). Так как они имеют один и тот же объект, то возникают сложности с правильной квалификацией преступных деяний, направленных против свободы человека.

Вопрос отграничения похищения человека от захвата заложника является важным, так как «для того чтобы правильно квалифицировать преступное деяние, необходимо четко представлять себе разграничительные линии между смежными составами преступлений. Устанавливая свойственные только данному деянию признаки, отбрасывая те признаки, которые этому деянию не присущи, постепенно углубляя анализ соответствующей правовой нормы и фактических обстоятельств содеянного, правоприменитель приходит к единственной совокупности признаков, характеризующих данное преступление, отличающих его от других» [1]. В ст. 182 УК РБ утверждается, что похищение человека может быть как тайным, так и открытым, может осуществляться с использованием обмана, злоупотребления доверием. Похищение не обязательно включает в себя применение насилия или угрозу его применения, но может быть осуществлено с применением различных форм

принуждения или обмана. Это деяние не имеет признаков преступления, предусмотренного ст. 291 УК РБ.

Ст. 291 УК РБ гласит, что захват заложника соединяется с угрозой его убийства, причинения ему телесных повреждений или дальнейшего удержания этого лица, в целях принудить государственный орган, международную организацию, юридическое или физическое лицо или группу лиц совершить (или не совершить) какое-либо действие как условие освобождения заложника. Сами заложники – это, как правило, случайные жертвы преступления. Ими могут стать служащие или клиенты банка, покупатели в ювелирном магазине, пассажиры самолета, случайные прохожие и т.д. Единственное, что объединяет этих людей, – все они находятся на месте преступления и используются преступником для достижения своих целей с применением насилия или угроз. Закон Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом», (от 3 января 2002 г. № 77-3) относит захват заложника к преступлениям террористического характера.

В вопросе отграничения похищения человека и захвата заложника важно анализировать не только основной, но и дополнительный объект. При захвате заложника дополнительным объектом преступления является физическая свобода лица. При похищении человека свобода выступает как основной объект преступления [1]. Главной целью посягательства при захвате заложника является общественная безопасность, а при похищении – физическая свобода человека.

Есть свои отличия между указанными видами преступлений и в объективной стороне. Свобода заложника зависит от выполнения требований преступника, направленных к государственным органам или физическим лицам. Это открытые действия террориста. При похищении человека объективной стороной может быть не только открытое, но и тайное или с помощью обмана завладение человеком, его удержание, перемещение помимо его воли в другое место. Захват заложника и похищение человека являются длящимися преступлениями с формальным составом, так как они считаются оконченными с момента захвата или удержания лица в качестве заложника, т.е. с момента фактического лишения свободы независимо от продолжительности периода несвободы [2].

Существенное отличие похищения человека от захвата заложника заключается также в цели преступления. Она может быть различной. Это могут быть как месть, так и понуждение пострадавшего к выполнению каких-либо обещаний перед виновным и др. Что касается захвата заложника, то преступник осознает, что незаконно захватил другого человека, ничего ему лично не должного, в качестве средства в целях понуждения государства или гражданина совершить какое-либо действие.

Также на практике возникают проблемы при разграничении похищения человека из корыстных побуждений (п. 3 ч. 2 ст. 182 УК РБ) и захвата заложника по этим же мотивам (п. 7 ч. 2 ст. 291 УК РБ). Похищение человека, совершенное из корыстных побуждений, имеет место в тех случаях, когда мотивом совершения этого преступления явилось получение материальной выгоды для виновного или других лиц [3]. А при захвате заложника требования, указанные выше, направлены не к захваченному лицу, а к другим лицам, указанным в ст. 291 УК РБ.

Исходя из изложенного выше, можно сделать вывод о том, что на практике нередко действиями лица, совершившего преступление, присваивают неверную квалификацию, что создает дополнительные трудности для судопроизводства. Также следует обратить внимание на нормы, которые предусматривают ответственность как за похищение человека, так и за захват заложника. При этом общей необходимо признать норму, содержащуюся в ст. 182 УК РБ, а специальной – в ст. 291 УК РБ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Разграничение захвата заложника и похищения человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/9495>. – Дата доступа: 21.09.2016.
2. Уголовное право [Электронный ресурс] // Институт экономики и права Ивана Кушнера. – Режим доступа: http://be5.biz/ugolovnoe_pravo/pohischenie_cheloveka.html. – Дата доступа: 21.09.2016.
3. Захват заложника: состав и разграничение с иными смежными составами преступлений [Электронный ресурс] // Международная Ассоциация Содействия Правосудию. – Режим доступа: <http://www.iauaj.net/node/1073>. – Дата доступа: 21.09.2016.

УДК 343

А.Р. РАМАШЕВСКАЯ

Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Научный руководитель – В.С. Соркин, кандидат юридических наук, доцент

ПОНЯТИЕ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ПРОБЛЕМА ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Соглашение с правосудием уже давно получило распространение во многих странах мира. Самый распространенный тип соглашения с правосудием представляет собой заключение договора с прокуратурой, в соответствии с которым прокуратура снимает с обвиняемого часть обвинений или меняет квалификацию преступления на менее тяжкое в обмен на признание обвиняемым своей вины.

27 января 2015 г. вступил в силу Закон Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) от 5 января 2015 г. № 241-З (далее – Закон. Так, в разд. XIV УПК, предусматривающий особенности производства по отдельным категориям уголовных дел, введена новая глава 49-1 «Производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве» (стст. 468-5–468-12).

Суть такого соглашения отражена в п. 4-1 ст. 6 УПК Республики Беларусь и заключается в том, что досудебное соглашение о сотрудничестве – соглашение, заключаемое в письменном виде между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором, в котором определяются обязательства подозреваемого (обвиняемого) по оказанию содействия предварительному следствию и условия наступления ответственности подозреваемого (обвиняемого) при выполнении им указанных обязательств.

Начальным этапом заключения досудебного соглашения о сотрудничестве является подача подозреваемым или обвиняемым ходатайства в письменном виде на имя прокурора. Указанное ходатайство подписывается подозреваемым или обвиняемым, его защитником, а если подозреваемый или обвиняемый является несовершеннолетним лицом, то данное ходатайство также подписывается его законным представителем.

В ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемый (обвиняемый) заявляет о признании своей вины в совершении преступления, указывает действия, которые он обязуется совершить в целях оказания

содействия предварительному следствию в расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, приобретенного преступным путем, а также действия по возмещению имущественного ущерба, уплате дохода, полученного преступным путем, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением. Подозреваемый (обвиняемый) также дополнительно может взять на себя обязательство сообщить известные ему сведения о других преступлениях и лицах, их совершивших.

Далее, согласно УПК, по результатам рассмотрения прокурор или его заместитель принимают одно из следующих решений:

- об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, на основании которого составляется указанное соглашение;
- об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, о чем выносят постановление.

Постановление прокурора или его заместителя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обжалованию не подлежит.

Проанализировав различные публикации, посвященные досудебному соглашению о сотрудничестве, можно выделить наиболее дискуссионные и широко обсуждаемые вопросы этой проблематики: определение периода, в течение которого можно заключить соглашение; роль прокурора в данной процедуре; возможность заключения соглашения о сотрудничестве с обвиняемым, если по своему уголовному делу он привлекается к ответственности один, в отсутствие соучастников; возможность заключения досудебного соглашения при производстве дознания; обеспечение прав потерпевшего и учет его мнения; целесообразность включения условия о полном возмещении ущерба потерпевшему при заключении досудебного соглашения и др. [1, с. 36].

Законодатель определил цель досудебного соглашения о сотрудничестве – содействие в раскрытии и расследовании преступлений, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого преступным путем. Остаются неясными следующие моменты: ставится под сомнение то, что при добросовестном совершении подозреваемым или обвиняемым действий, указанных в соглашении о сотрудничестве, прокурор объективно оценит в дальнейшем характер и пределы содействия следствию, а также то, что далеко не всегда можно сделать вывод о том, достигнут ли положительный результат вследствие выполнения соглашения или по иным причинам. Если же сведения, сообщаемые подозреваемым или обвиняемым, не могли по объективным основаниям быть проверены сразу уголовно-процессуальными средствами, а требовали предварительного проведения оперативно-розыскных мероприятий, то ситуация осложняется в еще большей степени, поскольку дела оперативного учета защитнику недоступны [2, с. 14].

Не вполне логичным, учитывая тенденцию к ограничению прокурорского надзора за следствием, выглядит закрепление за прокурором ключевой роли в заключении соглашения о сотрудничестве. Логичнее, как представляется, заключать соглашение со следователем или руководителем следственного органа, а прокурор, осуществляя надзор, должен соглашаться или не соглашаться направлять дело в суд с данным соглашением [3, с. 8].

В целом следует отметить, что процедура досудебного соглашения о сотрудничестве может стать весьма эффективным способом быстрого раскрытия преступлений, а соответственно, и защиты прав и законных интересов лиц, как

потерпевших, так и обвиняемых и подозреваемых в совершении преступлений. И хотя уголовно-процессуальная практика расширилась с момента введения в действие института, тем не менее говорить о досудебном соглашении о сотрудничестве как об институте, занимающем одно из значимых мест в уголовном судопроизводстве, пока не приходится [2, с. 17].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шаталов, А. С. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: правовая регламентация, достоинства и недостатки / А. С. Шаталов // Журн. рос. права. – 2010. – № 5.
2. Шаталов, А. С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учеб. пособие / А. С. Шаталов. – М. : 2008. – 395 с.
3. Сумин, А. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: всё ли так гладко? / А. А. Сумин // Уголов. процесс. – 2009. – № 12.

УДК 343

Я.А. ШОСТАК

Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Научный руководитель – В.С. Соркин, кандидат юридических наук, доцент

СТАДИЯ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА (ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ, СУЩНОСТЬ)

Закон Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» внес существенные поправки сразу в четыре действующих кодекса. Самые существенные изменения внесены в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК): осуществлен переход от кассационной формы рассмотрения жалоб и протестов на не вступившие в законную силу приговоры к апелляции, введены положения, предусматривающие развитие института ускоренного производства в уголовном процессе.

Основной новеллой законопроекта является введение в уголовный процесс вместо кассационной инстанции института апелляционного производства с соответствующим существенным расширением компетенции суда второй инстанции. В этих целях в новой редакции изложен раздел УПК, посвященный вопросам пересмотра судебных решений, не вступивших в законную силу.

Для участников процесса это означает, что увеличивается объем полномочий суда по исследованию доказательств на данной стадии рассмотрения дела, а также по корректировке состоявшихся судебных решений непосредственно судом апелляционной инстанции, в т.ч. и в сторону ухудшения положения обвиняемого. В то же время в целях предоставления дополнительных гарантий обвиняемому законодательно закрепляется принцип недопустимости подобного ухудшения при отсутствии прокурорского протеста или жалобы потерпевшего об этом.

В соответствии с ч. 5 ст. 115 Конституции Республики Беларусь стороны и лица, участвующие в процессе, имеют право на обжалование решений, приговоров и других судебных постановлений. Международный Пакт о гражданских и политических правах (п. 5 ст. 14) и Европейская Конвенция о защите прав человека и основных

свобод (ст. 2 Протокола № 7 к Конвенции) предусматривают право каждого осужденного за совершение уголовного преступления на то, чтобы вынесенный в отношении его приговор или определенное ему наказание были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией.

Пересмотр судебных решений не только обеспечивает конституционные права потерпевших, обвиняемых и иных лиц, вовлеченных в судопроизводство, но и служит публичным интересам правосудия. Государство заинтересованно в том, чтобы каждый постановленный приговор основывался на материалах уголовного дела, был законным и справедливым [1, с. 36].

Так что же представляет собой апелляция? Апелляция (обращение, воззвание) в классическом виде – это пересмотр вышестоящей судебной инстанцией в пределах жалоб, поданных сторонами, не вступившего в законную силу приговора путем повторного рассмотрения дела по существу в условиях состязательности с непосредственным исследованием всех необходимых доказательств и постановлением нового приговора, заменяющего собой приговор нижестоящего суда. Предметом апелляционного пересмотра являются как вопросы факта (объем обвинения, виновность лица в совершении преступления), так и вопросы права (квалификация преступления и мера наказания). Объем исследования доказательств (как ранее рассмотренных в суде первой инстанции, так и новых) определяется по ходатайству сторон либо усмотрению суда [2, с. 53].

Нормативное регулирование – гл. 39 УПК.

В апелляционном производстве суд второй инстанции обладает максимально широкими полномочиями по внесению в приговор суда первой инстанции необходимых корректировок и, как следствие, окончательному разрешению уголовного дела по существу. Нормы, изложенные в стст. 378–389, ч. 2 ст. 391 УПК Республики Беларусь, дают все основания для весьма широкого истолкования пределов пересмотра. Кто вправе обжаловать приговор суда первой инстанции: обвиняемый, защитник обвиняемого, законный представитель обвиняемого, потерпевший, частный обвинитель, представители потерпевшего и частного обвинителя, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители (могут обжаловать приговор в части, относящейся к гражданскому иску), обвиняемый, оправданный судом (вправе обжаловать оправдательный приговор в части мотивов и оснований оправдания) [3, с. 5].

К законодательным новеллам следует отнести изменения в ч. 7 ст. 385 УПК Республики Беларусь, а именно: при рассмотрении уголовного дела суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе также вправе исследовать доказательства, имеющиеся в уголовном деле, которые не были исследованы судом первой инстанции, и дать им оценку, если для этого не требуется проведения судебного разбирательства по первой инстанции; дать оценку доказательствам, исследованным судом первой инстанции, но не получившим оценку в приговоре, если для этого не требуется проведения судебного разбирательства по первой инстанции. Также следует отметить, что в случаях заслушивания судом апелляционной инстанции объяснений обвиняемого, потерпевшего, частного обвинителя, разъяснений свидетелей, экспертов, специалистов по существу данных ими показаний или заключений в суде первой инстанции, а равно исследования дополнительных материалов ход судебного заседания фиксируется с использованием средств аудио- и (или) видеозаписи с приобщением носителей соответствующей информации к материалам уголовного дела (п. 11 ч. 7 ст. 375 УПК).

Введение апелляционного производства в систему судов общей юрисдикции, на наш взгляд, должно положительно отразиться на организации их работы, будет способствовать сокращению количества уголовных дел, направляемых на новое рассмотрение, удешевлению правосудия, повышению его оперативности. Создание более эффективного правового механизма исправления судебных ошибок станет важным фактором, влияющим на укрепление доверия граждан к органам судебной власти, а также сможет обеспечивать внедрение общепризнанных международных стандартов в осуществлении правосудия [1, с. 43].

Можно сделать вывод о том, что одной из основных задач реформирования института пересмотра судебных решений, не вступивших в законную силу, является выработка оптимальной для национального правосудия модели апелляционного производства, которая учитывала реальную ситуацию не только в судебной системе, но и в государстве в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцева, Л. Л. Перспективы введения апелляционного производства в уголовное правосудие Республики Беларусь / Л. Л. Зайцева // Суд. весн. – 2014. – № 4. – С. 36–43.
2. Зайцева, Л. Л. Апелляция в уголовном процессе: исторический, зарубежный и национальный опыт / Л. Л. Зайцева // Суд. весн. – 2012. – № 4. – С. 52–57.
3. Калинкович, В. Л. Основные новеллы Закона Республики Беларусь от 5 января 2016 г. / В. Л. Калинкович // Суд. весн. – 2016. – № 1. – С. 3–7.

СЕКЦИЯ 1
УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.9:343.352

А.П. БАБИКОВ

Украина, Харьков, НЮУ имени Я. Мудрого

Научный руководитель Ю.В. Гродецкий, кандидат юридических наук, доцент

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПЕТРА I

Усиление абсолютизма при российском императоре Петре I было связано с созданием большого административного аппарата. Это вызвало распространение коррупции [1, с. 22]. Однако Петр I с самого начала своего правления вел серьезную борьбу с этим явлением. 24 ноября 1699 г. он издал именной указ «О наказании посадских людей за взятки съ выбранных ими людей къ таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ», где установил смертную казнь за взяточничество. Причем такое наказание применялось «... и темъ людемъ, которые взяли деньги, и которые имъ те деньги дали...» [2, с. 671]. Это первый случай, когда в законодательстве была предусмотрена конкретная мера наказания за активный коррупционный подкуп. В предыдущем законодательстве – Судебниках 1497 и 1550 гг. – был лишь установлен запрет активного коррупционного подкупа без указания на санкцию. Кроме того, данный указ является тем законодательным актом, в котором впервые введена новая терминология: предмет коррупционного подкупа получает обобщенное название «взятка».

24 декабря 1714 г. Петр I издал еще один достаточно интересный именной указ «О воспрещении взятокъ и посуловъ и о наказании за оное», где были предусмотрены такие запреты: «... запрещается всемъ чинамъ, которые у дель приставлены великихъ и малыхъ духовныхъ, военныхъ, гражданскихъ, политическихъ, купецкихъ, художественныхъ и прочихъ, какое звание оные ни имеютъ, дабы не дерзали никакихъ посуловъ казенныхъ и съ народа собираемыхъ денегъ брать, торгомъ, подрядомъ и прочими вымыслы, какого бъ звания оные и манера не были, ни своимъ, ни постороннимъ лицомъ, кроме жалованья...». За нарушение этого запрета предполагалась такая ответственность: «... тотъ весьма жестоко на теле наказанъ, всего имения лишень, шельмованъ, и изъ числа добрыхъ людей извержень, или и смертию казненъ будетъ» [3, с. 135; 136].

Этим документом вводятся достаточно значительные новации. Во-первых, максимально широко определен круг получателей взятки – это все чины, причем указаны не только государственные служащие, но и служащие «купецкихъ, художественныхъ и прочихъ» независимо от звания. Впервые запрет взяточничества распространяется не только на государственную сферу, но и на всю сферу управления независимо от ее принадлежности. Во-вторых, максимально широко определен предмет преступления – это не только посулы и деньги, указание на которые встречается и ранее в законодательстве. Запрещается брать «торгомъ, подрядомъ и прочими вымыслы». Иными словами, взятка не ограничивается конкретными видами, но тот приблизительный перечень, который приведен в указе, дает основания утверждать, что она должна иметь имущественный характер в любой своей форме. В-третьих, предусмотрена альтернативная санкция, которая наряду со смертной казнью устанавливает и менее строгие виды наказаний. В-четвертых, полностью отменяются любые проявления кормления, а служащие должны получать лишь «жалованье».

Следовательно, именной указ Петра I «О воспрещении взятокъ и посуловъ и о наказании за оное» 1714 г. устанавливает по-настоящему фундаментальные новации, которые направлены на борьбу с любыми проявлениями коррупции во всех сферах общественных отношений.

Особое внимание Петр I всегда уделял военной сфере. В 1716 г. был утвержден Воинский устав, который был одним из основных документов реформы правовой системы. Составной частью Воинского устава являлся военно-уголовный кодекс – Артикул воинский, который имел 209 статей с кратким их толкованием. В арт. 184 была предусмотрена ответственность за взяточничество: «Ежели кто подарковъ, прибыли или ползы себе ради, чрезъ карауль кого пропустить, где не надлежитъ пропускать, онаго надлежитъ повесить» [4, с. 170]. Особенностью этой нормы было уточнение санкции за коррупционные деяния в воинской сфере, а именно указание на конкретный вид смертной казни – «онаго надлежитъ повесить».

Сенатским указом «О разныхъ Государственныхъ сборахъ, о наказании хищниковъ за взятки лишениемъ имения и живота» от 22 июня 1720 г. была уточнена ответственность за коррупционные деяния: за активный и пассивный коррупционный подкуп в государственной сфере устанавливалось наказание – «имение ихъ движимое и недвижимое отписывать на Великого Государя, а ихъ казнить смертию», а такие же «партикулярные погрешения..., которые не касаются интересовъ Государственныхъ и всего народа: оставляются на старыхъ штрафахъ...» [5, с. 207]. Из этих положений следуют следующие выводы:

- законодатель уже в те времена имел четкое представление о существовании коррупционного подкупа в двух различных сферах – государственной и негосударственной;

- общественная опасность этих деяний оценивалась по-разному: коррупционный подкуп в государственной сфере считался намного более опасным по сравнению с тем же деянием в негосударственной сфере.

Таким образом, законодательство Петра I внесло значительный вклад в формирование правовой базы для борьбы с коррупцией, основными моментами которого было:

- впервые предусмотрена ответственность (смертная казнь) за активный коррупционный подкуп;

- впервые запрет взяточничества распространяется не только на государственную сферу, но и на всю сферу управления независимо от ее принадлежности;

- впервые применен дифференцированный подход для определения ответственности за коррупционный подкуп: в государственной сфере такое деяние считалось более общественно опасным, в связи с чем санкция предусматривала смертную казнь с конфискацией всего имущества, в негосударственной сфере реализована иная позиция – санкция предусматривала только штрафы;

- впервые взятка определена максимально широко, но при этом она имеет имущественный характер;

- впервые введена новая терминология: предмет коррупционного подкупа получает обобщенное название «взятка»;

- установлена альтернативная санкция за коррупционные деяния, которая наряду со смертной казнью предусматривала и менее строгие виды наказаний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – М. : Юрид. лит., 1984–1994. – Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. – М. : Юрид. лит., 1986. – 512 с.
2. Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. – СПб. : Тип. II отд-я собств. Его Император. Величества канцелярии, 1826–1830. – Т. 3 : Томъ III (1689–1699). – 1830. – 690 с.
3. Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. – СПб. : Тип. II отд-я собств. Его Император. Величества канцелярии, 1826–1830. – Т. 5 : Томъ V (1713–1719). – 1830. – 780 с.
4. Устав воинский. – СПб. : Император. Акад. Наук, 1789. – 254 с.
5. Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. – СПб. : Тип. II отд-я собств. Его Император. Величества канцелярии, 1826–1830. – Т. 6 : Томъ VI (1720–1722). – 1830. – 815 с.

УДК 343

В.С. БЕЛЬСКАЯ

Симферополь, КЮИ (ф) АГП РФ

Научный руководитель – В.А. Робак, кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ И ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Для того чтобы правильно квалифицировать деяние, предусмотренное ст. 206 Уголовного Кодекса РФ (далее УК РФ), практическим работникам необходимо учитывать ряд особенностей, присущих данному преступлению.

При квалификации захвата заложника одной из особенностей является то, что данное преступление может происходить в процессе совершения преступления, предусмотренного иной статьей УК РФ, например, разбоя, побега из мест лишения свободы и т.д. Данная ситуация возникает в том случае, если виновный начал совершать какое-либо преступление, но в последующем, ввиду неблагоприятных для преступника обстоятельств, он вынужден совершить действие, связанное с захватом заложника, например, с целью удержать похищенное имущество либо получить возможность скрыться, выехать за пределы государства; в таких случаях действия виновного лица необходимо квалифицировать по совокупности преступлений. К примеру, если в действиях лица имеются признаки и вымогательства, и захвата заложника, содеянное должно квалифицироваться по стст. 163 и 206 УК РФ, т.е. по совокупности преступлений.

Если в процессе совершения захвата заложников имело место соучастие, т.е. преступление совершалось двумя или более лицами, для того чтобы правильно квалифицировать деяние, необходимо разграничивать виды преступных групп, предусмотренные в ст. 35 УК РФ: группа лиц без предварительного сговора, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество.

Для правильной квалификации преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ следует учесть то, что необходимо разграничивать схожие с ним составы преступлений.

Близким к захвату заложника является терроризм. С одной стороны захват заложников является преступлением террористической направленности, однако непосредственно в данных составах преступлений имеются следующие отличия: по объективной стороне – при терроризме – совершение взрыва и иных действий, при захвате заложников – захват или удержание лица. Также прослеживается отличие между вышеуказанными преступлениями по квалифицирующим признакам: посягательство на объекты использования атомной энергии либо использование ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения, предусмотренные в качестве особо квалифицирующих признаков терроризма. И наоборот, при терроризме не являются квалифицирующими такие признаки, как применение насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении несовершеннолетних, беременной женщины, двух или более лиц, а также из корыстных побуждений или по найму.

Нельзя не отметить сходство между захватом заложника, незаконным лишением свободы и похищением человека, но все же имеются некоторые различия между данными преступлениями, которые позволяют правильно квалифицировать преступные деяния: наличие при захвате заложника либо отсутствии при незаконном лишении свободы и похищении человека воздействия на третьих лиц для выполнения этими лицами требований захватчиков; при похищении человека и незаконного лишения свободы имеет место заинтересованность виновных в личности похищенного, при захвате заложника такой заинтересованности нет, т.к. заложник выступает в качестве средства достижения цели преступников.

Сходными признаками с захватом заложника имеет угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а также захват такого судна или состава с целью его угона. При угона судна в качестве заложников оказываются члены экипажа, а иногда и пассажиры. Нередко угон или захват с целью угона судна является продолжением захвата заложников.

Родовым объектом данного преступления является общественная безопасность и общественный порядок, как и при захвате заложников. Непосредственный объект – общественные отношения в сфере функционирования воздушного, водного или железнодорожного транспорта. Предметом данного состава преступления выступают: воздушные суда, водные суда, а также железнодорожный транспорт. Таким образом, отличие состава угона воздушного или водного судна, а также подвижного железнодорожного состава от захвата заложника производится по непосредственному объекту преступления, а также по наличию предмета преступления в составе, предусмотренном ст. 211 УК РФ.

Квалификация действий лиц, связанных с захватом заложников, представляет определенные трудности для практических работников. На практике возникает множество ошибок из-за пробелов в законодательстве по данному вопросу, в связи с этим необходимо более подробное его изучение, а также детальное разъяснения на уровне Постановления Пленума Верховного Суда. Анализ захвата заложника и иных смежных с ним преступлений необходим для того, чтобы при квалификации не допустить ошибки и вменить виновному лицу справедливое наказание.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. / А. В. Бриллиантов [и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова ; Рос. акад. Правосудия. – 2-е изд. – М. : Проспект, 2015. – Т. 1. – 2015. – 792 с.

2. Резепкин, О. Ю. Особенности квалификации преступлений, посягающих на свободу человека / О. Ю. Резепкин // Закон и право. – 2011. – № 3. – С. 35–38.

3. Дуюнов, В. К. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / В. К. Дуюнов, П. В. Агапов, С. Д. Бражник. – 4-е изд. – М. : РИОР : НИЦ : ИНФРА-М, 2015. – 695 с.

4. Уголовное право РФ. Особенная часть : учебник / Л. В. Иногамова-Хегай [и др.] ; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. – М. : ИНФРА-М, 2013. – 352 с.

УДК 343

А.С. БИЗИКИНА

Уфа, БашГУ

Научный руководитель – М.Б. Кострова, кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ РОССИЙСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ С УЧЕТОМ БЕЛОРУССКОГО ОПЫТА

В Уголовном кодексе РФ 1996 г. (далее – УК РФ) в ст. 106 содержится привилегированный состав убийства: «Убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости». Наказание за этот вид убийства установлено существенно более мягкое, в частности, максимальный срок лишения свободы – 5 лет, что в 3 раза меньше, чем за простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ), а соотносительно с квалифицированным убийством (ч. 2 ст. 105 УК РФ) меньше в 4 раза. Специфика данного состава преступления заключается, прежде всего, в «специальном» потерпевшем [1, с. 45], каковым является новорожденный ребенок, и в специальном субъекте преступления, в качестве которого признается его мать. Но как справедливо указывается в уголовно-правовой литературе, эта специфика совсем не объясняет причины того, что существеннейшим образом смягчена уголовная ответственность женщине, убившей своего новорожденного ребенка, в связи с чем высказываются обоснованные сомнения в правильности законодательной позиции и предлагаются различные варианты по изменению нормы об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка [2, с. 450, 453–458].

На наш взгляд, это вызвано неудачностью законодательной конструкции диспозиции ст. 106 УК РФ. В ней предусмотрен один состав убийства матерью новорожденного ребенка с четырьмя альтернативными признаками, три из которых относятся к объективной стороне состава преступления, а один – к субъекту преступления. Альтернативность указанных признаков состава убийства матерью новорожденного ребенка означает, что для признания общественно опасного деяния преступлением достаточно одного из них. И как видим, уголовный закон не связывает факт убийства с обязательной обусловленностью его совершения под влиянием психофизиологических процессов, происходящих в организме женщины во время родов и в послеродовой период. Соответственно складывается и квалификационная практика, по результатам изучения которой нами выделены две проблемы.

Проблема 1. Анализ 23 судебных решений показал, что самой распространенной является квалификация содеянного по ст. 106 УК РФ при наличии единственного из

альтернативных признаков состава убийства матерью новорожденного ребенка, причем в качестве такового в подавляющем большинстве случаев выступает совершение его сразу же после родов (19), значительно реже – в условиях психотравмирующей ситуации (2); единичны случаи квалификации по ст. 106 УК РФ при наличии двух альтернативных признаков состава преступления – «сразу же после родов в условиях психотравмирующей ситуации» (1) либо трех – «сразу же после родов, в условиях психотравмирующей ситуации и в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости» (1). И даже при признании наличия психотравмирующей ситуации ее обусловленность именно родами, как правило, не прослеживается: основаниями возникновения психотравмирующей ситуации суды признают боязнь осуждения со стороны родственников и знакомых, финансовые затруднения, но чаще всего – поведение мужчины, от которого женщина ожидает ребенка. В обоснование наличия психотравмирующей ситуации приводятся, например, следующие формулировки: «... находясь в состоянии эмоционального напряжения, вызванного условиями длительной психотравмирующей ситуации, обусловленной непризнанием отцовства, страхом осуждения со стороны родственников, не имея достаточных средств для содержания ребенка...» [3]; «... находясь в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной продолжительным негативным и дискомфортным состоянием, сопровождающимся психической напряженностью в сфере семейно-бытовых отношений...» [4]; «... Буслаева С.В. находилась на девятом месяце беременности и данную жизненную ситуацию представляла как крайне тяжелую психотравмирующую, поскольку у нее на иждивении находились дети ФИО 4..., имеющий первую группу инвалидности в связи с онкологическим заболеванием,... и ФИО 5...» [5]. Кроме того, примеры из практики свидетельствуют о том, что многие из осужденных заранее планировали совершение убийства своего новорожденного ребенка, не делали аборт, на учет в женскую консультацию не вставали, за квалифицированной медицинской помощью не обращались, а расчетливо и хладнокровно 9 месяцев ждали, когда ребенок появится на свет, чтобы убить его.

Проблема 2 – как продолжение первой. Один лишь «статус» матери новорожденного ребенка ведет к невозможности квалификации содеянного в подобных указанных выше ситуациях по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство с особой жестокостью). С учетом правил конкуренции привилегированного и квалифицированного составов преступлений содеянное должно квалифицироваться по ст. Особенной части, содержащей привилегированный состав, хотя обстоятельства, свидетельствующие о проявлении особой жестокости, имеют место. Например, «... Ваганова... с целью убийства новорожденного ребенка, сразу же после родов, положила его на тлеющие угли в металлической печи, расположенной в вагончике, и закрыла дверцу топки. В результате... новорожденному ребенку были причинены термические ожоги пламенем 100 % поверхности тела 3б-4 степени, от которых наступила его смерть...». Признав Ваганову виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, суд назначил ей наказание в виде 2 лет лишения свободы [6]. По той же причине содеянное невозможно квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК (убийство двух или более лиц). Так, действия вышеупомянутой С.В. Буслаевой, которая последовательно убила двоих своих новорожденных детей, были квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных стст. 106 и 106 УК РФ, наказание ей назначено в виде лишения свободы сроком на 3 г. и 4 месяца. Содеянное не может быть квалифицировано и по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство малолетнего, заведомо для виновного находящегося в беспомощном

состоянии, поскольку, хотя новорожденный и является таковым, одновременно он признан «специальным» потерпевшим и включен в привилегированный состав убийства. Однако все эти льготы представляются нам неуместными с учетом реалий материнской преступности и складывающейся судебной практики, описанных выше.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что законодательная конструкция состава убийства матерью новорожденного ребенка в УК РФ не позволяет в полной мере дифференцировать ответственность за убийство в зависимости от степени его общественной опасности и индивидуализировать наказание.

В качестве одного из путей решения выявленных российских проблем может быть предложено заимствование зарубежного опыта, в частности, белорусского. В Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК РБ) тоже включен анализируемый привилегированный состав убийства, но сформулирован он в ст. 140 УК РБ по-иному: «Убийство матерью своего ребенка во время родов или непосредственно после них, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами». Таким образом, в диспозиции ст. 140 УК РБ отражена связанность особого подхода к уголовной ответственности матери, убившей своего новорожденного ребенка, с обязательным ее нахождением в условиях психотравмирующей ситуации, которая, в свою очередь, жестко обусловлена единственно причиной – родами.

Соответственно, квалификационная практика, подобная российской, исключается: при отсутствии психотравмирующей ситуации, вызванной родами, суды Республики Беларусь квалифицируют убийство матерью своего ребенка во время родов или непосредственно после них не по ст. 140, а по п. 2 ч. 2 ст. 139 УК РБ, т.е. как убийство заведомо малолетнего лица, находящегося в беспомощном состоянии [7; 8]. Наказание за эти преступления, в отличие от России, назначается более адекватное содеянному, в частности, в виде 10 лет лишения свободы [7; 8].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фаргиев, И. А. Учение о потерпевшем в уголовном праве России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. / И. А. Фаргиев. – М., 2005. – 403 л.
2. Лопашенко, Н. А. Убийства : монография / Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 544 с.
3. Приговор Пролетарского районного суда г. Тулы от 17 декабря 2013 г. по делу № 1-292/2013 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc>. – Дата доступа: 12.10.2016.
4. Приговор Труновского районного суда Ставропольского края от 7 сентября 2012 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc>. – Дата доступа: 12.10.2016.
5. Приговор Ясногорского районного суда Тульской области от 8 августа 2011 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc>. – Дата доступа: 12.10.2016.
6. Приговор суда района имени Полины Осипенко Хабаровского края от 12 сентября 2016 г. по делу № 1-28/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc>. – Дата доступа: 12.10.2016.
7. Судом апелляционной инстанции Верховного Суда приговор в отношении матери, убившей 12 лет назад своего новорожденного ребенка, оставлен без изменения. Информация от 16.08.2016 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-

портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=223463>. – Дата доступа: 15.10.2016.

8. За убийство своего новорожденного ребенка женщина осуждена к 10 годам лишения свободы. Информация от 30.03.2007 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=10626#doc>. – Дата доступа: 15.10.2016.

УДК 343.2/.7

А.В. БОГАТКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Вопрос уголовной ответственности юридических лиц, которые могут рассматриваться в качестве субъектов преступления, для уголовного права новым не является.

В истории отечественного уголовного законодательства известны некоторые случаи уголовной ответственности юридических лиц, которые можно отнести к примерам коллективной ответственности. Так, ст. 561 Уложения 1845 г. была предусмотрена уголовная ответственность сообщества, в котором сокрылся преступник (военный беглец).

В уголовном законодательстве Франции, сохранившем многие черты средневекового французского права, юридическое лицо признается субъектом преступления. Уголовная ответственность юридических лиц не исключает ответственности конкретных граждан за виновные действия, связанные с нарушением действующего уголовного законодательства. В ст. 121-2 УК Франции сказано, что, за исключением государства, юридические лица несут уголовную ответственность. Система уголовных наказаний, применяемых к юридическим лицам, достаточно разработана. Ст. 131-39 УК Франции содержит перечень видов наказаний, которые применяются к данным субъектам: ликвидация юридического лица; запрещение – окончательное или на срок профессиональной или общественной деятельности; конфискация предмета, используемого для совершения преступления; афиширование принятого судебного постановления; закрытие – окончательное или на срок соответствующих предприятий и заведений и др. Чаще всего за совершенные преступления к юридическим лицам применяется уголовное наказание в виде штрафа, который предусмотрен в ст. 131-37 данного УК, при этом ст. 131-38 предусматривает максимальный размер штрафа для юридических лиц: он равен пятикратному размеру штрафа, предусмотренному законом для физических лиц [1].

Сторонники уголовной ответственности юридических лиц в других странах ее применение объясняют тем, что угроза ответственности уголовного характера делает более строгим внутренний контроль в коммерческих структурах и предприятиях (это усилит их заинтересованность в соблюдении требований закона, даже вопреки экономическим интересам), а риски нанести урон и репутации помогут менеджерам справиться с соблазном обойти закон.

В Республике Беларусь юридические лица уголовной ответственности не несут. За ущерб, причиненный их деятельностью, могут нести ответственность должностные лица и другие работники предприятий, учреждений, организаций [2].

По общему мнению, введение уголовной ответственности к юридическим лицам применять нет смысла, такую организацию следует распустить и наказать тех лиц, которые были причастны к уголовному правонарушению. А другие лица, которые состояли в коммерческой организации и не могли и не должны были предусмотреть те действия, которые совершили те или иные члены данной коммерческой организации, не должны подвергаться уголовной ответственности. Логично, что ответственность несут только те люди, которые причастны к этому правонарушению – это соответствует принципам, закрепленным в ст. 3 УК Республики Беларусь: справедливости и принцип личной виновной ответственности [3]. Однако практика административного законодательства, имеющего некоторые общие с уголовным правом черты, в свою очередь, показывает эффективность института ответственности юридических лиц.

Особенно актуальным становится вопрос об уголовной ответственности юридических лиц в Республике Беларусь, затрагивающий широкую область общественных отношений, который необходимо вынести на рассмотрение научного сообщества и практиков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никифоров, А. С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности / А. С. Никифоров. – 2-е изд. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. – 204 с.
2. Кузнецова, Н. Ф. Курс уголовного права. Общая часть : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М. : Зерцало-М, 2002. – Т. 1. – 624 с.
3. Уголовный кодекс Респ. Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : по состоянию на 2 сент. 2015 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 320 с.

УДК 343.213.3

О.А. БОЙКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ: ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Действие уголовного закона в пространстве – это вопрос определения территории, на которой применяется уголовный закон. По общему правилу, применяется уголовный закон, действующий в том регионе, где совершено преступление (закон места совершения преступления). Сложности возникают, когда преступное действие совершено на территории одного государства, а преступные последствия (например, смерть человека) наступили на территории другого государства, и в ряде иных случаев.

Учитывая, что состав преступления как основание ответственности будет закончен только после наступления последствий, предпочтение следует отдавать закону места наступления таких вредных последствий. Таким образом, вопрос должен решаться аналогично определению времени совершения преступления. Поэтому, если, например, гражданин, находясь на территории своего государства, стреляет через границу и убивает гражданина, находящегося на территории другого государства, его можно привлечь к ответственности по закону государства, где наступила смерть

потерпевшего [1]. Преступление может быть начато на территории одного государства, продолжено на территории другого (или нескольких других), а окончено – на территории третьего.

Вопрос действия в пространстве решается уголовным законом на основании специальных принципов. Этими принципами, выделяемыми в теории уголовного права Беларуси, являются: территориальный принцип, принцип гражданства, реальный принцип и универсальный принцип.

Территориальный принцип действия уголовного закона сформулирован в ст. 5 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК): лицо, совершившее преступление на территории Республики Беларусь, подлежит ответственности по УК. Для правильного применения территориального принципа нужно уяснить два важных момента: что охватывается понятием «территория республики» и какое преступление признается совершенным на этой территории.

Юридическая трактовка понятия территории шире географической. Из ст. 1 Закона Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. «О Государственной границе Республики Беларусь» следует, что территория Республики – это суша, внутренние воды, недра и воздушное пространство, ограниченные вертикальной поверхностью, проходящей по линии Государственной границы Республики Беларусь.

Для применения территориального принципа необходимо точно определить место совершения преступления. В ч. 2 ст. 5 УК сказано: «Преступление признается совершенным на территории Республики Беларусь, если оно: начато, продолжалось или было окончено на ее территории, или совершено в пределах Республики Беларусь в соучастии слицом, совершившим преступление на территории иностранного государства». Следовательно, согласно УК понести ответственность должно лицо, которое, например:

- готовило преступление в республике (вербовало соучастников), но совершило его за рубежом;
- начало преступление за рубежом, но продолжило его в Беларуси (перевозка наркотических средств, например);
- совершило за рубежом преступное деяние, общественно опасные последствия которого наступили в Беларуси (например, смерть от отравления).

Ответственность по УК будет наступать и в том случае, когда организатор, подстрекатель или пособник действовали на территории, а исполнитель совершил преступление за ее пределами (например, пособник сообщил из Витебска в Санкт-Петербург, в каком вагоне поезда находится предполагаемая жертва убийства).

Территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве имеет исключение. Оно обусловлено статусом лиц, пребывающих в иностранном государстве и пользующихся иммунитетом в части уголовно-правовой юрисдикции (принцип экстерриториальности), что закреплено ч. 4 ст. 5 УК: «Вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые, согласно действующим законам и международным договорам Республики Беларусь, в случае совершения этими лицами преступления на территории Республики Беларусь разрешается дипломатическим путем на основе международных договоров и норм международного права». Из чего следует, что не подлежит ответственности по уголовному закону Республики Беларусь за деяния, совершенные на территории Беларуси, лица, пользующиеся дипломатическим иммунитетом. Дипломатический иммунитет от уголовной ответственности закреплен в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., Венской конвенции о консульских

сношениях 1963 г., Венской конвенции о представительствах государств при международных организациях универсального характера 1975 г. [2, с. 40–47].

Выделяют два вида иммунитета:

- личный;
- дипломатический.

Личный иммунитет предоставляется руководителю (послу, поверенному в делах) и персоналу представительства (военному атташе, советнику, секретарям посольства), членам их семей. Дипломатическим иммунитетом обладают руководители государств, правительств, министры иностранных дел, руководители высших государственных органов. Важной составляющей является то, что глава консульского представительства и иные консульские должностные лица пользуются иммунитетом от уголовной ответственности только в части, относящейся к их служебной деятельности, однако на основе двусторонних консульских соглашений, исходя из принципа взаимности, на них могут быть распространены принципы дипломатической неприкосновенности в полном объеме [2, с. 40–47]. Дипломатический иммунитет не исключает преступности и наказуемости деяния, совершенного пользующимся этим иммунитетом лицом, но не разрешает рассмотрение дела судом республики без согласия аккредитующего государства. В случаях согласия соответствующего государства виновный может быть привлечен к уголовной ответственности, в противном случае он объявляется нежелательной персоной (*persona non grata*) и в течение установленного времени обязан покинуть территорию Беларуси [3].

При совершении преступления за пределами Республики Беларусь следует руководствоваться правилами ст. 6 УК, которая закрепляет 3 принципа действия УК в пространстве: гражданства, реальный, универсальный.

Принцип гражданства означает, что гражданин Республики Беларусь, совершивший преступление, предусмотренное уголовным законом Беларуси, вне пределов территории Беларуси, отвечает согласно УК. Лица без гражданства, проживающие постоянно в Республике Беларусь (имеющие документы на постоянное проживание) приравниваются к гражданам Республики Беларусь. Ответственность по УК наступает при соблюдении следующих условий:

- во-первых, совершенное деяние предусмотрено как преступление в УК;
- во-вторых, это деяние также признано преступлением в государстве, на территории которого совершено;
- в-третьих, лицо не понесло уголовной ответственности перед судом иностранного государства.

В соответствии с ч. 1 ст. 6 УК наказание таким лицам назначается в пределах санкции, предусмотренной уголовным законом, но не свыше верхнего предела наказания по закону страны совершения преступления.

Реальный принцип означает, что иностранный гражданин, либо лицо без гражданства, не имеющее права на постоянное проживание в Республике Беларусь, при совершении преступления за пределами Беларуси привлекаются к ответственности при наличии следующих условий:

- во-первых, преступление совершено против интересов Республики Беларусь;
- во-вторых, преступление относится к категории особо тяжких;
- в-третьих, лицо, совершившее преступление, не было осуждено за него в иностранном государстве.

Универсальный принцип применяется, когда преступление совершено иностранным гражданином, лицом без гражданства, постоянно не проживающим

в нашей Республике, за пределами Республики и не посягало на интересы Республики Беларусь, но наша страна взяла обязательство на основе международного договора преследовать такие преступления. В ч. 3 ст. 6 УК назван открытый перечень тех преступлений, соглашений, на основе которых применяется универсальный принцип. Универсальный принцип применяется тогда, когда виновные не подвергались уголовной ответственности за содеянное в другом государстве [4]. В соответствии с универсальным принципом УК может применяться лишь тогда, когда иностранные граждане или лица без гражданства не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Республики Беларусь [2]. Примером практической реализации этого правила являются нормы Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам – Кишиневской конвенции 2002 г. Так, ст. 99 гласит: «Каждая из Договаривающихся Сторон при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел судами может учитывать предусмотренные ее законодательством смягчающие и отягчающие обстоятельства независимо от того, на территории какой Договаривающейся Стороны они возникли...»

Условиями решения практических проблем в ситуациях, когда преступное действие совершено на территории одного государства, а преступные последствия наступили на территории другого государства, и ряда иных, связанных с территориальностью уголовного закона, является правильная квалификация преступного деяния, а также точная реализация норм УК и иных нормативных актов, в т.ч. международных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право России [Электронный ресурс] // Книги для студентов. – Режим доступа: <http://robotlibrary.com/book/156-ugolovnoe-pravo-rossii-tom-1/16--4-dejstvie-ugolovnogo-zakona-v-prostranstve.html>. – Дата доступа: 29.09.2016.
2. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. – Минск : Издат. центр БГУ, 2014. – 727 с.
3. Действие уголовного закона в пространстве [Электронный ресурс] // Энциклопедия Экономиста. – Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/pravovedenie/uz-v-prostranstve.html>. – Дата доступа: 30.09.2016.
4. Действие уголовного закона в пространстве [Электронный ресурс] // Студопедия. – Режим доступа: http://studopedia.ru/3_159324_deystvie-ugolovnogo-zakona-v-prostranstve.html. – Дата доступа: 01.10.2016.

УДК 341.44

О.А. БОЙКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ЭКСТРАДИЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

С каждым годом контакты между народами и странами становятся все более тесными, упрощается процесс пересечения государственных границ. С развитием коммуникаций преступникам стало намного проще покинуть территорию страны после совершения преступления. Власть же каждого государства, естественно, ограничена его территорией, за пределами которой его законы теряют свою силу. В этих случаях

государство нуждается в правовой помощи другого государства, возникает необходимость сотрудничества независимых суверенов. Имея единую функцию по защите общества от противоправных посягательств, государства стали объединять свои усилия с целью уменьшения уровня преступности.

Из-за необходимости возвращения в свою территориальную юрисдикцию бежавших обвиняемых и осужденных возник такой вид правовой помощи по уголовным делам, как выдача преступников – экстрадиция.

Легального определения экстрадиции не имеется, поэтому следует обращаться к научной литературе, в которой существует множество определений выдачи преступника, в той или иной мере характеризующих данное явление [1]. Их недостатки заключаются в следующем: неуказании перечня в определении случаев, при которых возможна выдача, хотя такой перечень случаев зависит от положений конкретного международного договора. Одно из определений экстрадиции заключается в передаче преступника государством, на территории которого он находится, другому государству для привлечения к уголовной ответственности или для приведения в исполнение вступившего в законную силу приговора [2].

Статистика количества экстрадированных лиц, находившихся в международном розыске по странам СНГ в 2014–2015 гг., показывает, что общее количество экстрадированных лиц в 2014 г. составляет 54 человека, только на территории Республики Беларусь задержано 14 лиц, находившихся в межгосударственном розыске, экстрадировано 3 человека. В 2015 г. количество экстрадированных лиц составило 50 человек, на территории Республики Беларусь задержано 17 лиц, находившихся в межгосударственном розыске, экстрадировано 3 человека [3]. Таким образом, актуальность международного сотрудничества Республики Беларусь в указанной сфере возрастает.

Вопросы экстрадиции в настоящий момент, в основном, урегулированы ч. 3 ст. 10 Конституции Республики Беларусь и ст. 5 Закона Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь», где провозглашен принцип невыдачи граждан Беларуси, если иное не предусмотрено в международном договоре, а также ст. 7 Уголовного кодекса Республики Беларусь. В данной ст. говорится, что «иностранный гражданин или лицо без гражданства, совершившие преступления вне пределов Республики Беларусь и находящиеся на территории Республики Беларусь, могут быть выданы иностранному государству» в соответствии с международным договором либо на основании принципа взаимности. В последнем случае указано на необходимость соблюдения требований белорусского законодательства. Выдаче подлежат лица, которые совершили уголовные преступления, преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления. Экстрадиция возможна лишь тогда, когда совершенное лицом деяние преступно и наказуемо в обоих государствах. Государство может требовать выдачи в случаях, когда преступник является его гражданином или когда преступление совершено на его территории [4].

Выдача лица иностранному государству, как правило, ведет к вынесению в отношении него приговора и лишению его свободы, т.е. ограничивается одно из основных прав человека: право на свободу и неприкосновенность. Для недопущения необоснованного нарушения данного права, закрепленного в Конституции Республики Беларусь за всеми людьми, следует передать полномочия по рассмотрению вопроса о выдаче суду.

Иногда требования о выдаче могут направить несколько стран. При подобной коллизии вопрос решается по усмотрению запрашиваемого государства. Но следует

учитывать, что в доктрине и законодательстве других государств предпочтение отдается государству, на территории которого было совершено преступление [5]. Если преступление совершено на территории нескольких государств или преступлений было несколько, то принимаются во внимание такие факты, как тяжесть преступления и срок направления требования о выдаче. В выдаче может быть отказано, если деяние, в связи с которым запрашивается выдача, совершено на территории запрашиваемой договаривающейся стороны.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что, имея единую функцию по защите общества от противоправных посягательств, государства, объединившие свои усилия, способствуют уменьшению уровня преступности, но чтобы данная деятельность являлась более продуктивной, нужно ввести легальное определение выдачи преступника: экстрадиции, которым смогли бы руководствоваться сотрудничавшие государства. Крайне необходимо развивать международное сотрудничество Республики Беларусь с различными странами, в рамках чего совершенствовать и механизм экстрадиции. Полагаем, что предложенные варианты и иные, сформулированные в ходе дискуссий и переговоров, упростили бы процесс взаимодействия органов уголовной юстиции Республики Беларусь с учреждениями иностранных государств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валеев, Р. М. Выдача преступников в современном международном праве / Р. М. Валеев. – Казань, 1976. – С. 21–29.
2. Экстрадиция [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. – Режим доступа: <http://www.sb.by/articles/ekstraditsiya-voprosy-po-sushchestvu.html>. – Дата доступа: 09.10.2016.
3. О результатах деятельности Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ за 2015 год [Электронный ресурс] / Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории СНГ. – Режим доступа: <http://www.bkborcis.ru/index/rezultatyi-deyatelnosti.html>. – Дата доступа: 09.10.2016.
4. Барков, А. В. Выдача преступника (в уголовном праве) [Электронный ресурс] / А. В. Барков // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: [http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/46956/1/ВЫДАЧА%20ПРЕСТУПНИКА%20\(в%20уголовном%20праве\).pdf](http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/46956/1/ВЫДАЧА%20ПРЕСТУПНИКА%20(в%20уголовном%20праве).pdf). – Дата доступа: 09.10.2016.
5. Галенская, Л. Н. Международная борьба с преступностью / Л. Н. Галенская. – М., 1972. – 132 с.

УДК 343

К.В. БЫКОВА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – И.А. Заранка, преподаватель

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБСКОГО ТРУДА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Торговля людьми – это глобальная проблема, которая затрагивает жизнь миллионов людей практически в любой стране мира и которая лишает их человеческого достоинства. Являясь одним из самых позорных преступлений в мире, торговля людьми вводит в заблуждение и превращает в жертв женщин, мужчин и детей из всех уголков мира и ежедневно заставляет их быть объектом эксплуатации. Хотя самой известной формой торговли людьми является сексуальная эксплуатация, сотни тысяч жертв становятся также объектом торговли для целей принудительного труда, подневольной работы в качестве домашней прислуги, детского попрошайничества или извлечения органов.

Основным международным актом в сфере противодействия торговле людьми является Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принятый резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. (далее – Палермский протокол), подписанная Республикой Беларусь 14 декабря 2000 г. и ратифицированная Законом Республики Беларусь от 3 мая 2003 г. № 197-З.

В соответствии со ст. 3 Палермского протокола термин «торговля людьми» означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов.

В соответствии с ч. 1 ст. 181 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ) под торговлей людьми понимается вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека в целях эксплуатации, совершенные путем обмана, либо злоупотребления доверием, либо применения насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия.

Данное преступление посягает на личную свободу человека. Особая опасность посягательства на личную свободу состоит в том, что человек, как правило, лишается возможности пользоваться другими конституционными политическими и гражданскими правами.

Впервые понятие «рабство» определяется в ст. 1 Конвенции о рабстве, подписанной 25 сентября 1926 г. В соответствии со ст. 1 Конвенции:

- рабство есть состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них;

- торговля невольниками включает всякий акт захвата, приобретения или уступки человека с целью продажи его в рабство; всякий акт приобретения невольника с целью продажи его или обмена; всякий акт уступки путем продажи или обмена невольника, приобретенного с целью продажи или обмена, равно как и вообще всякий акт торговли или перевозки невольников.

В УК РБ закреплена ст. 181¹ «Использование рабского труда», по которой наказывается использование рабского труда или иная форма эксплуатации человека при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 181 УК РБ. Под рабством понимается положение или состояние лица, в отношении которого осуществляются некоторые или все правомочия, присущие праву собственности, под рабом – лицо, находящееся в таком положении или состоянии.

Оба преступления посягают на один и тот же объект – личную свободу человека – и связанные с эксплуатацией человека, из-за чего возникает проблема в разграничении этих преступлений, а, соответственно, и в применении нужной ст. УК РБ.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 181 УК РБ, характеризуется активным поведением, выразившимся в заключении различных сделок, вербовке, перевозке, передаче, укрывательстве или получении человека в целях эксплуатации, по которым человек подобно вещи выступает в качестве предмета. Объективную сторону данного преступления образует и временное возмездное предоставление потерпевшего для эксплуатации другому лицу, передача в аренду человека в качестве раба.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 181¹ УК РБ, выражена активными действиями, состоящими в использовании рабского труда, состав – формальный, преступление окончено с момента начала использования рабского труда, вне зависимости от продолжительности и результатов эксплуатации. Использование рабского труда предполагает совершение следующих обязательных действий: установление и обеспечение неизменности рабского состояния потерпевшего и присвоение результатов труда человека, находящегося в рабстве.

Основным отличием данных составов преступления является то, что торговля людьми представляет собой заключение сделок или получение человека в целях эксплуатации в качестве предмета, а использование рабского труда состоит в присвоении результатов трудовой деятельности человека, находящегося в рабстве.

УДК 343.3. /.7

В.А. ВАВРЕНЮК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ЛОЖНОЕ БАНКРОТСТВО: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Только в 2015 г. было ликвидировано около 9 700 юридических лиц. Часть из них была признана банкротами. Банкротство – это неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Признание судом юридического лица банкротом влечет его ликвидацию.

Общественную опасность представляет ложное банкротство, т.к. экономико-правовой инструментарий используется для уклонения от удовлетворения требований кредиторов при наличии реальной возможности это осуществить. Таким

образом, субъект предпринимательской деятельности извлекает выгоду. Ответственность за ложное банкротство установлена в ст. 238 «Ложная экономическая несостоятельность (банкротство)» УК Республики Беларусь [1].

Объектом этого преступления являются материальные интересы предпринимателя и интересы кредиторов в отношении собственности, принадлежащей предпринимателю.

Объективная сторона состоит в самом деянии – подаче индивидуальным предпринимателем или должностным лицом юридического лица в суд заявления должника о своей якобы экономической несостоятельности, т.к. такое признание касательно субъекта предпринимательства осуществляется только судом. Заявление подается в орган, который выясняет неспособность субъекта оплатить финансовые документы. Предъявление суду документа, содержащего заведомо ложные сведения о несостоятельности должника, на основании которого выносится принятое судом решение, достаточно, чтобы считать преступление оконченным.

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла. Для характеристики субъективной стороны данного состава преступления необходимым признаком является цель. Цель этого состава преступления – достижение судебного решения о признании субъекта хозяйствования банкротом.

Субъектом этого преступления может быть физически вменяемое лицо, достигшее 16 лет, обладающее специальным признаком, или индивидуальный предприниматель без образования юридического лица, учредитель или собственник юридического лица [2].

При получении заявления о банкротстве проводится полная проверка документов с целью определения достоверности содержащихся в них сведений о платежеспособности должника, а также сопоставления имущества и платежных обязательств должника на дату обращения должника в суд с заявлением о своей экономической несостоятельности [3]. Проблемой является то, что лицо, совершающее преступление, тщательно готовится к нему: изготавливает поддельные или подложные оправдательные документы, к моменту подачи заявления успевает скрыть имущество.

Ложная экономическая несостоятельность может быть определена по следующим признакам: отсутствию неплатежеспособности должника, имеющей или приобретающей устойчивый характер, на дату обращения должника в хозяйственный суд с заявлением о своей экономической несостоятельности (банкротстве), а также наличие у должника возможности удовлетворить требования кредиторов в полном объеме на дату обращения должника в хозяйственный суд с заявлением о своей экономической несостоятельности (банкротстве) и представление должником в хозяйственный суд документов, содержащих недостоверные сведения о составе его имущества и (или) обязательств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Примаченок, А. А. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть / А. А. Примаченок. – 9-е изд., дополн. – Минск : Молодежное, 2011. – 176 с.

3. Ликвидация и банкротство предприятия [Электронный ресурс] // Белпрофконсалт. – Режим доступа: [www.http://bp-consult.by](http://bp-consult.by). – Дата доступа: 10.10.2016.

УДК 343

З.М. ВИКТОРОВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Государственная политика информатизации в Республике Беларусь является целеориентированной на обеспечение устойчивого прогрессивного развития государства в сфере информационных и коммуникационных технологий. Регламентация общественных отношений, связанных со сбором, хранением, использованием, передачей и распространением информации в Республике Беларусь, является одним из наиболее актуальных вопросов.

Анализируя законодательство в сфере обеспечения информационной безопасности, возник вопрос, связанный с защитой персональных данных в Республике Беларусь. Система законодательства в данной области представляет собой фрагментированный набор норм и правил, которые во многих случаях не соответствуют международным стандартам и не обеспечивают надлежащей защиты качества данных и прав субъектов данных.

Остановимся на некоторых проблемах правового регулирования и защиты персональных данных в Республике Беларусь.

В Республике Беларусь отсутствует комплексный закон, регулирующий защиту персональных данных. В той или иной степени отношения по защите персональных данных урегулированы в различных по юридической силе актах законодательства, начиная от Конституции Республики Беларусь и заканчивая ведомственными нормативными правовыми актами.

Ст. 28 Конституции Республики Беларусь гласит: «каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в т.ч. от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство». Часть вторая ст. 34 Конституции предусматривает, что «государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы». Согласно ч. 3 ст. 34 Конституции Республики Беларусь пользование информацией может быть ограничено законодательством в целях защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав.

Данные права и гарантии по регулированию вопросов пользования и защиты персональной информации, изложенные в Конституции Республики Беларусь, отражены в Законах Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации», «Об обращениях граждан и юридических лиц», «О регистре населения», а также в Законе о печати, в котором, к примеру, ст. 40 обязывает журналиста получать согласие (за исключением случаев, если это необходимо для защиты общественных интересов) на распространение в средстве массовой информации сведений о личной

жизни гражданина от самого гражданина либо его законного представителя. О защите личной и семейной тайны говорится также в ст. 151 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

При этом следует отметить, что в законодательстве Республики Беларусь отсутствует единое определение термина «персональные данные». Так, например, в Законе Республики Беларусь от 21.07.2008 № 418-З «О регистре населения» персональные данные определены как совокупность основных и дополнительных персональных данных, а также данных о реквизитах документов, подтверждающих основные и дополнительные персональные данные конкретных физических лиц.

К основным персональным данным ст. 8 Закона относит: идентификационный номер, фамилию, собственное имя, отчество, пол, дату рождения, место рождения, цифровой фотопортрет и т.д.

Дополнительными персональными данными согласно ст. 10 закона являются сведения: о родителях, опекунах, попечителях, семейном положении, супруге, ребенке (детях) физического лица, о группе крови, о высшем образовании, ученой степени, ученом звании, о налоговых обязательствах и т.д.

Данными о реквизитах документов, подтверждающих основные и дополнительные персональные данные, являются: название документа, серия, номер, дата выдачи (принятия), срок действия, наименование организации, выдавшей (принявшей) документ.

Закон Республики Беларусь от 13 июля 2006 г. № 144-З «О переписи населения» определяет персональные данные как первичные статистические данные о конкретном респонденте, сбор которых осуществляется при проведении переписи населения.

Согласно ст. 1 Закона «Об информации, информатизации и защите информации» под персональными данными понимаются основные и дополнительные персональные данные физического лица, подлежащие в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь внесению в регистр населения, а также иные данные, позволяющие идентифицировать такое лицо. Кроме того, в данном законе закреплены основы правового регулирования отношений, связанных с защитой персональных данных.

Так, ст. 18 Закона установлено, что никто не вправе требовать от физического лица предоставления информации о его частной жизни и персональных данных, включая сведения, составляющие личную и семейную тайну, тайну телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, касающиеся состояния его здоровья, либо получать такую информацию иным образом помимо воли данного физического лица, кроме случаев, установленных законодательными актами Республики Беларусь.

Сбор, обработка, хранение информации о частной жизни физического лица и персональных данных, а также пользование ими осуществляются с согласия данного физического лица, если иное не установлено законодательными актами Республики Беларусь.

Порядок получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения и предоставления информации о частной жизни физического лица и персональных данных, а также пользования ими устанавливается законодательными актами Республики Беларусь.

Отдельная ст. Закона посвящена мерам по защите персональных данных от разглашения. Так, в соответствии со ст. 32 такие меры должны быть приняты с момента, когда персональные данные были предоставлены физическим лицом, к которому они относятся, другому лицу либо когда предоставление

персональных данных осуществляется в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь.

Ст. 34 Закона закреплено право пользователя информации знакомиться со своими персональными данными.

Таким образом, в настоящий момент в области защиты персональных данных технологическая составляющая преобладает над правовой регламентацией информационных отношений. Опыт других стран в данном вопросе показывает, что нормативное правовое регулирование защиты персональных данных является залогом успеха в процессе глобальной информатизации.

Так, например, Закон «О персональных данных» принят в Республике Армения, в Азербайджанской Республике, в Республике Молдова, в Республике Узбекистан, в Украине.

В Российской Федерации в 2005 г. была ратифицирована Конвенция Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных». Базовый закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ начал реализовываться с 2007 г., а окончательно вступил в силу в 2011 г. Таким образом, при разработке концепции Закона о персональных данных целесообразно ориентироваться на опыт данных стран, тем не менее при разработке и реализации законодательства о персональных данных необходимо учесть организационно-правовые аспекты уже сформировавшейся сферы информационной безопасности в Республике Беларусь.

На основании вышеизложенного необходимо констатировать, что существующее в настоящее время законодательное регулирование вопросов защиты персональных данных явно недостаточно.

На основании изучения законодательства нашей страны в области защиты персональных данных можно сделать вывод об отсутствии полного и комплексного регулирования данных вопросов и, следовательно, о необходимости совершенствования законодательства о персональных данных.

Необходимым видим разработку и принятие закона Республики Беларусь «О персональных данных», который должен комплексно регламентировать вопросы правового регулирования и защиты персональных данных, а также закрепить определение понятия «персональные данные», выделить категории общедоступных персональных данных и конфиденциальных персональных данных с особым правовым режимом, обозначить условия и порядок получения, передачи, сбора, хранения, обработки и предоставления персональных данных, предусмотреть права и обязанности лиц, чьи персональные данные обрабатываются, и субъектов, осуществляющих обработку персональных данных, закрепить иные положения.

Предлагаемый закон позволит определить общие подходы к обработке персональных данных в нашей стране, устранить существующие пробелы в правовом регулировании персональных данных, а также обеспечить соблюдение конституционного права гражданина на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в т.ч. от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство и иные персональные данные.

УДК 343

П.А. ВОЛОДЬКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – О.Н. Иванчина, кандидат философских наук, доцент

ПРИНЦИП РАВЕНСТВА ГРАЖДАН ПЕРЕД ЗАКОНОМ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Проблема неравенства актуальна для человека во многих аспектах (экономическом, социальном, гендерном и др.). С древности, когда имело место социальное расслоение, ответственность за преступление назначалась не только по степени тяжести, но зависела и от положения в обществе. Так, согласно законом Хаммурапи: «Если мушкенум (свободный подданный) ударит по щеке мушкенума, то он должен отвесить 10 сиклей серебра. Если раб человека ударит по щеке мушкентума, то необходимо отрезать ему ухо» [1]. К рабам применялись несопоставимо более жесткие наказания (вплоть до смертной казни) за те преступления, от наказания за которые богатый человек мог просто откупиться штрафом. Во многих других сборниках законов прошлого времени также существует неравенство ответственности за преступление. Только на современном этапе развития человечества данный принцип действительно начал реализовываться на практике.

Изучению принципа равенства граждан перед законом посвящены работы многих исследователей (В.В. Мальцев, И.Я. Козаченко, А.Н. Игнатов и др.), однако данная научная проблема остается актуальной для исследования, т.к. неравенство сохраняется во многих странах.

Однако важным фактом выступает принятие международной «Всеобщей декларации прав человека» (1948 г.), ст. 7 которой гласит: «Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все люди имеют право на равную защиту, от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации». При возникновении принципа равенства граждан перед законом на юридическом уровне, старым устоям не было больше места, во многих странах мира перестал иметь значение социальный статус преступника. Против любого нарушителя закона может быть возбуждено уголовное преследование, вынесен обвинительный приговор и назначено наказание. В этом и заключается сущность данного принципа.

Ст. 22 Конституции Республики Беларусь гласит: «Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов». Равенство граждан в самом Уголовном кодексе Республики Беларусь выражается в специальной норме – ст. 190 «Нарушение равноправия граждан»: «Умышленное прямое или косвенное нарушение, либо ограничение прав и свобод, либо установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного или должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, причинившие существенный вред правам, свободам и законным интересам гражданина, – наказываются штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или ограничением свободы на тот же срок, или лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения».

В то же время реализуется принцип равенства граждан перед законом в уголовном праве с определенными особенностями. Принцип равенства граждан перед законом имеет наибольшее количество исключений из всех других принципов уголовного права. В первую очередь, исключение в принципе равенства перед законом можно заметить в уголовной ответственности несовершеннолетних. Уголовный закон предусматривает для них дополнительные основания освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также более мягкие наказания по сравнению с наказаниями для взрослых. Рядом преимуществ пользуются и женщины, например, отсрочка исполнения наказания для беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей (ст. 93), неприменение смертной казни к женщинам. Официально за все послевоенные годы в СССР было казнено три женщины. Нередко смертные приговоры выносились женщинам, но не приводились в исполнение.

Интересно то, что женщины меньше выступают за отмену смертной казни, чем мужчины: 55,3 % белорусок хотят сохранить этот вид наказания, у мужчин эта цифра – 46,9 % [2]. На наш взгляд, необходимо либо применять смертную казнь и к женщинам, либо же не использовать данный вид уголовной ответственности вообще.

Определенные ограничения применения принципа равенства в уголовном праве есть к определенному кругу лиц в связи с их особым правовым статусом и должностным положением. К примеру, неприкосновенность депутатов Советов на протяжении многих лет советской истории рассматривалась как важнейшая правовая гарантия их деятельности. В ст. 468 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь определяются категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок возбуждения, производства по уголовному делу, а также меры пресечения.

Существуют различные мнения по этому поводу, в т.ч. возникали предложения данный круг лиц приравнять к остальным гражданам и лишить таких гарантий. По нашему мнению, это нецелесообразно, поскольку на данных лиц ложится большая ответственность, а отсутствие гарантии может привести к политическому преследованию. Наличие особого порядка возбуждения, производства по уголовному делу, а также меры пресечения, вовсе не означает безнаказанность, хотя существует мнение, что уголовное дело возбуждается достаточно долго, позволяя преступнику избежать ответственности. При быстром реагировании должностные лица будут нести наказания так же, как и обычные граждане, только с особыми мерами пресечения.

Таким образом, в принципе равенства граждан перед законом в уголовном праве существуют явные исключения, что в какой-то степени уменьшает ценность данного принципа, но, тем не менее, при тщательном исследовании можно убедиться в малозначительности и неопасности отступлений от конкретного исполнения принципа. Многие исключения являются важными гарантиями для отдельных групп населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Законы Хаммурапи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bezogr.ru/zakoni-hammurapi-pravitelya1-vavilona2-1792-1750-gg-do-n-e.html?page=2>. – Дата доступа: 10.10.2016.

2. Опрос: женщины больше поддерживают смертную казнь, чем мужчины [Электронный ресурс] // Белорусский портал. – Режим доступа: <https://news.tut.by/politics/491087.html>. – Дата доступа: 10.10.2016.

УДК 343

М.А. ГАЛЬ, С.М. ХРАМОВ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ

Освобождение от уголовной ответственности представляет собой отказ государства от осуждения от имени Республики Беларусь лица, совершившего преступление, и применения к нему мер уголовной ответственности ввиду наличия оснований, предусмотренных уголовным законом. Одним из оснований освобождения от уголовной ответственности является примирение с потерпевшим. Согласно ст. 89 УК Республики Беларусь (далее – УК), «Лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершившее менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный преступлением вред» [1].

При освобождении лица от уголовной ответственности необходимо учитывать, что данный вопрос должен основываться на совокупности объективно установленных в ходе судебного разбирательства фактах и обстоятельствах, их надлежащей оценке судом. В противном случае данное решение не будет признано законным и обоснованным.

На практике при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности по рассматриваемому основанию не всегда дается оценка всем установленным в судебном заседании обстоятельствам. В частности, обстоятельствам, которые свидетельствуют о деятельном раскаянии обвиняемого. Например, 19 апреля 2010 г. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205 УК, по факту кражи проигрывателя у Р. Впоследствии производство дознания по данному делу было приостановлено в связи с неустановлением лица, совершившего кражу. «Постановлением от 11 марта 2011 г. производство по делу было возобновлено после того, как Ю. добровольно явился с повинной и сообщил о совершенной им краже. В судебном заседании потерпевший заявил ходатайство о прекращении уголовного дела, т.к. обвиняемый загладил причиненный вред и они помирились. Суд Молодечненского района определением от 6 мая 2011 г. прекратил производство по уголовному делу в отношении Ю. на основании ст. 89 УК» [2, с. 24].

В данном случае судом не была дана должная оценка установленным в судебном заседании обстоятельствам, свидетельствующим «о деятельном раскаянии обвиняемого Ю. и его возможности освобождения от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному ст. 88 УК» [2, с. 24]. По мнению В. Калинковича, В. Ракитского и Л. Дулько, это «было бы более правильным и соответствующим установленным обстоятельствам дела» [2, с. 24].

Действительно, в приведенном случае имелись основания для того, чтобы рассмотреть, содержались ли в действиях обвиняемого признаки деятельного раскаяния. Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 205 УК, относится к категории менее тяжких (умышленное преступление, за которое законом предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок не свыше шести лет). Имелись и другие основания для освобождения обвиняемого от уголовной

ответственности в связи с деятельным раскаянием, предусмотренные ст. 88 УК. Например, явка с повинной и др. Этих оснований достаточно для положительного решения вопроса о прекращении производства по делу по ст. 88 УК.

В уголовном праве под деятельным раскаянием понимается не просто раскаяние в содеянном, но и активная, инициативная деятельность лица, совершившего преступление, в плане возмещения или заглаживания нанесенного вреда, так и сотрудничества с органами, ведущими уголовный процесс. Как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь 29 марта 2012 г. № 1 «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности», «решение об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием должно быть основано на убежденности суда в том, что меры, принятые обвиняемым во исполнение этих условий, свидетельствуют о его чистосердечном раскаянии» [3].

Таким образом, институт освобождения от уголовной ответственности может быть применим только при наличии предусмотренных законом условий и обстоятельств, которые свидетельствуют об отсутствии необходимости применения к обвиняемому наказания или иных мер уголовной ответственности. При принятии решения об освобождении лица, впервые совершившего менее тяжкое преступление и добровольно явившегося с повинной, необходимо рассматривать возможность освобождения его от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Калининвич, В. О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности (по материалам обзора) / В. Калининвич, В. Ракитский, Л. Дулько // Суд. весн. – 2012. – № 2. – С. 16–25.

3. О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2012 г., № 1 // Официальный портал системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа: http://court.by/jurisprudence/Post_plen/criminal/toco/cae9d2aedc1bdaa2.html. – Дата доступа: 15.10.2016.

УДК 343.2

А.С. ГЕРАСИМУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – М.В. Андрияшко, кандидат юридических наук, доцент

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Институт уголовной ответственности несовершеннолетних в Республике Беларусь возник с момента вступления в силу Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) [1].

Впервые о возрасте уголовного вменения упоминал Судебник 1468 г., составленный великим князем литовским Казимиром IV, где упоминалось, что дети до семилетнего возраста не могли передаваться в рабство за преступление, совершенное отцом [2].

Позже институт уголовной ответственности несовершеннолетних получил развитие в Статутах Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг. [2]. Статут 1529 г. устанавливал возраст уголовной ответственности с 7 лет. Следует отметить, что в данном документе предписывалось учитывать психоэмоциональное состояние несовершеннолетнего и предусматривалось освобождение лица от уголовной ответственности в случае совершения преступления «без разумения» [2]. Лица психически больные чаще всего к уголовной ответственности не привлекались, но должны были быть под замком [2].

Статут 1566 г. установил возраст уголовной ответственности с 14 лет, тем самым закрепив принцип гуманизма, в отличие от иных европейских государств того времени. Единственным условием того, что несовершеннолетний не понесет наказания, было то, что родители обязаны возместить ущерб, причиненный преступлением, совершенным несовершеннолетним.

В случае если у родителей не имелось достаточных средств для возмещения ущерба, то несовершеннолетний в принудительном порядке направлялся на работу (службу) на тот период, пока не возместит ущерб. Данное положение было закреплено в Статуте 1588 г. [3].

Позже в 1845 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных установило, что в случае совершения лицом, достигшим четырнадцатилетнего возраста, преступления, вопрос о его вменяемости не ставился [3].

В ст. 759 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. в качестве пограничного вводится семнадцатилетний возраст: «О подсудимом, имевшем во время совершения преступления менее семнадцати лет, во всяком случае постановляется вопрос: действовал ли он с полным разумением» [3].

Декрет о комиссиях для несовершеннолетних от 17 января 1918 г. отменил судебное разбирательство для лиц обоего пола до 17 лет с передачей дел к ведению создаваемых комиссий [3].

Так, Декрет о суде над несовершеннолетними от 4 марта 1920 г., установив, что несовершеннолетними являются все лица, не достигшие 18-летнего возраста (ст. 2), тем не менее, упоминает в своих нормах и о малолетних. Например, ст. 1 декрета гласит: «Суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упраздняются» [4]. При этом оговаривается, что при рассмотрении дел

о несовершеннолетних в возрасте 14–18 лет, если комиссией будет установлена невозможность применения к несовершеннолетнему мер медико-педагогического воздействия, дело передается в народный суд (ст. 4) [4].

В ст. 14 Уголовного кодекса БССР было указано, что с 12 лет к ответственности с применением всех мер уголовного наказания привлекают за кражу, насилие, телесные повреждения, увечья, убийство либо попытку убийства [5].

В ст. 10 Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. (ст. 10 Уголовного кодекса РСФСР, ст. 12 Уголовного кодекса БССР) указывалось, что уголовной ответственности подлежат лица, которым до совершения преступления исполнилось 16 лет [5].

Понижение возраста до 14 лет ограничивалось конкретным перечнем преступлений, данных в ч. 2 ст. 10 Основ (ч. 2 ст. 10 Уголовного кодекса РСФСР, ч. 2 ст. 12 Уголовного кодекса БССР). В нем были названы такие деяния, общественная опасность которых уже понятна лицам, достигшим 14 лет (убийство, разбой, кража и т.д.).

В настоящее время в УК Республики Беларусь перечень преступлений, за которые ответственность наступает с 14 лет, перечислен в ст. 27 [1].

Ч. 7 ст. 4 УК Республики Беларусь закрепляет определение термина «малолетний», где под малолетним понимается лицо, которое на день совершения преступления не достигло возраста четырнадцати лет [1].

Ч. 8 ст. 4 УК Республики Беларусь определяет: «Под несовершеннолетним понимается лицо, которое на день совершения преступления не достигло возраста восемнадцати лет» [1].

Таким образом, исторический опыт использования терминов «несовершеннолетний» и «малолетний» обращает внимание на самостоятельное значение каждой из выделяемых категорий, наличие определенных подходов к установлению возрастных параметров малолетства, а также свидетельствует о закреплении за представителями последнего особого положения в судопроизводстве [5].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. История уголовного права Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bargu.by/322-istoriya-ugolovnogo-prava-respubliki-belarus.html>. – Дата доступа: 09.10.2016.

3. Уголовное право по Статуту Великого княжества Литовского 1588 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://library.by/portalus/modules/belorussianlaw/referat_readme.php?subaction=showfull&id=1133693174&archive=&start_from=&ucat=24&. – Дата доступа: 08.10.2016.

4. Ювенальная юстиция в Российской Федерации. Криминологические проблемы развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/96900-yuvenalnaya-yusticiya-v-rossiyskoj-federacii-kriminologicheskie-problemy-razvitiya-kollektiv-avtorov/read/page-29.html>. – Дата доступа: 10.10.2016.

5. Основные направления социальной защиты и поддержки несовершеннолетних в исторической ретроспективе [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

УДК 343

Е.А. ГОРДИЕВИЧ, И.А. ЗАРАНКА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ «ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

В конструкции состава преступления «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» (ст. 172 Уголовного кодекса Республики Беларусь – далее УК РБ) имеются вопросы с позиции юридической оценки деяния. В ст. 172 УК РБ указывается: «вовлечение лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, заведомо несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана или иным способом» [1]. В законодательстве нет исчерпывающего ответа на вопрос относительно того, что следует понимать под термином «вовлечение» применительно к совершению преступления несовершеннолетним лицом.

В комментарии к УК РБ объективная сторона преступления выражается в совершении действий, направленных на возбуждение у несовершеннолетнего желания участвовать в совершении одного или нескольких преступлений путем обещаний, обмана или иным способом (ч. 1 ст. 172 УК РБ), либо действий, которые сопряжены с применением насилия или угрозой его применения (ч. 2 ст. 172 УК РБ) [2].

Сложности в ходе уголовно-правовой оценки термина «вовлечение» возникают при определении способа совершения данного деяния. Деятельность вовлекающего может быть разнообразна, начиная с предложений совершить преступление и заканчивая применением к несовершеннолетнему лицу физического или психического насилия. Действия вовлекающего могут носить одномоментный характер, а могут продолжаться длительное время. Сила и значение этих способов, безусловно, зависят от разнообразных отношений, в которых находятся вовлекающий и вовлекаемый. Безусловно, оптимальным законодательным решением было бы нормативное закрепление всех возможных способов вовлечения других лиц в совершение преступления. Авторы, исследовавшие данную проблему, называют в качестве способов вовлечения различные действия. Так, по мнению А. Жиряева, к таковым относятся поручение, исполнение приказа, физическое принуждение и угрозы, просьба, выражение желания, совет и др. [3, с. 61, 65]. М.И. Ковалев предлагает относить к таким способам подкуп, просьбу, поручение, убеждение и уговоры, приказ, физическое насилие, обман. Данные способы настолько разнообразны, что вряд ли могут быть формализованы.

В теории уголовного права Республики Беларусь указывается смешанный подход к определению способов вовлечения в совершение преступления. Так, при определении признаков вовлечения в совершение преступления наряду с общими признаками достаточно указать лишь два родовых способа воздействия на вовлекаемого:

- убеждение – как понятие, обобщающее все способы воздействия на подстрекаемого без силового влияния;

- принуждение – как понятие, обобщающее все способы воздействия на подстрекаемого с применением насилия или угроз. Целесообразность такой конструкции заключается в том, что она позволит законодательно дифференцировать все способы вовлечения в зависимости от степени их общественной опасности [4, с. 15].

Особого внимания заслуживает такой способ вовлечения, как обман. Под обманом следует понимать сознательное введение в заблуждение несовершеннолетнего в результате формирования у него искаженного представления относительно преступного деяния. Обман может выражаться в злоупотреблении доверием вовлекаемого. Обман, как правило, рассчитан на ответное поведение другого лица. Вовлекающий должен обманывать несовершеннолетнего не только с целью ввести его в заблуждение, но и стремясь вызвать у обманываемого определенное поведение. Поэтому мы полагаем, что само по себе сообщение ложных сведений не может рассматриваться как способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, по крайней мере, потому, что сообщаемый ложные сведения не склоняет лицо к совершению конкретного преступления.

Угрозу следует относить к принудительным способам вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Угроза как способ вовлечения – это разновидность психического насилия, выражающегося в обещании причинить несовершеннолетнему какие-либо неблагоприятные последствия, направленные на подавление воли этого лица с целью вовлечения его в совершение преступного деяния. Для признания угрозы в качестве способа принуждения необходимо, чтобы она была реальной, т.е. у потерпевшего должны быть основания опасаться осуществления этой угрозы. В противном случае сущность угрозы практически не будет отличаться от таких способов убеждения, как уговор, просьба, предложение. Такой же подход можно встретить в уголовно-правовой литературе.

Вопрос об определении объема физического насилия при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступлений в настоящее время также остается дискуссионным. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» не содержит соответствующих разъяснений. В связи с этим можно сказать, что применительно к ч. 2 ст. 172 УК РБ причинение тяжкого, менее тяжкого вреда (как умышленно, так и по неосторожности), причинение смерти по неосторожности, истязание всегда должны требовать дополнительной квалификации. В случае причинения тяжкого телесного повреждения (ст. 147 УК РБ), или убийства несовершеннолетнего (ст. 139 УК РБ), или в случаях насильственных действий сексуального характера (ст. 167 УК РБ), содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 172 УК и соответствующей статьей Особенной части уголовного закона. Во многом это обусловлено тем, что судебной практикой и доктриной уголовного права выработано правило, согласно которому более общественно опасный способ совершения преступления, нежели само преступное деяние, требует дополнительной квалификации по соответствующей ст. Особенной части УК. Исходя из данного правила, выход за пределы причинения легкого телесного повреждения, а тем более побоев должен влечь за собой и дополнительную ответственность в соответствии с фактически наступившими последствиями или совершенными деяниями (изнасилование, насильственные действия сексуального характера и т.д.). Несмотря на дискуссионность данного утверждения, реализация его на правоприменительном уровне позволит избежать случаев принятия различных решений в схожих или даже одинаковых ситуациях. Единство судебно-следственной

практики выступает в качестве одного из основополагающих критериев, объясняющих необходимость его применения в правоприменительной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

3. Жиряев, А. О. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении / А. О. Жиряев – Дрепт : Тип. Г. Лаакманна, 1850. – 145 с.

4. Пушкин, А. В. Подстрекательство к совершению преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Пушкин. – М., 1995. – 24 с.

УДК 343

Е.В. ГРИГОРОВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

РАЗБОЙ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Преступлениями против собственности являются общественно опасные деяния, которые причиняют либо способны причинить значительный имущественный вред и имеют возможность покушаться на чужую собственность. Среди преступлений против собственности и порядка осуществления экономической деятельности наиболее частыми и представляющими реальную общественную опасность являются хищения.

Разбой (ст. 207 УК Республики Беларусь) является наиболее опасной формой хищения и представляет собой насилие либо угрозу применения насилия, опасного для жизни или здоровья человека, с целью непосредственного завладения имуществом [1].

С объективной стороны разбой выражается в применении насилия либо угрозы такого насилия, непосредственно направленного на изъятие имущества вопреки воле потерпевшего. Причем насилие, его угроза должны нести опасность причинения вреда как жизни, так и здоровью.

С субъективной стороны разбой, как и любая другая форма хищения, характеризуется прямым умыслом и корыстной целью. Субъектом является любое вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста. Разбой как противоправное деяние может быть совершен только с прямым умыслом. Нельзя совершить разбой с косвенным умыслом, ни по неосторожности. При прямом умысле виновный осознает общественную опасность совершенных им действий, предвидит их общественно-опасные последствия и все равно желает их наступлению.

Понятие разбоя охватывает не только само физическое насилие, а также и применение психологического насилия. Психологическое насилие, в свою очередь, выражается в форме угрозы. Сущность психологического насилия заключается в том,

что оно должно быть реальным, потерпевший должен быть уверен, что в случае сопротивления угроза будет реализована.

Разбой – это одновременно преступление против личности и собственности, сопряженное с физическим и психологическим насилием либо угрозой такого насилия, имеющий опасный характер последствий.

Особенность разбоя состоит также в том, что его состав имеет формальный характер или, если более точно, разновидность формального – усеченный: разбой окончен с момента нападения. Это определяет, что высокой общественной опасностью характеризуется не только завладение имуществом, но и непосредственно нападение, подкрепленное соответствующими угрозами требование.

В Республике Беларусь наблюдается снижение совершения разбоев. Так на 2007 г. было совершено (зарегистрировано) 1 069 разбойных преступлений. Уже к 2010 г. количество такого рода преступлений уменьшилось до 565, а в 2015 – до 284 [2].

Для разработки мер по дальнейшему сокращению количества разбойных нападений на граждан следует понимать, что:

- лица, совершившие разбой, обладая в своем большинстве стойкой корыстной направленностью, тем не менее, по своим мотивационным характеристикам более тяготеют к насильственным преступникам, чем к корыстным. Их мотивация носит сложный, многоуровневый характер;

- причины и условия, обуславливающие разбойные нападения, неразрывно связаны с общими факторами, влияющими на преступность: имеющаяся социальная дифференциация граждан, где резкое имущественное расслоение катализирует экстремистские формы его разрешения; особое значение имеет распространение антиобщественной индивидуалистической психологии, проявляющейся в эгоизме, снижении защитных нравственных механизмов, огрубление и примитивизм в общественных отношениях, ментальное допущение силовых приемов в разрешении возникающих проблем и др.

Непосредственными же причинами разбоев выступают следующие негативные свойства:

- формирование корыстно-паразитической мотивации в семье, на работе;
- распространение психологии корыстолюбия и вещизма;
- деформация социальных ценностей, стремление к пьянству, наркотикам, азартным играм;
- низкий уровень культуры, нравственности лиц, совершающих эти преступления.

Профилактика разбойных нападений должна строиться на соответствующих эффективных мерах. Несмотря на приоритет общесоциальных мер, связанных с предупреждением разбоев, необходимо использование специально-криминологических мер, среди которых важную роль играет специально-криминологическая профилактика, осуществляемая в форме планов-программ по усилению мер борьбы с преступностью на определенной территории. Предупредительная работа должна строиться с учетом механизмов как формирующих личность разбойника, так и реализующих ее антиобщественные свойства. Поэтому эффективность предупредительных мер будет выше, если на ранних этапах формирования личности будут замечены и приостановлены процессы, которые в дальнейшем могут сыграть криминогенную роль.

Оптимальная организация противодействия разбоям немыслима без достоверной, всесторонней, качественной информации об указанных преступлениях, их

причинном комплексе, личности преступника, о состоянии эффективности предупредительной деятельности. Для этого следует регулярно проводить мониторинг общественного мнения, основанный на научно-обоснованных методиках, а также анализ статистических данных. Важно осуществлять взаимодействие правоохранительных ведомств с наукой для понимания сложного социального явления – преступности, в т.ч. насильственных преступлений против собственности. Здесь действует комплекс факторов, какая-либо одна мера не может дать серьезного эффекта, необходимы криминологические и социологические исследования, в работу должны быть вовлечены правоведы, психологи, экономисты, демографы и специалисты других отраслей знания [3, с. 96]. Профилактическая деятельность составляет ведущую функцию правоохранительных органов, но и повышение эффективности деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию такого рода преступлений и привлечению виновных к уголовной ответственности также одно из наиболее важных направлений по борьбе с разбоями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Зиновский, В. И. Правонарушения в Республике Беларусь: стат. сб. / Национальный статистический комитет / под ред. В. И. Зиновского, И. А. Костевич, В. А. Богущ. – Минск, 2013. – 174 с.
3. Солодкин, В. Б. Криминологическая характеристика разбоя: региональный аспект : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.08 / В. Б. Солодкин ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2004.

УДК 343

Д.И. ДАВЫДЕНКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – И.А. Заранка, преподаватель

ХАРАКТЕРИСТИКА КВАЛИФИЦИРУЮЩЕГО ПРИЗНАКА СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ ИЛИ АНАЛОГОВ «НА ТЕРРИТОРИИ УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ»

С целью заботы о здоровье учащихся на территории образовательных учреждений запрещено употребление и сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов. В связи с этим, особое внимание уделено профилактике наркомании на таких территориях, но, тем не менее, в настоящее время проблема сбыта наркотических средств на территории учреждения образования стоит остро.

В юридической литературе и современной судебной практике постепенно подходят к общему понятию термина сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, под которым понимают любую передачу из

владения одного субъекта другому посредством продажи, мены, передачи в дар, в счет погашения долга, а также любым иным путем.

При рассмотрении конкретных уголовных дел среди работников правоохранительных органов зачастую возникает вопрос, что же включает в себя квалифицирующий признак «территория учреждения образования»?

Следует отметить, что учреждения образования являются территориями социально-значимых объектов, тем самым образуя квалифицирующий признак состава преступления, предусмотренного ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь. В соответствии со ст. 139 Кодекса Республики Беларусь об образовании, материально-техническая база учреждений образования формируется учредителями в соответствии с требованиями, установленными законодательством, и ее составляют земельные участки, здания, сооружения, оборудование, транспортные средства и иное имущество. Что касается высших учреждений образования, в них также должны быть общежития, которые являются территорией конкретного учреждения образования.

Учреждения образования могут иметь в своей структуре обособленные подразделения и структурные подразделения.

К обособленным подразделениям учреждения образования относятся филиалы, представительства и иные обособленные подразделения. К структурным же подразделениям учреждения образования относятся библиотека, общежитие, учебно-опытный участок (хозяйство), производственная (учебно-производственная) мастерская, лаборатория, научно-исследовательская часть (сектор, отдел), институт без права юридического лица, факультет, факультет довузовской подготовки, подготовительное отделение, кафедра, центр, учебно-методическое управление (часть, отдел), отделение, учебное хозяйство, учебный полигон, автодром, ресурсный центр, пункт коррекционно-педагогической помощи, учебно-консультационный пункт, учебно-производственный комбинат трудового обучения и профессиональной ориентации, центр допризывной подготовки, детский социальный приют, специальное отделение, центр профессиональной и социальной реабилитации для лиц с особенностями психофизического развития, иные структурные подразделения.

Но структурное подразделение может создаваться как обособленное подразделение.

Учреждения образования формируют свою структуру в соответствии с законодательством, их уставами, на основании чего можно сделать вывод, что к территории образовательного учреждения относится та территория, которая указана в документации на земельный участок. К такой документации относится: технический паспорт на земельный участок, в нем же должен быть схематичный план БТИ, где указаны площадь и границы всего участка учреждения, а также площадь расположенных на этом участке строений и примыкающих к нему подразделений. Из чего следует, что по этим документам должно быть видно, какая территория относится к данному образовательному учреждению. Если же нет ограждения, то площадь участка, указанная в техническом паспорте, является территорией учреждения.

Земельные участки закрепляются за государственными образовательными учреждениями в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь.

Тем самым необходимым является установление точного места совершения преступного деяния, т.к. в данном случае оно может выступать квалифицирующим признаком объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь, а также обстоятельством, отягчающим ответственность.

УДК 343

А.О. ЖУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – И.А. Заранка, преподаватель

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТЯЗАНИЯ

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК РБ), наряду с причинением телесных повреждений, устанавливает уголовную ответственность за истязание. В ст. 154 УК РБ под истязанием понимается умышленное причинение продолжительной боли или мучений способами, вызывающими особые физические и психические страдания потерпевшего, либо систематическое нанесение побоев, не повлекшие последствий, предусмотренных стст. 147 и 149 настоящего Кодекса.

В уголовном законодательстве непосредственным объектом данного преступления признается здоровье другого человека. Под здоровьем, в свою очередь, понимается естественное состояние тела, органов и тканей человека (анатомическая целостность или физическое здоровье), а также функционирование органов и тканей человека (психофизиологическое здоровье) от начала жизни человека и до наступления смерти. Вместе с тем, в юридической литературе встречаются и другие точки зрения, касающиеся объекта данного состава. В частности В.Г. Вениаминов полагает, что основным непосредственным объектом истязания является честь и достоинство человека, дополнительным непосредственным объектом – неприкосновенность личности, факультативным непосредственным объектом – здоровье человека [1]. Некоторые авторы обозначают в качестве основного непосредственного объекта истязания общественные отношения, обеспечивающие безопасность здоровья. Однако, УК Республики Беларусь отдает предпочтение устоявшимся правилам и закрепляет в качестве объекта истязания здоровье другого человека.

Объективная сторона истязания выражается в совершении различных насильственных действий. В Правилах судебно-медицинской экспертизы характера и тяжести телесных повреждений в Республике Беларусь, которые утверждены приказом Белорусской государственной службы судебно-медицинской экспертизы от 1 июля 1999 г. № 38-с (далее – Правила) определено, что ими могут быть щипание, сечение, причинение множественных, но небольших повреждений тупыми или остро-колющими предметами, воздействие термических факторов и иные аналогичные действия [2]. Правила закрепляют дефиницию мучения – это действия, причиняющие страдания путем длительного лишения пищи, питья или тепла, либо помещения или оставления жертвы во вредных для здоровья условиях, и другие сходные действия. Одним из способов истязания является систематическое нанесение побоев (многократных ударов по телу потерпевшего). В соответствии с ч. 15 ст. 4 УК РБ «под систематичностью понимается признак, указывающий на совершение лицом более двух тождественных или однородных правонарушений». В Правилах определено, что побои не составляют особого вида повреждений, т.к. они не оставляют после себя никаких объективных следов. Установление факта побоев относится к компетенции органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Следует отметить, что и единичные, однократные случаи насилия при определенных условиях также могут рассматриваться как истязания, если они характеризуются интенсивным и продолжительным воздействием на человеческий организм и потерпевшему причиняются при этом особые физические и психические страдания (причинение

множественных ожогов раскаленным металлическим предметом или электрическим током, втыкание иголок под ногти и иные аналогичные действия).

Если в результате истязания потерпевшему было причинено повреждение, повлекшее кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности, действия виновного должны квалифицироваться только по ст. 154, ст. 153 в данном случае не применяется.

С субъективной стороны данное преступление может быть совершено только с прямым умыслом. Виновный сознает, что совершаемое им насильственное действие причиняют особые физические и психические страдания потерпевшему и желает этими действиями причинить ему такие страдания.

Ответственность за данное преступление по ч. 2 ст. 154 наступает в том случае, если:

- виновный заранее знал о беременности потерпевшей. Источник осведомленности о состоянии беременности потерпевшей не имеет значения. Не влияет на квалификацию также срок беременности потерпевшей и жизнеспособность плода;

- виновный осознавал, что лицо является престарелым (п. 9 ст. 4) или несовершеннолетним (п. 8 ст. 4);

- виновный осознавал, что лицо находится в беспомощном состоянии или в зависимом положении; понятие «беспомощное состояние» можно определить как положение лица, при котором оно в силу каких-либо обстоятельств не может само себя защитить в момент посягательства; зависимое положение потерпевшего от виновного может выражаться: в материальной зависимости, служебной зависимости, зависимости, основанной на семейно-брачных отношениях (дети + родители, жена + муж), иная зависимость (например, ученик от учителя, арендодатель от съемщика квартиры и т.д.);

- либо лицом, ранее судимым за истязание.

Субъектом данного преступления может быть любое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Необходимо отметить, что, несмотря на законодательную регламентацию данной статьи, существует ряд проблем при квалификации данного преступления. Состав истязания включает ряд оценочных признаков (они были указаны ранее), толкование которых вызывает значительные сложности в правоприменительной деятельности («физические и психические страдания», «иные насильственные действия» и т.д.). Имеются некоторые проблемы и теоретического характера. Так, среди ученых возникает большое количество споров в установлении объекта истязания. Безусловно, важной проблемой является плохая разработанность данной темы белорусскими учеными-юристами. Теоретическое исследование состава истязания проводят, по большей части, российские правоведы.

Для решения проблем в данной области необходимо глубже исследовать данный состав. Это позволит устранить имеющиеся недостатки и обеспечить единообразное применение норм уголовного закона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вениаминов, В. Г. Уголовная ответственность за побои и истязания : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. Г. Вениаминов. – Саратов : РГБ, 2005. – 184 с.

2. О нормативных правовых актах и методических документах Белорусской государственной службы судебно-медицинской экспертизы [Электронный ресурс] : приказ Белорус. гос. службы судеб.-медиц. экспертизы, 1 июля 1999 г., № 38-с //

УДК 343

А.С. ЖУРОВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – О.Н. Иванчина, кандидат философских наук, доцент

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Понятие малозначительности деяния закреплено в ч. 4 ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ): «Не являются преступлением действие или бездействие, формально содержащие признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не обладающие общественной опасностью, присущей преступлению. Малозначительным признается деяние, которое не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам. Такое деяние в случаях, предусмотренных законом, может повлечь применение мер административного или дисциплинарного взыскания».

Деяние считается малозначительным (проступком, правонарушением), а не преступлением только когда присутствуют два признака. Первым выступает часть из определения УК РБ: «действие или бездействие, формально содержащие признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом», т.е. в деянии лишь внешне обязана присутствовать уголовная противоправность. Вторым признаком – в деянии отсутствует важная характеристика преступления – общественная опасность. Малозначительным деянием называется то правонарушение, когда в нем есть два признака, причем одновременные. По первому признаку деяние формально соответствует признакам преступления, которые прописаны в УК РБ, т.е. в нем только внешне должна присутствовать уголовная противоправность. Вторым признаком – это отсутствие другого свойства преступления – общественной опасности. Зачастую она отсутствует потому, что ущерб, который повлекло за собой деяние, является малозначительным. Исходя из этого, деяние не квалифицируется как преступление. Как правило, некоторый вред и частичная антисоциальность в малозначительных деяниях все равно присутствует. В ст. 341 УК РБ («Осквернение сооружений и порча имущества») не обозначен размер причиняемого ущерба. При мизерной величине нанесенного вреда данное деяние разумно рассматривать в качестве малозначительного согласно ч. 4 ст. 11 УК РБ. Такие деяния должны рассматриваться не в рамках уголовного права, а влечь за собой гражданско-правовую, дисциплинарную, административную, моральную оценку. Следовательно, закрывая дело или вовсе не возбуждая его производство по причине малозначительности деяния, уполномоченное лицо или компетентный орган ставит вопрос об актуальности применения другой, неуголовной меры наказания. Только умышленное и, как правило, совершенное с прямым умыслом деяние (т.е. лицо конкретно задумывало причинение *мало*го вреда) может считаться малозначительным [1]. Например, когда поклонник артиста из гримерной похищает его недорогой платок «на память». Если же имела место кража дорогостоящего предмета с корыстным умыслом, то деяние квалифицируется совсем иначе. Если преступник хотел украсть дорогостоящий предмет, но его не оказалось на месте, и захватил с собой недорогой предмет с корыстным умыслом, то данное

деяние не будет квалифицироваться как малозначительное, а будет считаться преступлением – покушением на кражу с целью причинения значительного ущерба гражданину» (ст. 14 и ч. 3 ст 205 УК РБ).

Можно привести иной пример: кража на незначительную сумму денег. Часто в статьях УК РБ обязательным, а не квалифицирующим признаком уголовный закон называет причинение крупного ущерба. При отсутствии данного ущерба исключается уголовная противоправность. Уголовное производство по такому делу не начинается, а уже начатое прекращается не по причине малозначительности деяния, а ввиду отсутствия состава преступления, обязательным признаком которого является причинение *крупного* ущерба.

Деяния квалифицируются как малозначительные только тогда, когда малозначительность является как объективной, так и субъективной, т.е. умысел был направлен на совершение именно малозначительного деяния, а не преступления, неоконченного по независящим от него обстоятельствам. При несоответствии уже совершенного деяния и умысла преступника ответственность наступает за покушение на то преступление, которое замышлялось. Таким образом, если лицо замышляло совершить крупное хищение крупной суммы денег или ценного предмета, но их там не оказалось, преступник похитил что-то не очень ценное, то деяние будет квалифицироваться как покушение на крупное хищение. Уголовное дело в таком случае не может быть прекращено по причине малозначительности причиненного вреда.

Если имел место неконкретизированный умысел, т.е. лицо предвидело наступление вреда и желало этого, то деяние не признается малозначительным. Степень ответственности в таком случае наступает в соответствии с фактически причиненным вредом. Умышленный характер деяния не позволяет прекратить уголовное дело даже ввиду малозначительности деяния.

Классическим примером такого преступления является совершение карманной кражи. Преступник совершает деяние без конкретизированного умысла. Кража преступником бумажника с небольшой суммой денег не считается малозначительным деянием. В данном случае лицу, совершившему деяние, будет вменяться ч. 1 ст. 205 УК РБ. Если же лицо заведомо для себя совершает кражу малой суммы денег, то данное деяние будет расцениваться как малозначительное.

Таким образом, УК РБ связывает малозначительность деяния непосредственно с причинением вреда или угрозой его причинения, а также определяет его природу как возможного административного или дисциплинарного правонарушения. Следует признать, что на практике правоохранительными работниками делаются ошибки при применении статьи о малозначительном деянии. Отказ в возбуждении уголовного дела о краже ввиду ее малозначительности способствует росту латентности преступности. Однако вопрос о декриминализации подобного деяния (выведение его в область гражданского или административного права) мог бы содействовать профилактике преступности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Саркисова, Э. А. Общественная опасность как материальный признак преступления [Электронный ресурс] / Э. А. Саркисова // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.

УДК 343

С.А. ЗАЛЕВСКАЯ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

ОТГРАНИЧЕНИЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ ОТ КОММЕРЧЕСКОГО ШПИОНАЖА

В теории уголовного права часто возникают вопросы, касающиеся отграничения составов преступления, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК), друг от друга. Такая необходимость возникает ввиду того, что нередко предмет посягательств совпадает в составах, предусмотренных разными статьями особенной части УК. В данных научных тезисах будут проанализированы такие составы, как нарушение прав промышленной собственности и коммерческий шпионаж, предусмотренные стст. 201 и 254 УК.

Первоначально необходимо проанализировать первый ранее упомянутый состав, нарушение прав промышленной собственности. Ответственность за данное преступление предусмотрена ст. 201 УК. Объектом посягательства в данном составе является право промышленной собственности. Предметом выступают объекты права промышленной собственности, перечень которых закреплен в ст. 998 Гражданского кодекса Республики Беларусь. В соответствии с данным перечнем право промышленной собственности распространяется на: изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау), фирменные наименования, товарные знаки и знаки обслуживания, географические указания, другие объекты промышленной собственности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг в случаях, предусмотренных законодательством.

Объективная сторона указанного преступления может быть выражена в разглашении без согласия автора или заявителя до официального опубликования сведений о сущности объектов промышленной собственности, т.е. придание огласке, доведение до сведения третьих лиц указанной информации независимо от способа ее обнародования, также объективная сторона может выражаться в незаконном распространении или ином незаконном использовании объектов права промышленной собственности. Преступление признается оконченным с момента совершения любого из указанных действий либо с момента получения дохода в крупном размере. Субъективная сторона представлена только прямым умыслом. Субъект – общий с 16 лет, ч. 2 предусмотрен специальный субъект в виде лица, которое в течении года привлекалось к административной ответственности за такое же нарушение [1, с. 211].

Что же касается второго состава, коммерческий шпионаж, то ответственность за данное преступление предусмотрена ст. 254 УК. В данном случае объектом преступного посягательства выступает информационная безопасность субъекта экономической деятельности, предметом являются сведения, составляющие коммерческую или банковскую тайны. Нас же интересует только коммерческая тайна. Объективная сторона представлена альтернативными действиями: похищение либо собирание данной информации. Похищение – противоправное завладение указанными сведениями, а собирание – совершение любых действий по получению указанных сведений с применением незаконных способов. Преступление признается оконченным

с момента совершения любого из названных действий. Субъективная сторона – только прямой умысел. Обязательный признак – цель. Субъект – общий с 16 лет [1, с. 384].

В соответствии с Законом Республики Беларусь о коммерческой тайне от 5 января 2013 г. № 16-З под коммерческой тайной понимаются сведения любого характера (технического, производственного, организационного, коммерческого, финансового и иного), в т.ч. секреты производства (ноу-хау), в отношении которых установлен режим коммерческой тайны.

Таким образом, видно, что предметом посягательства и в том, и в другом составах могут быть одни и те же сведения, например, секреты производства. Однако следует заметить, что данные сведения могут быть предметом посягательства ст. 254 лишь в том случае, когда им в соответствии с законодательством Республики Беларусь и в установленном порядке присваивается статус коммерческой тайны. Таким образом предмет посягательства предусмотренный ст. 254, несколько уже, чем ст. 201 УК.

Отличаются данные составы преступлений друг от друга и объектом посягательства. В первом составе это право промышленной собственности, а во втором – информационная безопасность экономической деятельности. Также следует учесть, что данные преступления совершаются только с прямым умыслом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / А. И. Лукашов [и др.] ; под общ. ред. А. И. Лукашова. – Минск : Изд-во Гревцова, 2009. – 960 с.

УДК 343.102

В.Б. КИНДЗЕРСКАЯ

Львов, НУЛП

Научный руководитель – К.Б. Марисюк, доктор юридических наук, доцент

ПОНЯТИЕ, ПОРЯДОК И УСЛОВИЯ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ

Вследствие гуманизации уголовного законодательства в судебной практике увеличивается численность лиц, в отношении которых суды решают вопрос о назначении наказаний, не связанных с лишением свободы. Именно к таким наказаниям и относят общественные работы.

Общественные работы являются одним из видов основных наказаний, регламентированных в ст. 56 Уголовного кодекса Украины (далее – УК Украины). Это мера государственного принуждения, применяемая от имени государства к лицу, признанному виновным в совершении преступления по приговору суда, и заключается в предусмотренном законом ограничении прав и свобод осужденного в соответствии с ч. 1 ст. 50 УК Украины. Целью любого вида наказания является прежде всего наказание за совершенное преступление, исправление и перевоспитание осужденных, а также предупреждение совершения новых преступлений как самим осужденным, так и другими лицами.

Общественные работы – это достаточно новый вид наказания, и в УК Украины 1960 г. он не предусматривался. Историческое развитие общественных работ как вида уголовного права исследовала В.А. Мозговая. Она отмечает, что «в истории отечественного уголовного права вроде современных общественных работ наказание

встречалось неоднократно. В разные периоды и в разных нормативно-правовых актах общественные работы существовали как под привычным нам названием, так и под другими названиями: «принудительные работы», «общественно необходимые работы», «принудительные общественные работы». Но следует учитывать, что наказания, которые были связаны с трудовой повинностью, существовали еще в древнерусском праве, основным источником которого была Русская Правда [1, с. 543].

В уголовном законе дано определение общественных работ, а именно ч. 1 ст. 56 УК Украины говорит нам, что под общественными работами следует понимать вид наказания, который заключается в выполнении осужденным в свободное от работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ, вид которых определяют органы местного самоуправления [2, с. 24]. Данный вид наказания имеет свои ограничения и не может применяться к некоторым группам населения, а именно к инвалидам первой или второй группы; беременным женщинам, лицам, достигшим пенсионного возраста; военнослужащим срочной службы. Данный перечень является исчерпывающим.

П.В. Кочерган отмечает, что общественные работы не могут быть источником пополнения местного бюджета [3, с. 7]. М.Я. Гуцалюк частично согласен с этим утверждением и отмечает, что, действительно, отбывание осужденными наказания в виде общественных работ не может быть источником пополнения местного бюджета, но является одним из источников экономии средств местного бюджета, поскольку данные работы бесплатные и это дает возможность экономить траты на выполнение отдельных работ [4, с. 157].

Для общественных работ характерен бесплатный и обязательный характер.

Это наказание устанавливается в пределах от 60 до 240 чч. и не менее 4 ч. в день.

Порядок исполнения наказания в виде общественных работ предусмотрен в гл. 8 Уголовно-исполнительного кодекса Украины (далее – УИК Украины). Глава содержит в себе порядок исполнения данного вида наказания, условия отбывания, исчисление срока наказания в виде общественных работ и т.п.

Согласно ч. 1 ст. 36 УИК Украины наказание в виде общественных работ отбывается по месту проживания осужденного [5, с. 20]. Контроль за исполнением наказания в виде общественных работ возлагается на уголовно-исполнительную инспекцию, а проведение индивидуально-профилактической работы по месту жительства осужденного – на органы Национальной полиции. Учет осужденных ведется уголовно-исполнительной инспекцией. Она также разъясняет порядок и условия отбывания наказания, согласовывает с органами местного самоуправления перечень объектов, на которых осужденные отбывают обязательные работы, а также осуществляет контроль за соблюдением условий отбывания наказания осужденными и т.п. Осужденные к наказанию в виде общественных работ обязаны соблюдать установленные порядок и условия отбывания наказания, добросовестно относиться к труду, работать на определенных для них объектах и отрабатывать установленный судом срок общественных работ, являться в уголовно-исполнительную инспекцию по вызову и для регистрации, сообщать ей о смене места жительства.

Уважительными причинами неявки в назначенный срок признаются: несвоевременное получение вызова, болезнь и другие обстоятельства, которые фактически лишили возможности своевременно прибыть по вызову и документально подтверждены.

Осужденному запрещается без разрешения инспекции выезжать за пределы территории Украины.

Предоставление осужденному ежегодного отпуска по основному месту работы не может стать причиной прекращения исполнения наказания в виде общественных работ.

Итак, можно сказать, что данный вид наказания способен максимально гуманно повлиять на сознание преступника. Назначая это наказание суд дает преступнику второй шанс для дальнейшего не совершение преступления, он не изолируется от общества, но при этом отбывает наказание. Также данный вид наказания может применяться к лицам, совершившим преступление небольшой тяжести или неосторожное преступление средней тяжести, не применяя тем самым более тяжкого наказания к таким лицам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мозговая, В. А. Историческое развитие общественных работ как вид уголовного наказания / В. А. Мозговая // Государство и право. – 2009. – Вып. 44. – 870 с.
2. Уголовный Кодекс Украины: действующее законодательство с изм. и доп. По состоянию на 14 авг. 2015 г. – М. : Паливода, 2015. – 212 с.
3. Кочерган, П. В. Общественные работы как вид наказания / П. В. Кочерган // Аспект : информ. бюл. – 2003. – № 1. – 13 с.
4. Гуцяляк, М. Я. Общественные работы в системе уголовных наказаний / М. Я. Гуцяляк // Науч.-информ. вестн. – 240 с.
5. Уголовно-исполнительный кодекс Украины: действующее законодательство с изм. и доп. по состоянию на 1 сент. 2016. – Киев : Паливода, 2016. – 104 с.

УДК 343.233

В.О. КЛИМАШЕВСКАЯ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

СОГЛАСИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, ПРИ ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ: ОЦЕНКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

В законодательствах ряда стран установлено согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее преступность деяния. В отечественном уголовном праве вопрос об этом стал одним из самых острых. Решение о нормативном закреплении согласия потерпевшего как обстоятельства, исключающего преступность деяния, особенно при причинении вреда жизни и здоровью, должно быть принято взвешенно на основании всесторонней оценки.

Считается, что согласие потерпевшего на причинение ему какого-либо вреда в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, должно отвечать следующим условиям:

- лицо, дающее согласие на причинение ему вреда, должно быть право- и дееспособным;
- согласие лица должно быть дано на принадлежащие ему лично без ограничений права и интересы, т.е. на субъективные права и интересы, находящиеся в свободном его распоряжении – причем лицо, которое преувеличило субъективные права, должно нести ответственность, а лицо, согласившееся причинить вред, ответственность нести не должно при условии, что действительно не знало об этом;

- лицо, дающее согласие, должно осознавать значимость своих действий как с субъективной (для себя), так и с объективной (общественной) стороны – согласие также не должно быть дано на достижение общественно опасных целей;

- согласие лица должно быть добровольным – на лицо не должно оказываться давление, психическое либо физическое насилие.

- согласие лица должно быть дано до причинения ему вреда, т.е. должно быть своевременным;

- вред, который причинен лицу, не должен выходить за пределы согласия – лицо, которое дает согласие, не должно быть введено в заблуждение [1, с. 268–269; 2, с. 162; 6, с. 170].

Следует разделить согласие потерпевшего на отдельные виды, каждый из которых следует рассматривать особо:

- согласие на причинение себе имущественного вреда;

- согласие потерпевшего на лишение жизни;

- согласие потерпевшего на причинение себе вреда здоровью.

Условия правомерности согласия потерпевшего не являются универсальными для всех ситуаций, связанных с таким обстоятельством. Однако природа этих прав разная. Жизнь человека, несомненно, принадлежит каждому и является высшей ценностью государства. Имущество по отношению к жизни будет второстепенным и менее важным правом, поэтому регулировать такие отношения проще, что находит свое отражение и в действующем законодательстве: имущественные отношения, в основном, урегулированы в гражданском законодательстве и только в силу большой общественной опасности или большого ущерба такие отношения также урегулированы и нормами уголовного законодательства.

Что же касается своевременности дачи согласия, то В.В. Орехов отмечает условия правомерности причинения вреда при таком обстоятельстве: согласие должно быть дано «до или во время совершения деяния», нарушающего определенные интересы потерпевшего. Он также выдвигает свое мнение по поводу общественной опасности и полезности согласия потерпевшего: «Исходя из тех же доводов (социальной полезности или вредности – примечание автора) о преступности лишения жизни лица с его согласия, следует признать, что и причинение тяжкого или средней тяжести (в УК Республики Беларусь менее тяжкого – *примечание автора*) вреда здоровью независимо от согласия потерпевшего является преступлением, влекущим уголовную ответственность. Если согласие лица дано на производство незаконного аборта, заражение венерической болезнью, причинение вреда здоровью для получения пенсии по инвалидности, то все эти деяния образуют соответствующее преступление [2, с. 164]. Сторонники более мягкой позиции считают, что при рассмотрении вопроса о согласии потерпевшего на причинение себе физического вреда и на лишение жизни следует исходить из принципов социальной полезности или опасности таких деяний: например, при трансплантации, при причинении легких телесных повреждений и т.п.

Однако согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее преступность деяния, противоречит сущности уголовно-правовой охраны жизни и здоровья. В случае посягательства на жизнь и здоровье одноименный объект охраны выводился бы из сферы охраняемых уголовным законом общественных отношений. «Лишение жизни потерпевшего с его согласия противоречит морали и интересам нашего общества, подрывает сознание неприкосновенности жизни общества» [2, с. 162]. Более того, согласие потерпевшего при причинении вреда жизни и здоровью должно получить конкретную уголовно-правовую оценку как не исключающее преступность деяния.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право. Общая часть : учебник / В. М. Хомич [и др.] ; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.
2. Орехов, В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключющие преступность деяния / В. В. Орехов. – СПб :Юрид. центр Пресс, 2003. – 217 с.

УДК 343/328.185

А.А. КОНОШЕНКО, В.И. РЕЗЮК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЛУЖАЩИЙ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Особый общественный и правовой статус государственных служащих обусловлен задачами государственной важности, возлагаемыми на определенных лиц, а также соответствующими им достаточно широкими властными полномочиями. В мировой практике применяются уголовно-правовые средства охраны отношений, связанных с государственной службой: так, в гл. 30 Уголовного кодекса Российской Федерации закреплены преступления против государственной власти, государственной и муниципальной службы, в которых государственные служащие отмечены как возможные субъекты, в уголовном законе США выделены субъекты преступлений – государственные служащие как публичные должностные лица, в уголовном законе Германии государственно-правовые отношения и выполнение государственных функций являются признаками специального субъекта преступления – должностного лица [1]. Особую общественную опасность приобретает проникновение коррупции в сферу государственной службы. К определению понятия коррупции специалисты в области уголовного права подходят достаточно неоднозначно и широко: коррупция рассматривается как социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус, авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах [2].

Особенностью антикоррупционной деятельности в Республике Беларусь является нормативное закрепление перечня коррупционных преступлений:

- хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК);
- легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 2 и ч. 3 ст. 235 УК);
- злоупотребление властью или служебными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 424 УК);
- бездействие должностного лица из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 425 УК);
- превышение власти или служебных полномочий, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 426 УК);
- незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 429 УК);
- получение взятки (ст. 430 УК);

- дача взятки (ст. 431 УК);
- посредничество во взяточничестве (ст. 432 УК);
- злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности (ст. 455 УК) [3].

Субъект коррупционных преступлений по УК (кроме дачи взятки и большинства составов посредничества во взяточничестве) специальный – к ответственности привлекается должностное лицо. Одним из специальных субъектов преступления, предусмотренного ст. 429 УК, является лицо, находящееся на государственной службе, т.е. государственный служащий.

Государственный служащий по белорусскому законодательству – это лицо, имеющее гражданство Республики Беларусь, занимающее государственную должность, наделенный соответствующими полномочиями и выполняющее служебные обязанности за денежное вознаграждение из средств республиканского или местных бюджетов либо других предусмотренных законодательством источников финансирования. В уголовном законодательстве выделены понятия должностных лиц (ч. 4 ст. 4 УК), охватывающее и государственных служащих, имеющих право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы относительно лиц, не подчиненных им по службе (п. 1 ч. 4 ст. 4 УК), должностных лиц, занимающих ответственное положение (ч. 5 ст. 4 УК) – указанные группы лиц находятся на государственных должностях, однако понятие государственного служащего иное по своему содержанию: так Законом Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь» по общему правилу не регулируется деятельность военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, Следственного комитета Республики Беларусь, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь.

Фактически государственные служащие как лица, пребывающие в особом статусе, деятельность которых регулируется законодательством о государственной службе, могут быть привлечены к уголовной ответственности за коррупционные преступления:

- посягающие на интересы службы (ч. 2 и ч. 3 ст. 424, ч. 2 и ч. 3 ст. 425, ч. 2 и ч. 3 ст. 426, ст. 429, ст. 430, ч. 2 ст. 432 УК, закрепленные в главе 35 УК);
- посягающие на собственность и порядок осуществления экономической деятельности (ст. 210, ч. 2 и ч. 3 ст. 235 УК, закрепленные в главе 24 УК).

Выделенные группы преступлений могут использоваться как критерии при квалификации коррупционных преступлений, совершенных государственными служащими: например, хищений и иных преступных посягательств на бюджетные средства.

Можно констатировать, что государственный служащий как признак специального субъекта ряда преступлений, в т.ч. коррупционных, закреплен в УК, и выделить особенности его уголовно-правового отражения:

- закрепление признака «государственный служащий» в Общей части УК как одного из признаков должностного лица;
- непосредственное закрепление признака «государственный служащий» в Особой части УК – в ст. 429 УК (незаконное участие в предпринимательской деятельности).

Описанный механизм позволяет обозначить проблематику уголовно-правового регулирования, выражающуюся, во-первых, в достаточно сложной форме закрепления

юридически значимого признака» государственный служащий «и, во-вторых, не являющуюся достаточной, в целом, как не устраняющую все пробелы антикоррупционного уголовно-правового регулирования: так, например, дача взятки, совершенная государственным служащим, или посредничество во взяточничестве, совершенное им же, даже не связанное со служебными полномочиями, характеризуются повышенной общественной опасностью, однако уголовно-правовой оценки не находят.

Между тем, совершение государственным служащим коррупционных преступлений сопряжено с причинением вреда не только интересам службы, отношениям собственности, порядку осуществления экономической деятельности, но и государственной службе, в частности – подобная преступная деятельность подрывает авторитет государства, его органов и организаций. Признание государственного служащего субъектом коррупционных преступлений соответствует принципу единообразного применения уголовного закона: субъектом коррупционных преступлений Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (2003 г.) определяет «публичное должностное лицо», понятие, соответствующее государственному служащему.

Логичным, последовательным и необходимым направлением совершенствования уголовного законодательства стало бы уточнение случаев применения признака преступления «государственный служащий», повышение его уголовно-правовой понятийной определенности, а также определение государственной службы в качестве видового объекта уголовно-правовой охраны, что особенно актуально в сфере антикоррупционного регулирования, ввиду однозначной и четкой негативной оценки обществом преступной коррупционной деятельности государственного служащего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курс уголовного права. Особенная часть [Электронный ресурс] / Г. И. Борзенков [и др.]. – Режим доступа: <http://bellib.org/?p=28610>. – Дата доступа: 10.10.2016.
2. Волженкин, Б. В. Коррупция как социальное явление / Б. В. Волженкин. – Чистые руки. – 1999. – № 1. – С. 30.
3. Перечень коррупционных преступлений [Электронный ресурс] : постановление Ген. прокуратуры Респ. Беларусь, Ком. гос. контроля Респ. Беларусь, Оператив.-аналит. центра при Президенте Респ. Беларусь, М-ва внутрен. дел Респ. Беларусь, Ком. гос. безопасности Респ. Беларусь, 31 янв. 2011 г., № 5/8/1/34/6 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

УДК 344.65

А.Н. КУКЕЛЬ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – Е.П. Хотько, кандидат юридических наук

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ГРАЖДАН ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Честь, достоинство и деловая репутация граждан, наряду с жизнью, здоровьем, правом собственности и др., является неотъемлемой составляющей охраняемых уголовным законом общественных отношений как в Республике Беларусь, так и в большинстве демократических государств мира.

Современным законодательством Республики Беларусь предусмотрен целый ряд механизмов по защите чести, достоинства и деловой репутации граждан, которые представляют собой, в частности:

- гражданско-правовой механизм (защита чести, достоинства и деловой репутации путем подачи иска либо установления факта несоответствия действительности сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию граждан);
- административно-правовой механизм (привлечение к административной ответственности в соответствии со ст. 9.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях);
- уголовно-правовой (привлечение к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 188 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Следует отметить, что уголовно-правовая ответственность за клевету (распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений) и оскорбление (умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме) допускается по законодательству Республики Беларусь только после совершения данного деяния в течение года после наложения мер административного взыскания за клевету или оскорбление, а также за клевету, содержащуюся в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, либо соединенная с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, за оскорбление, нанесенное в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации [1].

В соответствии со ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. При этом рассмотрение судом уголовного или административного дела о клевете или оскорблении не является препятствием к возбуждению по иску потерпевшего гражданского дела о защите деловой репутации, чести и достоинства [2].

В связи с тем, что основной целью привлечения к уголовной ответственности по стст. 188–189 Уголовного кодекса Республики Беларусь, по нашему мнению, является не только исправление лица, совершившего уголовно наказуемое деяние, но и восстановление нарушенного права и социальной справедливости, под восстановлением прав, нарушенных совершением преступлений, предусмотренных

стст. 188–189 Уголовного кодекса Республики Беларусь следует понимать, в частности, опровержение сведений, не соответствующих действительности, а также публичные извинения (в случае привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 189 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

В настоящее время для восстановления нарушенного права, лицо, которое является потерпевшим по делу, должно обратиться в суд с иском о защите чести, достоинства и деловой репутации, либо с заявлением об установлении факта несоответствия действительности сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина. Помимо того, что данный гражданин будет вынужден нести дополнительные расходы (на оплату государственной пошлины, на юридическую помощь при составлении искового заявления), потерпевший еще будет ждать вступления решения суда в законную силу, а с учетом кассационной инстанции данный срок может растянуться на месяцы [2].

Гл. 17 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь физическому или юридическому лицу, пострадавшему от преступления, предоставлено право подачи иска о возмещении физического, имущественного или морального вреда в уголовном процессе. Однако, как показывает практика, данные иски носят, в первую очередь, имущественный характер и направлены на возмещение (компенсацию) денежных средств. Кроме того ст. 152 Гражданского кодекса Республики Беларусь установлено, что за причинение морального вреда гражданин вправе требовать денежную компенсацию.

Решением сложившейся ситуации видится, в первую очередь, необходимость возложения на прокурора обязанности предъявления гражданского иска о защите чести, достоинства и деловой репутации гражданина в уголовном процессе. Основной задачей данного иска будет являться опровержение сведений, не соответствующих действительности, с целью восстановления нарушенного права гражданина, либо принесение публичного изменения, в случае привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 189 Уголовного кодекса Республики Беларусь, а также взыскание материального и морального ущерба, если таковой имеется.

Современная практика иностранных государств, в частности Российской Федерации, направлена на все большую криминализацию деяний, посягающих на честь, достоинство и деловую репутацию граждан. Так, в 2012 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации были внесены изменения, согласно которым ответственность за клевету (распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию) предусмотрена только уголовным законом (аналогичный состав административного правонарушения в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях отсутствует). В то же самое время состав такого правонарушения как оскорбление в Уголовном кодексе Российской Федерации отсутствует. Указанными действиями российский законодатель подчеркивает значимость охраняемых ст. 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации общественных отношений. Однако следует отметить, что предложенный выше порядок опровержения распространенных сведений не предусмотрен и законодательством Российской Федерации.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что только комплексное использование уголовно-правового и гражданско-правового механизмов защиты чести достоинства и деловой репутации граждан может служить наиболее оптимальным способом восстановления нарушенного права в кратчайшие сроки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Фендер. закона от 16.07.2015 г. // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». – М., 2016.

УДК 343.222

О.С. КУКСИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ОЦЕНКА ВМЕНЯЕМОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Согласно ст. 27 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) лица, достигшие 14 лет, несут ответственность за тяжкие или особо тяжкие преступления: убийство (ст. 139 УК), изнасилование (ст. 166 УК), захват заложника (ст. 291 УК) и др. [1]. Ответственность за другие преступления наступает по достижении возраста 16 лет, кроме отдельных исключений (должностных преступлений, субъектом которых является должностное лицо, достигшее 18-летнего возраста, в частности).

Несовершеннолетний является субъектом преступления в том случае, если он вменяем и не отстает в развитии, т.к. согласно ч. 3 ст. 27 УК не подлежит уголовной ответственности несовершеннолетнее лицо, которое достигло возраста, с которого наступает уголовная ответственность, если будет установлено, что вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством (заболеванием), оно во время совершения общественно опасного деяния было не способно осознавать фактический характер или общественную опасность своего деяния [1]. Дети, отстающие в развитии, могут совершить неправомерные поступки по причине некоего любопытства либо и вовсе не отдавая себе отчет о содеянном.

При наличии данных, вызывающих сомнение в умственном развитии несовершеннолетнего, совершившего общественно опасное деяние, следует назначать экспертизу в соответствии с требованиями стст. 226–228 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) [2]. При этом на разрешение психолого-психиатрической экспертизы может быть также поставлен вопрос, было ли способно лицо, совершившее общественно опасное деяние, осознавать его фактический характер или общественную опасность. На разрешение эксперта-психолога ставится вопрос о фактическом наличии отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством (заболеванием), но не позволяющего сознавать фактический характер или общественную опасность своего деяния.

В соответствии со ст. 89 УПК установление возраста (дата, месяц, год рождения) несовершеннолетнего входит в число обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Документами, подтверждающими возраст несовершеннолетнего, могут быть свидетельство о рождении, паспорт. В случае отсутствия документов или при сомнении в их достоверности данный вопрос следует решать в соответствии с п. 2 ст. 228 УПК путем назначения экспертизы [2].

В целях строгого соблюдения норм уголовно-процессуального закона, регулирующих судебное производство по делам о преступлениях несовершеннолетних, всестороннего и объективного разбирательства, с учетом особенностей личности несовершеннолетнего обвиняемого, дела данной категории рассматриваются судьями, имеющими специальную подготовку (ст. 430 УПК) [2].

Таким образом, цель – решение сложного вопроса о вменяемости несовершеннолетнего, можно сказать, достигается целым комплексом мер уголовно-правового, уголовно-процессуального характера.

Представляется крайне важным при решении вопроса о вменяемости несовершеннолетнего, совершившего преступление, обязательное проведение экспертизы в отношении всех несовершеннолетних по критериям, указанным в ч. 3 ст. 27 УК.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

УДК 343

И.В. ЛОСЕВ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина»

Научный руководитель – В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ И НАЛОГОВ, СБОРОВ: НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО- ПРАВОВЫХ НОРМ

Актуальность темы обусловлена важностью защиты уголовно-правовыми средствами бюджетной системы Республики Беларусь от преступных посягательств.

Проведенное исследование проблем криминализации уклонения от уплаты таможенных платежей (ст. 231 Уголовного кодекса Республики Беларусь, далее – УК) и уклонения от уплаты сумм налогов, сборов (ст. 243 УК), в т.ч. на основе исторического и сравнительно-правового методов с учетом опыта Российской Федерации и Республики Казахстан как участников Таможенного союза ЕАЭС,

позволило сформулировать предложения по совершенствованию уголовного законодательства Республики Беларусь в части их криминализации.

И уклонение от уплаты таможенных платежей, и уклонение от уплаты сумм налогов, сборов как преступления, посягающие на бюджетную систему, одинаково общественно опасны, поэтому видится неоправданным существующее сейчас различие в подходах к криминализации этих деяний, прежде всего в определении квалификационного размера ущерба (в составе уклонения от уплаты таможенных платежей – 2 000 базовых величин, далее – БВ), в составе уклонения от уплаты сумм налогов, сборов – 1 000 БВ).

Поэтому нами предлагается увеличить квалификационный размер ущерба в составе уклонения от уплаты сумм налогов, сборов (содержание крупного размера) с 1 000 БВ до 2 000 БВ, а квалифицирующий признак – особо крупный размер ущерба увеличить с 2 500 БВ минимум до 3 500 БВ, для чего внести изменения в примечание к ст. 243 УК.

Также предлагается дополнить ч. 2 ст. 231 УК квалифицирующим признаком, как это сделано в ч. 2 ст. 243 УК, установив повышенную ответственность за причинение в результате уклонения от уплаты таможенных платежей ущерба в особо крупном размере; определить особо крупный размер в сумме, соответствующей 3 500 БВ, что указать в примечании к ст. 231 УК.

Предлагается установить более строгую ответственность в ч. 2 ст. 231 УК за уклонение от уплаты таможенных платежей с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, а в связи с повышенной общественной опасностью организованной преступной деятельности в экономической сфере дополнить ст. 231 УК частью 3 с особо квалифицирующим признаком «совершенное организованной группой», как это сделано, к примеру, соответственно в частях 3 и 4 ст. 228 «Контрабанда» УК.

С учетом предлагаемых изменений сформулировать ст. 231 УК следующим образом:

«1. Уклонение от уплаты таможенных платежей в крупном размере – наказывается....

2. То же деяние, совершенное повторно, либо группой лиц по предварительному сговору, либо с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, либо в особо крупном размере – наказывается....

3. То же деяние, совершенное организованной группой – наказывается....

Примечание. Уклонением от уплаты таможенных платежей в крупном размере признается уклонение, при котором сумма неуплаченных таможенных платежей превышает в две тысячи раз размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, в особо крупном размере – в три тысячи пятьсот раз превышает размер базовой величины, установленный на день совершения преступления».

С учетом квалифицирующих признаков, предусмотренных в ч. 2 ст. 231 УК, представляется возможным предусмотреть в ч. 2 ст. 243 «Уклонение от уплаты сумм налогов, сборов» УК квалифицирующие признаки «совершенное повторно либо группой лиц по предварительному сговору».

В связи с повышенной общественной опасностью организованной преступной деятельности в экономической сфере предлагается дополнить ст. 243 УК ч. 3 особо квалифицирующим признаком «совершенное организованной группой».

С учетом предлагаемых изменений сформулировать ст. 243 УК следующим образом:
«1. Уклонение от уплаты сумм налогов, сборов путем сокрытия, умышленного занижения налоговой базы либо путем уклонения от представления налоговой декларации (расчета) или внесения в нее заведомо ложных сведений, повлекшее причинение ущерба в крупном размере, –

наказывается....

2. То же деяние, повлекшее причинение ущерба в особо крупном размере, либо совершенное повторно, либо группой лиц по предварительному сговору, –

наказывается....

3. То же деяние, совершенное организованной группой –

наказывается....

Примечание. Крупным размером ущерба признается уклонение от уплаты сумм налогов, сборов на сумму, в две тысячи и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, особо крупным размером – в 3 500 и более раз превышающую размер такой базовой величины».

Заслуживает внимания и дальнейшего исследования вопрос дифференциации ответственности гражданина и должностных лиц, юридических лиц за уклонение от уплаты сумм налогов, сборов, прежде всего, в части установления различного квалификационного (обязательного) размера ущерба, который должен быть выше для организаций по сравнению с гражданами, в т.ч. индивидуальными предпринимателями.

Реализация законодателем сформулированных предложений позволит восполнить недостающие элементы в системе охраны порядка осуществления экономической деятельности в Республике Беларусь, будет способствовать реализации мероприятий Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (утв. Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672).

УДК 343.2/7

А.В. МАКРУШИНА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ПРЕДМЕТ И ПОТЕРПЕВШИЙ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В современном мире особое внимание уделяется охране интеллектуальной собственности, коммерческой тайне в частности. Уголовно-правовая охрана является частью общей системы охраны указанной группы общественных отношений.

Характеристика предмета и потерпевшего в преступлениях, направленных на интеллектуальную собственность, имеет большое значение ввиду специфики их содержания. Предметом преступления являются предметы внешней среды, воздействуя на которые лицо нарушает либо может нарушить определенные общественные отношения. Предмет преступления существует в двух формах:

- материальной;
- нематериальной [1].

Интеллектуальная собственность – совокупность личных и имущественных прав на результаты интеллектуальной творческой деятельности, принадлежащих автору, его наследникам или иным физическим и юридическим лицам по закону или договору.

В соответствии с Гражданским Кодексом Республики Беларусь к объектам интеллектуальной собственности относятся:

- результаты интеллектуальной деятельности (произведения литературы, науки; исполнение фонограмм и передача организации вещания; изобретения, полезные модели; селекционные модели; нераскрытая информация, в т.ч. секреты производств);
- средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг (фирменное наименование, товарный знак, знак обслуживания, географические указания);
- другие результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, не входящие в первые две группы [2].

В преступлениях против интеллектуальной собственности предмет является нематериальным, а именно предметом являются сведения, составляющие, в частности, коммерческую тайну.

Так, в Законе Республики Беларусь «О коммерческой тайне» перечислен ряд прав и обязанностей владельца коммерческой тайны. Владелец коммерческой тайны вправе: изменять или отменять режим коммерческой тайны; изменять состав сведений, составляющих коммерческую тайну; использовать сведения, составляющие коммерческую тайну; разрешать или запрещать доступ других лиц к коммерческой тайне, применять предусмотренные гражданским законодательством способы защиты от действий (бездействия) лиц, нарушающих режим коммерческой тайны или создающих угрозу такого нарушения. Владелец коммерческой тайны обязан: поддерживать установленный им режим коммерческой тайны, принимать меры, необходимые и достаточные для обеспечения конфиденциальности сведений, составляющих коммерческую тайну [3].

В уголовном праве потерпевшим традиционно считается человек, на чье физическое благополучие (тело) непосредственно воздействовал виновный при совершении преступления. Таким образом, потерпевший – это фактически предмет преступления, однако, имея ввиду этическую правильность употребления в отношении человека термина «предмет», в данном случае говорится о потерпевшем [1].

Владелец коммерческой тайны может пострадать в случае совершения преступления против его интеллектуальной собственности, однако не обязательно это лицо характеризует признак объекта преступления. Коммерческий шпионаж, например, может быть направлен по отношению к другому лицу, от кого преступник намеревается получить сведения, содержащие коммерческую тайну, и именно оно станет тем одушевленным объектом материального мира, на которое воздействует лицо, совершающее преступление, т.е. потерпевшим, т.к. предмет преступления в преступлениях против интеллектуальной собственности это информация, то в роли потерпевшего может выступать организация или лица, чьи интересы были нарушены.

Уточнение содержания отдельных признаков преступлений, направленных против права интеллектуальной собственности, является необходимым условием эффективного правоприменения, исключение ошибок в юридической оценке посягательств на интеллектуальную собственность, в т.ч. коммерческую тайну.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецова, Н. Ф. Курс уголовного права. Общая часть : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М. : Зерцало-М, 2002. – Т. 1. – 624 с.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. О коммерческой тайне [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2013 г., № 16-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.01.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

УДК 343.2/7

А.В. МАКРУШИНА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ПРЕДМЕТ, ОРУДИЕ И СРЕДСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

В реалиях совершенные преступления характеризуются достаточно большим количеством характеристик. Абстрагируясь от частных проявлений конкретных преступлений, можно выделить общие признаки преступления, которые образуют в своей совокупности состав преступления [1].

В качестве признака, относящегося к объекту, в ряде преступлений выступает предмет преступления. Орудия и средства совершения преступления являются признаками объективной стороны преступления. Предмет, орудие и средство преступления являются факультативными признаками – юридическую значимость они приобретают в случаях, если являются обязательными или квалифицирующими, что обуславливает их точную характеристику.

Предметом преступления является вещь, объект материального мира, на который воздействует преступник, совершая преступление, и которому причиняется урон. В случае, когда посягательство осуществляется на одушевленный предмет – человека – выделяют признак преступления «потерпевший».

Средства совершения преступления – это устройства, механизмы, приспособления и иные предметы материального мира, используемые в процессе совершения преступления. В качестве средств для субъекта выступают те вещи, инструменты, технологии, которыми он пользуется, выполняя определенные действия, операции или движения.

Орудия преступления используются для разрушающего воздействия на предмет преступления (в т.ч. потерпевшего).

Средства и орудия преступления могут оказывать влияние на способ совершения преступления: использование определенных средств и орудий преступления в определенной обстановке достаточно часто определяет характеристики способа совершения преступления [2].

Теоретически понятия предмет, орудие и средство преступления определены достаточно, однако, учитывая обстоятельства конкретного преступления, могут возникать объективные проблемы их юридической оценки.

Одна и та же вещь в одних преступлениях может выступать в качестве орудия совершения преступления, а в других – в качестве предмета посягательства. Например,

холодное оружие (нож) может выступать и предметом, и орудием преступления. В случае завладения, а также незаконного ношения он является предметом преступления: в первом случае предметом преступления против собственности, во втором – предметом незаконных действий в отношении оружия. В случае использования ножа при нападении он является орудием преступления против жизни, здоровья, собственности. Компьютер может быть предметом и средством преступления: в случае его похищения он является предметом преступления против собственности, а в случае, если с помощью компьютера обеспечивается доступ к материальным ресурсам, он является средством преступления против собственности.

Одна и та же вещь в рамках одного преступного события может получить двойную оценку: так, нож, использованный для совершения разбоя является орудием преступления, а также предметом незаконного изготовления, ношения.

При этом в указанных и иных подобных ситуациях речь идет об одной вещи, разграничивающей предмет, средство, орудие, уголовно-правовая оценка которой может быть осуществлена по следующим правилам:

- если вещь используется в качестве орудия, то она используется виновным как инструмент для воздействия на окружающие объекты – предмет сам подвергается противоправному воздействию со стороны преступника и используемых им средств и орудий при посягательстве;
- орудие преступления может находиться в непосредственном контакте с предметом преступления, средство преступления допускает опосредованную связь;
- орудие всегда материально осязаемо, т.е. является вещью – средство может иметь иную форму или представлять собой их совокупность;
- предмет не только подвергается непосредственному противоправному воздействию со стороны субъекта, он также находится в определенной связи с объектом посягательства;
- предмет преступления юридически значим в составах преступлений с любыми формами вины, орудие и средства преступления – только в составах с умышленной формой вины [1; 2].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 663 с.
2. Кузнецов, И. В. Проблемы соотношения предмета преступления со способом, орудиями и средствами совершения преступления [Электронный ресурс] / И. В. Кузнецов // Научная сеть «Современное право». – Режим доступа: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Проблемы-соотношения-предмета-преступления-со-способом-орудиями-и-средствами-совершения-преступления>. – Дата доступа: 16.10.2016.

УДК 343.4

О.А. МАКСИМУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ОТКАЗ В ПРИЕМЕ НА РАБОТУ И УВОЛЬНЕНИЕ БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Любое проявление дискриминации в сфере труда запрещено. Однако, как показывает практика, случаи отказа соискателям в приеме на работу далеко не всегда законны и обоснованы. Отрицательный ответ при попытке трудоустроиться чаще других рискуют получить лица, обладающие в силу своего семейного положения или состояния здоровья дополнительными трудовыми гарантиями: например, беременные и имеющие детей женщины, инвалиды, чья трудоспособность ввиду перенесенных заболеваний несколько снизилась. Устроиться на работу проблематично и тем, чей возраст близится к пенсионному. Каждая организация подбирает для работы квалифицированный персонал. С одной стороны, наниматель свободен в выборе персонала и может отбирать кандидатов на вакантные должности, которые максимально соответствуют особенностям работы, на которую их принимают. Заключение трудового договора с конкретным лицом является правом, а не обязанностью нанимателя, и Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК) не содержит норм, обязывающих его заполнять вакантные должности или работы немедленно по мере их возникновения, в т.ч. первым обратившимся к нему соискателем. С другой стороны, в ст. 41 Конституции Республики Беларусь труд провозглашен в качестве наиболее достойного способа самоутверждения человека. Подобная формулировка в сочетании с другими конституционными нормами означает и право не заниматься трудовой деятельностью: незанятость не может служить основанием для привлечения гражданина к какой-либо юридической ответственности (административной, уголовной и др.). По существу, речь идет о свободе труда [1].

На сегодняшний день актуальной остается проблема отказа при приеме на работу беременной женщины. Трудовое законодательство запрещает работодателю отказывать в приеме на работу женщинам по мотивам, связанным с беременностью. Тем не менее, многие работодатели идут на нарушения, отказывая им в приеме на работу, ссылаясь на беременность, забывая о грозящей за это уголовной ответственности. В соответствии со ст. 268 ТК нанимателю запрещается отказывать женщинам в заключении трудового договора и снижать им заработную плату по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей в возрасте до трех лет, а одиноким матерям – с наличием ребенка в возрасте до четырнадцати лет (ребенка-инвалида – до восемнадцати лет) [2].

При отказе в заключении трудового договора указанным категориям женщин наниматель обязан сообщить им мотивы в письменной форме. Отказ в заключении трудового договора может быть обжалован в суд. Доказывать обоснованность отказа в заключении трудового договора при обращении женщины в суд придется работодателю. Эта норма не означает, что наниматель обязан заключать трудовой договор со всеми беременными женщинами или женщинами, имеющими детей, обратившимися к нему. В этом случае, как и в отношении всех иных кандидатов, оценке подлежат деловые и профессиональные качества женщины.

Незаконным будет отказ в приеме на работу, обусловленный именно беременностью женщины или наличием у нее детей, а не отсутствием необходимых деловых качеств [3, с.134]. Так, решением суда от 29.05.2010 г. истица была восстановлена на работе в качестве продавца у индивидуального предпринимателя, поскольку причиной увольнения послужила ее беременность. В ходе предварительного расследования уголовного дела установлено, что, узнав о беременности работницы, наниматель настойчиво требовал ее увольнения по собственному желанию. Не выдержав давления, продавец написала заявление и была уволена по ст. 40 ТК (расторжение трудового договора, заключенного на неопределенный срок, по желанию работника). В течение 3 недель расследование данного уголовного дела было завершено и направлено для рассмотрения в суд. Приговором суда от 29.08.2010 г. индивидуальный предприниматель за увольнение женщины по мотивам беременности признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 199 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), и ему назначено наказание в виде 1 года лишения свободы. Судом на основании ст. 78 УК постановлено назначенное наказание в исполнение не приводить, если в течение года осужденный не совершит новое преступление и будет выполнять возложенные на него обязанности. Приговор суда вступил в законную силу.

Уголовная ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины установлена в ст. 199 УК (нарушение законодательства о труде). Объектом преступления являются конституционные права и свободы человека и гражданина. Объективная сторона данного преступления характеризуется необоснованным отказом в приеме на работу или необоснованным увольнением беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет. Отказ в приеме на работу не обоснован, если указанных женщин не принимают на работу в связи с их беременностью или наличием у них детей в возрасте до трех лет, а также если им отказывают якобы в связи с отсутствием вакантной должности, с сокращением штатов и т.п. Эти предлоги могут быть использованы и при их увольнении. Субъективная сторона отказа в приеме на работу или увольнения состоит в том, что виновный осознает, что отказывает или увольняет женщин, находящихся в состоянии беременности или имеющих детей в возрасте до трех лет, и желает совершить указанные действия, т.е. действует с прямым умыслом. Субъектом преступления может быть должностное лицо либо лицо, выполняющее организационно-распорядительные обязанности в коммерческой организации независимо от формы собственности, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным и муниципальным учреждением.

Отказ в приеме на работу признается необоснованным:

- в случаях и по основаниям, прямо запрещенным законом;
- при отказе нанимателя мотивировать отказ в приеме на работу;
- в других случаях, когда наниматель не может обосновать правомерность отказа в приеме на работу.

Так, не считается обоснованным отказ в приеме на работу по мотиву привлечения к уголовной ответственности родственников лица, претендующего на занятие должности, по состоянию здоровья, если оно не является препятствием к выполнению соответствующих трудовых обязанностей [4, с. 95]. Однако это вовсе не означает, что работодатель не вправе отказать беременной женщине. Например, если у нее нет определенного уровня образования или достаточного опыта работы по данной

специальности, то отказ в приеме на работу будет обоснованным и правомерным. Для того чтобы определить подходит ли кандидатка на должность по деловым качествам, работодателю следует сравнить ее профессиональные качества исходя из представленных ею документов (образование по диплому, другому документу, стаж работы в данной должности по трудовой книжке и т.п.) с требованиями, определенными в должностной инструкции по данной должности.

Лица, виновные в необоснованном отказе в заключении трудового договора, могут быть привлечены к дисциплинарной, административной и уголовной ответственности. Более серьезная ответственность предусмотрена за необоснованный отказ в приеме на работу женщины по мотивам ее беременности – лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, либо исправительные работы на срок до 2 лет, либо лишение свободы на срок до 3 лет (ст. 199 УК) [5].

Свободу нанимателя в заключении трудового договора с соискателем на вакантное рабочее место нельзя считать ограниченной: юридическая обязанность по приему на работу любого обратившегося, в т.ч. беременной женщины, отсутствует. Правомерно поведение нанимателя, заключающееся в соблюдении норм трудового законодательства, направленных на недопущение необоснованного отказа в заключении трудового договора. Уголовная ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей до трех лет, является одной из форм правовой защиты материнства и детства, регламентированных Конституцией Республики Беларусь и другими законодательными актами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 64 с.
2. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. Круглов, В. А. Уголовное право. Особенная часть : курс лекций / В. А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2012. – 592 с.
4. Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная: вопросы и ответы / под ред. А. С. Михлина. – М. : Юриспруденция, 2000. – 400 с.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

УДК 343

Е.Ю. МАЛИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ

Одним из элементов состава преступления является субъект преступления. По уголовному праву под субъектом преступления понимают физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, если оно совершило общественно опасное деяние.

Признаки субъекта преступления характеризуют личность преступника. Но личность преступника – понятие более широкое. Оно подразумевает социальные и индивидуальные признаки, такие как мировоззрение, профессия, образование, семейное положение, участие в общественной жизни, отношения в быту и многие другие. Понятие же субъекта преступления намеренно формализует и сводит характеризующие личность особенности до двух основных моментов: возраста и вменяемости.

Остальные индивидуальные признаки, характеризующие личность преступника и не входящие в содержание понятия субъекта преступления, имеют значение для индивидуализации ответственности лица, но не для квалификации его деяния.

Признаки субъекта являются обязательными для всех составов преступлений и необходимыми для квалификации любого преступления. Какое-либо несоответствие признакам исключает наличие субъекта преступления и состава преступления в целом. Во многих статьях Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) предусмотрены дополнительные (в рамках общего понятия) признаки, каждый из которых характеризует субъекта соответствующего конкретного состава преступления.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 328 УК, является физическое лицо, т.е. человек, наделенный в установленном законом порядке определенными правами и обязанностями, что мы и обозначим как первый признак. В соответствии с уголовным законодательством, любое физическое лицо, вне зависимости от наличия гражданства, может быть субъектом незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов.

Вторым признаком субъекта является возраст лица, с которого наступает уголовная ответственность. По уголовному законодательству Республики Беларусь, уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов без цели сбыта (ч. 1 ст. 328 УК) наступает с шестнадцати лет. Такой возраст законодатели установили исходя из того, что вменяемое лицо способно понимать содержательную и социальную сторону своего деяния. Виновный обычно имеет достаточные знания о запрещенности обращения или использования тех или иных средств, веществ, предметов без соответствующего разрешения, способен сознавать общественную опасность и противоправность своего поведения.

Применительно к чч. 2–5 ст. 328 УК, устанавливающим повышенную уголовную ответственность, законодатель предусмотрел пониженный четырнадцатилетний возраст, с которого наступает уголовная ответственность за совершение предусмотренных

преступлений. Это обусловлено тем, что в настоящее время многие молодые люди вовлекаются в потребление наркотических средств, они знают места их приобретения и различные способы потребления. Свидетельством тому является увеличение на 15 % количества выявленных наркопреступлений, совершенных несовершеннолетними преступниками либо с их участием (с 466 в 2014 г. до 536 в 2015 г.). Если раньше незаконный оборот наркотиков в детской преступности составлял 1,5–2 %, то сегодня это почти каждое пятое (18 %) уголовно наказуемое деяние, которых за 2015 г. зарегистрировано более полутысячи. Каждое шестое наркопреступление с участием несовершеннолетних связано со сбытом наркотиков (58 из 360).

Следующим признаком субъекта преступления является его вменяемость. По уголовному праву Республики Беларусь, под вменяемостью понимают психическое состояние человека, позволяющее ему нести уголовную ответственность. Дать уголовно-правовое определение вменяемости сложно, т.к. это очень многогранное понятие. Поэтому ст. 28 УК приводит определение понятия невменяемости, которое имеет ограниченное число признаков. Следовательно, все остальные признаки, не указанные в качестве признаков невменяемости, составляют содержание понятия вменяемости.

Так, не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, т.е. не могло сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им вследствие хронического психического расстройства (заболевания), временного расстройства психики, слабоумия или иного болезненного состояния психики.

Из этого законодательного определения выделяют два критерия невменяемости: психологический (юридический) и биологический (медицинский).

Психологический (юридический) критерий означает способность сознавать характер своих действий и руководить ими. Этот критерий состоит из двух элементов: интеллектуального и волевого. Интеллектуальный элемент определяет отношение сознания человека к фактическому характеру и общественной опасности своего деяния. Лицо должно понимать, что совершаемое им деяние направлено на причинение вреда (например, понимать, что нельзя брать чужую вещь, что нельзя портить чужое имущество и т.д.). Волевой элемент определяет способность лица руководить своими действиями, т.е. способность воздержаться от совершения определенного поступка (например, не брать чужие вещи, даже если очень хочется).

Отсутствие хотя бы одного элемента – возможности правильно осознавать характер своих действий (интеллектуальный), либо возможности руководить ими (волевой) – создает состояние невменяемости этого лица.

Биологический (медицинский) критерий невменяемости указывает на болезнь как на причину неспособности лица осознавать свои действия и руководить ими. На основании ст. 28 УК выделяются в качестве причины невменяемости следующие виды психического расстройства здоровья: хроническое психическое заболевание, временное расстройство психики, слабоумие, иное болезненное состояние психики.

Поведение лица не может признаваться преступным в уголовно-правовом смысле, если в момент совершения противоправного деяния оно не осознавало фактический характер своих действий и не руководило ими.

Применительно к большинству рассматриваемых нами составов преступлений данное положение достаточно актуально. Наркоманам нередко свойственны психические отклонения, расстройства, т.к. систематическое употребление

наркотических средств приводит к стойким изменениям в психике. В любом случае при расследовании подобных уголовных дел должна назначаться судебная психиатрическая или судебная наркологическая экспертизы для установления факта вменяемости привлекаемого лица либо для признания лица страдающим наркоманией.

Следует уточнить критерии отнесения вопроса о вменяемости или невменяемости лиц, зависимых от наркотических средств в момент совершения ими общественно опасных деяний. Как известно, лица, зависимые от наркотических средств, признаются больными наркоманией. В Законе Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» наркомания признана «заболеванием, обусловленным психической и (или) физической зависимостью от наркотических средств, психотропных веществ, аналогов».

Лицо, больное наркоманией, – физическое лицо, которому медицинским работником, имеющим высшее медицинское образование с квалификацией «Врач-психиатр», «Врач-нарколог», «Врач-психиатр-нарколог», «Врач-психотерапевт» либо прошедшим переподготовку на уровне высшего образования или клиническую ординатуру по специальности «Психиатрия», «Наркология», «Психиатрия-наркология», «Психотерапия», установлен диагноз «наркомания».

Исходя из данных определений, мы полагаем, что лица, признанные больными наркоманией по заключению медицинской экспертизы, совершая общественно опасные деяния в состоянии наркотического опьянения или в состоянии абстиненции (т.е. наркотического голодания), не отдают отчета своим действиям, т.к. в это время они не владеют своим сознанием. В таком состоянии лица становятся ограниченно вменяемыми или полностью невменяемыми. Однако с такой точкой зрения законодатель не согласен. В соответствии со статьей 30 УК лицо, совершившее преступление в состоянии алкогольного опьянения либо в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности. В случае совершения преступления лицом, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, суд наряду с применением наказания или иных мер уголовной ответственности может назначить принудительные меры безопасности и лечения.

В части 3 ст. 328 УК предусмотрен специальный субъект преступления. Так, уголовной ответственности подлежит должностное лицо, совершившее незаконный с целью сбыта оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, либо сбыт названных веществ.

Из вышеизложенного следует, что субъектом преступления по ч. 1 ст. 328 УК является вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, по чч. 2–5 ст. 328 УК – лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста. В ч. 3 предусмотрен специальный субъект преступления – должностное лицо.

УДК 343

В.Э. МАНЕЦ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДЕЗЕРТИРСТВО

Защита Родины относится к важнейшим функциям государства и является делом всего народа. В ст. 57 Конституции Республики Беларусь говорится, что «защита Республики Беларусь – обязанность и священный долг гражданина Республики Беларусь» [1].

Прежде чем переходить непосредственно к анализу проблем, связанных с квалификацией дезертирства и самовольного оставления воинской части или места службы, отметим, что данные преступления являются важными и занимают свое место в системе преступлений против порядка исполнения воинской обязанности.

Согласно ст. 30 Закона Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе» от 5 ноября 1992 г., к призыву на военную службу, службу в резерве подлежат:

- на срочную военную службу, службу в резерве – граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет, состоящие или обязанные состоять на воинском учете и не состоящие в запасе (далее – граждане, не состоящие в запасе);
- на военную службу офицеров по призыву – граждане мужского пола в возрасте до 27 лет, прошедшие обучение по программам подготовки офицеров запаса на военных кафедрах или факультетах, сдавшие государственные выпускные экзамены, зачисленные в запас и имеющие воинское звание офицера (далее – граждане, зачисленные в запас с присвоением воинского звания офицера).

На военную службу, службу в резерве не призываются граждане, которые в соответствии с настоящим Законом освобождены от призыва на военную службу, службу в резерве либо имеют право на отсрочку от призыва [2].

Согласно ст. 31 Закона Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе» от 5 ноября 1992 г., к призыву на военную службу, службу в резерве не подлежат граждане:

- отбывшие наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях;
- отбывающие наказание в виде лишения свободы, общественных или исправительных работ, ограничения свободы или ареста;
- имеющие судимость;
- в отношении которых судом применены принудительные меры безопасности и лечения, – в течение срока применения этих мер;
- в отношении которых осуществляется уголовное преследование или уголовное дело передано прокурору для направления в суд либо осуществляется судебное производство [2].

Только обнаружив в деянии военнослужащего наличие всех признаков состава того или иного преступления против военной службы, можно говорить о привлечении его к уголовной ответственности по соответствующей статье гл. 37 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ).

Дезертирство как воинское преступление характеризуется общими для всех преступлений признаками: общественной опасностью, уголовной противоправностью, виновностью и наказуемостью.

В системе воинских преступлений дезертирством называют самовольное оставление военной службы. В ст. 446 УК РБ говорится, что дезертирство – это «самовольное оставление части или места службы с целью вовсе уклониться от воинской службы либо неявка с той же целью на службу при назначении, переводе, из командировки, отпуска или организации здравоохранения» [3].

В ст. 445 УК РБ дезертирством называется самовольное оставление части или места службы военнослужащим срочной военной службы, резервистом при нахождении на занятиях или учебных сборах, военнообязанным, проходящим военные или специальные сборы, из числа рядового и сержантского состава, либо неявка его в срок без уважительных причин при увольнении из части, при назначении, переводе, из командировки, отпуска или организации здравоохранения продолжительностью свыше двух суток, но не более десяти суток, либо уклонение от воинской службы на тот же срок путем подлога документов или иного обмана [3].

Понятие состава дезертирства включает в себя единые для всех преступлений элементы: объект, субъект, объективная и субъективная стороны.

Непосредственным *объектом* дезертирства и самовольного оставления части или места службы является установленный порядок пребывания на военной службе.

Объективная сторона дезертирства выражается в самовольном оставлении воинской части или места службы военнослужащим либо в неявке его в часть (на службу) из отпуска, командировки, лечебного учреждения. Что касается самовольного оставления части, то в ст. 445 УК РБ указана еще и продолжительность неявки на места службы (свыше двух суток, но не более десяти суток).

Субъектами воинских преступлений по белорусскому военно-уголовному законодательству могут быть только военнослужащие, проходящие службу в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь, а также военнообязанные во время прохождения сборов, что прямо указано в законодательном определении воинских преступлений (ч. 1 примечаний к гл. 37 УК РБ) [4, с. 31]. Также субъектом данных преступлений могут быть военнослужащие разных категорий: как лица, проходящие военную службу по призыву, так и лица, проходящие ее по контракту.

Субъективная сторона преступления представляет собой психологическую сторону совершаемого деяния и выражается в определенном психическом отношении субъекта преступления к деянию и его последствиям, мотивах, целях и эмоциях. Субъективная сторона дезертирства характеризуется прямым умыслом. Обязательным признаком субъективной стороны этого преступления является наличие цели уклонения от прохождения военной службы, т.е. вовсе уклониться от ее прохождения.

Если такая цель появилась у военнослужащего после самовольного оставления части (места службы), содеянное следует квалифицировать только как дезертирство.

Субъективная сторона самовольного оставления части или места службы характеризуется таким признаком, как наличие у лица намерения временно уклониться от исполнения обязанностей военной службы и по истечении определенного срока возвратиться в часть (к месту службы) для прохождения военной службы.

Данные преступления являются длящимися преступлениями: они длятся в течение всего времени нахождения виновного лица вне службы. Начальный момент преступления определяется как время самовольного оставления части или последний

день срока явки на службу. Моментом окончания пребывания вне территории воинской части или иного места службы признается время, когда пребывание виновного вне службы было прекращено (явка виновного с повинной; возвращение в часть, задержание его работниками правоохранительных органов или военных ведомств и др.).

В свою очередь, преступление признается оконченным не с момента прекращения преступного деяния, а с момента его начала, т.е. когда виновное лицо самовольно покинуло часть или иное место службы, а равно не явилось на службу в установленный срок. Также если дезертирство и самовольное оставление части или места службы – длящиеся преступления, то, следовательно, они неоконченные, значит на них должны распространяться требования норм гл. 3 УК РБ «Неоконченные преступления», в том числе и ст. 15 УК РБ «Добровольный отказ от совершения преступления».

Уголовная ответственность устанавливается нормами УК РБ. В примечании к ст. 445 УК РБ указано, что лицо, на которое распространяется статус военнослужащего, впервые совершившее деяние, предусмотренное чч. 1, 2 или 3 настоящей статьи и ч. 1 ст. 446 настоящего Кодекса, может быть освобождено от уголовной ответственности, если содеянное явилось следствием стечения тяжелых обстоятельств [3].

Содержание понятия «стечение тяжелых обстоятельств» в законе не раскрыто. Тяжелыми обстоятельствами могут быть тяжелое состояние здоровья или смерть (гибель) близкого родственника военнослужащего (супруга, отца (матери), отца (матери) супруга, сына (дочери), родного брата (родной сестры) или лица, на воспитании которого находился военнослужащий, пожар или другое стихийное бедствие, постигшее семью или близкого родственника военнослужащего. К ним могут быть отнесены и другие исключительные случаи, когда присутствие военнослужащего в семье необходимо.

Тяжелыми обстоятельствами служебного характера могут являться неуставные действия со стороны сослуживцев, бытовая неустроенность, материальные трудности, иные неблагоприятные жизненные ситуации, которые хотя и не лишают возможности, но существенно затрудняют пребывание военнослужащего на службе, нарушают его правовой статус, жизненные интересы, честь и достоинство.

Следующим обязательным признаком субъекта преступления является его невменяемость в момент совершения уголовного противоправного деяния. В ст. 28 УК РБ говорится, что невменяемость – это состояние лица, которое во время совершения общественно опасного деяния не могло сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия или руководить им вследствие хронического психического расстройства, временного расстройства психики, слабоумия или иного болезненного состояния психики [3]. Из законодательного определения вытекают два критерия невменяемости. Медицинский критерий указывает на наличие психического заболевания: хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие, иное болезненное состояние психики. Юридический критерий указывает на расстройство интеллектуальной стороны психики («не мог осознавать») или волевой ее стороны («не мог руководить»). Совершение уголовного противоправного деяния в состоянии невменяемости исключает уголовную ответственность в силу отсутствия состава преступления, поскольку в наличии не имеется одного из обязательных признаков субъекта преступления. Состояние невменяемости устанавливается судом на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы, которое подлежит оценке судом наряду с другими доказательствами и в совокупности с ними [4].

Необходимо продолжить теоретическое исследование проблемы квалификации воинских преступлений, совершенных лицами, признанными негодными к военной службе, в целях выработки решения, не противоречащего теории специального субъекта и положениям закона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 64 с.

2. О воинской обязанности и воинской службе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 нояб. 1992 г., № 1914-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.06.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Лосев, В. В. Уголовная ответственность за воинские преступления (военно-уголовное законодательство Республики Беларусь) : учеб.-практ. пособие / В. В. Лосев ; под общ. ред. В. С. Яловица. – Минск : Тэхналогія, 2002. – 141 с.

УДК 343

Е.В. МОСИЯНЧИК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – О.Н. Иванчина, кандидат философских наук, доцент

ОТКАЗ ЛИБО УКЛОНЕНИЕ ОТ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ

В ст. 402 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ) устанавливается уголовная ответственность за отказ либо уклонение свидетеля или потерпевшего от дачи показаний либо эксперта или переводчика *без уважительных причин* от исполнения возложенных на них обязанностей в судебном заседании при рассмотрении уголовных, гражданских и экономических дел либо при производстве предварительного следствия или дознания. Отказ либо уклонение от дачи показаний могут наказываться штрафом или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом. Уважительными причинами в ситуации отказа от показаний могут выступать: во-первых, состояние физического и психического состояния; во-вторых, опасения за свою безопасность и безопасность своих близких; в-третьих, наличие реальной опасности для лица со стороны преступников.

Если лицо не обладает должными сведениями, то такая ситуация не может квалифицироваться как отказ от показаний. При отказе от дачи показаний лицо (свидетель, потерпевший) сведения сознательно утаивает. Лицо имеет определенный процессуальный статус, при этом органу уголовного преследования или суду известно об осведомленности лица о преступлении. При отказе от дачи показаний виновный действует активно, что состоит в открытом выражении нежелания сообщать какие-либо сведения о преступлении.

Уклонение свидетеля или потерпевшего от дачи показаний – это неявка на допрос и иные деяния, являющиеся фактическим невыполнением обязанности давать показания (ответ не по существу поставленных вопросов и т.п.), совершенные без уважительных причин. Это пассивное поведение. При уклонении от дачи показаний нарушается обязанность явиться по вызову соответствующих органов и дать правдивые показания по делу. Правовая обязанность, невыполняемая при уклонении от дачи показаний, возникает с момента вызова для дачи показаний в качестве свидетеля.

Состав этих преступлений является формальным. По субъективной стороне вина является умышленной.

Субъектом преступлений, предусмотренных ст. 402 УК, являются только определенные участники уголовного процесса – потерпевший, свидетель, эксперт, переводчик.

Уклонение свидетеля или потерпевшего от дачи показаний имеет одинаковую характеристику – человек точно имеет сведения о преступлении, но применяет всевозможные способы для сокрытия ее от правоохранительных органов. Случается, что лицо, которое приглашают для дачи показаний в качестве свидетеля, меняет свой статус на подозреваемого в совершении преступления [1].

Если человек является свидетелем, то пользоваться помощью адвоката ему незачем. Представители правоохранительных органов могут допросить человека по уголовному делу в качестве свидетеля, чтоб получить как можно больше необходимой информации. Сведения, полученные таким образом, могут повлечь негативные последствия для допрашиваемого лица. Допрашиваемый должен внимательно сверить всю информацию, записанную в протоколе, со всеми своими показаниями.

Каждый гражданин Республики Беларусь имеет конституционное право отказаться от негативных показаний не только на самого себя, но и на близких родственников (ст. 27 Конституции Республики Беларусь, стст. 10, 60 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь). Данное право обусловлено международными документами о правах человека. Если лицо отказывается от дачи показаний против себя либо близких родственников, то оно не подвергается за это уголовному преследованию. Также человек имеет право не доносить о преступлении, если оно было совершено его близкими родственниками (ст. 406 УК РБ). Представители правоохранительных органов обязаны довести данное право до лица, подвергающегося допросу. Иногда об этом человек узнает только от адвоката. Если допрос был произведен с нарушениями процессуального порядка, то доказательства, полученные в результате такого допроса, не будут иметь юридической силы.

Согласно ст. 62 Конституции Республики Беларусь гражданин имеет право использовать услуги и помощь адвоката (причем в любых государственных органах). Однако не всегда оно реализуется на практике. Если гражданин до допроса проконсультировался с адвокатом, то он получает преимущество – имеет сведения о своих правах. Участие адвоката в процедуре допроса является гарантией корректного отражения в протоколе верных сведений по делу, полученных в ходе допроса, снижает вероятность процессуальных ошибок.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панков, И. Вас вызывают в правоохранительные органы... [Электронный ресурс] / И. Панков. – Режим доступа: <http://www.advocateminsk.by/practice/130>. – Дата доступа: 21.09.2016.

УДК 343

О.В. НИЧИПОРУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРАВОМЕРНОЙ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И ПРЕВЫШЕНИЯ ЕЕ ПРЕДЕЛОВ

Известный русский юрист А.Ф. Кони отмечал: «Необходимая оборона будет существовать вечно, потому что основана на законе необходимости, а этот закон по самому существу вечен». Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) признает в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, наличие в действиях лица необходимой обороны. В то же время, превышение пределов необходимой обороны при определенных условиях и последствиях может повлечь уголовную ответственность по ст. 143 или ст. 152 УК. Большие затруднения и ошибки в следственно-судебной практике связаны именно с разграничением правомерной необходимой обороны и превышения ее пределов. В значительной мере это обусловлено тем, что действующий закон недостаточно раскрывает признаки превышения пределов необходимой обороны и содержит много оценочных категорий, а в теории отсутствует единая позиция относительно условий ее правомерности (в литературе их еще называют критериями).

Условия правомерности необходимой обороны характеризуют как посягательство, от которого осуществляется оборона, так и действия лица, которое реализует свое право на необходимую оборону. Рассмотрим в отдельности каждое из этих условий:

- защита осуществляется от общественно опасного посягательства, т.е. деяния, которое причиняет или создает угрозу немедленного причинения существенного вреда правоохраняемым интересам человека, общества или государства, в т.ч. и от действий лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, или действий невменяемого лица;
- посягательство является действительным, т.е. существует в объективной действительности, а не в воображении обороняющегося;
- посягательство является наличным, т.е. деяние уже началось, но еще не закончилось либо существует реальная угроза его немедленного осуществления. Защита осуществляется в момент посягательства либо непосредственно за ним, если для обороняющегося не ясно, закончилось ли посягательство [1];
- вред причиняется посягающему, а не третьим лицам, т.е. вред причиняется тому, кто совершает посягательство;
- необходимая оборона рассчитана на охрану жизни, здоровья, собственности, других правоохраняемых благ. Важно то, что необходимая оборона может касаться защиты только законных прав и интересов как своих собственных, так и интересов других лиц, а также интересов общества и государства [1];
- своевременность защиты, т.е. ограничения временными пределами осуществления посягательства. Право на необходимую оборону возникает в момент возникновения реальной угрозы (должна быть по всем обстоятельствам очевидной и неминуемой) осуществления посягательства, а промедление в такой ситуации ставило бы интересы обороняющегося в опасность [2];

- защита от общественно-опасного посягательства должна быть соразмерной, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности посягательства; на практике применяются следующие критерии соразмерности: сопоставимость объектов посягательства и защиты, соразмерность угрожаемого и причиняемого вреда, сопоставимость орудий, способов нападения и защиты, сопоставимость количества участников (посягающих и обороняющихся), особенности обстановки, в которой осуществляется необходимая оборона (внезапность и интенсивность посягательства) [1].

При анализе условий правомерности необходимой обороны признак действительности нападения позволяет провести разграничение между необходимой обороной и мнимой обороной. Мнимой признается защита от воображаемого, кажущегося, но в действительности не существующего посягательства. Подобные ситуации возникают в случае, если лицо вследствие заблуждения считало, что находится в состоянии необходимой обороны, но по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать ее отсутствие, и такие действия признаются необходимой обороной. А в случае несоблюдения критерия соразмерности защиты и умышленного причинения очевидно чрезмерного вреда расценивается как превышение пределов необходимой обороны.

Превышением необходимой обороны признается явное для обороняющегося лица несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, когда посягающему без необходимости умышленно причиняется смерть (в данной статье подробнее остановимся на этом последствии). Установление превышения пределов необходимой обороны осуществляется точно таким же образом, как и установление соответствия защиты опасности посягательства и определяется с учетом указанных выше критериев соразмерности.

В определении превышения необходимой обороны, как уже отмечалось, имеется указание на такие оценочные категории, как «явное» и «несоответствие». Значение слова «явный» раскрывается как совершенно очевидный, ясный для всех. А значение «несоответствие» – отсутствие соотношения между чем-нибудь; отсутствие согласованности, равенства в каком-нибудь отношении. В противовес закрепленным за превышением пределов необходимой обороны оценочным категориям, интересен опыт зарубежных стран. Так, не является уголовно наказуемым превышение пределов необходимой обороны из-за замешательства, страха или испуга или извинительного волнения (Дания, Германия). А также закрепление безусловной правомерности причинения смерти посягающему в случаях, прямо указанных в законе (Нью-Йорк, Индия), т.е. при отражении посягательства на определенные, по сути равнозначные по общественной опасности, объекты [4].

Превышение пределов необходимой обороны могут образовать только умышленные действия, в результате которых посягающему причиняется вред (причем значительно больший по сравнению с тем, который исходил от посягающего), не вызываемый по обстоятельствам дела необходимостью предотвращения или пресечения посягательства. К превышению также относятся случаи, когда обороняющийся прибег к такому средству защиты, которое явно не вызывалось ни характером нападения, ни степенью общественной опасности, ни реальной обстановкой. При этом было абсолютно очевидно для обороняющегося наличие возможности отразить нападение более мягкими средствами и осознание такой возможности, но выбор был сделан в пользу заведомо более опасных средств и методов

такой защиты. Мотивом причинения чрезмерного вреда всегда является стремление пресечь посягательство и защитить интересы, подвергающиеся угрозе [2].

Интересной представляется позиция С.В. Тесленко, согласно которой правильному разграничению правомерной обороны и превышения ее пределов способствовало бы включение в закон обстоятельств, подлежащих учету при решении этих вопросов [3]. К числу таких обстоятельств, являющихся существенными признаками деяния и определяющими его правовую оценку, следует отнести: социальную значимость защищаемого объекта, характер и степень угрожающей ему опасности, время и место нападения, интенсивность, внезапность и продолжительность посягательства, цели и намерения посягающего, его физические данные и используемые орудия и средства, душевное состояние обороняющегося, его силы и возможность отражения посягательства, а также иные конкретные обстоятельства дела. Стоит заметить, что часть таких обстоятельств нашла свое закрепление в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19.

Подводя итог, следует сказать, что необходимым представляется четкий подход к определению и закреплению условий правомерности необходимой обороны, а существующие критерии превышения пределов как минимум требуют соответствующего разъяснения. Кроме того, установление перечисленных выше обстоятельств на законодательном уровне и, таким образом, последующая их максимально полная оценка позволила бы прийти к правильному выводу о возможных пределах защиты от общественно опасного посягательства и избежать квалификационных ошибок.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право. Общая часть : конспект лекций / Э. Ф. Мичулис [и др.] ; под общ. ред. Э. Ф. Мичулиса. – Минск : Изд-во МИУ, 2008. – 272 с.
2. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий [и др.] ; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.
3. Тесленко, С. В. Мифы о необходимой обороне / С. В. Тесленко. – М. : Алтапресс, 2013. – 66 с.
4. Классен, А. Н. Зарубежное законодательство о необходимой обороне / А. Н. Классен, М. А. Якуньков // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. – 2007. – № 4 (76). – 45 с.

УДК 343

О.В. НИЧИПОРУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

РАЗГРАНИЧЕНИЕ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА И УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА

Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. (далее – УК) выделяет, в зависимости от отражаемой степени общественной опасности содеянного, квалифицированный и привилегированный составы убийства. Привилегированный состав убийства – это состав преступления, в котором наряду с признаками основного состава дополнительно содержатся и признаки привилегированные, изменяющие качество состава, его квалификацию и смягчающие уголовную ответственность. К числу таких составов относят: убийство матерью новорожденного ребенка;

убийство, совершенное в состоянии аффекта; убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, и при превышении пределов необходимой обороны. За перечисленные преступления санкция предусмотрена ниже, чем за убийство по ч. 1 ст. 139, поэтому необходимо тщательно анализировать все элементы состава, чтобы избежать случаев ошибочной квалификации и, как следствие, назначения неоправданного наказания. Несмотря на то, что составы, отнесенные к привилегированным видам убийства, имеют свои специфические особенности и отличительные черты, вопросы, связанные с разграничением убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 140) от убийства, совершенного в состоянии аффекта (ст. 141) продолжают существовать.

Так, данные составы имеют ряд общих признаков: во-первых, и в ст. 140 УК, и в ст. 141 УК в качестве объекта посягательства выступает жизнь человека; во-вторых, объективная сторона имеет материальную конструкцию, а общественно опасное деяние – противоправное лишение жизни другого человека (совершается как путем действия, так и бездействия); в-третьих, для субъективной стороны характерен внезапно возникший умысел. Немаловажным при разграничении является и то, что в обоих составах предусматривается оценочная категория «длительная психотравмирующая ситуация» [1].

Однако, более детально раскрывая содержание объективных и субъективных признаков, можно обозначить их существенные различия. Конкретизируя объект ст. 140 УК, необходимо отметить, что данным элементом является именно жизнь новорожденного ребенка с момента начала физиологических родов, а потерпевшим, соответственно, сам новорожденный (в возрасте до 1 суток) [2]. При убийстве в состоянии аффекта потерпевшим выступает лицо, совершившее в отношении виновного или его близких противоправные или аморальные действия. Объективная сторона убийства матерью новорожденного ребенка содержит обязательные признаки: обстановка и время – во время родов или непосредственно после них. Тем самым совершение этого преступления ограничивается определенным непродолжительным промежутком: с момента родовых схваток независимо от причин их возникновения при сроке беременности свыше 22 недель и непосредственно после момента рождения ребенка [2]. Убийство, совершенное в состоянии аффекта, не содержит таких обязательных признаков объективной стороны. Поэтому для квалификации необходимо установить, что виновный находился в состоянии аффекта, спровоцированного насилием, издевательствами или тяжким оскорблением, другими противоправными или грубыми аморальными действиями, а также длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего [3].

Как уже было отмечено, в обоих составах преступления фигурирует такое оценочное понятие, как психотравмирующая ситуация. В отличие от убийства в состоянии аффекта, при убийстве матерью новорожденного ребенка психотравмирующая ситуация является обязательным признаком объективной стороны и возникает вследствие нахождения субъекта в особом психофизиологическом состоянии, вызванном родами [2]. При убийстве в состоянии аффекта такое понятие относится к субъективной стороне преступления и предусмотрено в качестве одного из обстоятельств, способных вызвать аффективный взрыв. Психотравмирующая ситуация в ст. 141 УК носит длительный характер, формируется постепенно и является итогом (эффект последней капли) систематического (т.е. более двух раз) противоправного поведения потерпевшего [3].

Субъект детоубийства, в отличие от аффектированного убийства, специальный: мать новорожденного ребенка.

С субъективной стороны важным для квалификации действий виновного по ст. 140 УК является установление временных рамок реализации внезапно возникшего умысла – во время родов или непосредственно после них. В этот период убийство осуществляется роженицей – матерью, находящейся в особом психофизиологическом состоянии, вызванном родами, когда она не могла в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими [2]. Формирование у лица мотива и умысла на убийство, предусмотренного ст. 141 УК, также должно протекать без разрыва во времени – сразу же после неправомерного или аморального поведения потерпевшего и до момента окончания возникшего у лица физиологического аффекта. Отличительной особенностью аффектированного умысла является то, что он возникает под непрерывным и усиливающимся давлением эмоций и в этом смысле носит вынужденный характер. Для квалификации действий виновного как убийства, совершенного в состоянии аффекта, необходимо, чтобы формирование и реализация умысла происходили в рамках сильного душевного волнения, когда лицо не могло в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими [3]. Решающее значение, таким образом, имеет не столько внезапный, сколько аффективный характер этого умысла и вызвавшие его обстоятельства.

Возможны случаи, когда мать новорожденного ребенка в состоянии сильного душевного волнения (аффекта) совершает убийство не с умыслом лишить жизни, а избавиться от ошибочно представленного в качестве объекта результата психотравмирующей ситуации (врачи поставили диагноз тяжелой болезни будущего ребенка еще в состоянии беременности, а во время или после родов подтверждается неизлечимая болезнь). В случае же убийства матерью новорожденного ребенка субъект выбирает именно лишение жизни своего ребенка [3].

Таким образом, на основании вышеизложенного, обобщая главные отличия убийства матерью новорожденного ребенка от убийства, совершенного в состоянии аффекта, можно выделить следующие положения:

- потерпевший ст. 140 УК – новорожденный, а ст. 141 УК – лицо, допустившее противоправные или аморальные действия в отношении виновного или его близких;
- объективная сторона убийства матерью новорожденного ребенка включает время и обстановку, которые являются определяющими признаками данного состава, а убийство в состоянии аффекта связывается с определенными поводами, которые послужили основанием для возникновения аффекта и совершения преступления;
- психотравмирующая ситуация в случае убийства матерью новорожденного ребенка выступает обязательным признаком состава преступления, тогда как при убийстве, совершенном в состоянии аффекта, лишь одним из поводов его совершения;
- для субъективной стороны ст. 141 УК обязательно состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения, при нахождении в котором лицо реализует свой преступный умысел.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова, В. Н. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.
2. Грунтов, И. Убийство матерью новорожденного ребёнка (ст. 140 УК) / И. Грунтов, И. Кот // Суд. весн. – № 1 – 2002. – С. 96–98.

3. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть / под общ. ред. А. И. Лукашова. – Минск : Тесей, 2009. – 963 с.

УДК 343.2

В.Н. НУРЫЕВ, В.И. РЕЗЮК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ БЕЛАРУСИ И ТУРКМЕНИСТАНА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В соответствии со ст. 47 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) наказание является принудительной мерой уголовно-правового воздействия, применяемой по приговору суда к лицу, осужденному за преступление, и заключающейся в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного.

Ст. 48 УК Республики Беларусь закреплены виды наказаний:

1) основные виды:

- общественные работы;
- штраф;
- лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;

- исправительные работы;
- ограничение по военной службе;

- арест;

- ограничение свободы;

- лишение свободы;

- пожизненное заключение;

- смертная казнь;

2) дополнительные виды:

- лишение воинского или специального звания;

- конфискация имущества;

3) смешанные виды (наказания, которые могут применяться как основные, так и дополнительные):

- общественные работы;

- штраф;

- лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [1].

В соответствии со ст. 43 Уголовного кодекса Туркменистана (далее – УК Туркменистана) наказание есть кара за совершенное преступление. Как мера государственного принуждения наказание, назначаемое по приговору суда, применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных уголовным законом лишении или ограничении прав и свобод этого лица.

Стст. 44–45УК Туркменистана закреплены виды наказаний:

1) основные наказания:

- исправительные работы;

- ограничения по военной службе;

- содержание в военно-исправительной части;
- лишение свободы;
- 2) дополнительные наказания:
 - лишение государственных наград, воинских и других званий;
 - конфискация имущества;
- 3) смешанные наказания:
 - возложение обязанности загладить причиненный вред;
 - штраф;
 - лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью;
 - возложение обязанности проживания в определенной местности.

Можно выделить следующие особенности, касающиеся наказаний по уголовным законодательствам Республики Беларусь и Туркменистана:

- отличия в закрепленных в понятии признаках наказания: так, в УК Туркменистана закреплен карающий характер наказаний;
- отличия в системе наказаний, сбалансированности видов наказаний: в УК Республики Беларусь большая часть наказаний относится к основным, в УК Туркменистана паритет основных и смешанных видов;
- отличия в критериях, размерах, пределах и условиях назначений: так, согласно УК Республики Беларусь, штраф на общий основаниях устанавливается в размере от 30 до 1 000 базовых величин; согласно УК Туркменистана – в размере от 5 до 200 среднемесячных размеров оплаты труда;
- наличие общих для обоих государств видов наказаний, некоторые из которых являются наиболее часто применяемыми: исправительные работы, штраф, лишение свободы, лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы;
- наличие видов наказаний, не включенных в перечень в другом государстве: так, в Туркменистане, в отличие от Беларуси, закреплены содержание в военно-исправительной части, возложение обязанности загладить причиненный вред, возложение обязанности проживания в определенной местности; в УК Республики Беларусь в отличие от УК Туркменистана, закреплены ограничение свободы, арест, общественные работы, пожизненное заключение, смертная казнь.

Показательно, что некоторые виды наказаний, не закрепленные в законодательстве другого государства, – смертная казнь, возложение обязанности проживания в определенной местности – являются соответствующими уголовному законодательству СССР и отражают общие историко-правовые корни, а другие – общественные работы, отсутствие пожизненного заключения, смертной казни – отражают современную тенденцию – гуманизацию уголовных законодательств Беларуси и Туркменистана, но отличающегося содержания, отражающего самостоятельные пути развития обоих государств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Туркменистана. Постатейный (по состоянию на 03.04.2015 г.) [Электронный ресурс] / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Центр ОБСЕ в Ашхабаде. – Ашхабад, 2013. – 663 с. – Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/ashgabat/117369?download=true>. – Дата доступа: 10.10.2016.

УДК 343

Д.Д. ОСТАПУК

Брест, БрГУ А.С. Пушкина

Научный руководитель – С.М. Храмов, кандидат юридических наук, доцент

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОВЕРИЕМ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА И ПРИЧИНЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА БЕЗ ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЯ

Основой нормальной жизнедеятельности любого цивилизованного общества являются доверительные отношения. Однако нередко злоумышленники используют доверительные отношения для совершения корыстных преступлений. В связи с этим Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) устанавливает уголовную ответственность за совершение преступлений против собственности с использованием злоупотребления доверием: мошенничество (ст. 209 УК), причинение имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 УК).

Современное уголовное законодательство Республики Беларусь не раскрывает содержание понятия злоупотребление доверием. В доктрине уголовного права нет однозначного подхода в понимании злоупотребления доверием. Это объясняется многогранностью проявления этого явления на практике.

В соответствии с лексическими правилами русского языка, под доверием понимается: уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь и основанное на этом отношении к чему-нибудь. В свою очередь злоупотребление предполагает поступок, состоящий в незаконном, преступном использовании своих прав и возможностей [1].

Под злоупотреблением доверием как способом мошенничества следует понимать использование виновным для незаконного получения чужого имущества особых, доверительных отношений, сложившихся в силу наличия каких-либо обстоятельств между ним и потерпевшим.

В современной юридической литературе все более распространенным становится мнение о том, что обман и злоупотребление доверием не одинаковые понятия. Согласно данному мнению, злоупотребление доверием должно быть исключено из состава мошенничества. Предлагается предусмотреть самостоятельный состав преступления – злоупотребление доверием в системе имущественных преступлений.

А.Г. Безверхов определяет злоупотребление доверием как использование лицом своих полномочий по управлению и распоряжению чужим имуществом, заключению сделок или совершению иных юридически значимых действий вопреки законным интересам доверителя, если это деяние совершено в значительном размере [2, с. 287].

Безусловно, следует согласиться с тем, что усложнение общественного оборота наряду с отделением функций управления от собственности обусловили появление

и интенсивное развитие отношений по управлению чужим имуществом, в т.ч. капиталом частных лиц и организаций. В условиях, когда средства производства принадлежат одним, а ими фактически распоряжаются другие (доверительные управляющие, поверенные, профессиональные служащие, менеджеры), действующие в чужом имущественном интересе и не являющиеся собственниками вверенных имущественных ценностей, создаются предпосылки для распространения в имущественной сфере злоупотреблений доверием [3, с. 340].

Следует отметить, что при конструировании нормы о злоупотреблении доверием как самостоятельного состава имущественного преступления, понятие которого содержит лишь элемент причинения имущественного ущерба собственнику или иному законному владельцу, тем самым исключая механизм завладения имуществом, мы столкнемся с конкуренцией с составом «причинения имущественного ущерба без признаков хищения» (ст. 216 УК).

Обязательным признаком злоупотребления доверием как способа причинения имущественного ущерба без признаков хищения является умышленное нарушение виновным предоставленных ему полномочий по владению, пользованию и распоряжению, вверенным ему имуществом потерпевшего.

Основания возникновения отношений доверия, имеющих место между виновным и потерпевшим при совершении преступления, предусмотренного ст. 216 УК Республики Беларусь, носят юридический характер [1].

Проанализировав признаки таких преступлений, как мошенничество (ст. 209 УК) и причинение имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 УК), мы приходим к выводу, что злоупотребление доверием как один из способов совершения данных преступлений предполагает:

- наличие отношений доверия, существующих между потерпевшим и виновным по поводу имущества;
- данные отношения вытекают из юридических оснований или иных юридически значимых действий физических и юридических лиц, не предусмотренных законом, но в силу основных начал и смысла законодательства, порождающих юридические права и обязанности;
- нарушение виновным юридической обязанности владеть, пользоваться и распоряжаться доверенным ему имуществом в интересах потерпевшего.

Таким образом, на наш взгляд, существует необходимость законодательного закрепления понятия «злоупотребление доверием». Это поможет избежать возможных ошибок при квалификации преступлений, совершаемых путем злоупотребления доверием.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мороз, Д. Г. Злоупотребление доверием как способ причинения имущественного ущерба без признаков хищения [Электронный ресурс] / Д. Г. Мороз. – Режим доступа: http://www.law.bsu.by/pub/30/D_Moroz-3.pdf. – Дата доступа: 07.10.2015.
2. Безверхов, А. Г. Имущественные преступления / А. Г. Беве́рхов. – Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2002. – 359 с.
3. Хилюта, В. В. Хищение: способы совершения, вопросы квалификации и практики правоприменения / В. В. Хилюта. – Минск : Амалфея, 2014. – 672 с.

УДК 343

Д.Д. ОСТАПУК

Брест, БрГУ А.С. Пушкина

Научный руководитель – С.М. Храмов, кандидат юридических наук, доцент

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБМАНА КАК СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА

Мошенничество отличается от других форм хищений тем, что способом совершения данного преступления является обман или злоупотребление доверием.

Обман – это деяние, совершенное лицом с прямым умыслом, для чего требуется, чтобы лицо, его совершающее, осознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело их общественно опасные последствия и желало их наступления.

Обман может выражаться в двух возможных формах поведения: в сообщении ложных сведений, утверждении о наличии или отсутствии каких-либо фактов или же в намеренном умолчании об обстоятельствах, сообщение о которых в подобной ситуации было обязательным [1, с. 398].

Различают так называемый активный и пассивный обман.

Активный обман характеризуется преднамеренным введением в заблуждение собственника или иного владельца имущества посредством сообщения заведомо ложных сведений, предоставлением подложных документов или совершением иных действий, создающих у лица ошибочное представление об основаниях перехода имущества во владение виновного и порождающих у него иллюзию законности передачи этого имущества [2, с. 325]. В качестве примера активного обмана можно привести совершение различного рода фиктивных сделок, направленных на завладение чужими деньгами под видом купли-продажи, найма или залога недвижимости.

С точки зрения формы активный обман может выражаться в виде письменного или устного сообщения либо заключаться в совершении различных жестов, телодвижений и действий. Наиболее распространен словесный обман, который может быть совершен в устной или письменной форме. Последняя выражается в предоставлении виновным заведомо подложных либо чужих или недействительных документов. Так, при совершении фиктивных сделок мошенники используют поддельные документы, удостоверяющие личность (паспорт и пр.), различного рода правоустанавливающие документы (нотариально заверенная справка о праве собственности на недвижимость), а также документы, сопровождающие сделку (выписки из домовой книги, финансово-лицевые счета, справки из налоговой инспекции и бюро технической инвентаризации, письменное разрешение на совершение сделки из органов опеки и попечительства при наличии у владельцев недвижимости детей и инвалидов и пр.).

Обман действием выражается в различных поступках, действиях, телодвижениях, а также жестах обманывающего, на основе которых можно сделать вывод об утверждении или отрицании фактов (обстоятельств). Обманные действия (шулерство, знахарство, гадание, условные знаки) применяются для введения в заблуждение потерпевшего и получения таким путем имущества.

Большинство криминалистов рассматривают пассивную форму обмана как умолчание об истине. Правда, одни из них полагают, что такой обман заключается в невыполнении вытекающей из правовых или моральных норм обязанности сообщить

о действительных обстоятельствах дела; другие же, напротив, стоят на позиции, согласно которой обязанность говорить правду может быть только юридической и должна вытекать либо из закона, либо из договора [3, с. 244].

Таким образом, можно сказать, что виновный для достижения преступной цели использует неосведомленность, неопытность потерпевшего, умалчивает об обстоятельствах, сообщение которых было обязательным, в результате чего лицо в момент передачи имущества заблуждается относительно наличия на это законных оснований. Например, родственники не сообщают о факте смерти пенсионера в органы социальной защиты и продолжают получать за него пенсию.

В процессе изучения судебной-следственной практики по делам о мошенничестве чаще всего встречаются случаи активного обмана.

Все разновидности обмана в зависимости от обстоятельств, образующих его содержание, могут быть систематизированы по группам:

- обман в отношении личности получателя имущества;
- обман относительно предметов;
- обман по поводу различных событий и действий;
- обман в намерениях.

С каждым годом хищение в форме мошенничества становится все более и более разнообразным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 1200 с.

2. Бойцов, А. И. Преступления против собственности / А. И. Бойцов – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 755 с.

3. Хилjuta, В. В. Хищение: способы совершения, вопросы квалификации и практики правоприменения / В. В. Хилjuta. – Минск : Амалфея, 2014. – 672 с.

УДК 343.2. /7

Е.С. ПАБУЛЫ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЗАРАНЕЕ НЕ ОБЕЩАННОГО УКРЫВАТЕЛЬСТВА И ПОСОБНИЧЕСТВА КАК ВИДА СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Пособником, согласно п. 6 ст. 16 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации или орудий и средств совершения преступления, устранением препятствий либо оказанием иной помощи. Кроме того, пособником является лицо, которое заранее, т.е. до совершения преступления исполнителем, обещало скрыть преступника, орудия или средства преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, либо заранее обещало приобрести или сбыть такие предметы (укрывательство) [1]. Физическая, материальная помощь исполнителю, снабжение его орудиями преступления, устранение препятствий его действиям называется физическим пособничеством. Обеспечение информацией, дача консультаций, советов представляет собой интеллектуальное пособничество.

Пособничество в виде укрывательства преступления следует отличать от укрывательства, которое не является соучастием, поскольку не было обещано заранее (ст. 405 УК). Заранее не обещанное укрывательство имеет место после окончания преступления, поэтому не может квалифицироваться как соучастие. Но на практике часто возникают проблемы при разграничении укрывательства и пособничества как вида соучастия в преступлении, что ведет к неправильной квалификации преступных деяний. В соответствии со ст. 405 УК предусмотрена ответственность за заранее не обещанное укрывательство лица, совершившего тяжкое преступление, либо орудий и средств совершения этого преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем.

Необходимо осознавать, что между институтом соучастия и институтом прикосновенности лежит очень тонкая грань, которая включает множество факторов объективного и субъективного характера. Так, можно отметить, что еще в советский период развития отечественного уголовного права, в основном, сложность определения юридической природы укрывательства состояла в том, что в одних случаях укрывательство выступает разновидностью пособничества, образуя соучастие, в других является самостоятельным преступлением, особой формой прикосновенности [2].

Критерий разграничения между укрывательством-соучастием в преступлении и прикосновенностью к нему состоит именно в моменте предоставления обещания о совершении деяния по сокрытию лица, совершившего преступление, или доказательств его совершения. Если обещание было дано до момента окончания преступления – налицо интеллектуальное пособничество в совершении преступления, если после окончания исполнения преступления – прикосновенность к основному преступлению в форме заранее не обещанного укрывательства [3].

Именно ошибки в установлении данного обстоятельства являются причинами неправильной квалификации рассматриваемых деяний. Примером является следующий случай, произошедший в Российской Федерации. Приговором городского суда Т. и Л. были осуждены по ст. 316 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) за укрывательство преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК (убийство), совершенного К. Из материалов дела известно, что К., Т. и Л. решили «проучить» известного им гражданина П., который совершил кражу болгарки, принадлежавшей Т. Они взяли пневматическое ружье и отправились на поиски П. Обнаружив последнего около пруда, совместно начали его избивать. Через некоторое время К. один стал наносить множественные удары П. в жизненно важные органы и три раза выстрелил в него из пневматического ружья. После этого, взяв лопату, К. положил черенок на шею П. и встал на него ногами. Когда П. перестал дышать, К. попросил Т. и Л. помочь ему спрятать тело: выкопать яму и закопать. Последние согласились, после чего поочередно стали копать яму в лесу. Во время копки они услышали, что П. начал дышать и приходить в себя. Тогда К. решил «добить» П. Он взял у Т. лопату, снова положил черенок на шею П. и стал душить того. Когда П. перестал подавать признаки жизни, К., Т. и Л. продолжили копать яму, в которую положили тело П. и засыпали землей. По дороге домой Л. выбросил лопату. Таким образом, объективно, согласие на сокрытие трупа К. получил от Т. и Л. до совершения убийства П. Доводя свой преступный умысел до конца, К. был уверен, что Т. и Л. продолжат оказывать ему содействие в укрытии убийства. Обратного, согласно материалам дела, последние не утверждали. Однако суд квалифицировал их действие как заранее не обещанное укрывательство преступлений. В дальнейшем приговор не обжаловался. Такое решение

суда представляется нам необоснованным, учитывая вышеизложенную точку зрения по рассматриваемому вопросу [5].

О возможности интеллектуального укрывательства преступлений можно ответить: заранее не обещанное укрывательство является преступлением, совершаемым действием, независимо от его конкретного проявления – в виде физических актов или интеллектуальной (информационной) помощи преступнику в уклонении от уголовного преследования. Поскольку исчерпывающий перечень способов укрывательства в законе дать невозможно в силу их многообразия, его целесообразно оставить открытым, чтобы суд в конкретной ситуации мог, исходя из обстоятельств дела, устанавливать наличие или отсутствие его признаков.

Укрывательство в зависимости от конкретного способа совершения может заключаться в выполнении единичного акта либо быть сложным преступлением – длящимся или продолжаемым.

Незначительная помощь лицу, совершившему преступление, не способная причинить существенный вред интересам правосудия, как деяние малозначительное не может влечь ответственность за укрывательство [4, с. 143].

Таким образом, при заранее не обещанном укрывательстве как форме прикосновенности деятельность укрывателей не предшествует и не сопутствует совершению преступления, а, наоборот, начинается только после совершения первоначального деяния или после наступления общественно опасных последствий при материальной конструкции объективной стороны.

Заранее данное обещание может укрепить решимость укрываемого совершить преступление, что характерно для любого вида интеллектуального пособничества. Не сам факт сокрытия основного преступления после его окончания, а установление того, были ли эти действия заранее обещаны укрывателем исполнителю основного преступления, является основанием для разграничения соучастия в преступлении и заранее не обещанного укрывательства. Укрывательство может быть обещано как словесно, так и путем демонстрации своего поведения. Совершение укрывательства в прошлом, если у исполнителя складывается мнение, что он может рассчитывать на подобные действия в будущем (и укрыватель не отрицает этого) также признается пособничеством [5]. Основным, но не единственным, отграничивающим признаком заранее не обещанного укрывательства от пособничества как разновидности соучастия в преступлении является отсутствие заранее данного обещания совершить укрывательство преступных действий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Хабибуллин, М. Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву / М. Х. Хабибуллин. – Казань : Изд. Казан. ун-та, 1984. – С. 27.

3. Козлов, А. П. Соучастие: традиции и реальность / А. П. Козлов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 362 с.

4. Глухова, О. В. Уголовная ответственность за недоносительство и укрывательство преступлений: монография / О. В. Глухова; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест: БрГУ, 2010. – 247 с.

5. Милина, О. В. К вопросу отграничения заранее не обещанного укрывательства преступлений от пособничества как вида соучастия в преступлении / О. В. Милина // Пробелы в рос. законодательстве. – 2014. – № 1. – С. 154–156.

УДК 343

Г.В. ПАНОВ

Уфа, БашГУ

Научный руководитель – М.Б. Кострова, кандидат юридических наук, доцент

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ВНУТРИОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ С УЧЕТОМ БЕЛОРУССКОГО ОПЫТА

Уголовный кодекс РФ 1996 г. (далее – УК РФ) включает нормы, имеющие в своей юридической конструкции административную преюдицию, т.е. нормы, которые устанавливают преступность деяния в случае его совершения после назначения административного наказания (в некоторых УК государств-участников СНГ – административного взыскания) за административное правонарушение. Заметим, что в первоначальной редакции УК РФ норм с административной преюдицией не было, но с 2009 г. они стали постепенно вводиться в УК, к настоящему времени их стало девять. Учитывая направленность уголовно-правовой политики на гуманизацию, перевод преступлений, не обладающих большой общественной опасностью, в разряд административных правонарушений и криминализацию повторного совершения этих правонарушений [1], можно спрогнозировать, что количество таких уголовно-правовых норм будет расти. Вместе с тем, изучение семилетнего опыта «возвращения» административной преюдиции в российский уголовный закон обнаруживает ряд связанных с этим внутриотраслевых и межотраслевых проблем. В рамках настоящей публикации остановимся на внутриотраслевых проблемах, которые, на наш взгляд, проявляются в следующем:

1. Отсутствие единого подхода к обозначению субъекта преступления с использованием терминологии административного права. В большинстве статей УК РФ он обозначен как «лицо, подвергнутое административному наказанию», но встречается и иной вариант – «лицо, которое ранее привлекалось к административной ответственности...» (стст. 212.1, 284.1, ч. 2 ст. 314.1). При этом если определение первого понятия содержится в ст. 4.6 Кодекса об административных правонарушениях РФ 2001 г. (далее – КоАП РФ («срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию»), то второе легального определения не имеет, т.к. в КоАП РФ нет дефиниций понятий «административная ответственность» и «лицо, привлеченное к административной ответственности». В судебной практике сложилось правило считать моментом привлечения лица к административной ответственности дату решения по административному делу [2; 3]. Но ученые обращают внимание на допустимость и возможность и иных подходов к определению момента привлечения лица к административной ответственности [4, с. 153].

2. Отсутствие системного внутриотраслевого подхода к установлению количества административных наказаний (привлечений к административной ответственности) и, соответственно, к учету количества «преюдициальных» административных правонарушений: в большинстве статей УК РФ указано только одно, но встречаются и иные варианты: «два раза в течение одного года» (ст. 284.1, ч. 2 ст. 314.1), «более двух раз в течение ста восьмидесяти дней» (ст. 212.1). Столь разный подход к конструированию уголовно-правовых норм с административной преюдицией не находит объяснения в теории уголовного права.

3. Отсутствие системного внутриотраслевого подхода к обозначению как самой административной преюдиции, так и к конструированию уголовно-правовых норм с административной преюдицией. Во-первых, в УК РФ отсутствует легальное определение понятия «административная преюдиция». Во-вторых, в заголовках некоторых статей УК РФ (116.1, 158.1, 264.1) административная преюдиция обозначена (например, «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию»), а из заголовков других статей (151.1, 157, 215.4, 212.1, 284.1, 314.1) не следует, что в них содержатся нормы с административной преюдицией (например, «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции»). В-третьих, в ряде статей УК РФ административная преюдиция «завуалирована» неоднократностью (151.1, 157, 212.1, 215.4, 314.1). К примеру, в ст. 215.4 УК РФ установлена уголовная ответственность за «незаконное проникновение на подземный или подводный объект., совершенное неоднократно», при этом понятие неоднократности раскрывается в примечании к этой статье: «если совершено лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию». Вместе с тем, термин «неоднократность» встречается и в стст. 154, 180 УК РФ, причем в значении, отличном и от «неоднократности – административной преюдиции» в стст. 151.1, 157, 212.1, 215.4, 314.1 УК РФ, и от существовавшей до 2003 г. неоднократности как разновидности множественности преступлений [4, с. 150–152].

В число преступлений, уголовная ответственность за которые по УК РФ наступает после предшествующего административного наказания (привлечения к административной ответственности), включены, в основном, преступления небольшой тяжести. Но сюда вошли еще и преступления средней тяжести (ст. 212.1, ч. 2 ст. 215.4), и тяжкое (ст. 284.1), что представляется нам непродуманным в связи «общественная опасность правонарушения – общественная опасность преступления – категоризация преступлений по характеру и степени общественной опасности».

В качестве одного из путей решения выявленных российских проблем может быть предложено заимствование зарубежного опыта, в частности, белорусского. В Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК РБ) тоже включена административная преюдиция, но сделано это, на наш взгляд, гораздо более системно, что проявляется в следующем. Во-первых, в ст. 32 «Административная или дисциплинарная преюдиция», входящей в Общую часть УК РБ, имеется общая норма, в которой установлена совокупность общих условий уголовной ответственности за совершение деяния после «преюдициального» административного правонарушения:

- уголовная ответственность наступает только в случаях, предусмотренных Особенной частью УК;
- уголовная ответственность наступает только за преступление, не представляющее большой общественной опасности;

- деяние совершено в течение года после наложения административного взыскания;
- административное взыскание наложено за такое же нарушение.

Во-вторых, в Особенной части УК РБ имеется 37 статей, в которых нормы с административной преюдицией сформулированы с использованием одной и той же терминологии и сконструированы в полном соответствии с нормативными установлениями Общей части УК РБ.

Считаем, что российскому законодателю целесообразно обратить внимание на этот позитивный опыт УК РБ и использовать его при дальнейшем совершенствовании как отдельных уголовно-правовых норм с административной преюдицией, так и их системы в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию РФ [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2015. – 4 дек. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/12/03/stenogramma.html>. – Дата доступа: 14.10.2016.

2. Приговор Каргасокского районного суда Томской области от 16 сентября 2016 г. № 1-73/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <http://sudact.ru>. – Дата доступа: 14.10.2016.

3. Приговор Тавдинского районного суда Свердловской области от 4 марта 2016 г. № 1-161/2015 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <http://sudact.ru>. – Дата доступа: 14.10.2016.

4. Кострова, М. Б. Языковое выражение административной преюдиции в уголовном законе: прошлое, настоящее, будущее / М. Б. Кострова // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 2 (7). – С. 149–159.

УДК 343.7.

Д.В. ПИВОВАРЧУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – Е.П. Хотько, кандидат юридических наук

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ ОТ НЕПРАВОМЕРНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В связи с быстрыми темпами развития сферы информационных технологий как в Республике Беларусь, так и во всем мире, вопрос эффективной защиты компьютерных программ от неправомерного использования, в частности использование нелегальных компьютерных программ становится все более и более актуальным.

Компьютерная программа, в соответствии с абз. 11 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 17.05.2011 № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон), – это представленная в объективной форме упорядоченная совокупность команд и данных, предназначенных для использования на компьютере и в иных системах и устройствах в целях обработки, передачи и хранения информации, производства вычислений, получения аудиовизуальных изображений и других результатов. Компьютерная программа является самостоятельным объектом охраны авторского права и охраняется в соответствии с правовым режимом, установленным ст. 13 Закона.

Использование нелицензионной компьютерной программы нарушает совокупность прав и общественных интересов. Во-первых, нарушая имущественные права автора и/или правообладателя компьютерной программы, в частности право на распространение компьютерной программы, в т.ч. на возмездной основе, совершается посягательство на право собственности. Во-вторых, используя нелицензионную компьютерную программу по своему собственному усмотрению, нарушаются неимущественные права автора, такие как право осуществлять или разрешать установку компьютерной программы на компьютер или иное устройство, запуск и работу с ней, что нарушает конституционное право автора. В-третьих, в случае если для нелицензионного использования компьютерной программы необходимо ввести недостоверные данные в программу или осуществить вмешательство в программный код, совершается посягательство на информационную безопасность.

Таким образом, на наш взгляд, защита компьютерных программ от неправомерного использования должна найти свое отражение в трех разделах Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК): преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности, преступление против человека и преступления против информационной безопасности.

В настоящее время, к сожалению, защите компьютерных программ как имущества автора или иного законного правообладателя уделяется не так много внимания. На наш взгляд, в реалиях столь динамично развивающегося рынка информационных технологий данный подход требует пересмотра. В настоящее время компьютерные программы являются таким же «товаром», участвующим в хозяйственном обороте, как и более привычные нам мебель, одежда, бытовая химия и прочие. В связи с такими свойствами компьютерных программ, как копируемость и масштабируемость, существующие на сегодняшний день составы преступления, предусмотренные гл. VIII УК, не применимы в случаях неправомерного завладения компьютерной программой, т.к. правообладатель не теряет возможности использовать свой экземпляр программного обеспечения, но несет убытки, связанные с незаконным распространением и нелицензионным использованием продукта.

Основным составом преступления, который применяется при совершении общественно опасных деяний, связанных с неправомерным использованием компьютерных программ, является состав, предусмотренный ст. 201 УК «Нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности».

Согласно ч. 1 ст. 201 УК присвоение авторства либо принуждение к соавторству, а равно разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели, промышленного образца или иного объекта права промышленной собственности до официальной публикации сведений о них, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение наказываются общественными работами, или штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет. Но диспозиция вышеназванной части статьи сформулирована так, что охраняет только объекты промышленной собственности, к которым компьютерные программы не относятся.

Нельзя не согласиться с С.С. Лосевым, который отметил: «Это является существенным недостатком отечественного законодательства, поскольку нарушение права авторства в отношении произведений науки, литературы и искусства имеет не меньшую общественную опасность, нежели аналогичные противоправные действия в отношении изобретений и иных объектов права промышленной собственности, и при этом представляют собой более распространенное явление» [1].

Ч. 2 ст. 201 УК предусматривает ответственность за незаконное распространение или использование объектов авторского права, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение или сопряженные с получением дохода в крупном размере.

Для целей ст. 201 УК крупным размером дохода (ущерба) признается размер дохода (ущерба) на сумму, в 500 и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, что на 20.10.2016 г. составляет 10 500 белорусских рублей. Для понимания размера дохода (ущерба) приведем пример. Стоимость лицензионной компьютерной программы «1С Бухгалтерия: 8» составляет 525 белорусских рублей [2]. Распространение 20 нелегальных экземпляров компьютерной программы «1С Бухгалтерия: 8» может повлечь за собой ограничение свободы на срок до трех лет или лишение свободы на срок до двух лет.

Квалифицирующими признаками по ч. 3 ст. 201 УК являются совершение действий, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 вышеуказанной статьи, повторно, либо группой лиц по предварительному сговору, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, повлекли причинение в крупном размере ущерба.

Раздел XII УК «Преступления против информационной безопасности» также содержит в себе ст. 201, в том или ином виде запрещающие несанкционированное использование компьютерных программ. Однако, ведущие ученые в области юриспруденции неоднократно в своих работах говорили о необходимости пересмотра норм данной главы в соответствии со сложившейся на сегодняшний день ситуацией в сфере использования информационных технологий.

Хотелось бы отметить, что в настоящее время судебная практика по данной категории дел только формируется, что связано с тем, что большинство споров по данному вопросу урегулируются в порядке гражданского судопроизводства. Также отметит тот факт, что рассмотрение споров в данной области затруднительно, т.к. связано с необходимостью глубокого знания рассматриваемого специфического гражданско-правового института.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосев, С. С. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» [Электронный ресурс] / С. С. Лосев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.
2. Стоимость продуктов 1С [Электронный ресурс] // ООО «Азбука управления». – Режим доступа: – http://8ka.by/buy_1C. – Дата доступа: 20.10.2016.

УДК 343

А.Л. ПИСКУН

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – С.М. Храмов, кандидат юридических наук, доцент

МОТИВЫ СОВЕРШЕНИЯ ХУЛИГАНСТВА

Хулиганство является одним из самых распространенных преступлений. Зачастую оно совершается под влиянием алкогольного или наркотического опьянения – 70 % от общего числа совершенных преступлений. Как правило, молодыми людьми, которые стремятся своими действиями показать, что им все дозволено. Реже всего совершают хулиганство лица, старше 50 лет. Чаще всего

в общественных местах в отношении случайных людей, незнакомых или малознакомых виновным лицам. Необходимо отметить, что хулиганские действия осуществляются открыто, меньшая часть таких преступлений совершается скрыто, когда другие лица не видят нарушителя [1, с. 801].

Хулиганство относится к тем составам преступлений, в которых мотив является одним из обязательных признаков.

Под мотивом понимается причина, по которой совершается общественно опасное деяние.

Что же касается мотивов хулиганства, то ранее некоторые авторы считали хулиганство вовсе безмотивным преступлением. Однако мотивы хулиганства отличаются от обычных, общепризнанных мотивов преступления. Чаще всего они носят вздорный, необъяснимый характер, что и порождает впечатление о безмотивности рассматриваемого состава преступления.

В теории уголовного права существует точка зрения, на основании которой при расследовании хулиганства определение мотива не требуется. Некоторые авторы считают, что хулиганство не требует для своего состава именно определенного мотива, достаточно лишь определения общего мотива проявления хулиганства, т.к., совершая данное общественно опасное деяние, виновный якобы может руководствоваться различными мотивами: ревностью, местью и др. Мотив при наличии всех остальных элементов состава этого преступления для квалификации деяния не имеет значения.

На наш взгляд, данная позиция не соответствует юридической природе хулиганства. Анализируемый состав включает в качестве обязательного признака мотив совершения преступления. Он является одним из основных критериев отграничения хулиганства от смежных составов преступлений.

Изученная нами судебная практика позволяет сделать вывод, что основными мотивами данного преступления являются: противопоставление поведения общественному порядку, открытое пренебрежение к обществу как в целом, так и к конкретной группе людей (например, группе более успешных людей либо верующих).

Анализируя мотивы совершения хулиганства, необходимо обратить внимание, что зачастую наличие так называемых «хулиганских» мотивов не исключает наличие низменных мотивов (например, гнев, ревность, месть, корысть и др.), которые в данном составе преступления могут выступать как самостоятельные побудители совершения хулиганства. Однако они не становятся доминирующими мотивами, остаются как бы на втором плане.

Для «хулиганских» мотивов свойственна скоротечность их образования. Зачастую лица совершают хулиганство неожиданно, без какой бы то ни было длительной психологической подготовки. В этом и заключается суть «хулиганских» мотивов.

Общеизвестно, что любое волевое действие – это результат борьбы мотивов «за» и «против» выполнения действия. Чем более веские мотивы «против», тем значительнее должны быть мотивы «за» для того, чтобы действие осуществилось. Однако у хулиганов данный принцип не действует. В процессе формирования воли последних отмечается сравнительная легковесность мотивов «за», оказывающихся, тем не менее, достаточными, чтобы превысить мотивы «против». Хулиган сознает причиняемый им вред, но это у него не рождает чувств, которые могли бы задержать развитие волевого процесса [2, с. 148].

Таким образом, внутренняя побудительная сила, на основании которой лицо совершает хулиганство, сводится не к одному какому-либо мотиву, а к множеству

мотивов. Мотивов не только так называемых «хулиганских», но и низменных. При расследований данной категории преступлений необходимо учитывать данный факт.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Еркубаева, А. Ю. Личность преступника, совершившего хулиганство и преступления из хулиганских побуждений / А. Ю. Еркубаева // Молодой ученый. – 2013. – № 6. – С. 800–802.
2. Шиханцов, Г. Г. Криминология : учеб. пособие / Г. Г. Шиханцов. – Минск : Тесей, 2006. – 296 с.

УДК 343

Д.А. ПОЗДЕЕВ

Уфа, БашГУ

Научный руководитель – М.Б. Кострова, кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ РОССИЙСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВВЕДЕНИЕМ В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СУДЕБНОГО ШТРАФА, И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ С УЧЕТОМ БЕЛОРУССКОГО ОПЫТА

Начиная с 2009 г. в российской уголовной политике обнаруживаются две взаимосвязанные экономические цели: пополнения доходов государства в целях финансового обеспечения его деятельности, экономии бюджетных средств на досудебное и судебное производство по уголовным делам [1]. Одним из последних шагов в этом направлении стало принятие Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, которым в Уголовный кодекс РФ 1996 г. (далее – УК РФ) введены новая мера уголовно-правового характера – судебный штраф – (гл. 15.2) и новый вид освобождения от уголовной ответственности – с назначением судебного штрафа (ст. 76.2). Такое законодательное решение породило, по нашему мнению, ряд межотраслевых и внутриотраслевых проблем. В настоящей публикации мы рассмотрим лишь некоторые из них.

До июля 2016 г. термин «судебный штраф» использовался исключительно в отраслях процессуального права, в частности, в трех российских процессуальных кодексах – Гражданском процессуальном, Арбитражном процессуальном, Кодексе административного судопроизводства для обозначения одной из мер процессуальной ответственности. Особенности, определяющие процессуальную природу судебного штрафа в этих отраслях, не меняют, на наш взгляд, его правовую природу в целом как разновидности юридической ответственности. В системе отраслей материального права штраф (без прилагательного судебный) тоже всегда неразрывно связан с юридической ответственностью (уголовной, административной, налоговой, гражданско-правовой), являясь ее разновидностью (мерой). Поэтому в контексте межотраслевых связей освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа представляет собой, по сути, освобождение от юридической ответственности посредством возложения этой ответственности. «Парадоксальность» этой феноменологии еще более очевидна в системе внутриотраслевых связей:

- размер судебного штрафа, по общему правилу, находится в зависимости от максимального размера штрафа, предусмотренного в качестве уголовного наказания

санкцией ст. Особенной части УК РФ, по которой квалифицировано содеянное виновным (ч. 1 ст. 104.5 УК);

- при определении размера судебного штрафа учитываются те же обстоятельства, что и при назначении штрафа как вида уголовного наказания (ч. 2 ст. 104.5 УК).

Согласно ч. 1 ст. 43 УК РФ уголовное наказание (в т.ч. и штраф) есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Таким образом, любой штраф, назначенный по правилам ст. 46 УК РФ, по своей сути, всегда является «судебным» штрафом, и сложно найти разумные основания определять штраф как вид уголовного наказания в качестве «внесудебного». Такое положение дел ведет к смешению двух различных институтов уголовного права уже на уровне терминологических обозначений, не говоря уже об их схожести в содержательной части. Не случайно в проекте постановления Пленума Верховного Суда РФ «О внесении изменений в некоторые постановления... по уголовным делам» (в связи с введением норм об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа...) предлагается такое дополнение: «С учетом того, что судебный штраф, назначаемый на основании ст. 76.2 УК РФ лицу, освобожденному от уголовной ответственности, не является уголовным наказанием, а относится к иным мерам уголовно-правового характера, ... правила ст. 46 УК РФ к назначению и исполнению судебного штрафа не применяются».

Все изложенное выше позволяет заключить, что использование составного термина «судебный штраф» в тексте УК РФ вообще и тем более в качестве наименования одной из мер уголовно-правового характера не может быть признано оправданным.

По УК РФ основанием освобождения от уголовной ответственности является назначение судебного штрафа, а не его уплата (ст. 76.2). В случае же неуплаты судебного штрафа в установленный судом срок ч. 2 ст. 104.4 УК РФ предусмотрены его отмена и привлечение лица к уголовной ответственности, что, естественно, потребует от государства определенных процессуальных затрат. Но это не согласуется с направленностью анализируемых новелл, введение которых в УК РФ было обусловлено в т.ч., соображениями процессуальной экономии [2].

Введение в УК РФ нового вида освобождения от уголовной ответственности порождает его конкуренцию с уже существующими видами, а именно в связи деятельным раскаянием (ст. 75) и в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76), в условия применения которых включены аналогичные либо схожие с указанными в ст. 76.2 положительные посткриминальные действия лица, совершившего преступление, – возмещение ущерба или заглаживание причиненного преступлением вреда иным образом.

В качестве одного из путей решения ряда выявленных российских проблем может быть предложено заимствование белорусского опыта. Полагаем, что использование в качестве образца для заимствования положений п. 16 ст. 4, стст. 82 и 88 Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК РБ) способно дать результаты, которые в табличной форме могут быть представлены следующим образом.

Таблица – Пригодные для заимствования нормативные предписания УК РФ

Решение российской проблемы	Пригодные для заимствования нормативные предписания УК РФ
<p>проблемы 1 и 2: исключив из УК РФ термин «судебный штраф», надлежащим образом отразить в нем правовую природу того явления, которое в настоящее время обозначено данным термином, как уголовно-правовой меры компенсаторного характера</p>	<p>п. 16 ст. 4: уголовно-правовая компенсация – «... мера материального характера, которую лицо, совершившее преступление, согласно принять и обязано исполнить в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности... Уголовно-правовая компенсация является формой заглаживания вины перед обществом, призвана содействовать исправлению лица, совершившего преступление, восстановлению социальной справедливости...»</p>
<p>проблема 3: достижение действительной процессуальной экономии путем исключения ситуации: освобождение лица от уголовной ответственности → неуплата судебного штрафа → отмена судебного штрафа → привлечение лица к уголовной ответственности</p>	<p>ч. 1 ст. 82: «Если в качестве условия освобождения от уголовной ответственности предусмотрена уплата уголовно-правовой компенсации, решение об освобождении лица от уголовной ответственности принимается после ее внесения на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс»; ч. 2 ст. 82: «В случае освобождения лица от уголовной ответственности денежные средства, внесенные на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс, обращаются в доход государства. В случае отклонения ходатайства об освобождении лица от уголовной ответственности денежные средства, внесенные на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс, возвращаются лицу, их внесшему»</p>
<p>проблема 4: исключение конкуренции видов освобождения от уголовной ответственности путем введения в ст. 75 УК РФ (возможно, что и в ст. 76) условия в виде уплаты уголовно-правовой компенсации</p>	<p>ч. 1 ст. 88: «Лицо ... может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно после совершения преступления добровольно явилось с повинной или активно способствовало выявлению и (или) раскрытию преступления, возместило причиненный преступлением ущерб (вред), возвратило неосновательное обогащение и (или) уплатило доход, полученный преступным путем, и внесло на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс, уголовно-правовую компенсацию...»</p>

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кострова, М. Б. Экономическое направление реформирования российского уголовного и уголовно-процессуального права / М. Б. Кострова // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса : сб. материалов Всерос. Заоч. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Уфа, 17–18 апр. 2014 г. / Ин-т права БашГУ ; отв. ред. А. А. Тарасов. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2014. – С. 140–155.

2. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс] : паспорт проекта Федер. закона № 953398-6 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2016.

УДК 343.6

И.О. ПУЖЕЛЬ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – И.А. Заранка, преподаватель

СУБЪЕКТ ПРИВИЛЕГИРОВАННОГО СОСТАВА ДЕТОУБИЙСТВА

Субъект привилегированного детоубийства (ст. 140 УК Республики Беларусь) – специальный: им может быть только мать новорожденного ребенка, вменяемая, достигшая 16-летнего возраста. Тем самым недостижение названного возраста исключает уголовную ответственность по ст. 140 УК Республики Беларусь.

В связи с распространением такого преступления среди подростков 14–15-летнего возраста отдельные ученые ставят вопрос о возможном снижении возраста уголовной ответственности за привилегированное детоубийство. Вместе с тем подходы и обоснование подобного решения различны.

Как замечает российский ученый С.М. Милюков, законодатель своим решением об установлении 16-летнего возраста субъекта поставил 14–15-летних убийц в крайне невыгодное положение по сравнению с более старшими, но, все же, несовершеннолетними и даже взрослыми преступниками: 14-летней матери-убийце грозит лишение свободы от 6 до 10 лет, а 16-летней лишь до 5 лет. Такой вывод Милюков делает в связи с тем, что считает необходимым привлекать женщин-детоубийц, не достигших возраста 16 лет, к уголовной ответственности по ст. 105 УК РФ [1].

Однако такое предложение, по нашему мнению, не является обоснованным и противоречит общим положениям уголовного права. Проблема лежит в плоскости правил квалификации при конкуренции норм.

Применительно к исследуемому вопросу ученые вспоминают правило при конкуренции специальной и общей норм, когда должна применяться норма специальная. Действительно, убийство матерью новорожденного ребенка является преступлением с привилегированным составом по отношению к «простому» убийству. Однако в данном случае речь идет о конкуренции не специального и общего состава преступления, как считают С.М. Милюков и Е.Б. Кургузкина [1], а привилегированного и квалифицированного. При одновременном наличии в деянии смягчающих и отягчающих обстоятельств имеется конкуренция между двумя специальными нормами. В таком случае должно применяться следующее правило квалификации: смягчающие обстоятельства имеют приоритет перед отягчающими. Если лицо не может быть привлечено к ответственности за преступление с привилегированным составом в силу недостижения необходимого для этого возраста, то тем более оно не может быть привлечено к уголовной ответственности за квалифицированный состав преступления.

Российские ученые А.Л. Карасова и С.В. Тасаков предлагают установить уголовную ответственность за привилегированное убийство матерью новорожденного

ребенка с 14-тилетнего возраста. Это предложение обосновывается сравнительной распространенностью такого преступления среди подростков 14–15 летнего возраста, тем, что уже в этом возрасте несовершеннолетние детоубийцы вполне способны осознавать социально-правовую значимость убийства вообще и детоубийства, в частности [2, с. 17; 3, с. 15].

По нашему мнению, в условиях неблагоприятной демографической ситуации в стране и распространенности случаев беременности в возрасте до 16 лет целесообразно было бы снизить возраст, с которого наступает уголовная ответственность за привилегированное убийство матерью новорожденного ребенка, до 14 лет, т.к. уже в этом возрасте несовершеннолетние детоубийцы вполне способны осознавать общественную опасность такого убийства. Кроме того, это имело бы, несомненно, определенное предупредительное воздействие на поведение лиц женского пола указанного возраста.

Дискуссионным в уголовно-правовой доктрине остается вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности по ст. 140 УК Республики Беларусь так называемой «суррогатной матери», т.е. женщины-донора, зачатие у которой производится путем имплантации в ее организм оплодотворенной яйцеклетки. Белорусский законодатель, в отличие от российского, закрепил в диспозиции ст. 140 УК Республики Беларусь положение об убийстве матерью своего новорожденного ребенка. Однако это не означает, что субъектом преступления не может быть суррогатная мать.

Фактически женщина становится матерью с момента рождения ребенка, юридически – с момента установления рождения ребенка от матери органом записи актов гражданского состояния. Следовательно, если женщина родила ребенка и сразу же после родов в условиях психотравмирующей ситуации, но до записи ее в качестве матери, убила его, действия матери следовало бы квалифицировать по ст. 140 УК Республики Беларусь, т.к. в основе убийства лежали все те психофизиологические детерминанты, которые учтены в качестве субъективного критерия указанной статьи. Однако, как высказывается в литературе, юридически женщина не имеет статуса специального субъекта преступления (хотя имеет его фактически), следовательно, квалификация по признакам либеральной нормы исключена [4, с. 78].

С точки зрения Е.И. Грубовой, субъектом привилегированного детоубийства должна признаваться женщина, которая находится непосредственно в процессе родов или в послеродовом состоянии, независимо от того, является ли она генетической матерью и получила ли она юридический статус матери [5, с. 22].

А.И. Тамбовцев предлагает закрепить в законе такие понятия, как «биологическая мать», «суррогатная мать», «генетическая мать». Юридические дефиниции указанных терминов и при необходимости их расширенное толкование могут быть даны в дополнении (примечании) к ст. «Убийство матерью новорожденного ребенка» или в ст. УК «Разъяснение отдельных терминов Уголовного кодекса», или в соответствующих разделах Гражданского либо Семейного кодексов [6, с. 19].

Вместе с тем, женщину во время родов еще нельзя называть матерью. По нашему мнению, можно обойтись более простым и очевидным решением этой проблемы: дополнить диспозицию ст. 140 УК Республики Беларусь еще одним специальным субъектом – «роженицей», под которой следует понимать женщину в период родов. Специальным субъектом в ст. 140 УК Республики Беларусь признавать женщину, выносившую и родившую ребенка вне зависимости от своего правового статуса, т.е. как суррогатную, так и биологическую мать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мурзина, Л. И. Квалификация убийства новорожденного ребенка, совершенного его матерью [Электронный ресурс] / Л. И. Мурзина // ООО «ИТЕОС». – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-ubiystva-novorozhdenного-rebenka-sovershenного-ego-materyu>. – Дата доступа: 21.06.2016.
2. Карасова, А. Л. Убийство матерью новорожденного ребенка: теоретико-прикладные аспекты ответственности по ст. 106 УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. Л. Карасова ; Ростов. гос. ун-т. – Ростов н/Д, 2003. – 25 с.
3. Тасаков, С. В. Ответственность за убийство при смягчающих обстоятельствах по уголовному праву России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. В. Тасаков. – Самара, 2000. – 23 с.
4. Турлюк, Т. П. Отграничение убийства матерью новорожденного ребенка от сходных составов преступлений / Т. П. Турлюк // Юрид. мир. – 2013. – № 8 (57). – С. 71–78.
5. Грубова, Е. И. Проблемы ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в российском и зарубежном уголовном законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. И. Грубова ; НИУ ВШЭ. – М., 2009. – 27 с.
6. Тамбовцев, А. И. Проблемы уголовно-правовой квалификации убийств новорожденных / А. И. Тамбовцев // Науч. вестн. Ом. акад. МВД России. – 2009. – № 3 (34). – С. 17–19.

УДК 344.2/7:343.9

О.І. САСКО

Луцьк, СНУ імені Лесі Українки

КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВЕ ЗНАЧЕННЯ МОТИВУ ЗЛОЧИНУ

Для юридичної науки дуже важливим є розкриття кримінально-правового значення мотиву злочину. Одним із найбільш серйозних завдань, які ставить перед науковцями правозастосовча практика, є дослідження впливу мотиву злочинної поведінки на кримінальну відповідальність особи. Вирішення цього завдання, насамперед, дасть можливість розробити орієнтири для правильної й однозначної кваліфікації вчиненого особою з урахуванням мотивів її діяльності.

У працях вітчизняних учених з кримінального права міститься теза, що мотив – це внутрішнє спонукання до вчинення тієї чи іншої дії (бездіяльності). Як правило, автори беруть це визначення за постулат та вибудовують на ньому теоретичні конструкції мотивів тих чи інших видів злочинів, виробляють відповідні правила кримінально-правової кваліфікації, характеризують особистість злочинця. Така позиція стала традиційною, починаючи з праць класиків вітчизняної кримінально-правової доктрини (М.С. Таганцев, С.В. Познишев, Л.Є. Владимиров тощо), у яких інтерпретація та обґрунтування категорії мотиву базувалась на констатації суттєвості даної ознаки для дослідження сутності злочинної поведінки та її спонукального характеру. Така ситуація призвела до неоднозначного розуміння природи мотиву.

На сьогоднішній день сформувався кілька напрямків у розумінні категорії «мотив». Перший напрямок представлений у працях таких учених, як О.М. Леонтєв, С.Л. Рубінштейн, С.А. Тарарухін, К.Є. Ігошев, Б.С. Волков, А.В. Наумов та ін. Визначення мотиву зазначеними науковцями надається через призму усвідомлення

наявної потреби. Так, наприклад, за О.М. Леонт'євим та С.Л. Рубінштейном, мотив – це «предметована» потреба [1, с. 14; 2, с. 56]. Тобто при визначенні сутності мотиву увага акцентується на конкретному предметі. Виходячи з такого розуміння, мотив виступає проміжною ланкою між потребою та кінцевим результатом, метою і є усвідомленим началом людської діяльності.

Інша група вчених (Б.В. Харазішвілі, В.С. Чубинський тощо) при з'ясуванні змісту мотиву акцент робить на емоційному стані та вольовому компоненті особистості. Як зазначає Б.В. Харазішвілі, мотив – це емоційний стан особи, який виявляється у прояві волі, пов'язаної з розумінням необхідності даної поведінки і бажанням її здійснення [3, с. 154]. В.С. Чубинський вбачав у мотиві первісну ланку вольового процесу. На нашу думку, дане твердження є більш сутнісним, адже дає підстави описати родову приналежність мотиву до певного емоційного стану. Однак слабкістю даної позиції є, по-перше, пов'язування емоційного стану з вольовою складовою особистості, що далеко не завжди має прямий безпосередній зв'язок та, по-друге, постулювання усвідомленості (розуміння) джерела походження відчуття необхідності, що також є доволі сумнівним.

На нашу думку, для того щоб краще розуміти природу мотиву потрібно виокремити ключові поняття, якими оперують дослідники, надаючи йому визначення, а саме: потреби, воля, мета.

Мотив завжди формується поетапно через призму конкретної потреби. Потреба – явне усвідомлення відчуття нестачі чого-небудь. Мати потребу – значить відчувати внутрішній стан потреби в чомусь. А.Н. Леонт'єв вважав, що мотиви діяльності визначаються потребами особистості [2, с. 23]. Потреби є внутрішні спонукальні мотиви, що призводять до їх фізичного втілення у вигляді реальних дій.

А. Маслоу зазначає, що поки потреба не задоволена, вона активує діяльність і впливає на неї. А також науковець досліджуючи мотиваційну структуру особистості, сформулював перелік базових потреб людини, які і формують подальший процес формування цілі, активації волюв'язаної сфери та початку відповідної дії [4, с. 117]. Будь-яка потреба породжує інтерес. Інтерес – це форма прояву пізнавальної потреби, що виражається вибіркоким ставленням особистості до об'єкта через його життєвого значення й емоційної привабливості. Інтереси забезпечують спрямованість особистості на усвідомлення цілей діяльності, сприяє орієнтуванню, ознайомленню з чимось новим, більш повному і глибокому відображенню дійсності. Для того щоб інтерес мав реалізацію, він має бути підкріплений волею. В.О. Іванніков зазначає, що під волею слід розуміти довільну форму мотивації зі створенням додаткового спонування (чи гальмування) до суспільно необхідної чи соціально-контрольованої дії. Воля є не лише особливим способом мотивації, а її особливою формою – довільною мотивацією. Воля належить до особистісного рівня регуляції, який характеризується наявністю особистісного смислу, тобто відображення у свідомості людини відношення мотиву до цілі та умов дії [5, с. 75]. На нашу думку, воля – свідомо організована і саморегуляція людиною своєї діяльності і поведінки, спрямована на подолання труднощів при досягненні поставлених цілей.

Мета злочину виникає на основі злочинної мотиву, а разом мотив і мета утворюють ту базу, на якій народжується вина як певна інтелектуальна і вольова діяльність суб'єкта, що безпосередньо пов'язана з вчиненням злочину і що протікає в момент його вчинення. Враховуючи те, що особа, керуючись мотивом, вчиняє цілеспрямовані дії для досягнення конкретного результату (тобто досягаючи поставлену мету), можна з впевненістю говорити про те, що мотив характерний для

умисних злочинів, оскільки мотив необхідно розглядати як рушійну силу, стимул людської діяльності, те що штовхає людину на вчинення злочину [6, с. 204].

В науковій літературі висловлюється позиція, що мотив може виступати ознакою складу злочину. Так, А.В. Наумов зазначає, що, по-перше, мотив і мета можуть виступати в якості основних (конструктивних) ознак складу злочину. По-друге, мотив і мета можуть виступати в якості ознак, наявність яких утворює кваліфікований склад злочину (склад злочину при обтяжуючих обставинах). По-третє, мотив і мета можуть бути обставинами, які обтяжують або пом'якшують відповідальність при призначенні покарання [7, с. 392]. П.Л. Фріс вважає, що кримінально-правове значення мотиву, мети та емоційного стану полягає в тому, що, входячи в структуру суб'єктивної сторони складу злочину, вони підлягають доведенню в ході досудового розслідування та судового слідства по кримінальній справі і повинні бути враховані при винесенні обвинувального вироку [6, с. 206]. Кримінально-процесуальний закон зобов'язує доказувати мотив у кожному злочині. У п. 2 ст. 91 КПК зазначено, мотив та мета вчинення кримінального правопорушення як обставини, які підлягають доказуванню у кримінальному провадженні. Вони хоча і мають факультативне значення для кваліфікації, але обов'язково враховуються при визначенні суспільної небезпеки вчиненого, особи злочинця та при призначенні судом покарання.

Правильному визначенню мотиву сприяє встановлення мети злочинних дій, яка опосередкована мотивом (оскільки і мотив опосередкований метою), є бажаним (ідеальним) результатом, якого прагне досягти особа, і відповідає на запитання: для чого особа вчиняє певну дію (у той час як мотив відповідає на запитання: чому особа вчиняє певну дію). Мотив і мета органічно взаємопов'язані, оскільки відображаються у суб'єктивній сфері людини. Інколи без визначення мети неможливо правильно усвідомити й зрозуміти мотив злочину, так само як без мотиву неможливо усвідомити мету злочину.

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Учпедгиз, 1946. – 704 с.
2. Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы и эмоции : конспект лекцій / А. Н. Леонтьев. – М. : Изд-во МГУ, 1971. – 40 с.
3. Харазишвили, Б. В. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве / Б. В. Харазишвили // Совет. государство и право. – 1964. – № 5. – С. 153–157.
4. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2006. – 352 с.
5. Иванников, В. А. Психологические механизмы волевой регуляции / В. А. Иванников. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 342 с.
6. Фріс, П. Л. Кримінальне право України. Загальна частина : підручник для студентів вищих навч. закладів. / П. Л. Фріс. – 2-ге видання, доп. і перер. – Київ : Атіка, 2009. – 512 с.
7. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. / А. В. Наумов. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – Т. 1. Общая часть. – С. 392.

УДК 343.2/.7

Т.В. СИЛЬЧЕНКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ДЕЯНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ

Согласно ч. 1 ст. 11 УК Республики Беларусь (далее – УК) под преступлением понимается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), которое запрещено под угрозой наказания.

В ч. 4 ст. 11 УК закреплена сущность малозначительного деяния: не являются преступлением действие или бездействие, формально содержащие признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК, но в силу малозначительности, не обладающие общественной опасностью, присущей преступлению. Малозначительным признается деяние, которое не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам. Такое деяние в случаях, предусмотренных законом, может повлечь применение мер административного или дисциплинарного взыскания [1].

Для признания деяния малозначительным необходимо, чтобы оно обладало всеми признаками состава преступления, но не представляло бы общественной опасности. И поскольку отсутствует данный признак, то малозначительное деяние скорее можно отнести не к криминальному действию, а к административному, дисциплинарному, гражданскому или, даже, аморальному.

Малозначительное деяние не является преступлением в силу отсутствия присущего преступлению признака – общественной опасности.

Так, для того чтобы установить отсутствие общественной опасности деяния, необходимо учитывать два фактора: объективный и субъективный. Объективный фактор указывает нам на наличие противоправного деяния, а вот субъективный – на умысел субъекта.

Если лицо намеревалось причинить существенный вред, но деяние не было доведено до конца или если был причинен несущественный ущерб, но по причинам, не зависящим от виновного, то оба случая не могут быть охарактеризованы как не имеющие общественной опасности: преступление не было доведено до конца, незначительный ущерб причинен по причинам, не зависящим от воли преступника, но умысел установлен, а его содержание отражает общественную опасность. Этот вывод соответствует базовому принципу субъективного вменения, действующему в уголовном праве.

Иная оценка может быть, если лицо намеревалось причинить несущественный вред и это произошло, или оно действовало с неопределенным умыслом. Например, преступник собирается похитить из сейфа неизвестную ему сумму денег – деяние не может быть признано малозначительным, т.к. способ совершения отражает его общественно опасный характер. Другое лицо, которое присваивает один из многих аналогичных предметов, имея возможность присвоить несколько, создает предпосылки для оценки деяния как малозначительного.

Малозначительность деяния – это оценочное понятие. Каждое конкретное деяние оценивается с учетом всех обстоятельств, однако отсутствуют единые и четкие критерии по определению малозначительности. Представляется, что малозначительное

деяние нуждается в дополнительном толковании: решающим проблему стало бы принятие Постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь по вопросу малозначительности деяния, а также возможное уточнение понятия «малозначительность» если не как абсолютно, то, возможно, относительно определенного.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

УДК 343.2/7

Т.В. СИЛЬЧЕНКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Под правонарушением понимается виновное, противоправное и вредоносное поведение деликтоспособных лиц, влекущее юридическую ответственность. В свою очередь, выделяются различные виды правонарушений, в т.ч. преступление и административное правонарушение. В ряде случаев их объединяет много общего (схожее содержание объективных признаков, диспозиций и др.).

Понятие преступления закреплено в ч. 1 ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными УК, и запрещенное им под угрозой наказания [1]. Из данного определения можно выделить и признаки, характеризующие преступление: виновность, противоправность, общественная опасность, наказуемость.

Согласно ч. 1 ст. 2.1 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП), административным правонарушением признается противоправное виновное, а также характеризующееся иными признаками, предусмотренными КоАП, деяние (действие или бездействие), за которое установлена административная ответственность [2]. Выделяются следующие признаки административного правонарушения: виновность, противоправность и наказуемость.

Формальным отличием двух указанных видов правонарушений является отсутствие признака общественная опасность у административного правонарушения. Вместе с тем, в Особенной части КоАП выделяются соответствующие объекты, посягательство на которые и предполагает наличие административного правонарушения: например, в гл. 9 КоАП закреплены правонарушения против здоровья, чести, достоинства человека, прав и свобод человека и гражданина.

Возникает вопрос о наличии общественной опасности административного правонарушения. По данному вопросу нет единого мнения: некоторые считают, что административное правонарушение отличается от преступления меньшей степенью общественной опасности, другие считают, что преступлениям и проступкам присуща

общественная вредность, степень которой при совершении преступления такова, что появляется ее новое качество – общественная опасность или же критерием отграничения преступления от административного проступка является «качество общественной опасности». Это может быть обусловлено различными обстоятельствами, к которым относят, как правило, характер нарушения, тяжесть наступивших последствий, форма вины, наличие определенных мотивов и целей и т.д. [3, с. 60].

Несмотря на наличие признака «противоправность» у преступления и административного правонарушения, он позволяет выделить еще один важный критерий разграничения двух видов правонарушений. Противоправность преступления имеет уголовно-правовой характер – административное правонарушение имеет административный характер противоправности.

Аналогичные проявления имеет и признак «наказуемость»: за совершение преступления наказание назначается в соответствии с УК, за совершение административного правонарушения – на основании КоАП. Виды уголовных и административных наказаний также отличаются, как сущность и последствия двух видов юридической ответственности.

Таким образом, разграничение преступления и административного правонарушения следует осуществлять по непосредственно наличествующим признакам каждого из них, а также по содержанию одноименных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. пособие / Н. А. Бабий. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2013. – 688 с.

УДК 343.2

М.Х. СИРОДЖОВ, В.И. РЕЗЮК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Категории преступлений – один из основных институтов уголовного права. Категория преступления влияет на срок давности привлечения к уголовной ответственности, возможность определения рецидива, срок погашения судимости и иное.

Согласно ст. 12 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) преступления в зависимости от характера и степени

общественной опасности подразделяются на преступления, не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие [1].

В ст. 18 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее – УК Республики Таджикистан) закреплены категории преступлений: небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие [2].

Институты категорий преступлений в уголовных законодательствах Беларуси и Таджикистана характеризуются как схожими, аналогичными, так и отличающимися признаками, указанными в таблице.

Таблица – Сравнение категорий преступлений по УК Республики Беларусь и УК Республики Таджикистан

Категории преступлений	
по УК Республики Беларусь	по УК Республики Таджикистан
К преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, относятся умышленные преступления и преступления, совершенные по неосторожности, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше двух лет или иное более мягкое наказание.	Преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает двух лет лишения свободы, а также неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы.
К менее тяжким преступлениям относятся умышленные преступления, за которые законом предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок не свыше шести лет, а также преступления, совершенные по неосторожности, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет.	Преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное Кодексом, не превышает пяти лет лишения свободы, а также неосторожные деяния, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет.
К тяжким преступлениям относятся умышленные преступления, за которые законом предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок не свыше двенадцати лет.	Тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за которые максимальное наказание не превышает двенадцати лет лишения свободы
К особо тяжким преступлениям относятся умышленные преступления, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двенадцати лет, пожизненного заключения или смертной казни	Особо тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двенадцати лет, пожизненное заключение

Категория преступления определяет характер и степень общественной опасности преступления. Теория уголовного права всегда придавала большое значение

классификации преступлений в зависимости от характера и степени их общественной опасности [3, с. 60]. Данная классификация, как пишет один из разработчиков УК Республики Беларусь А.В. Барков, стала фундаментом дифференциации уголовной ответственности. Выделение категорий преступлений основано на двух важнейших критериях: форме вины и степени общественной опасности. В качестве юридического индикатора общественной опасности выступает санкция, установленная законодателем за то или иное конкретное преступление [4].

Сравнительно-правовой анализ категорий преступлений в уголовных законодательствах Беларуси и Таджикистана имеет большое значение в теории уголовного права и практике применения, особенно в контексте развития международного сотрудничества государств в сфере борьбы с преступностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Уголовный кодекс Республики Таджикистан : 21 мая 1998 г., № 574-З. – Душанбе, 2016. – 342 с.
3. Саркисова, Э. А. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э. А. Саркисова. – Минск : Тесей, 2005 – 493 с.
4. Барков, А. К. Концептуальные основы Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. / А. К. Барков // Юстыцыя Беларусі. – 1999. – № 4. – С. 25.

УДК 343

А.Л. СТАНКЕВИЧ

БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – И.А. Заранка, преподаватель

ПРИСВОЕНИЕ И РАСТРАТА: ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ В ОТНОШЕНИИ ПОХИЩАЕМОГО ИМУЩЕСТВА КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ВВЕРЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК РБ) в качестве самостоятельных форм хищения выделены присвоение и растрата, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 211 УК РБ. Объектом данных преступлений являются отношения собственности, а предметом – вверенное виновному лицу имущество.

Понятие вверенного имущества законодательно определено в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь 21.12.2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» (далее – Постановление Пленума), где указано, что вверенным является имущество, в отношении которого лицо в силу трудовых, гражданско-правовых или иных отношений наделено полномочиями владения, пользования или распоряжения.

В п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь указано, что похищение лицом имущества, переданного ему по количеству или весу

с возложением обязанностей отчитаться за него (сторожем, охранником, шофером и т.п.), должно квалифицироваться по ст. 211 УК РБ.

В случае, когда имущество передано лицам, занимающим должность (выполняющим работу), не связанную с обслуживанием и использованием товарно-материальных ценностей, но временно осуществляющих определенные полномочия в отношении имущества, состав присвоения либо растраты будет иметь место лишь при наличии документально зафиксированных полномочий относительно передаваемого имущества [1].

Следуя данным положениям, можно было бы прийти к выводу, что субъектом присвоения и растраты может быть лишь лицо, полномочия которого в отношении похищаемого имущества оформлены документально. Однако такой вывод нельзя логически соотнести с этимологическим и семантическим значением словосочетания «вверенное имущество».

С этимологической точки зрения, слово «вверять», «вверенное» происходит от слова «вера», что подразумевает под собой некое действие, осуществляемое исходя из глубокой убежденности в правдивости намерений другой стороны. С семантической точки зрения «вверенное имущество» подразумевает под собой «отдавать в распоряжение, поручать нечто ценное кому-либо в силу личного доверия» [2].

Исходя из данных положений, уже нельзя с уверенностью говорить об обязательности какого-либо документального оформления полномочий в отношении похищаемого имущества. Понятно, что в данном случае речь идет о преступлениях, основой которых стали гражданские правоотношения.

Ученые-юристы не пришли к единому мнению касательно данного вопроса. Например, В.В. Хилюта считает, что вверение имущества обязательно должно быть должным образом оформлено, за исключением случаев вверения такого имущества материально ответственному лицу [1].

В то же время И.О. Грунтов полагает, что полномочия виновного лица в отношении такого имущества могут быть закреплены и без документального оформления. Например, мастером, начальником участка, прорабом и т.д. [3]. Такой же позиции придерживается и С.И. Тишкевич, ссылаясь на следующий пример: «Л. без оформления документов на своем земельном участке разрешил К. временно содержать металлический гараж и автомашину. Впоследствии Л. продал по частям автомобиль и гараж, а вырученные деньги расходовал на спиртное» [4]. Анализируя данный пример, С.И. Тишкевич допускает, что в случае, если К. устно упразднил Л. пользоваться или распоряжаться гаражом или автомобилем и умысел на хищение имущества у Л. обозначился уже после факта вверения имущества, то налицо растрата вверенного имущества.

Подобная ситуация может возникнуть, например, при наличии устной договоренности между гражданами о передаче имущества с целью его реализации. А. передает З. ноутбук, зная, что З. занимается ремонтом техники, и просит его исправить какой-либо дефект техники. З. на следующий день обнаруживает, что у него нет денег, которые он хотел использовать для приобретения какой-либо вещи. Тогда он принимает решение продать ноутбук А. без уведомления последнего и израсходовать вырученные деньги по своему усмотрению. Очевидно, что в данном случае лицом совершается растрата вверенного ему ноутбука не смотря на то, что официального оформления вверения имущества произведено не было.

В то же время нельзя забывать о доктрине «опосредованного владения», в соответствии с которой работодатель будет владеть имуществом, переданным

работнику для выполнения какой-либо работы без надления последнему обязанностью отчитаться за переданное имущество.

В соответствии с гражданским законодательством, письменная форма сделки не всегда обязательна для возникновения правомочий собственности у другого лица. Более того, если для сделки не предусмотрена государственная регистрация либо нотариальное удостоверение, то несоблюдение простой письменной формы сделки не влечет ее ничтожности, тем самым допуская возникновение правомочий собственности на имущество без заключения сделки, что предусмотрено ст. 163 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Возвращаясь к п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, становится понятным, что положение о том, что признак документального оформления вверения имущества не является обязательным, не противоречит официальному определению вверенного имущества. Такая сделка, даже будучи совершенная устно, влечет возникновение у виновного лица правомочий владения, пользования либо распоряжения в отношении похищаемого имущества.

В заключении хотелось бы отметить, что любая сфера жизнедеятельности общества должна непрерывно развиваться вслед за бурным развитием общественных отношений, в т.ч. и любая сфера права. Законодателю нельзя забывать о том, что гражданские правоотношения становятся все обширнее и возникают все чаще, и правильная квалификация преступных действий в связи с гражданскими правоотношениями принимает невероятно большое значение не только для поддержания общественного порядка, но и для экономического роста государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хилюта, В. В. Квалификация преступлений против собственности [Электронный ресурс] : учеб. пособие / В. В. Хилюта. – Гродно : ГГАУ, 2008. – 450 с. – Режим доступа: http://ebooks.grsu.by/prestyp_protiv_sobstv/index.htm. – Дата доступа: 20.10.2016.
2. Викисловарь [Электронный ресурс] // Wikimedia Foundation, Inc. – Режим доступа: http://ru.wiktionary.org/wiki/Заглавная_страница. – Дата доступа: 20.10.2016.
3. Грунтов, И. О. Хищения, совершаемые специальным субъектом преступления / И. О. Грунтов // Право Беларуси. – 2002. – № 2. – С. 54.
4. Тишкевич, С. И. Уголовная ответственность за присвоение или растрату личного имущества / С. И. Тишкевич // Суд. весник. – 1995. – № 2. – С. 24–25.

УДК 343

И.В. СТАНКЕВИЧ

БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – И.А. Заранка, преподаватель

МОТИВ «КОРЫСТЬ» В СОСТАВАХ ХИЩЕНИЙ ИМУЩЕСТВА И ДРУГИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК РБ) упоминается термин «корысть» для описания различных составов и категорий преступлений двадцать восемь раз. При этом законодателем используются формулировки: «корыстные побуждения», «корыстная заинтересованность», что необходимо отождествлять с корыстным мотивом. Корыстные мотивы относятся к группе низменных мотивов. Трижды в УК РБ

упоминается о корысти как о цели совершения преступления («корыстная цель»). При этом следует отметить, что УК РБ содержит не только утвердительную информацию о том, что корысть является обязательным признаком состава преступления (например, ч. 2 ст. 226¹), но и информацию, указывающую на обязательное отсутствие корыстной цели (например, ст. 217).

В уголовном законодательстве не дается определения «корысти», но в то же время в ч. 10 ст. 4 УК РБ раскрывается значение термина «корыстные побуждения», где под ними понимаются мотивы, характеризующиеся стремлением извлечь из совершенного преступления для себя или близких выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или близких от материальных затрат.

Анализируя семантику термина «корысть» и уголовное законодательство, можно сделать вывод, что данный термин содержит в себе негативную окраску и употребляется для того, чтобы подчеркнуть чрезмерное стремление к материальному обогащению, порицаемое обществом, лицом, которое преступает через общественные нормы для материального обогащения. Такое обогащение всегда является незаконным. При этом следует подчеркнуть, что материальное обогащение при корысти может осуществляться в четырех формах: извлечение для себя выгод имущественного характера, извлечение для близких выгод имущественного характера, избавление себя от материальных затрат, избавление близких от материальных затрат.

Следует отметить, что, в соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 64 УК РБ, совершение преступления из корыстных побуждений является обстоятельством, которое отягчает уголовную ответственность.

Корысть является обязательным признаком для следующих составов преступлений: п. 12 ч. 2 ст. 39, п. 6 ч. 2 ст. 147, ч. 1 ст. 171, ст. 176, ст. 177¹, ч. 2 ст. 180, п. 3 ч. 2 ст. 181, п. 3 ч. 2 ст. 182, прим. к гл. 24 «Преступления против собственности», ч. 2 ст. 226¹, ст. 251, ч. 2 ст. 255, ст. 258, п. 7 ч. 2 ст. 291, ч. 1 ст. 339¹, ч. 2 ст. 348, ч. 2 ст. 349, ч. 1 ст. 377, ч. 2 ст. 400, ч. 2 ст. 401, ч. 2 ст. 424, ч. 2 ст. 425, ч. 2 ст. 426, ч. 1 ст. 427, ч. 1 ст. 455.

Следует упомянуть и статью, в которой указывается на обязательное отсутствие корыстной цели, – ст. 217.

Также в УК РБ содержится информация о статьях, в которых подчеркивается несущественность наличия или отсутствия корыстной цели: ст. 294, а также примечание к гл. 29 «Преступления против здоровья населения».

Для более глубокого понимания содержания термина «корысть», а также для правильной квалификации конкретного состава преступления необходимо обратиться к постановлениям Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

Так, в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы» (стст. 424–428 УК РБ) указано, что при квалификации злоупотребления властью или служебными полномочиями, бездействия должностного лица, превышения власти или служебных полномочий (ч. 2 ст. 424, ч. 2 ст. 425, ч. 2 ст. 426 УК РБ) по признаку «корыстная заинтересованность», корыстная заинтересованность может выражаться в стремлении получить выгоду имущественного характера без незаконного безвозмездного обращения государственных или общественных средств в свою собственность или собственность других лиц (например, сокрытие образовавшейся в результате служебной халатности недостачи путем запутывания учета с целью избежать материальной ответственности).

В п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 3 апреля 2008 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконными действиями в отношении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ» (стст. 294–297 УК РБ) дублируется содержание примечания к ст. 294 УК РБ, при этом не расшифровывается значение корыстной цели.

В пп. 4, 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (стст. 327–334 УК РБ) дублируются положения примечания к гл. 29 и отсутствует пояснение значения корыстной цели.

П. 6 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 8 июня 1998 г. № 4 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о выманивании кредита или дотаций» подчеркивает, что мотивы выманивания кредита или дотаций могут быть как корыстными, так и не корыстными, и значения для квалификации они не имеют.

Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» также дублирует положения приложения к гл. 24, уточняя его для каждого из способов совершения хищения.

В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. № 9 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК РБ)» законодатель приводит примеры толкования «корыстных побуждений» по п. 12 ч. 2 ст. 139 УК РБ. Они заключаются в получении имущественной выгоды для виновного или его близких (денег, имущества или права на него, права на жилую площадь и т.п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.).

Таким образом, можно сделать вывод, что для полного понимания правоприменителем термина «корысть» недостаточно сведений, имеющих в УК РБ и постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. При этом понятна общая направленность данного мотива, который, на наш взгляд, наиболее полно можно изложить в следующем виде: корысть как мотив совершения преступления – это один из низменных мотивов, характеризующийся стремлением лица извлечь для себя или для близких выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или близких от материальных затрат. Это может осуществляться путем совершения незаконных действий либо несовершения действий, входящих в круг обязанностей, содержащих в себе признаки состава преступления. Является отягчающим признаком совершения преступления, а в случаях указания его в статьях Особой части УК РБ – обязательным.

УДК 343.2/.7

Е.С. СУХОВЕРХАЯ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ, ПОКУШЕНИЯ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ С МАТЕРИАЛЬНЫМ СОСТАВОМ

Вопрос разграничения стадий преступления является важным вопросом уголовно-правового регулирования – высказывали различные точки зрения, свидетельствующие о его актуальности. Актуальным и конкретизированным представляется разграничение приготовления к преступлению, покушения на преступление и оконченного преступления с материальным составом.

Согласно ст. 13 УК Республики Беларусь (далее – УК), приготовлением к преступлению признается приискание или приспособление средств или орудий либо иное умышленное создание условий для совершения конкретного преступления. С точки зрения анализа юридической нормы это определение специфично – оно начинается с конкретизации приготовительных действий в виде приискания, изготовления или приспособления средств или орудий совершения преступления. Следовательно, любые приготовительные действия – это всегда умышленное создание условий для совершения преступления. Приготовление должно осуществляться не вообще, а к конкретному преступлению. Нельзя оценивать как приготовление к убийству наличие у лица оружия, если отсутствует умысел на лишение жизни определенного человека. Именно желая наступления общественно опасных последствий, субъект создает все необходимые условия, и только непредвиденные обстоятельства срывают его планы. В отличие от обнаружения умысла на совершение преступления, когда лицо еще не выполняет каких-либо общественно опасных действий, приготовление характеризуется определенными конкретными действиями, создающими условия для совершения преступления (например, когда лицо изготавливает станок для производства фальшивых денежных купюр) [1]. Важно выделить, что, осуществляя приготовление к преступлению, субъект не оказывает воздействие на будущий объект посягательства. Ответственность за приготовление наступает лишь в случаях приготовления к совершению менее тяжкого, тяжкого или особо тяжкого преступления. Приготовление к преступлению, не представляющему большой ответственной опасности, уголовной ответственности не влечет. С субъективной стороны приготовление к преступлению характеризуется только прямым умыслом. Приготовление к преступлению квалифицируется по той же статье Особенной части УК, что и неоконченное преступление, но со ссылкой на ст. 13 УК. Приготовление отличается от покушения на преступление тем, что оно исключает совершение тех действий, которые включены в объективную сторону состава преступления. Приготовительные действия лежат как бы вне рамок состава преступления, который формулируется, описывается в диспозиции всегда как оконченное деяние. Приготовление к преступлению, не представляющему большой общественной опасности, уголовную ответственность не влечет [2].

В соответствии с ч. 1 ст. 14 УК покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по

независящим от этого лица обстоятельствам. Наука уголовного права в обобщенном виде признает покушением на преступление исполнение состава преступления, прерванное до наступления общественно опасных последствий по не зависящим от лица обстоятельствам. Покушение представляет собой начало непосредственного совершения преступления. На этой стадии происходит реальное посягательство на объект, находящийся под охраной закона, частично выполняется объективная сторона конкретного преступления [1].

Покушение на преступление принято делить на два вида:

- оконченное;
- неоконченное.

Неоконченным следует считать такое покушение, при котором виновный не выполнил всех действий, которые он считал необходимыми для завершения задуманного им преступления. При неоконченном покушении виновный совершает лишь часть необходимых ему действий, а другую часть выполнить не успевает по причинам, не зависящим от его воли. Оконченным покушением следует считать покушение, при котором виновный выполнил все действия, которые он считал необходимыми для завершения преступления, однако преступный результат не наступил по причинам, не зависящим от его воли.

Самым прочным критерием, отличающим покушение на преступление от приготовления к преступлению является критерий начала исполнения отраженного в объективной стороне. Все действия, совершенные до исполнения состава, относятся к приготовлению. Покушение на преступление характеризуется объективными и субъективными признаками, составляющими в совокупности состав этой стадии неоконченного преступления. Эти признаки позволяют отличать покушение на преступление, с одной стороны, от приготовления к преступлению, с другой – от оконченого преступления [3]. Если приготовление к преступлению создает лишь условия для совершения задуманного преступления, то покушение на преступление создает реальную опасность причинения вреда объекту посягательства. М.В. Гринь отмечает, что при покушении лицо не успевает выполнить все признаки состава преступления, которые характеризуют объективную сторону оконченого преступления. При приготовлении еще нет непосредственного посягательства на объект, тогда как при покушении всегда налицо непосредственное посягательство на объект уголовно-правовой охраны, в связи с чем этот объект ставится под угрозу причинения вреда либо ему частично причиняется вред. По мнению Э.Ф. Побегайло, покушение от приготовления отличается тем, что здесь действия (бездействие) виновного не ограничиваются созданием условий, а уже непосредственно направлены на осуществление преступного акта. Следовательно, при приготовлении и покушении налицо различия по объективной стороне преступления. При приготовлении субъект непосредственного воздействия на объект еще не оказывает, а создает определенные условия для совершения задуманного преступления, тогда как при покушении на преступление создается реальная опасность причинения вреда объекту посягательства. При покушении воздействие на объект уже происходит, но преступный результат, к которому стремился субъект, не достигается, хотя частично ущерб объекту может быть нанесен. Поэтому, чтобы отграничить приготовление от покушения, необходимо установить, является ли совершенное деяние частью объективной стороны готовящегося или совершаемого преступления. Объективная сторона приготовления не соответствует признаку объективной стороны преступления, при покушении субъект

начинает выполнение именно объективной стороны оконченного преступления, но в силу причин, не зависящих от него, преступление не доводится до конца [2; 3].

Важно отграничивать покушение на преступление от оконченного преступления. Следует обратить внимание на обязательные признаки объективной стороны материального состава преступления: общественно-опасное деяние, причинную связь между деянием и последствиями, а также общественно-опасное последствие. Оконченное преступление от покушения на преступление следует отграничивать по признаку объективной стороны – общественно-опасному последствию: в первом случае он наличествует, во втором – нет.

Предлагаются правила разграничение приготовления к преступлению, покушения на преступление и оконченного преступления с материальным составом:

- разграничение приготовления к преступлению и покушения на преступление возможно следует осуществлять по объективным признакам, относящемуся к объективной стороне (общественно-опасному деянию), а также объекту преступления;
- разграничение покушения и оконченного преступления с материальным составом следует осуществлять по объективному признаку, характеризующему объективную сторону преступления – общественно-опасному последствию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Стадии совершения преступления [Электронный ресурс] // БИП – Институт правоведения. – Режим доступа: <http://bip-ip.com/stadii-soversheniya-prestupleniya>. – Дата доступа: 14.10.2016.

3. Сноп, С. Н. Уголовное право. Общая часть [Электронный ресурс] : конспект лекций / С. Н. Сноп // ГрГУ имени Я. Купалы. – Режим доступа: http://edu.grsu.by/books/yg_pravo_konspekt. – Дата доступа: 12.10.2016.

УДК 343.2

Ы.А. ТОГТАМЫШОВ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

РЕЦИДИВ В УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ БЕЛАРУСИ И ТУРКМЕНИСТАНА

В постсоветский период государства бывшего СССР в сфере уголовно-правового регулирования ушли от понятия «рецидивист», фактически заменив его понятием «рецидив».

В ст. 43 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) закреплено понятие рецидива – совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за умышленное преступление, – и признаки опасного и особо опасного рецидива.

Рецидив преступлений признается опасным:

- при совершении лицом умышленного преступления, за которое оно осуждается к лишению свободы, если ранее это лицо было не менее трех раз осуждено и отбывало наказание в виде лишения свободы за умышленные преступления;

- при совершении лицом тяжкого преступления, если ранее оно не менее двух раз было осуждено и отбывало наказание в виде лишения свободы за тяжкие преступления либо было осуждено и отбывало наказание в виде лишения свободы за особо тяжкое преступление;

- при совершении лицом особо тяжкого преступления, если ранее оно не менее двух раз было осуждено и отбывало наказание в виде лишения свободы за тяжкие преступления.

Рецидив преступлений признается особо опасным:

- при совершении лицом тяжкого преступления, если ранее оно не менее двух раз было осуждено и отбывало наказание в виде лишения свободы за особо тяжкие преступления;

- при совершении лицом особо тяжкого преступления, если ранее оно было осуждено и отбывало наказание в виде лишения свободы за особо тяжкое преступление [1].

В ст. 19 Уголовного кодекса Туркменистана (далее – УК Туркменистана) закреплено аналогичное понятие рецидива, а также признаки опасного и особо опасного рецидива.

Рецидив преступлений признается опасным:

- при совершении умышленного преступления, если ранее лицо два раза было осуждено к лишению свободы за умышленное преступление;

- при совершении умышленного тяжкого преступления, если ранее лицо было осуждено за умышленное тяжкое или особо тяжкое преступление.

Рецидив преступлений признается особо опасным:

- при совершении лицом умышленного преступления, за которое оно осуждается к лишению свободы, если ранее лицо три и более раз осуждалось к лишению свободы за умышленное тяжкое или средней тяжести преступление;

- при совершении лицом особо тяжкого преступления, если ранее оно было осуждено за особо тяжкое преступление [2].

Анализ норм УК Республики Беларусь и УК Туркменистана показал, что, несмотря на наличие аналогичных понятий (рецидив, особо опасный рецидив), условия определения опасного и особо опасного рецидива отличаются: они имеют более жесткий характер для лица, совершившего умышленное преступление, по законодательству Туркменистана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Туркменистана. Постатейный (по состоянию на 03.04.2015 г.) [Электронный ресурс] / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Центр ОБСЕ в Ашхабаде. – Ашхабад, 2013. –

УДК 343.242

Ю.О. ФІДРЯ, І.В. ЛУПАК

Луцьк, СНУ імені Лесі Українки

ПРАВОВА ПРИРОДА ПРИМУСОВИХ ЗАХОДІВ ВИХОВНОГО ХАРАКТЕРУ

Кримінально-правова політика у сфері попередження злочинності неповнолітніх була і залишається пріоритетним напрямком діяльності держави. В умовах зростання кількості злочинів, вчинених неповнолітніми, необхідно інтенсифікувати пошук нових методів протидії цьому явищу та мінімізації його негативних наслідків, способів підвищення ефективності заходів впливу, в тому числі й кримінально-правових, які застосовуються до неповнолітніх правопорушників. З іншого боку, неповнолітні є тією категорією громадян, що потребують посиленого захисту з боку держави, а тому кримінально-правовий вплив у цій сфері повинен максимально враховувати принцип гуманізму та соціальної справедливості, виходячи з інтересів особи неповнолітнього, особливостей його розвитку.

Відповідно до норм розділу XV Загальної частини Кримінального кодексу України (далі – КК України) крім покарання до неповнолітніх осіб можуть застосовуватися примусові заходи виховного характеру. Так, згідно ч. 1 ст. 97 КК України, неповнолітнього, який вперше вчинив злочин невеликої тяжкості або необережний злочин середньої тяжкості, може бути звільнено від кримінальної відповідальності, якщо його виправлення можливе без застосування покарання. У цих випадках суд застосовує до неповнолітнього примусові заходи виховного характеру, передбачені ч. 2 ст. 105 КК України.

Як вбачається з аналізу зазначених норм, примусові заходи виховного характеру є єдиним інститутом, що застосовується виключно до неповнолітніх, що є додатковим підтвердженням намагання законодавця диференціювати та індивідуалізувати заходи кримінально-правового впливу, застосовувані до даної категорії осіб.

Закон про кримінальну відповідальність (ч. 2 ст. 105 КК України) містить вичерпний перелік примусових заходів виховного характеру, які утворюють систему та розташовані від найм'якшого до найтяжчого. До них належать: застереження; обмеження дозвілля і встановлення особливих вимог до поведінки неповнолітнього; передача неповнолітнього під нагляд батьків чи осіб, які їх замінюють, чи під нагляд педагогічного або трудового колективу за його згодою, а також окремих громадян на їхнє прохання; покладення на неповнолітнього, який досяг п'ятнадцятирічного віку і має майно, кошти або заробіток, обов'язку відшкодування заподіяних майнових збитків; направлення неповнолітнього до спеціальної навчально-виховної установи для дітей і підлітків до його виправлення, але на строк, що не перевищує трьох років. Таким чином, по мірі низхідного руху по даній системі баланс виховного та карального впливу зміщується у бік останнього.

Питання правової природи примусових заходів виховного характеру продовжує залишатися дискусійним як у вітчизняних, так і зарубіжних наукових колах. Основна проблема полягає у визначенні того, чи є примусові заходи виховного характеру формою кримінальної відповідальності та чи можна вважати вказані заходи

покаранням. Не вдаючись у детальний опис доводів та аргументів прихильників протилежних позицій, слід зазначити, що саме чинний КК України дає підставу для цієї полеміки, оскільки передбачає три різні випадки застосування примусових заходів виховного характеру, більше того – до принципово відмінних категорій неповнолітніх суб'єктів.

По-перше, аналізовані заходи застосовуються судом у випадку звільнення неповнолітнього від кримінальної відповідальності (ч. 1 ст. 97 КК України), по-друге, ці заходи суд застосовує у випадку звільнення від покарання (чч. 1, 2 ст. 105 КК України), і по-третє, примусові заходи виховного характеру суд застосовує до особи, яка до досягнення віку, з якого може наставати кримінальна відповідальність, вчинила суспільно небезпечне діяння, яке підпадає під ознаки діяння, передбаченого Особливою частиною КК України (ч. 2 ст. 97 КК України). Таким чином, одним із способів розв'язання вказаного наукового спору є внесення змін до кримінального законодавства.

Безумовно, інститут примусових заходів виховного характеру має багато спільного з інститутом покарання. По-перше, обидва застосовуються судом від імені держави, по-друге, є заходами кримінально-правового примусу, по-третє, пов'язані із обмеженням прав і свобод особи, до якої вони застосовуються. Попри наведені спільні риси цих інститутів, підстав для їх ототожнення немає, оскільки примусові заходи виховного характеру: по-перше, застосовуються виключно до неповнолітніх осіб, по-друге, не тягнуть за собою настання правових наслідків у вигляді судимості, а по-третє, не несуть такого карального впливу, як покарання, хоча і мають таку властивість, яка проявляється у примусовому обмеженні вільного вибору поведінки неповнолітнім, змушуванні його дотримуватися певних вимог та виконувати певні дії, незалежно від бажання.

Цілком очевидно, що при застосуванні примусових заходів виховного характеру, зважаючи на соціальну та психічну несформованість неповнолітнього, каральний вплив не є самоціллю, оскільки його здатні забезпечити навіть мінімальні обмеження. На перший план у цьому випадку виходить превентивно-виховний, виправно-попереджувальний та соціально-відновлювальний (ресоціалізаційний) вплив. Додатковим підтвердженням цієї тези слугує положення абз. 2 п. 1 постанови Пленуму Верховного Суду України № 2 від 15 травня 2006 р. «Про практику розгляду судами справ про застосування примусових заходів виховного характеру», відповідно до якого метою застосування таких заходів має бути забезпечення інтересів неповнолітнього, які полягають в одержанні не тільки належного виховання, а й освіти, лікування, соціальної, психологічної допомоги, захисту від жорстокого поводження, насильства та експлуатації, а також у наявності можливості адаптуватися до реалій суспільного життя, підвищити загальноосвітній і культурний рівень, набути професії та працевлаштуватися.

Варто звернути увагу на передбачену ч. 2 ст. 97 КК України можливість застосування примусових заходів виховного характеру до осіб, які не досягли віку кримінальної відповідальності. На жаль, так і залишається не усунутих недолік цієї норми закону, який полягає у відсутності вказівки на мінімальний вік таких осіб. З незрозумілих причин ця вказівка разом із процедурою застосування примусових заходів виховного характеру до зазначених осіб (хоча останнє є цілком логічним) міститься лише у Кримінальному процесуальному кодексі України (далі – КПК України). Так, відповідно до ст. 498 КПК України кримінальне провадження щодо застосування примусових заходів виховного характеру, передбачених законом України

про кримінальну відповідальність, здійснюється внаслідок вчинення особою, яка після досягнення одинадцятирічного віку до досягнення віку, з якого може наставати кримінальна відповідальність, вчинила суспільно небезпечне діяння, що підпадає під ознаки діяння, передбаченого законом України про кримінальну відповідальність. Очевидно, вказаний недолік варто усунути і доповнити ч. 2 ст. 97 КК України вказівкою на одинадцятиріччя особи як мінімальний вік, з якого можна застосовувати такі заходи кримінально-правового впливу, як примусові заходи виховного характеру.

Таким чином, як показує досвід, ефективність заходів кримінально-правового впливу на неповнолітніх забезпечується дотриманням розумного балансу його каральних та виховних аспектів. З огляду на це, удосконалення правового регулювання питань кримінальної відповідальності та покарання неповнолітніх лежить у площині поглиблення гуманізації, зменшення кримінально-правової репресії щодо осіб, яким не виповнилося 18 років, проте й виправданій суворості кримінальних заходів примусу у необхідних випадках.

УДК 343.2

Ф.Р. ШАРИПОВ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ВИНА В УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ БЕЛАРУСИ И ТУРКМЕНИСТАНА

Вина является фундаментальным понятием уголовного права, обусловленным основным принципом уголовно-правового регулирования современных правовых систем – принципом субъективного вменения.

В соответствии со ст. 21 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) вина – это психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности. Уголовное законодательство Беларуси выделяет две формы вины: умышленную и неосторожную.

Ст. 22 УК Республики Беларусь закреплены виды умысла: прямой и косвенный. Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело их общественно опасные последствия и желало их наступления. Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело их общественно опасные последствия, не желало, но сознательно допускало наступление этих последствий либо относилось к ним безразлично. Ст. 23 УК Республики Беларусь закреплены виды неосторожности: легкомыслие и небрежность. Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но без достаточных оснований рассчитывало на их предотвращение. Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо, его совершившее, не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть [1].

В соответствии со ст. 26 Уголовного кодекса Туркменистана (далее – УК Туркменистана) вина – это сознательно-волевое психическое отношение лица к совершаемому преступлению, выраженное в форме умысла или неосторожности. Уголовное законодательство Туркменистана, как и законодательство Беларуси, выделяет две формы вины: умышленную и неосторожную. В ст. 27 УК Туркменистана закреплены виды умысла: прямой и косвенный. Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия, желало их наступления либо предвидело неизбежность наступления этих последствий. Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия, не желало, но сознательно допускало наступление этих последствий либо относилось к ним безразлично [1]. В ст. 28 УК Туркменистана закреплены виды неосторожности: самонадеянность и небрежность. Преступление признается совершенным по самонадеянности, если лицо, его совершившее, сознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, но легкомысленно рассчитывало их предотвратить. Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо, его совершившее, не сознавало общественную опасность своего действия или бездействия, не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть [2].

Таким образом умышленная форма вины и ее виды по законодательствам Беларуси и Туркменистана являются аналогичными институтами. Неосторожная форма вины имеет некоторые отличия: так, в УК Туркменистана определена самонадеянность как вид неосторожности, в УК Республики Беларусь – легкомыслие. При многом общем имеются некоторые отличия в толковании содержания легкомыслия и самонадеянности.

Можно констатировать, что в Беларуси и Туркменистане схожие взгляды на содержание вины в уголовном законе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Туркменистана. Постатейный (по состоянию на 03.04.2015 г.) [Электронный ресурс] / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Центр ОБСЕ в Ашхабаде. – Ашхабад, 2013. – 663 с. – Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/ashgabat/117369?download=true>. – Дата доступа: 10.10.2016.

УДК 343

Ф.Ю. ШАРИПОВА

Уфа, Институт права БашГУ

Научный руководитель – Е.В. Ежова, кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ СУДЕБНОГО ШТРАФА КАК ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В июле 2016 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) были внесены изменения, в соответствии с которыми вводится новая мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, а ее применение является основанием освобождения от уголовной ответственности. Так, УК РФ был дополнен статьей 76.2 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа». Данный институт получил свое законодательное оформление в отдельной главе 15.2 УК РФ «Судебный штраф»: «судебный штраф есть денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных статьей 76.2 настоящего кодекса» [1]. Основаниями реализации новой нормы являются: совершение впервые преступления небольшой и средней тяжести, возмещение ущерба или заглаживание причиненного преступлением вреда. Однако появление этой нормы вызывает определенные вопросы.

Законодательная инициатива исходила от Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ), который предложил внести изменения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, согласно которым, наряду с существующими мерами освобождения от уголовной ответственности, появится еще одна – судебный штраф. Законодательные органы после широкого обсуждения внесли определенные коррективы в законопроект. Изначально прерогатива наложения судебного штрафа лежала на руководителе следственного органа, начальнике органа дознания, что могло вызвать коррупционные проявления, сейчас же, согласно ст. 25.1. УПК РФ, «...следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора выносит постановление о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, которое вместе с материалами уголовного дела направляется в суд» [2]. Также был решен вопрос индивидуального подхода к каждому обвиняемому при вынесении соответствующего решения. Сейчас при назначении судебного штрафа учитывается ряд факторов: тяжесть совершенного преступления, имущественное положение лица, освобождаемого от уголовной ответственности и его семьи, возможность получения лицом заработной платы или иного дохода. УПК РФ требует обязательного участия в судебном заседании подозреваемого или обвиняемого, защитника, потерпевшего и его законного представителя, прокурора, что обеспечивает равенство сторон в уголовном судопроизводстве.

Основными положительными факторами применения судебного штрафа, на наш взгляд, являются:

- возможность освобождения от уголовной ответственности для лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести;
- снижение нагрузки и экономия материальных ресурсов правоохранительных органов.

Однако остаются открытыми ряд вопросов.

- согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 года № 19 [3] впервые совершившим преступление считается лицо, которое ранее было освобождено от уголовной ответственности; следовательно, сопоставляя нормы УК РФ и позицию Верховного Суда РФ, можно прийти к выводу, что лица, в отношении которых будет применяться судебный штраф, смогут неоднократно совершать преступления небольшой и средней тяжести и считаться впервые их совершившими.

- вызывает опасения, что общественность вряд ли положительно воспримет данный правовой институт; так, указанный выше законопроект «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» получил отрицательное заключение от Общественной палаты Российской Федерации (далее – Общественной палаты РФ), в котором указывается: «статистические данные, приведенные в законопроекте, объективно свидетельствуют об увеличении количества лиц, совершающих преступления небольшой тяжести, в том числе направленных против жизни и здоровья граждан; в этой ситуации надлежит, прежде всего, принимать государственные меры, направленные на противодействие активизирующимся преступным элементам, но не декриминализовать те противоправные деяния, количество которых возрастает» [4];

- вызывает трудности разграничение таких оснований освобождения от уголовной ответственности, как примирение с потерпевшим и применение судебного штрафа; на наш взгляд, возникает конкуренция норм; основания применения этих двух правовых институтов схожи; лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, должно загладить вред, а в случае применения судебного штрафа – также возместить ущерб, причиненный преступлением; но в последнем случае согласия потерпевшего на прекращение уголовного дела (уголовного преследования) не требуется; в случае примирения с потерпевшим вред заглаживается только в отношении данного лица, а при судебном штрафе появляется «двойная материальная ответственность» перед потерпевшим и государством; следовательно при наличии двух схожих оснований материально выгоднее для обвиняемого примирение с потерпевшим, а для государства в лице его судебных органов – применение судебного штрафа; на это же указывается и в заключении Общественной палаты РФ: «предлагаемая к введению в УК РФ новая норма вступает в определенное противоречие (конкуренцию) со статьями 75 и 76 действующего законодательства... законопроект не содержит предписаний, указывающих на социально-правовые ситуации, разграничивающие применение упомянутых норм УК и проектируемой нормы, тогда как свобода выбора оснований для освобождения от уголовной ответственности явится для правоохранительных органов коррупциогенным фактором» [4]; на сегодняшний день анализ судебной практики показывает, что суды пока не стремятся активно применять новую меру уголовно-правового характера; изучив небольшое количество постановлений суда о прекращении уголовных дел с назначением судебного штрафа, мы установили, что потерпевшими во всех случаях являлись юридические, а не физические лица [5]; в таких случаях соблюдается оптимальный баланс защиты интересов потерпевших и обвиняемых в уголовном процессе; если судебная практика

пойдет в данном направлении, то судебный штраф, как институт освобождения от уголовной ответственности, себя оправдает.

- введение судебного штрафа может привести к тому, что правонарушитель, с легкостью оплатив судебный штраф, в полной мере не осознает своей ответственности за совершенное деяние;

- судебный штраф может привести к дифференциации уголовной ответственности в зависимости от платежеспособности отдельных слоев населения.

Таким образом, введение судебного штрафа как нового института освобождения от уголовной ответственности носит противоречивый характер. С одной стороны, гуманное отношение к впервые оступившемуся человеку, требует похвалы, с другой – реализация данной нормы нуждается в определенной корректировке.

На сегодняшний день отсутствует разъяснение Пленума Верховного Суда РФ по вопросу о применении указанных нововведений, что значительно затрудняет воплощение в жизнь нового института освобождения от уголовной ответственности. Чем должен руководствоваться следователь, дознаватель, суд при реализации статьи 72.6 УК РФ? На наш взгляд, принятие данного постановления будет первым шагом к решению поставленных вопросов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 16.07.2015 г. // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». – М., 2016.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Фед. закона от 23.06.2016 г. // КонсультантПлюс: Проф / ООО «ЮрСпектр». – М., 2016.

3. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ, 27 июня 2013 г., № 19 // Рос. Газ.. – 2013. – 5 июля.

4. Заключение Общественной палаты РФ по результатам общественной экспертизы проектов ФЗ №953369-6 «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и № 953398-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с принятием ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс] // Общественная палата Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.oprf.ru/files/1_2016dok/zak1953369-6_9533986_osvobozhdenie_ugolov_otvetstvennosti09062016.pdf. – Дата доступа: 17.10.2016.

5. Постановление о прекращении уголовного дела от 29 июля 2016 г. судебного участка № 1 мирового судьи Чкаловского судебного района Нижегородской области [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <http://sudact.ru/magistrate/doc/4XFJFH8cXBUf/>. – Дата доступа: 10.10.2016.

6. Постановление о прекращении уголовного дела от 23 августа 2016 г. судебного участка № 219 мирового судьи Реутовского судебного района Московской области [Электронный ресурс] // РосПравосудие. – Режим доступа: <http://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-219-mirovogo-sudi-reutovskogo-sudebnogo-rajona-moskovskoj-oblasti-s/act-231115571>. – Дата доступа: 10.10.2016).

УДК 343.9

В.Ю. ШВАБ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ФИШИНГ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Современные компьютерные технологии играют все более активную роль в экономической деятельности Республики Беларусь и общественной в целом. Негативной стороной информатизации является появление и развитие нового вида преступных посягательств против собственности, ранее не известных отечественной юридической науке и практике, связанных с использованием средств компьютерной техники и информационных обрабатывающих технологий – компьютерных мошенничеств.

Данные зарубежной правоохранительной практики свидетельствуют о том, что, например, в Германии с использованием компьютеров похищается до 4 млрд марок ежегодно, во Франции – до 1 млрд франков, в США – до нескольких млрд долларов [1].

Все более заметное место в структуре преступности Республики Беларусь занимает Интернет-мошенничество. Совершенствование способов, применение новых существенно осложняют правоохранительную деятельности в этой сфере. Оперативное реагирование на новые проявления преступности является условием эффективной борьбы с ней.

Фишинг (от англ. “fishing” – рыбная ловля, выуживание) – это вид Интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей – логинам и паролям. Это достигается путем проведения массовых рассылок электронных писем от имени популярных брендов, а также личных сообщений внутри различных сервисов, например, от имени банков или внутри социальных сетей. После того, как пользователь попадает на поддельную страницу, мошенники пытаются различными психологическими приемами побудить пользователя ввести на поддельной странице свои логин и пароль, которые он использует для доступа к определенному сайту, что позволяет мошенникам получить доступ к аккаунтам и банковским счетам [2]. В ходе мошеннических действий используются массовые интернет-рассылки писем по электронной почте от имени популярных фирм, банков, сервисов (Mail, Rambler) или внутри социальных сетей. Типичный способ совершения преступления следующей: интернет-пользователь получает по электронной почте письмо с указанием, что в целях безопасности пользователя его профиль в системе интернет-банкинга был заблокирован из-за попыток несанкционированного доступа к счету, и предложением перейти по ссылке для разблокировки счета. Сайт, на который попадает по ссылке интернет-пользователь, копирует внешний вид (дизайн) сайта банка. На данной «копии» сайта банка пользователя просят ввести логин, пароль, данные о кредитной карточке, включая ПИН-код, номер удостоверения социального страхования и иные данные. Для получения данных мошенники используют различные психологические приемы. Впоследствии полученные таким образом данные используются преступниками для получения денежных средств на реальном сайте банка со счета обманутого пользователя. Для получения необходимых персональных данных могут быть использованы данные интернет-пользователя, выложенные им в социальных сетях.

Возможны и несколько измененные варианты данного способа. Так, например, в письме от «банка» может быть предложение по установке на компьютер пользователя программы, улучшающей сервис интернет-банкинга, и «необходимое» программное обеспечение или ссылка на сайт, содержащий соответствующее программное обеспечение. Как ссылка, так и прикрепленный файл обеспечивают установку вируса или шпионской программы на компьютер пользователя с последующим получением мошенниками необходимой им информации. Другим вариантом является создание поддельных платежных систем. Для реализации данного способа мошенничества преступники регистрируют домены или сайты с адресами, схожими с адресами известных платежных систем. Пользователю присылается письмо о необходимости верификации – это процедура подтверждения личности пользователя. Для прохождения последней предлагается щелкнуть по предлагаемой ссылке и ввести ряд необходимых данных. Сегодня фишинг выходит за пределы интернет-мошенничества, а поддельные веб-сайты стали лишь одним из множества его направлений. Письма, которые якобы отправлены из банка, могут сообщать пользователям о необходимости позвонить по определенному номеру для решения проблем с их банковскими счетами. Эта техника называется вишинг (голосовой фишинг). Позвонив на указанный номер, пользователь заслушивает инструкции автоответчика, которые указывают на необходимость ввести номер своего счета и ПИН-код. К тому же вишеры могут сами звонить жертвам, убеждая их, что они общаются с представителями официальных организаций, используя фальшивые номера. В конечном счете, человека также попросят сообщить его учетные данные [1; 2].

Набирает свои обороты и SMS-фишинг, также известный как смишинг (англ. SMiShing – от “SMS” и «фишинг»). Мошенники рассылают сообщения, содержащие ссылку на фишинговый сайт. Входя на него и вводя свои личные данные, жертва аналогичным образом передает их злоумышленникам. В сообщении также может говориться о необходимости позвонить мошенникам по определенному номеру для решения «возникших проблем». Встречается и следующий вид SMS-фишинга: на подставном сайте для получения какой-либо услуги просят отправить SMS на предложенный номер или ввести свой номер сотового телефона, чаще всего это фэйки файлообменных сервисов. В первом случае с телефонного счета абонента списывается крупная (возможно, максимальная предусмотренная контрактом) сумма, во втором случае номер добавляется в базу адресов рассылки SMS-спама и может использоваться для дальнейших фишинговых действий [2].

Уточнение видов фишинга является достаточно условным и в силу непрерывного совершенствования преступниками способов совершения преступления описанные, возможно, являются промежуточными между досконально изученными и используемыми преступниками, однако выявленные новые формы преступной деятельности способствует созданию эффективного инструментария противодействия Интернет-мошенничеству.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, А. Компьютерная преступность – очень прибыльный и быстро развивающийся бизнес. [Электронный ресурс] / А. Алексеев. – Режим доступа: <http://www.crime-research.ru/articles/cybercrime20104>. – Дата доступа: 20.09.2016.
2. Лэнс, Дж. Фишинг. Техника компьютерных преступлений [Электронный ресурс] / Дж. Лэнс. – Режим доступа: <http://melnyca.ru/fishing>. – Дата доступа: 22.09.2016.

УДК 343.35

С.А. ЯНКОВСКИЙ

Луцк, ВНУ имени Леси Украинки

Научный руководитель – Ю.А. Фидря, кандидат юридических наук, доцент

СПОСОБЫ ВЫВОДА АКТИВОВ С УКРАИНЫ ЗА ГРАНИЦУ С ПОМОЩЬЮ КОРРУПЦИОННЫХ СХЕМ

По результатам исследования Международного валютного фонда мировой ВВП ежегодно теряет из-за коррупции около 2 %, что составляет примерно 1,5–2 трлн долларов США [1]. По данным доклада Global Financial Integrity на тему «Незаконный вывоз капитала из развивающихся стран» за 10 лет (2004–2013 гг.) из Украины за границу было выведено более 116 млрд долларов США [2]. По информации Государственной службы финансового мониторинга Украины как подразделения финансовой разведки Украины за период проведения расследований (март 2014 г. – август 2016 г.) в отношении финансовых операций бывших высокопоставленных чиновников подготовлено и направлено в правоохранительные органы Украины 461 материал (85 обобщенных и 376 дополнительных обобщенных материалов). Сумма финансовых операций, которые могут быть связаны с выводом доходов, полученных преступным путем, а также с совершением другого преступления, по этим материалам составляет 199,4 млрд гривен [3].

Наиболее популярной легальной схемой для вывода крупного капитала в Украине является использование оффшорных компаний. Для подобных целей довольно часто прибегают к применению договоров займа, в которых заемщиком выступает резидент Украины, а кредитором – лицо, как правило, зарегистрированное в стране с низкой ставкой налога на прибыль. Также используют договор об избежании двойного налогообложения с Украиной (например, Кипр). Модель с займами, как правило, используется в случае, когда украинскому бизнесу необходимо финансирование (например, на начальном этапе работы компании, для покупки активов и т.п.). Следует отметить, что законодательством Украины предусмотрена максимально возможная процентная ставка по договору займа в размере 11 % годовых, что позволяет ежегодно выводить за границу 11 % от величины взятой суммы. Процентные платежи не только уменьшают базу обложения налогом на прибыль в Украине, но и облагаются льготной ставкой украинского налога у источника в силу положений договора об избежании двойного налогообложения между Украиной и, например, Кипром. Примечательно, что на Кипре налоговое бремя на полученные проценты снижается как за счет того, что кипрская ставка налога на прибыль ниже украинского, так и за счет создания расходов кипрской компании на «классические» оффшоры (Белиз, Британские Виргинские Острова и т.п.), например, в качестве платы за услуги и выплаты процентов по займам. Внедрение Кипра в качестве промежуточной юрисдикции (вместо прямых выплат на «классический» оффшор с Украиной) используется в целях применения льготной ставки налога у источника (при прямой выплате на оффшор такая ставка составила бы 15 %, в то время как выплаты процентов на Кипре облагаются только 2 %).

Таким образом, законодательством Украины предусмотрена максимально возможная процентная ставка по внешним заимствованиям резидентов в размере 11 % годовых, что позволяет ежегодно выводить за границу 11 % от величины заимствованной суммы [4].

Также следует понимать, что активность процесса вывода капитала зависит от общей ситуации в стране. В 2011–2012 гг., например, пик активности вывода капиталов стоит связывать с тем, что, несмотря на то, что страной правила «Семья» Януковича, все же был рост экономики. Украина готовилась к проведению финальной части Евро-2012, большинство граждан имели работу, наблюдался приток инвестиций. Стоит отметить, что наибольшая активность вывода украинских капиталов за границу совпадает с периодом резкого повышения уровня внешнего долга Украины. Например, в 2008 г. госдолг Украины увеличился на 20 млрд долларов США, в 2011 г. – на 14 млрд долларов США, в 2012 г. – на 9 млрд долларов США [5]. И это является не прямым, но все же подтверждением того, что часть выведенных активов – это украденные бюджетные средства.

Если бизнес существует уже несколько лет и нет необходимости в привлечении инвестиций, для вывода накопленной в Украине прибыли за границу достаточно часто используется механизм выплаты роялти. Для подобных целей регистрируется торговая марка на «классическом» оффшоре, который выдает лицензию на ее использование компаниям, инкорпорированным в странах с льготным режимом налогообложения роялти, а также имеют договор об избежании двойного налогообложения с Украиной, предусматривающий пониженные ставки налога на репатриацию роялти. Опять же, к таким странам можно отнести Кипр. Кипрская компания, владеющая правами на торговую марку на основании лицензии, выдает сублицензии украинской компании. Ставка украинского налога у источника на роялти составляет 5 % (при этом прямая выплата роялти в оффшор облагается 15 % налога у источника) [6]. Как и проценты, роялти также уменьшают базу налогообложения в Украине.

Также активно используются договоры с нерезидентами на оказание услуг. В частности, речь идет о покупке маркетинговых исследований и оплате услуг агентов по поиску контрагентов. Оба варианта не предусматривают уплаты НДС в Украине и позволяют завышать расходную базу отечественных компаний. Как правило, подобные услуги оказывают лица, аффилированные с украинскими компаниями. Одним из минусов подобных схем является установленные законодательством ограничения суммы подобных сделок: они не должны превышать 50 000 евро в год, в противном случае государство будет проводить ценовую экспертизу заключенных договоров (следует отметить, что подобные ограничения применяются и к роялти) [6].

Примечательно, что вывести средства за границу могут не только украинские компании, но и рядовые украинцы. Для этого нашим соотечественникам достаточно стать основателем оффшорной компании, которая будет участвовать в изложенных выше схемах. Формально приобретение резидентом Украины доли в иностранной компании является инвестицией за границу и требует получения лицензии Национального банка Украины. Обойти эту бюрократическую преграду достаточно просто: необходимо, чтобы акции иностранной компании были получены бесплатно. Для этого достаточно, чтобы нерезидент подарил физическому лицу акции оффшорной компании-«пустышки», стоимость которых не превышает несколько евро (что избавит гражданина от необходимости декларировать факт подарка). После установления контроля над этой компанией ее используют для реализации ранее описанных законных схем вывода средств за рубеж. Аккумулированную на оффшоре прибыль часто используют в виде оплат иностранных расходов украинских граждан непосредственно с карточных счетов оффшорных компаний (например, обосновывая такие расходы осуществлением украинским гражданином представительских полномочий данной фирмы).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Украинские национальные новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unn.com.ua/uk/news/1570303-mvf-porakhuvav-schorichni-zbitki-v-sviti-cherez-koruptsiyu>. – Дата доступа: 09.09.2016.
2. Illicit Financial Flows from Developing Countries: 2004–2013 Global Financial Integrity [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gfintegrity.org/wp-content/uploads/2015/12/IFF-Update_2015-Final-1.pdf. – Дата доступа: 09.09.2016.
3. Информирование о результатах работы Госфинмониторинга за январь – август 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sdfm.gov.ua/news.php?news_id=3080&lang=uk. – Дата доступа: 09.09.2016.
4. Об установлении процентных ставок по внешним заимствованиям резидентов [Электронный ресурс] : Постановление Правления Национального банка Украины, 3 авг. 2004 г., № 363. – Режим доступа: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/v0363500-04>. – Дата доступа: 09.09.2016.
5. Статистика НБУ (внешний долг Украины) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bank.gov.ua/control/uk/index>. – Дата доступа: 09.09.2016.
6. Податковий кодекс України : [Електронний ресурс] : в ред. Закону України від 31.05.2016 // Відомості Верховної Ради України. – 2011. – № 13–14 ; № 15–16 ; № 17, ст. 112. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2755-17>. – Дата доступа: 09.09.2016.

СЕКЦИЯ 2
КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.91

В.Е. АНТОНОВИЧ, А.В. КЛЮКА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА-
КОРРУПЦИОНЕРА**

В современной отечественной криминологической науке описание и объяснение коррупционного поведения в обществе невозможно без углубленного изучения лиц, участвующих в нем.

Под личностью коррупционного преступника в отечественной криминологии понимается совокупность социально значимых свойств личности, образовавшихся в процессе ее общественной либо государственной деятельности (опыта социального управления) и обуславливающих использование ею для достижения личных, групповых или корпоративных целей средств, порицаемых с позиции уголовного закона [1, с. 5].

В механизме совершения коррупционных преступлений особую роль играет сам преступник. Оценивая общественную опасность личности коррупционера-взяточполучателя, необходимо отметить, что по статистике 97,1 % из них были осуждены за получение взятки, сопряженное с нарушением служебных обязанностей, или вымогательство взятки, и только 2,9 % – за получение взятки при совершении правомерных действий по службе. Из всех лиц, осужденных за получение взятки при квалифицирующих обстоятельствах, 12,7 % были осуждены по совокупности с иными служебными преступлениями.

В криминологической и иной социологической литературе уже стало традицией начинать изучение личности преступника с анализа ее социально-демографических признаков: возраст, уровень образования, семейное положение, место службы и др. [1, с. 10]. Без социально-демографической характеристики изучение личности преступника будет неполной. Не случайно ее признаки отражаются при расследовании уголовного дела, в процессе оперативно-розыскной деятельности. Указанные признаки важны при характеристике любых типов преступников, но они имеют определяющее значение при характеристике изучаемой категории преступников. Характер и место работы (службы) являются значительными при квалификации преступления как должностного и т.п. Именно от служебного положения субъекта коррупционных преступлений, возложенных на него компетенций во многом зависит «масштаб» коррупции, наносимый ею ущерб. Поэтому для объективной оценки исследуемого вида коррупционной преступности очень важно всестороннее исследование личности преступника, выделение типичных и индивидуальных особенностей. Возрастные особенности должны интересовать криминолога прежде всего как результат социальных изменений личности. Человек – существо социальное, поэтому с изменением возраста наступают не только биологические (физиологические) изменения его организма, но и изменяются его социальные функции, социальный опыт, привычки, характер, способы реагирования на конфликтные ситуации. Коррупционные

преступления совершаются чаще всего лицами в возрасте 31–40 лет. Это обусловлено тем, что лица занимают определенные должности, имеют значительный трудовой стаж и жизненный опыт в более зрелом возрасте [1, с. 15]. Общеизвестна антикриминогенная роль семьи: «Семейное положение и его изменение у лиц, совершивших преступления, воздействует на формирование личностных качеств; определенным образом оно влияет на направленность и устойчивость преступного поведения. Исследования последних лет показывают, что семейная ситуация способна определять поведение лица во всех сферах – способствовать или препятствовать трудовой активности, стимулировать тот или иной тип потребления, определять психологическое самочувствие человека и тем самым влиять на состояние его здоровья» [2, с. 20]. Распространено мнение, что на совершение преступления, как правило, идут лица, не имеющие семьи, не испытывающие ее положительного влияния, не задумывающиеся о последствиях совершенного ими для близких. Следует отметить, что среди лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы за коррупционные преступления, преобладают осужденные, состоящие в зарегистрированном браке. Их удельный вес составляет 77,2 % [1, с. 19]. На поведение личности, сферу ее интересов, круг общения, выбор способов реализации жизненных целей влияет образование. Высокий образовательный уровень проявляется как антикриминогенный фактор, однако он же является и характеристикой коррупционера – наличие определенного должностного положения сопряжено с требованиями к уровню образования: 83,3 % имеют образование среднее профессиональное и высшее, у 54,3 % лиц образование высшее, большинство сотрудников, совершивших преступление, закончили гражданское высшее учебное заведение. Изучение социально-демографических признаков показало, что для лиц, совершивших преступления коррупционного характера, является характерным достаточно солидный возраст – 35,5 лет, что, в свою очередь, в значительной мере объясняет наличие у них в большинстве случаев семьи [1, с. 31].

Бороться с коррупцией эффективно можно, изучив природу этого явления, а это не представляется возможным без обращения к личности преступника, актуализированного необходимостью предупреждать совершение, в первую очередь, коррупционных преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян, Ю. М. Личность преступника. Криминологическое-психологическое исследование / Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов. – М. : Норма : Инфра-М, 2010. – 368 с.
2. Кудрявцев, В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении / В. Н. Кудрявцев. – М. : Норма, 2007. – 128 с.

УДК 343.97

И.В. БАУРИНА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – О.Н. Иванчина, кандидат философских наук, доцент

КЛАССИФИКАЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Для криминологии проблема изучения латентной преступности очень актуальна, т.к. в разной степени данное явление характерно для всех стран мира. Причем в некоторых странах соотношение официальной статистики с количеством фактически совершенных уголовных преступлений отличается в несколько раз [1]. Поэтому исследование причин и профилактики латентности преступности позволит значительно снизить уровень противоправных деяний в целом, т.к. раскрытие преступления и наказание преступника выступает важной формой превенции. Латентная преступность всегда представляет большую угрозу для общества, т.к. ненаказуемость даже одного преступления мотивирует преступника на новое нарушение закона.

В криминологии было предпринято много попыток предложить классификацию латентной преступности. На наш взгляд, актуальной по-прежнему остается классификация, предложенная заместителем начальника Главного управления уголовного розыска МВД СССР Б. Дзиовым, который выделяет пять возможных групп латентной преступности:

- преступления, о совершении которых не знает никто, либо кто-то может о них лишь догадываться (некоторые неосторожные преступления);
- преступления, о совершении которых известно только преступнику (например, совершение тайного похищения имущества у лиц, находящихся в состоянии сильного алкогольного опьянения; преступления против малолетних);
- преступления, о которых знают только преступник и потерпевший (отсутствие свидетелей преступления, нежелание потерпевшего по тем или иным причинам сообщать о случившемся в компетентные органы);
- преступления, о которых известно преступнику, потерпевшему и очевидцам, но никто из указанных лиц не обратился в милицию;
- уголовно наказуемые деяния, информация о которых поступила в правоохранительные органы либо была выявлена сотрудниками данных органов в результате проведенных мероприятий, но не была должным образом проверена и не нашла отражения в официальной статистике [2, с. 33].

Данная классификация актуальна по настоящее время. Также используется деление латентности на естественную и искусственную.

К наиболее латентным видам преступлений относят экологическую, коррупционную, экономическую, насильственную, организованную, бытовую преступность, киберпреступность.

Для того, чтобы предупреждать и анализировать латентную преступность, необходимо получить ориентировочные данные о ее масштабах. С этой целью используют ряд методов. Одним из наиболее распространенных методов для определения латентной преступности выступает *компаративный анализ*, который реализуется в сравнении данных официальной уголовной статистики и всех иных источников о совершенных преступлениях (заявления и сообщения

в правоохранительные органы, публикации в СМИ и т.д.). Также используется *метод экспертной оценки*. Его сущность состоит в сопоставлении, сравнении и корреляции мнений экспертов-профессионалов по тому или иному вопросу [2, с. 75]. При помощи *метода аналогии* можно проводить параллель между странами, где присутствуют похожие социально-экономические условия. Метод структурного анализа выявляет структуру преступности, на основе которой делается вывод о соотношении зарегистрированных и незарегистрированных видов преступлений. Методы математической статистики позволяют рассчитать индекс латентности. Однако необходимо учитывать тот факт, что наиболее точный криминологический анализ состояния, уровня, динамики и структуры преступности возможен именно на основе данных официальной уголовной статистики. Анализ статистических данных позволяет давать обобщающие характеристики всей совокупности преступлений и их отдельных групп, выявляя и изучая массовые статистические закономерности.

Противодействовать латентности преступности без проведения комплекса специализированных криминологических мероприятий невозможно. Исходя из причин появления латентной преступности необходимо также разделять и способы ее превенции на три основных направления:

- общие меры, направленные на минимизацию латентности всей преступности;
- меры, направленные на сокращение естественной латентности;
- меры, направленные на противодействие искусственной латентности.

Таким образом, выявление латентной преступности зависит не только от правоохранительных органов, но и от самих граждан. На наш взгляд, необходимо повышать уровень человеческого капитала и солидарности в обществе, что способствует не только становлению и укреплению гражданского общества, но и повышает законопослушность. Для снижения уровня латентной преступности необходимо проявлять большее доверие к правоохранительным органам и сообщать им об общественно опасных деяниях, что, в свою очередь, повысит раскрываемость всех преступлений и уровень безопасности в обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черноусов, М. Исследование латентной преступности: теоретические и практические аспекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sbsnews.eu/ru/terrorizm-i-kriminal/item/459-issledovanie-latentnoj-prestupnosti-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty>. – Дата доступа: 31.10.2016.

2. Храмов, С. М. Латентная преступность: методология познания и основные направления противодействия : монография / С. М. Храмов. – Брест : БрГУ, 2010. – 169 с.

УДК 343.9

В.А. ВАВРЕНЮК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ПРИЧИНЫ ЛОЖНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

За совершение ложной экономической несостоятельности (банкротства) наступает уголовная ответственность согласно ст.238 УК Республики Беларусь. Ложная экономическая несостоятельность означает подачу индивидуальным

предпринимателем или должностным лицом юридического лица в суд заявления должника о своей экономической несостоятельности, иных документов, содержащих заведомо недостоверные сведения о неплатежеспособности должника, приобретающей устойчивый характер, в целях признания этого должника экономически несостоятельным [1].

Последствия ложной экономической несостоятельности, которые могут наступить при признании субъекта экономически несостоятельным:

- отсутствие работы у сотрудников ликвидируемого в связи с банкротством субъекта предпринимательской деятельности;
- освобождение его от обязанности уплаты долга кредиторам, из-за чего те несут фактические убытки;
- освобождение от уплаты налогов и сборов государству.

Как и любое деяние, ложная экономическая несостоятельность имеет причины, выявление которых может существенно повысить качество правоохранительной деятельности, предупредительно-профилактической в частности.

Материальная выгода субъекта предпринимательской деятельности. У организации может сложиться ситуация, когда она не может выплатить долги кредиторам, сумма слишком велика, а прибыль не позволяет вернуть долг, более того, предпринимателя могут обременять другие обязательства. Правонарушитель, скрывая часть своих ресурсов, добивается признания суда о его экономической несостоятельности и приобретает выгоду материального характера: он не выплачивает долги кредиторам, и сокрытые средства переходят в его личное распоряжение.

Недостатки нормативно-правового регулирования. Процедура ликвидации по ряду причин носит довольно сложный характер, одним из правомерных путей является путь банкротства: отдельные предприниматели, не совершив преступных деяний в процессе осуществления предпринимательской деятельности, с целью ликвидации бизнеса совершают ложное банкротство [2].

Определение причин преступности является необходимым условием эффективной борьбы с ней. Выявление причин ложной экономической несостоятельности актуализировано банкротством как достаточным распространением бизнес-инструментом и нередким переходом в плоскость уголовно-правового регулирования, а также отсутствием достаточной теоретической базы его криминологической характеристики ввиду относительно новой формы обозначенной преступной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Ликвидация и банкротство предприятия [Электронный ресурс] / Белпрофконсалт. – Режим доступа: [www.http://bp-consult.by](http://bp-consult.by). – Дата доступа: 10.10.2016.

УДК 343.9

М.Н. ВАЛЮХНЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

НАДЗОРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Предметом криминологического изучения, наряду с иным, являются причины преступности, а также меры ее предупреждения. Институт надзора, на первый взгляд, представляет собой в большей степени процессуальный инструмент, необходимый для предупреждения нарушения законодательства или исправления допущенных ошибок должностными лицами. Однако институт надзорного производства имеет и предупредительный потенциал, обуславливающий криминологический интерес.

Надзорное производство – регламентированная законом деятельность, состоящая в проверке управомоченными должностными лицами законности и обоснованности, вступивших в законную силу судебных решений, принесении протеста в порядке надзора. Производство в надзорной инстанции – самостоятельная стадия уголовного процесса. Значение пересмотра приговоров, определений и постановлений судов, вступивших в законную силу, выражается, прежде всего, в том, что он является весьма важной гарантией осуществления правосудия в строгом соответствии с законом. Суды надзорных инстанций устраняют значительное число ошибок, допускаемых судами как первой, так и других инстанций. В этом отражается сходство данной стадии с апелляционным производством [1].

В ст. 404 УПК Республики Беларусь определен круг субъектов, которые вправе приносить протест в порядке надзора после вступления приговора в законную силу:

- Председатель Верховного Суда, Генеральный прокурор Республики Беларусь;
- заместители Председателя Верховного Суда Республики Беларусь, Генерального прокурора Республики Беларусь;
- председатели областного, Минского городского судов, прокуроры областей, города Минска в пределах своей компетенции.

Официальная статистика в Республике Беларусь за первое полугодие 2016 г. говорит о том, что областными, Минским городским судами рассмотрено 990 протестов в порядке надзора только по уголовным делам, из них удовлетворено 897 протестов. Верховным Судом рассмотрен 71 протест в порядке надзора по уголовным делам, из них удовлетворено 50 протестов. Отменено приговоров районных (городских) судов в кассационном и надзорном порядке (в отношении лиц) – 325. Изменено приговоров районных (городских) судов в кассационном и надзорном порядке (в отношении лиц) – 771. Анализируя данные показатели, видно, что действующая судебная система не исключает возможности в наше время вынесения судьей «неидеального» приговора.

Таким образом, надзорное производство является важным средством исправления ошибок и восстановления законности и справедливости, нарушенных не только при рассмотрении уголовного дела по существу в суде первой инстанции, но и при пересмотре его в апелляционной или нижестоящей судебной надзорной инстанции.

Можно отметить, что существование института надзора в судопроизводстве имеет важное предупредительно-профилактическое значение: в первую очередь, как

средство предупреждения совершения преступлений должностными лицами в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания и, во вторую очередь, как средство предупреждения вынесения заведомо необоснованного, незаконного приговора судом.

Институт надзора выступает не только законным средством защиты лиц, в отношении которых ведется уголовный процесс, но и сдерживающим, предупреждающим фактором совершения коррупционных преступлений должностными лицами государственных органов, в частности судьями. В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О повышении культуры судебной деятельности и улучшении организации судебных процессов» сказано, что в большинстве судов республики судьи в служебной деятельности неукоснительно следуют правилам профессиональной этики. Обеспечение независимости суда должно стать нравственным долгом судьи и важнейшей гарантией выполнения требований закона при осуществлении правосудия. Прямое или косвенное вмешательство в судебную деятельность, попытки воздействия на суд, от кого бы они ни исходили и в каких бы формах ни выражались, должны решительно пресекаться как путем применения мер, предусмотренных процессуальным законодательством, так и иными формами реагирования, обусловленными конкретными обстоятельствами [2, с. 6].

Таким образом, надзорное производство выступает одним из инструментов повышения качества деятельности органов по борьбе с преступностью, достижения целей и решения задач уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также средств специального предупреждения, направленного на определенный круг лиц – должностных лиц органов предварительного расследования, судей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Надзорное производство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lektsii.org/1-14824.html>. – Дата доступа: 15.10.2016
2. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь / сост. А. М. Паустов ; под общ. ред. В. Л. Калинковича. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 656 с.

УДК 343.97

А.П. ГУСАК

Луцк, ВНУ имени Леси Украинки

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ИЛИ НАРКОТИЧЕСКОГО ОПЬЯНЕНИЯ

Детерминанты преступности несовершеннолетних правонарушителей определяются только для них характерной спецификой. Мы согласны с учеными И.П. Лановенко и Ф.А. Лопушанским в том, что факторы, которые влияют на преступность несовершеннолетних, «часто размыты, необъяснимы и берут начало из детства правонарушителя, из среды, в которой он вырос, учился, работал и т.п. Необходимо учитывать, что почти всегда приходится сталкиваться не с отдельными причинами, а с совокупностью обстоятельств, которые,

переплетаясь и взаимодействуя, создают атмосферу, сопутствующую совершению преступлений подростками» [1, с. 59–60].

Употребление алкоголя и наркотиков приводит человека к состоянию, при котором происходят резкие изменения в его поведении. В любой момент несовершеннолетний может совершить преступление, не осознавая этого, или же сознательно пойти на противоправные действия [1, с. 7].

Детерминанты преступности несовершеннолетних можно разделить на группы:

- социально-экономические: дисфункциональная семья (употребление алкоголя или наркотиков родителями, неполная семья), материальные нужды семьи, желание на полученные от преступления деньги приобрести вещи, которые не хотят или не могут купить родители, недостатки в системе трудоустройства;

- индивидуально-психологические: желание выразить себя, совершив что-то запрещенное, поиск новых ощущений, следование моде, отсутствие достаточных знаний о последствиях совершения преступлений, давление или негативное влияние уличных компаний, друзей;

- организационно-управленческие: недостатки в деятельности полиции в профилактической работе, недостатки в системе правового образования несовершеннолетних, недостатки в организации досуга несовершеннолетних в свободное время, недостатки в школьном воспитании;

- культурологические: негативное влияние средств массовой информации.

Кроме вышеуказанных детерминант, некоторые ученые [2, с. 17; 3, с. 70; 4, с. 65] к основным причинам и условиям распространения пьянства и наркомании среди несовершеннолетних относят еще и медико-биологические факторы.

Мы выделяем как одну из детерминант совершения преступлений несовершеннолетними в состоянии опьянения низкий уровень правосознания, который включает не только совокупность взглядов, выражающих отношение к праву, законности, правосудию, представление о том, что является правомерным, а что неправомерным, но и психический аспект – привычки, чувства, эмоции относительно правовых явлений. Об этом свидетельствуют поведенческие установки подростков.

Очевидно, искривление правового сознания, которое является, по мнению И. Карпеца и А. Ратинова, ближайшей и непосредственной причиной совершения конкретного преступления, часто связано с общим духовным и моральным обликом преступника [5, с. 131].

Серьезное беспокойство вызывает значительное снижение интереса части несовершеннолетних к книгам, искусству, культуре вообще.

Немаловажной детерминантой преступного поведения несовершеннолетних являются недостатки в школьном воспитании, проявляющиеся в недостаточном информировании учителями о различных явлениях, которые могут возникать в среде несовершеннолетних.

СМИ влияют на поведение несовершеннолетних, как правило, совместно с другими причинами. Так, когда подростки вследствие ненадлежащего предварительного формирования их личности уже имеют негативные взгляды разного направления и практически склонны к совершению преступлений, то негативное влияние СМИ может порождать уверенность в возможность и целесообразность совершить преступление [6, с. 6]. Можно также утверждать, что СМИ активно навязывают так называемую наркотическую идеологию, основу которой составляет пропаганда потребления возбуждающих и одурманивающих средств как

неотъемлемого атрибута современной молодежной субкультуры. Не так часто можно услышать слова осуждения в адрес наркомании с экранов телевизоров, причем нередко речь идет не о том, что наркотические средства вредны сами по себе, а о том, что вредно только их чрезмерное потребление.

Эти проявления общественной аморальности попадают в сознание, разрастаются и часто проявляются в поведении и образе жизни людей. Например, видеофильмы, в которых ярко изображаются способы употребления наркотиков, алкоголя или способ совершения преступления, после употребления которых герои изображают чувства радости и счастья, способны вызвать у подростков желание повторить эти поступки, чтобы также почувствовать то же.

В последние годы неуклонно растет заинтересованность населения всемирной информационной сетью Интернет, в которой можно не только ознакомиться с информацией о наркотиках, но и получить подробную информацию об их изготовлении, применении, характеристиках. Кроме того, на многих сайтах всемирной сети можно встретить призыв к легализации «легких» наркотиков [7, с. 64].

Поэтому широкое распространение пьянства, употребления наркотиков, преждевременный сексуальный опыт, циничное отношение к старшим, рост преступности и насилия – все это во многом является плодами того влияния, которое оказывает на детей информационная среда. Можно сказать, что существующие в обществе социальные нормы, стремление и общественное мнение в значительной степени формируются СМИ.

Повышенная общественная опасность определенных детерминант совершения преступлений несовершеннолетними в состоянии опьянения заключается в том, что именно эти факторы побуждают несовершеннолетних к противоправному поведению, следствием которого преимущественно является совершение преступления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лановенко, І. П. Боротьба з правопорушеннями і злочинністю / І. П. Лановенко, Ф. А. Лопушанський. – Київ : Наукова думка, 1969. – 200 с.
2. Лазаренко, В. І. Наркоситуація в Україні та девіантна поведінка молоді : дис. ... канд. соціолог. наук : 22.00.04 / В. І. Лазаренко. – Харків, 2003. – 230 арк.
3. Нагорна, А. М. Наркоманія: адаптація молоді до праці та життя / А. М. Нагорна, В. В. Беспалько. – Кам'янець-Подільський : Аксіома, 2005. – 384 с.
4. Пономаренко, Ю. Г. Кримінологічна характеристика та попередження злочинів у сфері незаконного наркообігу : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю. Г. Пономаренко – Харків, 2004. – 196 с.
5. Мотринець, І. М. Проблеми девіантної поведінки молоді в умовах демократизації українського суспільства. Питання теорії і практика / І. М. Мотринець. – Львів : Льв. держ. ун-т ім. І. Франка, 1994. – 246 с.
6. Цимбалюк, М. М. Актуальні проблеми протидії злочинності неповнолітніх в умовах розвитку демократії в Україні / М. М. Цимбалюк // Проблеми протидії злочинності неповнолітніх : матеріали Всеукраїн. наук.-практ. конф., Кіровоград, 20–21 квіт. 2006 р. – Кіровоград : Кіровоград. юрид. ін.-т ХНУВС, 2006. – 150 с.
7. Колесник, І. Крапку у протистоянні поставив дурман / І. Колесник // Іменем закону. – 2006. – № 17.

УДК 343.9

Д.И. ДАВЫДЕНКО, О.Н. ВАСИЛЕВСКАЯ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В настоящее время проблема личности преступника приобрела особую актуальность, отражая общую ситуацию во всех отраслях научного знания. Актуальность проблемы предопределена тем, что без научного познания тех, кто совершает преступления, невозможно эффективно бороться с преступностью в целом.

В последние годы преступления, совершаемые лицами женского пола, все больше привлекают внимание ученых и практических работников. Женская преступность обладает своей спецификой, тесно связанной не только с социально-биологической особенностью женщины, но и с ее положением в обществе. Различные криминологические исследования выявляют особенности женской преступности, которая значительно отличается от мужской, что дает возможность выделить ее в структуре всей преступности в качестве самостоятельного элемента: так, у мужчин преимущественно преобладают корыстные преступления, а женские преступления в большей степени связаны с профессиональной деятельностью [1, с. 204]. Необходимо учитывать сложившуюся негативную тенденцию увеличения числа женщин, совершающих преступления, считавшиеся до недавнего времени сугубо мужскими.

Выделяемые психофизиологические особенности женщин обуславливают специфику анализа женской преступности: недооценка такого фундаментального свойства человека, как пол, оборачивается тем, что традиционно мужские свойства и образцы поведения невольно принимаются за обыденные.

Причины и условия женской преступности многочисленны. Свою преступную деятельность женщины чаще начинают в более зрелом возрасте под влиянием семейно-бытовых конфликтов и вследствие неблагоприятной ситуации. Из числа выявленных женщин, которые совершают преступление, более половины составляют лица старше 30 лет. Можно отметить, что среди женщин 30 и особенно 40 лет высок удельный вес одиноких, что обусловлено распадом их супружеских связей и потерей родителей. И кроме того, именно в этом возрасте наблюдается наибольшая активность женщин в общественном производстве, расширяются их социальные контакты. В эти годы женщины назначаются на руководящие должности.

В настоящее время важно обратить внимание на социально-экономическое положение молодых женщин из необеспеченных и малообеспеченных семей. Их труд на тяжелых, малоквалифицированных работах приводит к тому, что им практически полностью закрыт доступ к модной одежде, косметике и другим вещам, которые делают женщину привлекательной и элегантной. Информированность об этих «благах», благодаря СМИ, довольно высока, поэтому значительны у этой категории населения чувства неудовлетворенности сложившимся положением, своим местом в обществе. Это в отдельных ситуациях является и причиной совершения краж, грабежей, разбоев. Жестокость, агрессивность, которые проявляют при этом женщины, служат средством психологической компенсации пережитого ими.

Болезненное восприятие моральной и физической неудовлетворенности – одна из причин, которая формирует преступный путь разрешения подобных конфликтов. Также следует отметить особенность женщины-преступницы: страх потери любимого мужчины, толкающий порой на тяжкие преступления. Нередко женщина-преступница признается в том, что близкий ей мужчина был либо соучастником (организатором, подстрекателем) преступления, либо должным образом спровоцировал ее на преступление своим поведением (оскорбил, изменил, бил и т.п.).

Даже длительное пребывание в исправительном учреждении, как правило, не притушает у женщин чувства обиды, переживаний, которые связаны с потерей близкого человека, его предательством. Женская психика более ранима, часто бывают случаи, когда семейная драма, развод настолько выбивают женщину из привычной колеи, что она становится на путь аморального поведения. К тому же женщины в большинстве случаев начинают злоупотреблять спиртными напитками в силу семейных неурядиц, в т.ч. и распада семьи. Женщины намного быстрее привыкают к алкоголю и становятся хроническими больными этой категории. Динамика течения алкоголизма у женщин более злокачественна, с резким сужением круга интересов, огрублением и утратой черт женственности, угасанием родственных связей, резким интеллектуальным спадом [2]. Важно отметить большую вероятность формирования у женщин, злоупотребляющих спиртными напитками, антиобщественных черт личности, становления их на путь совершения преступления. По данным МВД Республики Беларусь, более половины женщин, совершающих преступления, находились в состоянии алкогольного опьянения. Также, анализируя эти данные, можно добавить, что по уголовным делам, расследование по которым окончено, в первом полугодии 2016 г. выявлено 26,1 тыс. лиц, совершивших преступления, и, что немаловажно, среди них 3 393 являются женщинами [3].

Одной из причин совершения преступлений женщинами является корысть. Корысть – это мотив преступления, состоящий в стремлении к наживе, личной выгоде, обогащению путем совершения преступления. При этом у женщин, опирающихся на этот мотив, четко прослеживаются такие черты, как преобладание материальных интересов над другими и завышенные притязания на обладание ценными вещами. Преступная деятельность их нацелена на удовлетворение возросших личных потребностей, что и приводит к совершению преступлений [2].

Исследуя вышесказанное, можно составить совокупный портрет женщины, совершающей преступления, который характеризуется следующими чертами: средний возраст – от 28 до 40 лет, живет в городе, невысокий уровень образования, занята каким-либо трудом, как правило, физически тяжелой, однообразной и утомительной работой, разведена или состоит в гражданском браке. В целом ситуация в семье сопровождается длительной конфликтностью в условиях сильной эмоциональной напряженности, часто между членами семьи возникают ссоры и скандалы. Употребляет алкоголь, воспитывалась в неполной семье, или родители злоупотребляли алкоголем и совершали правонарушения и преступления разной степени тяжести, возможно, применяли насилие в воспитании детей. В своих поступках такие женщины руководствуются во многом эмоциями, чем разумом, в большинстве случаев отсутствует чувство вины, раскаяния за совершенное преступление. Им характерна большая зависимость собственного преступного поведения от влияния окружающей среды и конкретных лиц. Личности женщин-преступниц характерен более высокий уровень беспокойства и неуверенности в себе, импульсивности и агрессивности,

отчужденности от общественных ценностей и полезного общения. Данные черты сочетаются с высокой чувствительностью во взаимоотношениях с другими людьми, из-за чего такие лица чаще применяют насилие в различных конфликтах.

Очевидно, что необходима комплексная программа профилактики женской преступности. При разработке этой программы необходимо помнить о специфике и особенностях женской преступности, личности преступниц, следует учитывать как причины преступности, так и причины их индивидуального преступного поведения. Важным является активное участие правоохранительных органов, общественных организаций, церкви, медицинских учреждений в работе по профилактике женской преступности и в поддержке социальными организациями женщин, которые попали в неблагоприятные ситуации семейно-бытового характера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян, Ю. М. Личность преступника / Ю. М. Антонян, В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 366 с.
2. Агеева, Ю. Женская преступность: современное положение и причины / Ю. Агеева // Следователь. – 2001. – № 6. – С. 39–40.
3. Общая статистика за 2016 год [Электронный ресурс] // М-во внутрен. дел Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=342713>. – Дата доступа: 20.10.2016.

УДК 343.9

Е.Э. ДЕМИДЧИК, В.И. РЕЗЮК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ФАКТИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ОЦЕНКИ ЛАТЕНТНОСТИ

Состояние преступности определяется абсолютным числом совершенных преступлений на определенной территории за определенное время. Реальное состояние преступности, ее уровень выражается числом фактически совершенных преступлений, однако с учетом того, что определенная часть преступлений остается не выявленными или, как говорят специалисты, латентными [1].

Хотя значение фактической преступности имеет большое криминологическое значение, уточнение ее значения представляется весьма затруднительным – посредством оценки показателей латентности отдельных групп преступлений это становится возможным.

Г.Г. Шиханцов отмечает, что по экспертным оценкам соотношение зарегистрированных и латентных преступлений в Беларуси – 1:3, 1:4 (средний уровень латентности, соответственно низкий уровень – 1:2, а высокий – 1:5, 1:6). Можно учитывать, пусть и весьма критично, данные о подобных соотношениях, выделяемые криминологами других государств, но ввиду значительной общности наук, законодательства и, даже, многих обычаев, традиций некоторые исследования представляют особый интерес: так, в Российской Федерации отмечается соотношение зарегистрированных и латентных 1:7–1:8 (а некоторые исследователи даже высказывают мнение о 1:10–1:12) [1]. При определении латентности отдельных видов

преступлений возможно использование подобных данных, но необходимо учитывать их приблизительный характер по отношению к ситуации в Республики Беларусь.

В криминологии выделяют три уровня латентной преступности. Низкий уровень латентности характерен для тяжких преступлений против личности: убийство, умышленное причинение тяжких телесных повреждений. Во вторую группу входят преступления со средним уровнем латентности: кражи, изнасилования, хулиганства. В группу высоколатентных включают: взяточничество, иные коррупционные преступления.

За 2015 г. было зарегистрировано примерно 40 тыс. краж, являющихся среднелатентными преступлениями, а исходя из среднего значения коэффициента латентности для подобных преступлений и высокого состояния этого вида можно предположить еще более заметное значение абсолютного показателя. За этот же год было выявлено 145 изнасилований, а реально, основываясь на выводах специалистов-криминологов, в несколько раз больше: так, согласно мнению В.В. Лунеева, учтенные изнасилования соотносятся с латентными как 1:6 [2]. Характерной чертой взяточничества является его высочайшая латентность. В Республики Беларусь в 2015 г. было зарегистрировано 1 112 фактов, фактически, можно предположить, в несколько раз больше [3]. Если учесть, что в 2014 г. было зарегистрировано 782 факта взяточничества, то заметный рост (на 330 зарегистрированных или 42 %) [3] может объясняться снижением показателя латентной преступности, т.е. повышением качества правоохранительной деятельности. Но это совершенно не значит, что фактическое количество совершенных преступлений уменьшилось, скорее всего участились факты выявления и как результат регистрации подобных преступлений.

Предлагаются и иные подходы в определении фактической преступности в контексте оценки показателей латентной. Российский криминолог Д.А. Ли в исследованиях статистических данных о преступности в разных странах мира, выдвинул мнение о том, что регистрируется всего 24 % преступлений, а 76 % преступникам удается избежать ответственности, т.е. латентная к фиксируемой преступности составляет 3:1, а 5,6 % людей в государстве, по его мнению, совершают преступления [4].

Учет показателей латентности при определении фактической преступности не следует сводить исключительно к математическим действиям – важно определить тенденции, особенности развития, обозначить на этом основании стратегию и тактику противодействия. Так, сегодня управление наркоситуацией можно оценить как управление ситуацией со значительной латентной составляющей с определенным числом скрытых неясностей [5].

Выделенное позволяет говорить и об отсутствии линейной зависимости фактической и латентной преступности: не всегда рост (или снижение) зарегистрированной преступности сопровождается прямо пропорциональным изменением фактической преступности, речь может идти об изменении долей зарегистрированных и латентных преступлений.

Определение фактической преступности в контексте оценки латентности является эффективным инструментарием криминологических исследований, но оно не должно ставить цель получить абсолютный показатель состояния преступности, ее уровня – понимание сущности фактической преступности, его возможного значения позволяет определить реальный уровень угроз обществу, а уточненное значение

латентности при этом может быть использовано для определении концепции борьбы с преступностью, ее отдельными видами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиханцов, Г. Г. Криминология : учеб. пособие / Г. Г. Шиханцов. – Минск : Новое знание, 2016. – 102 с.
2. Лунеев, В. В. Криминология : учеб. пособие / В. В. Лунеев, Н. Ф. Кузнецова. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 315 с.
3. Общая статистика за 2015 год [Электронный ресурс] / М-во внутрен. дел Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=256493>. – Дата доступа: 10.10.2016.
4. Ли, Д. А. Преступность в России. Системный анализ [Электронный ресурс] / Д. А. Ли. – М. : Гелва, 1997. – Режим доступа: <http://www.novsu.ru/npe/files/um/1412/bg/shell/arh/mono/Ли%20Д.%20Преступность%20в%20России.%20Системный%20анализ.htm>. – Дата доступа: 10.10.2016.
5. Махров, И. Е. Наркоситуация с позиций социологии управления / И. Е. Махров, А. А. Кухта // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Государство и право. Юрид. науки. – 2008. – № 14. – С. 179–184.

УДК 343.9

А.Ю. ЖДАНИЮК, М.Н. ИВАХНИК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Человечество, вступив в XXI в., особо озабочено решением проблем правовой и социальной защиты подрастающего поколения, поиском подходов, стратегий противодействий беспризорности, наркомании и преступности среди несовершеннолетних. Проблемы эти актуальны для всего мирового сообщества, ищущего гуманно-нормативные меры по воздействию и профилактике преступности несовершеннолетних и воздействию на правонарушителей.

Традиционно под преступностью несовершеннолетних понимают преступления, совершенные лицами в возрасте от 14 (возраст наступления уголовной ответственности за отдельные преступления) до 18 лет.

Для белорусского общества проблемы преступности в целом, а несовершеннолетних в особенности, в последнее десятилетие приобрели особую актуальность. Несмотря на заметные успехи в деле борьбы с преступностью несовершеннолетних (так, в 2010 г. было выявлено 3 946 несовершеннолетних, совершивших преступления, в 2012 г. – 2 610, а в 2014 г. – уже 2 240 несовершеннолетних [1, с. 97]), проблема преступности несовершеннолетних, особенно в некоторых сферах, остается достаточно острой. В 2012 г. был выявлен 61 несовершеннолетний, совершивший преступление, связанное с наркотиками, а уже в 2014 г. – 371 несовершеннолетний [1, с. 79]. Изучение проблем преступности несовершеннолетних, равно как и преступности общей, требует учета той конкретной ситуации – политической и социально-экономической, на фоне которой формируются и развиваются криминогенные процессы.

Социально-экономический фон способен оказывать негативное воздействие на молодежную, в т.ч. и подростковую среду. В молодежной, а также в среде несовершеннолетних, культивируются негативные стереотипы поведения, укрепляемые неопределенностью настоящего, неуверенностью в будущем, иными объективными трудностями, порождающими критическое отношение к окружающему миру, учебе, ведущими к примитивизации сознания.

Обращаясь к проблеме преступности несовершеннолетних, надо исходить из того, что она представляет часть преступности в обществе и развивается под воздействием тех же факторов, что и преступность в целом. В связи с этим при изучении преступности лиц в возрасте от 14 до 18 лет используются общие криминологические характеристики. Особая уязвимость несовершеннолетних заключается в том, что они более подвержены влиянию факторов, которым взрослые люди противостоят гораздо успешнее. Не имея возможности законным путем удовлетворять свои потребности, многие несовершеннолетние выбирают путь совершения преступлений. Вытеснение детей и подростков из семьи на улицу (как реальное, так и социальное – на уровне общения) дает толчок новому увеличению противоправного поведения несовершеннолетних, чаще всего имущественного характера. Проведенные исследования свидетельствуют, что степень влияния семейного неблагополучия у подростков, совершивших имущественные преступления, выше, чем у других несовершеннолетних преступников [2, с. 41].

Явление преступности несовершеннолетних занимает особое место среди проблем криминологической этиологии. Эта особенность придает специфику целям политики предупреждения преступности несовершеннолетних. С одной стороны, ее цель – защита прав и интересов несовершеннолетних, а с другой – защита общества от правонарушений и преступных посягательств несовершеннолетних. Такая конструкция цели политики предупреждения преступности несовершеннолетних позволяет решать многие вопросы криминологической и правовой практики.

Совершаемые несовершеннолетними преступления – это сигнал обществу о существующих недостатках в нравственном воспитании молодого поколения.

Преступность несовершеннолетних не должна рассматриваться в возрастных рамках исключительно с 14 до 18 лет, при осуществлении предупредительно-профилактических мероприятий необходимо включение и группы лиц, не достигших возраста 14 лет, а при определении причин преступности несовершеннолетних – лица, старше 18 лет.

Уточнение содержания преступности несовершеннолетних как объекта криминологического исследования создает условия для эффективного противодействия ей. Особенно важно это в настоящее время, когда решение социальных проблем по воспитанию несовершеннолетних стало одной из первоочередных задач государственных и общественных органов, когда неизмеримо возросли возможности правового воздействия на совершенствование воспитания и образования подрастающего поколения, его гражданское, трудовое и общее социальное становление и развитие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Правонарушения в Республике Беларусь / Национальный статистический комитет Республики Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2015. – 175 с.

2. Устинова, В. В. Особенности формирования личности несовершеннолетних насильственных преступников : учеб. пособие / В. В. Устинова. – М., 1990. – 41 с.

УДК 343.9

А.В. ЗИНОВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

СУД ПРИСЯЖНЫХ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Судебная власть является одной из важнейших составляющих жизни общества и государства, являясь независимой и самостоятельной ветвью государственной власти. Тема судебной власти, ее совершенствования были и остаются важнейшими и актуальными вопросами развития системы нормативно-правового регулирования.

Общепризнано, что существование суда присяжных является гарантом независимости судов, которое вносит подлинную состязательность сторон в судебный процесс, житейскую мудрость в атмосферу формальной юстиции, уменьшает риск злоупотребления, возможность коррупции и навязывания суду определенного судебного решения. Несмотря на жесточайшую критику, суд присяжных утвердился в судебных системах развитых стран как наиболее демократичный и справедливый вариант судопроизводства.

Введение института присяжных вызывает обоснованный криминологический интерес, поскольку, даже являясь эффективным средством судопроизводства, он может стать препятствием в борьбе с преступностью, возможно, стать причиной преступности.

Родиной суда присяжных считается Англия. Английский суд присяжных послужил примером для многих государств. Однако в современных демократических государствах к суду присяжных прибегают все реже либо вообще от него отказываются [1]. Опыт применения суда присяжных дает определенные мотивы сомневаться в эффективности этого института осуществления правосудия.

Говоря о присяжных как о причине преступности, можно выделить их уязвимость. Заседатели – это обычные граждане: возможно оказание влияния на них посредством соблазнов, угроз. Даже два-три судебных заседателя могут успешно формировать у других присяжных нужное мнение [2, с. 89] или существенно влиять на него. В результате, лицо, которое должно было понести заслуженное наказание за свои деяния, оказывается на свободе, тем самым нарушая принцип неотвратимости ответственности, что, в свою очередь, стимулирует иных лиц совершать преступления.

Деятельность суда присяжных включает в себя разрешение «вопросов факта». Перед присяжными ставится ряд вопросов, на которые они будут должны дать ответы. Для того чтобы правильно ответить на вопросы, присяжным заседателям необходимо проанализировать личность обвиняемого и выявить причины и условия, которые поспособствовали совершению данного деяния. Поскольку присяжные заседатели – люди, не знакомые с нормами права, то они, прежде всего, руководствуются нормами морали и нравственности, в основу которых, как правило, ложатся реальные принципы, идеалы, понятия о добре и зле, действующие в обществе. При принятии такого решения, основанного на представлениях морали, решающее значение оказывают побуждения, которыми руководствуется каждый человек. Нередко представление о личности лица, обвиняемого в совершении преступления, складывается у присяжного

заседателя в результате поведения обвиняемого в судебном разбирательстве. Его агрессивность, либо наоборот, активное стремление вызвать жалость, убеждение в невинности зачастую предопределяет решение присяжных. Обвиняемый предстает перед судом присяжных как обычный человек, и присяжные не всегда могут дать верную оценку имеющимся в деле характеристикам лица, представшего перед судом. Законодатель учел тот факт, что данные о прежних судимостях могут оказать существенное влияние на выносимый вердикт, поэтому в суде присяжных запрещается исследовать факты прежней судимости, признание обвиняемого хроническим алкоголиком или наркоманом. Таким образом, бесспорное влияние эмоций с убедительной речью адвоката о невинности своего подзащитного могут оказать влияние на решение присяжного [3; 4].

Ярким примером является уголовный процесс по делу о растлении малолетнего, на котором в роли подсудимого выступал публичный человек. При отборе присяжных выяснилось, что, хотя заседать в коллегии присяжных в течении длительного времени обременительно, многие хотели попасть и посмотреть на это «зрелище». Со всего мира на суд слетелись страждущие увидеть мировую звезду Майкла Джексона на скамье подсудимых, некоторые члены коллегии присяжных вели себя неподобающим образом. Например, один из присяжных контрабандой пронес в совещательную комнату видеозапись телевизионного репортажа из зала суда. Присяжные единогласно вынесли оправдательный вердикт [5, с. 37]. Влияние личности Майкла Джексона и эмоционального фона процесса на присяжных было очевидным.

Понимание лицом, совершающим тяжкое, особо тяжкое преступление, того факта, что он предстанет перед судом присяжных, не выступает сдерживающим или предупреждающим преступление фактором. И, наоборот, институт присяжных заседателей станет одной из причин преступности: он может порождать пограничную латентность, когда преступление остается скрытым ввиду юридических и иных ошибок. Виновное лицо, но освобожденное от ответственности, способствует росту преступности, поскольку заставляет иных лиц задуматься о том, что они также в случае совершения ими общественно опасных деяний смогут остаться безнаказанными. Суд – это место не для субъективных нравственных оценок, а для юридической квалификации действий.

Комплексный криминологический анализ, на первый взгляд, современного института, в т.ч. суда присяжных, крайне необходим, даже при гипотетической вероятности внедрения как предпосылка эффективного нормативно-правового регулирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проблемы производства в суде с участием присяжных заседателей [Электронный ресурс]// Мценский районный суд Орловской области. – Режим доступа: http://mcensky.orl.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=8. – Дата доступа: 20.10.2016.
2. Салишева, А. А. Социально-правовые препятствия функционирования суда присяжных / А. А. Салишева // Пробелы в рос. законодательстве, 2009. – № 4. – С. 87–89.
3. Батычко, В. Т. Современные проблемы осуществления правосудия в России с участием присяжных заседателей / В. Т. Батычко // Изв. ЮФУ. Техн. науки, 2009. – № 5. – С. 190–194.

4. Кондрачук, О. Н. Влияние эмоций на вердикт присяжных заседателей / О. Н. Кондрачук // Вестн. ОГУ. – 2005. – № 3-1 – С. 65–68.

5. Ширёв, Д. А. К вопросу об институте суда присяжных в США / Д. А. Ширёв // Междунар. право. Европ. право. – 2015. – № 5. – С. 35–38.

УДК 343.9

О.В. КОВАЛЕВ, А.С. ЛОЗИЦКИЙ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ПОДРОСТКОВАЯ НАРКОМАНИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В 2012 г. было выявлено 61 несовершеннолетнее лицо, совершившее преступления, связанные с наркотиками, а уже в 2014 г. – 371 несовершеннолетний [1, с. 79]. Проблема преступности несовершеннолетних, совершивших преступления, связанные с наркотиками, вызывает повышенный криминологический интерес к подростковой наркомании, являющейся пограничной с наркоманией несовершеннолетних: многие детерминанты складываются именно в подростковом возрасте. Подростковая наркомания впервые начала зарождаться в США и других западных странах в конце 50-х – начале 60-х гг., в СССР – в конце 60-х гг.

Ученые, изучая *наркоманию среди подростков*, отметили следующие возрастные особенности:

- подростковая наркомания омолаживается;
- «мода» на наркотики не постоянна, используемые наркотические вещества весьма разнообразны;
- широкое распространение получила так называемая «аптечная наркомания», подростки научились синтезировать из аптечных препаратов наркотики, которые отличаются высокой токсичностью и смертностью;
- подростки склонны к экспериментам.

Подростковая наркомания развивается из-за воздействия на подростка социально-психологических факторов, особенно при неблагоприятном биологическом фоне (алкоголизм или наркомания у родителей и т.п.) [2].

В СССР подростковая наркомания носила региональный характер – в отдельных регионах были свои особенности. Возрастные особенности подростковой наркомании отражали, что подростки 12–15 лет становились токсикоманами, а с 16–18 лет эти лица часто переходили на внутривенные наркотики. Нередко у подростков развивался алкоголизм, следствие – тяжелые психические расстройства. Проблема подростковой наркомании в БССР наиболее острой не была, хотя и существовала. Наибольший интерес подростковая наркомания вызывала у медиков, педагогов, которые во взаимодействии с подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел проводили предупредительно-профилактические мероприятия. Именно тогда, когда лицо-подросток не достигло возраста наступления уголовной ответственности, была возможность направить на путь законопослушного поведения.

Преступность, связанная с наркоманией, в постсоветские годы стала «моложе». В 2015 г. внесены изменения в уголовный кодекс Республики Беларусь, согласно которых за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов могут привлекаться лица, достигшие 14-летнего возраста.

Это актуализировало криминологический интерес к подростковой наркомании, особенно в части предупредительно-профилактической работы. Опыт противодействия наркомании несовершеннолетних, в т.ч. подростковой, является особенно ценным.

Наиболее эффективным методом лечения подростковой наркомании является психотерапия. Психотерапия при *подростковых наркоманиях* ставит цель побудить желание излечиться от наркомании. Большинство подростков-наркоманов не считают, что они наркоманы, или считают, что они всегда могут бросить эту «вредную привычку». Поэтому психотерапия должна убедить подростка наркомана в том, что он действительно болен, и настроить подростка на лечение от наркомании. Индивидуальная психотерапия не так эффективна, как групповая, но групповая психотерапия чревата осложнениями, поэтому должна выполняться опытными специалистами. Иначе психотерапевтическая группа, созданная из подростков-наркоманов способна быстро превратиться в типичную группу наркоманов. Лечение необходимо начинать, когда у подростка нет еще сформировавшейся зависимости от наркотиков. Профилактика подростковой наркомании должна начинаться с санитарного просвещения. *Профилактика подростковой наркомании* ставит цель раскрыть тот страшный вред, который способны нанести наркотики: несовершеннолетние часто легкомысленно относятся к своему здоровью. Всегда учитывается свойственное подросткам легкомыслие к своему здоровью. Более интересная и наглядная подача информации для подростка – это фильмы, показываемые по телевидению, специальные молодежные передачи о вреде наркотиков. Однако даже самая продуманная и действенная профилактика подростковой наркомании будет безрезультатна, если подростка будут окружать употребляющие алкоголь и наркотики взрослые, особенно близкие или друзья. У подростка создается впечатление, что все передачи о вреде наркотиков сильно преувеличивают вред от наркотиков, создается ложное представление, будто если он захочет, то всегда может бросить. Профилактика подростковой наркомании должна проводиться опытными специалистами, которые способны выявить подростков из группы риска. Необходимо учитывать, что рассказы о вреде наркотиков могут спровоцировать (у недостаточно устойчивых подростков) интерес к наркотикам. Профилактикой наркомании среди подростков должны заниматься педагоги, психологи, врачи-психиатры, врачи-наркологи с большим опытом работы в подростковой среде [2; 3].

Реальное противодействие наркомании несовершеннолетних непременно должно начинаться среди подростков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Правонарушения в Республике Беларусь / Национальный статистический комитет Республики Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2015. – 175 с.
2. Колесова, Л. С. Подростки как группа, уязвимая для наркомании и ВИЧ-инфекции / Л. С. Колесова // Педагогика. – 2002. – № 1. – С. 34–41.
3. Осипова, Р. Г. Наркомания в молодежной среде: причины распространения и возможные методы профилактики / Р. Г. Осипова // Молодой ученый. – 2011. – № 7. – Т. 2. – С. 53–59.

УДК 343.91

А.А. КРАЦ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – О.Н. Иванчина, кандидат философских наук, доцент

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА-РЕЦИДИВИСТА

Для обеспечения правоохранительной деятельности особое место имеет работа с преступниками-рецидивистами. Чем больше количество преступлений, совершенных человеком и чем выше их общественная опасность, тем сложнее проводить с ним мероприятия превентивного характера. Снижение уровня повторности совершения преступлений – одна из целей уголовного наказания. Однако ее выполнение в отношении ряда лиц практически недостижимо. Причиной тому выступает личность преступника-рецидивиста с ее особенностями психологического, социального и биологического портрета.

По данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь в 2015 г. лицами, имеющими судимость, совершено 26 824 преступлений, расследование по которым было завершено в указанном году. Из общей массы данные преступления составили 27,6 % (19 405 человек). Данный уровень рецидива является очень высоким, что не может не вызывать тревогу. Он свидетельствует как о кризисе уголовного наказания, так и о недостаточной и неэффективной практике ресоциализации бывших заключенных.

И, тем не менее, уровень рецидива в Республике Беларусь в настоящее время снижается. Так, в 2012 г. количество лиц, совершивших преступление и имеющих судимость, составляло 42,5 % (22 500 человек) [1].

Данные уголовной статистики подчеркивают актуальность исследования такого феномена, как личность преступника-рецидивиста. Общественная опасность такой личности заключается в том, что совершение преступлений повторно демонстрирует нежелание человека быть включенным в социальную жизнь, приносить пользу окружающим. Кроме того, рецидивист представляет собой человека с развитыми преступными навыками, асоциальным поведением, девиантными привычками. Он создает «эффект криминализации» для своего ближайшего окружения и, в конечном итоге, для всего общества в целом.

Социальный портрет рецидивиста выглядит следующим образом. Это чаще всего лицо мужского пола, не имеющее собственной семьи, хорошего образования и, как следствие, профессии. В целом образовательный уровень рецидивистов намного ниже, чем у преступников, совершивших однократное нарушение закона. В целом прослеживается статистика, согласно которой, чем образованнее человек, тем меньше шансов у него стать преступником, тем более преступником-рецидивистом.

Как показывает статистика, отсутствие семьи является важным показателем для лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Нередко, как только мужчина оказывается в тюрьме, его супруга оформляет развод. Поэтому социальные связи преступника-рецидивиста бывают прерваны настолько, что у него, как правило, нет постоянного места жительства. По своему мировоззрению и системе ценностей рецидивисты крайне оторваны от тех позитивных ценностей, которыми живет правопослушное население страны. Регулярное нахождение человека в местах лишения

свободы еще в большей степени усугубляет социальную дезадаптацию, способствует закреплению аморальных черт характера.

Нередко у рецидивистов отсутствует страх перед наказанием. Это происходит не от того, что в тюрьме им хорошо, а от того, что на свободе они неадаптированы, не включены в социальные процессы, не имеют уважения и признания. Поэтому жесткий регламент тюремной жизни и общество других преступников становятся для рецидивиста единственной понятной для него средой, где есть крыша над головой, где кормят, лечат, обеспечивают досуг.

Исследование социального портрета преступника-рецидивиста показывает, что значимыми мерами профилактики выступают следующие:

- повышение образовательного уровня населения в целом;
- совершенствование системы нравственного воспитания и повышение уровня социального капитала в обществе;
- не только выявление аморальных семей, но и более активная корректирующая работа с ее членами;
- предупреждение кризиса семьи посредством улучшения качества и эффективности психологического консультирования;
- культивирование в СМИ труда как важнейшей социальной ценности, т.к. у рецидивистов формируется крайне негативное отношение к трудовой деятельности; трудолюбивый и ответственный работник, как правило, является законопослушным гражданином;
- повышение общего уровня культуры и грамотности населения посредством СМИ, массовых мероприятий, образовательных программ.

Такие меры будут способствовать повышению как нравственной культуры, так и уровню правосознания.

Таким образом, личности рецидивистов характерны особые социальные признаки и психологические черты, которые обуславливают повышенный уровень вероятности совершения ими новых преступлений. Среди таких особенностей – система негативных антиобщественных взглядов, преступные навыки, желание продолжать преступный образ жизни. Условием эффективности назначения наказания является справедливость, равенство всех перед законом, соразмерность и неотвратимость наказания. Исключительно важную роль в предупреждении рецидивной преступности играют меры постпенитенциарной адаптации, осуществляемой по выходу осужденного на свободу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Общая статистика за 2015 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=256493>. – Дата доступа: 30.10.2016.

2. Общая статистика за 2012 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=253193>. – Дата доступа: 30.10.2016.

УДК 343.915

О.С. КУКСИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Продолжает оставаться актуальной проблема преступности несовершеннолетних: она составляет около 10–15 % общей преступности.

В криминологии выделяют следующие группы причин преступности несовершеннолетних:

- отражающие противоречия социального и экономического состояния общества;
- связанные с личностными особенностями несовершеннолетних.

К первой группе можно отнести следующие причины:

• дефекты правового сознания у несовершеннолетних, т.е. негативное отношение к нормам права и нежелание следовать предписаниям данных норм;

- ухудшение социально-экономического положения;
- отсутствие должного воспитания и развития в семье и вне ее;
- проблемы в семье по причине неблагополучия;
- отчисление подростков из школ и колледжей;
- деградация населения;
- проблема с организацией досуга детей и подростков [1].

Ко второй группе причин преступности несовершеннолетних относятся:

- распад семьи;
- отрицательный пример старших, особенно тех, с которыми у несовершеннолетнего прочный эмоциональный контакт;
- немаловажное значение играет пол преступника;
- образовательный уровень;
- уровень его интеллектуального развития [1].

Перечень причин нельзя считать исчерпывающим, но важнее понимать, как происходит детерминация явлений, выделять факторы, в совокупности с причинами порождающие преступность.

Непосредственное влияние на несовершеннолетних правонарушителей оказывает и их круг общения, в который в основном входят лица, в том или иной мере связанные с криминальным миром, ранее судимые или злоупотребляющие наркотиками, спиртными напитками. Необходимо учитывать и то, что психическая травма, полученная ребенком в детстве, может быть напрямую связана с необоснованной агрессией и совершением им преступных деяний. Нельзя также упускать и то, что в наше время идут масштабные и быстрые процессы социально-экономических и политических изменений в обществе и очень трудно приходится молодому поколению с их еще неустоявшимся мировоззрением и подвижной системой ценностей. Как показывает практика, именно в момент, когда происходит нравственное формирование личности, а именно, в подростковом или в юношеском возрасте, запускается механизм накопления опыта, в т.ч. и отрицательного, который может проявиться слишком поздно либо не даст о себе знать вообще. Необходимо отметить, что и мотивационная сфера несовершеннолетних не остается в неизменном виде, т.к. по мере накопления преступного опыта, взросления происходит смена мотиваций.

Представление несовершеннолетнего о морали и праве в силу возрастных причин часто не является осознанным. Среди мотивов несовершеннолетних преступников можно выделить такие, как жестокость, корысть, агрессивность, эгоизм, подражательство, самоутверждение, легкомыслие, солидарность, социальная безответственность, отчуждение от общества и противостояние ему. Несовершеннолетние, оказавшиеся в местах лишения свободы, могут получить или закрепить внутренние установки на противоправную деятельность [1; 2].

Комплекс причин и социальных условий при наличии соответствующих связей может порождать преступность, при этом среда, в которой несовершеннолетний становится преступником, не всегда аналогичным образом действует на совершеннолетних, что дополнительно актуализирует характеристику детерминации преступности несовершеннолетних как особого криминологического явления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиханцов, Г. Г. Криминология [Электронный ресурс] / Г. Г. Шиханцов // ГрГУ имени Я. Купалы. – Режим доступа: <http://ebooks.grsu.by/criminal/2-prichiny-i-usloviya-prestupnosti-nesovershennoletnikh-i-ikh-preduprezhdenie.htm>. – Дата доступа: 25.05.2016.

2. Зущик, М. М. Основные вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних / М. М. Зущик // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров : сб. материалов науч.-практ. конф. – Минск, 2002. – С. 297.

УДК 343

Д.А. ЛАЗАРЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – И.А. Заранка, преподаватель

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ КРАЖ ЛИЧНОГО ИМУЩЕСТВА ГРАЖДАН

Виктимность – это наука о жертве преступления, она имеет особое значение для характеристики жертвы преступления, под ней понимается поведение человека, которое создает благоприятные условия для совершения в отношении него преступления.

Изучая жертву в различных аспектах и ее роль в преступлении, виктимология исходит из того, что поведение человека по своей природе может быть неосмотрительным, рискованным, легкомысленным, распущенным, порою провокационным, а следовательно – опасным для самого себя. Такое поведение, естественно, увеличивает подверженность личности преступным посягательствам. В этом плане важное значение приобретают такие характеристики личности, как возраст, пол, социальный статус, выполняемые социальные роли, профессия, готовность действовать в критической ситуации определенным образом, а также окружающая среда, конкретная ситуация, поведение третьих лиц и т.д. Сочетание объективных и субъективных факторов и их взаимодействие влияют на способность того или иного лица стать потерпевшим от преступления. Именно эта повышенная способность человека в силу ряда духовных, физических, социальных качеств при определенных объективных обстоятельствах становится целью для преступных посягательств и представляет особый интерес для структурирования и классификации

с целью познания и выявления личности потенциальных жертв подобного рода хищений, выделения групп таких личностей, для дальнейшего проведения с ними профилактических и предупредительных мероприятий [1].

В основу первой классификации потерпевших могут быть положены составы преступлений, объединенные общим объектом, к примеру, потерпевшие пострадавшие преступлений против собственности. Вместе с тем данную классификацию можно углубить и провести исследование исходя из конкретных видов преступлений – карманные кражи, кражи из жилища, кражи из транспортных средств. И на основании данной классификации выделить определенные свойства, присущие жертвам того или иного преступления, так пострадавшие от карманных краж зачастую характеризуются невнимательностью и беспечностью в отношении своего имущества.

В основу другой классификации можно положить особенности личности потерпевшего, а именно психофизические, нравственно-психологические, социально-ролевые. С учетом психофизических особенностей выделяются несовершеннолетние, женщины, лица пожилого возраста, наиболее часто страдающие от карманных краж, как было сказано выше, в силу своей невнимательности и беспечности. Благодаря нравственно-психологическим особенностям можно выделить жертв с отрицательной либо положительной нравственной направленностью, как пример можно назвать лиц, злоупотребляющих алкоголем и зовущих плохо знакомых им людей к себе в квартиру для дальнейшего времяпрепровождения. Социально-ролевые признаки можно положить в основу отнесения к жертвам лиц определенной специальности и рода занятий, примером можно назвать водителя автомобиля-такси, случайно оставившего свой мобильный телефон на заднем сидении своего транспортного средства, вследствие чего случайный клиент совершает кражу данного мобильного телефона из автомобиля-такси.

Однако наибольшую ценность, исходя из данных критериев, представляет именно нравственно-психический критерий, т.к. именно он зачастую обуславливают модель поведения потерпевшего, которая в ряде случаев способствует созданию виктимогенной обстановки. К примеру, агрессивность, жадность, склонность к алкоголизму и другие отрицательные, а иногда и положительные (доверчивость, доброта) характеристики личности, так или иначе способствуют созданию виктимной ситуации. Такие же черты, как моральная устойчивость, предупредительность, трезвость ума, хорошая физическая подготовка, во многих случаях способствуют недопущению совершения в отношении лица кражи [2].

Также, существуют и другие основания для виктимологической классификации потерпевших. В частности, по характеру поведения различают агрессивного, активного, инициативного, пассивного, не критичного и случайного потерпевшего, каждый из которых в той или иной степени тем или иным образом способствует совершению в отношении себя преступления.

Необходимо еще раз выделить и то, что даже ученые и практики отмечают, что риск стать жертвой преступления распределяется среди населения неравномерно. Например, как выше уже обозначалось, повышенной уязвимостью от карманных краж обладают женщины, дети, престарелые люди, лица с физическими и умственными недостатками. Жертвами краж из жилища достаточно часто становятся лица, злоупотребляющие алкоголем. Определенные категории граждан становятся жертвами преступлений в силу своего служебного или общественного положения, например: контролеры в общественном транспорте, водители такси и прочие.

Подводя итог, следует сказать, что изучение поведения жертв преступлений в виктимологическом плане может способствовать разработке научно-обоснованных тактических, психологических, а порой и технических мер повышения их безопасности, а также определению основных направлений предупреждения и профилактики виктимности и выделению групп населения, с которыми такую профилактику необходимо проводить.

УДК 343.01

Е.С. ЛАНТРАТОВА

Львов, НУЛП

Научный руководитель – К.Б. Марысюк, доктор юридических наук, доцент

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

Ресоциализация осужденных представляет собой сложную процедуру, состояние научной разработки которой имеет давнюю историю. Ресоциализацию изучали различные ученые в своих работах, а также эта проблема освещалась в уголовном, уголовно-исполнительном праве и с точки зрения психологии, однако единого мнения относительно этого понятия пока не определено. В каждой стране мира процедура ресоциализации разная, но в целом под ней понимается восстановление осужденного в качестве полноправного члена общества. К.Б. Марысюк считает, что ресоциализация осужденного – это сознательное восстановление осужденного в социальном статусе полноправного члена общества; возвращение его к самостоятельной общепринятой социально-нормативной жизни в обществе [1, с. 20].

Согласно ст. 6 Уголовно-исполнительного кодекса Украины необходимым условием ресоциализации является исправление осужденного [2, с. 5].

Некоторые ученые сравнивают понятия «исправление» и «ресоциализация» осужденных. Одним из сторонников данного утверждения является А.П. Мелентьев. Он утверждает, что целью исправления осужденных является их ресоциализация, т.е. процесс, который стимулирует формирование у осужденного жизненной позиции, которая соответствует конституционным нормам, определяющим права, свободы и обязанности граждан [3, с. 19–20].

Исправление охарактеризовал Ф.Р. Сундуков, под которым он понимает особый педагогический процесс, предполагающий разрушение у осужденного негативных, антиобщественных свойств и проявлений и формирует у него социально полезные качества [4, с. 15]. Таким образом, под ресоциализацией надо понимать процесс социального обновления личности, усвоение ею положительных, с точки зрения общества, социальных норм и ценностей, образцов поведения.

В соответствии с законодательством Украины, существуют основные средства исправления и ресоциализации осужденных, к ним относятся: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), общественно полезный труд, социально-воспитательная работа, общеобразовательное и профессионально-техническое обучение, общественное влияние. Средства исправления и ресоциализации осужденных применяются с учетом вида наказания, личности осужденного, характера, степени общественной опасности и мотивов совершенного уголовного преступления и поведения осужденного во время отбывания наказания [2, с. 5].

Если рассматривать опыт иностранных государств, привлечение осужденных к труду имеет положительные последствия. В США, Великобритании, Франции, Германии и Японии осужденные привлекаются к труду за пределами или в исправительной колонии в зависимости от ее режима, тяжести совершенного преступления, его поведения. При этом труд осужденных осуществляется на платной основе. Также организуется обучение наиболее распространенным профессиям [5, с. 8].

Проблема ресоциализации – удивительно сложное явление, она является объемной социально-правовой проблемой. Достижение ресоциализации возможно лишь тогда, когда осужденный после освобождения от отбывания наказания не имеет никаких проблем, связанных с социально-бытовым характером: проблема нахождения места работы, проблема нахождения жилья, денежное обеспечение и др.

Учитывая все вышесказанное, окончательная ресоциализация во время отбывания осужденным наказания невозможна. Во время отбывания наказания возможно сделать только определенные шаги для обеспечения ее достижения после освобождения от отбывания наказания.

Ряд специалистов в области уголовно-исполнительного права считает, что осужденные в местах лишения свободы должны работать. В пользу необходимости труда, по мнению С.Я. Фаренюка, следует отметить следующее:

- работать осужденным необходимо хотя бы для того, чтобы они смогли за заработанные деньги дополнительно приобрести себе продукты питания и предметы первой необходимости;
- занятые трудом осужденные имеют меньше времени на совершение правонарушений;
- работая физически, осужденные укрепляют свое здоровье;
- изготавливая определенную продукцию, они считают себя полезными для государства, общества, для своих родных;
- установлено, что труд дисциплинирует, развивает коммуникативные навыки;
- незанятость в сфере трудовой деятельности, нежелание работать, отсутствие легальных источников дохода не способствуют и отбыванию наказания, а процесс исправления и профилактики преступлений значительно усложняется [5, с. 16].

Основная роль при осуществлении исправления и ресоциализации осужденных возложена на следующие органы:

- центральный орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере исполнения уголовных наказаний;
- уголовно-исполнительные инспекции;
- учреждения исполнения наказаний;
- правоохранительные органы;
- органы исполнительной власти и местного самоуправления;
- образовательные учреждения;
- негосударственные организации [1, с. 21].

Таким образом, исправление и ресоциализация являются элементами цели наказания, они имеют тесную взаимосвязь с другим элементом – исполнением наказания, а также являются основными частями содержания государственного принуждения, которым и является по сути уголовное наказание в виде лишения свободы на определенный срок. Также следует отметить, что средства исправления и ресоциализации по своему содержанию направлены на предотвращение новых

преступлений осужденными, так и другими лицами. Именно из этого можно сделать вывод, что процесс исполнения наказания – это комплексная деятельность, которая реализуется системой предусмотренных законом средств и направлена на достижение цели, указанной в ст. 50 Уголовного кодекса Украины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумин, А. Н. Уголовно-исполнительное право Украины : учеб. пособие / А. Н. Гумин, К. Б. Марисюк. – Львов : Изд-во Львов. политехники, 2015. – 392 с.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Украины : действующее законодательство с изм. и дол. по состоянию на 1 сентября 2016. – М. : Половода, А. В., 2016. – 104 с.
3. Ващенко, Р. В. Организационно-правовые вопросы ресоциализации осужденных / Р. В. Ващенко // Проблемы пенитенциарной теории и практики : ежегодный бюл. Киев. ин-та внутрен. дел ; редкол.: В. М. Синев (глав. ред.) [и др.]. – М. : КИВС : МП Леся, 2003. – № 8. – 67 с.
4. Царюк, С. В. Уголовно-исполнительная характеристика осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях максимального уровня безопасности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. В. Царюк. – Днепропетровск, 2009. – 187 л.
5. Ковальский, В. Субъективная детерминация насильственной преступности молодежи / В. Ковальский, Л. Казмиренко // Совет. право. – 1990. – № 12. – С. 31–34.

УДК 343

Д.А. ЛЕЩИНСКАЯ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – Е.В. Романюк, преподаватель

ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Органы внутренних дел являются одним из основных субъектов профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними. В соответствии со ст. 20 Закона Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», специальными подразделениями органов внутренних дел, осуществляющими меры по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, являются инспекции по делам несовершеннолетних (далее – ИДН) и приемники-распределители для несовершеннолетних. Другие подразделения органов внутренних дел в пределах своей компетенции принимают участие в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также оказывают необходимое содействие инспекциям по делам несовершеннолетних и приемникам-распределителям для несовершеннолетних [1].

По действующему законодательству координация профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защита их прав возложена на ИДН. Также, согласно ч. 9 ст. 14 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, на ИДН по месту жительства осужденных возлагаются контроль и профилактическое

наблюдение за исполнением мер уголовной ответственности, не связанных с применением наказания.

Непосредственной задачей инспекций является выявление подростков, от которых, судя по их противоправным и антиобщественным поступкам, можно ожидать совершения преступлений, и постановка их на профилактический учет, который является специфической формой социального контроля. ИДН в пределах своей компетенции осуществляют огромный ряд функций. К ним относится выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение правонарушений либо совершающих в отношении несовершеннолетних правонарушения, а также родителей, опекунов или попечителей, не исполняющих или ненадлежащим образом исполняющих свои обязанности по воспитанию и содержанию несовершеннолетних, и, соответственно, предложения о применении к ним мер, предусмотренных законодательством. Немаловажной функцией ИДН является выявление несовершеннолетних, объявленных в розыск, а также находящихся в социально опасном положении, и направление их в соответствующие органы или учреждения. Также ИДН информируют заинтересованные органы о фактах безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних, им способствующих причинах и условиях; вносят предложения об устранении этих причин и условий, принимают участие в рассмотрении материалов о правонарушениях и осуществляют иные полномочия по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [1].

Одна из важных, не всегда в полной мере выполняемых задач – проведение индивидуальной профилактической работы в отношении несовершеннолетних. На практике ИДН с большим трудом справляются со своими обязанностями. Все это приводит к тому, что в процессе воспитательной, профилактической и правоохранительной деятельности меры одного уровня часто используются для решения задач другого уровня, на одно и то же учреждение возлагаются задачи, относящиеся к разным направлениям работы с подростками, а также комплексные задачи, требующие усилий нескольких органов.

Исходя из вышесказанного, считаем целесообразным организовать социальную службу помощи несовершеннолетним преступникам на базе ИДН, возложив на них обязанности по составлению отчета о социальном обследовании. Ведь когда подросток совершает преступление, с ним работают различные ведомства, но затем помощь и опека ослабевают. Если есть внутренняя склонность к преступлению, вероятность его совершения по достижению совершеннолетия увеличивается. Очевидно, что участие социальных работников потребует оптимизации кадрового состава инспекций и разработки порядка взаимодействия с различного рода социальными службами, а также создания методической базы социально-психологического сопровождения и подготовки специалистов соответствующей категории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 31 мая 2003 г., № 200-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.12.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

УДК 343.97

Я.И. ЛОЙКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – О.Н. Иванчина, кандидат философских наук, доцент

ГЕНЕЗИС ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Проблема сущностных черт личности преступника выступает одной из важнейших аспектов криминологии. На данный момент нет возможности выявить принципиальные отличия преступника от законопослушного человека. Поэтому данная тема является очень актуальной для исследования. Современная криминология выделяет пять основных типов личности преступника: насильственный, корыстный, пренебрегающий мерами безопасности, отказывающийся выполнять свои обязанности, случайный тип. Все категории преступников предполагают особые для каждого психологические черты, формирующиеся на протяжении длительного времени, чаще всего с раннего детства.

Личность человека конституируется в процессе социализации, т.е. является результатом отношений между людьми. Поэтому понятие «личность» отражает социальный аспект человека, в отличие от термина «индивид», который ассоциируется с биологическим началом человека. Тем не менее, важно подчеркнуть, что не только духовное, но и физическое начало человека может сыграть свою роль в становлении преступного поведения. Об этом можно говорить, зная, что телесность человека выступает основой формирования самосознания. Так, система ценностей здоровой и красивой личности может существенно разниться с мировоззрением больного и непривлекательного человека, несмотря на то, что процесс социализации у них мог быть практически идентичным.

Понятие личности преступника включает в себя не только внутренний аспект (самосознание), но и его внешние манифестации – преступное поведение. К. Маркс считал, что эти внутренняя и внешняя стороны бытия человека комплементарны друг другу: «Животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть эта жизнедеятельность. Человек же делает свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность – сознательная. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности» [1, с. 93]. Если марксисты были убеждены, что деятельность человека и его мировоззрение всегда тождественны, то психоанализ оказался способным проанализировать человека более глубоко, заявив, что не все бессознательные инстинкты человек способен полностью контролировать.

При этом юридическая психология констатирует, что особый характер психики преступника формируется в результате каких-то дефектов социализации. Основным институтом правовой социализации является семья. Если советская криминология в качестве причины таких дефектов называла алкоголизм родителей, социальное сиротство, то в настоящее время эти причины дополнены широким перечнем жизненных обстоятельств, в которых оказываются как дети, так и взрослые люди. Первичная правовая социализация, которую проходит ребенок, безусловно, играет более важную роль, чем вторичная социализация для взрослого. Дети, лишённые любви, психологического принятия и признания, копируют аморальное поведение взрослых, отказывая в любви, доверии и уважении всем окружающим. Поэтому для

ребенка очень важно видеть нравственный эталон поведения, который он и принимает за основную матрицу своих действий. И наоборот, проявление нетерпимости, грубости, агрессивности со стороны взрослых автоматически приводят детей к мысли, что такие способы коммуникации и проявления чувств являются нормой. Частые конфликтные ситуации, состояние «перманентного развода» родителей негативно влияют на психику детей, лишают их чувства безопасности в своем доме, приводят к ухудшению состояния их психического и соматического здоровья, снижают их восприимчивость к воспитанию и обучению. Отсутствие психологического комфорта в семье вынуждает подростка искать понимания и общения среди сверстников, иногда среди компаний с девиантным поведением. Включение ребенка в такую среду позволяет ему ощутить «принятие», «признание», солидарность с другими людьми, что может, в конечном итоге, вовлечь его в девиантное и даже противоправное поведение.

Однако далеко не всегда человек проявляет противоправное поведение в детском и подростковом возрасте. Взрослый возраст также переживает свои кризисы. Конкретные тяжелые жизненные обстоятельства также могут внести свой отрицательный вклад в мировоззрение человека, склонив его на путь преступного поведения.

Принято считать, что девиации, которые появились у человека в раннем возрасте, исправить и искоренить бывает сложнее, чем отклонения от нормы, которые впервые стали практиковаться во взрослом возрасте. Такая точка зрения сложилась на основе наблюдения за несовершеннолетними преступниками. Поэтому процесс воспитания требует не меньших вложений, чем процесс перевоспитания.

Нравственное воспитание не может полностью перечеркнуть природные основы человека. Однако белорусский исследователь Г.Г. Шиханцов подчеркивает, что нравственное развитие оказывает влияние и на биологические особенности человека. Мировоззренческие установки способны влиять как на темперамент, так и на восприятие фоновых явлений преступности [2, с. 12–13].

Таким образом, важнейшими аспектами, влияющими на генезис преступника, являются *биолого-психофизиологические* и *социально-культурные факторы*. Биологическое и социальное начала выступают в тесном взаимодействии. Более значимым фактором психического развития личности в настоящее время считается процесс социализации, т.е. благоприятная социальная среда со всеми ее институтами. Следовательно, включенный в общую систему воспитания и образования, свободный, психически здоровый человек может принимать сознательное решение: совершать либо отказаться от совершения противоправных деяний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс, К. Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1955–1981. – Т. 42. – 1974. – 535 с.
2. Шиханцов, Г. Г. Криминология : учебник / Г. Г. Шиханцов. – Минск : Изд-во Гревцова, 2009. – 296 с.

УДК 343.431

М.М. НАЗРУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Торговля людьми характеризуется высокой степенью общественной опасности, которая актуализирует противодействие ей.

В широкий обиход в мировой практике вошел термин, отражающий торговлю людьми во всех ее проявлениях – трафикинг (от англ. trafficking – незаконная продажа или перепродажа). В соответствии с Протоколом о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющими Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (Палермским протоколом) [1], с трафикингом связаны следующие преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК):

- торговля людьми (ст. 181 УК «Торговля людьми»);
- использование рабского труда (ст. 181¹ УК «Использование рабского труда»);
- похищение человека в целях эксплуатации (ст. 182 УК «Похищение человека»);
- незаконные действия по трудоустройству граждан за границей, повлекшие эксплуатацию людей (ст. 187 УК «Незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей»);
- сутенерство (ст. 171 УК 1960 г. в редакции 1999 г. «Содержание притона, сводничество и сутенерство», в настоящее время ответственность наступает по ст. 171 и (или) 171¹ УК);
- использование занятия проституцией (ст. 171 УК «Использование занятия проституцией или создание условий для занятия проституцией»);
- вовлечение в занятие проституцией (ст. 171¹ УК «Вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией») [2, с. 51].

Можно выделить отдельные основные формы торговли людьми, различающиеся сферой, в которой осуществляется эксплуатация людей.

Торговля людьми, особенно женщинами и детьми, с целью сексуальной эксплуатации, в т.ч.:

- для организации «гражданской» проституции;
- для организации проституции в местах военных действий и расположения войск;
- организация секс-туризма;
- для производства порнографии (особенно использование детей обоих полов для этой цели).

Торговля людьми в целях эксплуатации рабского труда, в т.ч.:

- в «потогонном производстве»;
- в неформальной и теневой экономике;
- при производстве контрафактной продукции;
- в домашнем хозяйстве (домашнее рабство);
- детский труд (мытьё машин, работа в сельском хозяйстве и т.п.) и др.

Торговля людьми, особенно детьми и инвалидами, с целью попрошайничества, в т.ч.:

- использование детей;
- использование инвалидов;
- «аренда» младенцев для попрошайничества.

Браки в целях эксплуатации (включая использование системы «невеста по почте»), в т.ч.:

- для использования человека в домашнем хозяйстве (домработницы и т.п.);
- для принудительного вынашивания и рождения детей;
- для обслуживания больных и престарелых родственников, детей и т.п.

Торговля людьми с целью принуждения к суррогатному материнству, репродуктивным функциям.

Торговля людьми для принудительной трансплантации органов и тканей.

Торговля детьми с целью принудительного усыновления/удочерения.

Торговля людьми с целью использования в вооруженных формированиях и т.п. [3].

Этот список остается открытым, т.к. торговля людьми – очень динамичное явление, и преступники, занимающиеся этим бизнесом, гибко подстраиваются под принимаемые против них меры, под изменения социально-экономической и политической ситуации, и появляются новые формы этого преступления.

Способы постановки человека в зависимость и в условия эксплуатации также многолики: изъятие и удержание документов, долговая зависимость, физическое насилие или угроза применения насилия, психологическое насилие, шантаж (например, угрозы депортации для нелегальных мигрантов, угрозы по отношению к родственникам жертвы, шантаж оглаской нежелательной информации, например, о занятии проституцией, и т.п.), ограничение свободы передвижения, общения с близкими и др.

Среди основных причин, способствующих возникновению и развитию явления торговли людьми, можно назвать следующие:

- низкий уровень жизни населения, особенно в экономически слабо развитых регионах, что ограничивает многим группам доступ к эффективной занятости, образованию и другим возможностям;
- существование теневой экономики, повышающей спрос на дешевый труд мигрантов и расширяющей возможности для трудовой эксплуатации;
- большое количество незаконных и часто криминальных посредников, предлагающих услуги по трудоустройству, как для белорусских граждан, так и для мигрантов, помощь мигрантам в оформлении необходимых разрешений, документов и т.д., а также наличие коррупции и недостаточная правовая урегулированность некоторых вопросов;
- недостаточное количество целевых информационных кампаний, позволяющих получить достоверную информацию о существующих легальных возможностях в сфере миграции и трудоустройства;
- кризис института семьи (рост насилия в семье, невнимание к детям и т.д.) [4, с. 87–88].

Этот список может быть продолжен, т.к. корни торговли людьми лежат и в сфере экономических, социальных и культурно-нравственных отношений.

Сегодня уголовно-правовое содержание торговли людьми выходит за пределы термина в общем понимании, а криминологическая характеристика позволяет уточнить перечень преступлений, с ней связанных и ей способствующих, а также выделить причины ставшего угрозой современного мира трафика.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Палермский протокол [Электронный ресурс] // Новости Беларуси. – Режим доступа: <http://www.newsby.org/by/2000/11/15/text15394.htm>. – Дата доступа: 12.10.2016.
2. Зинчук, К. Ю. Борьба с трафикингом: состояние, перспективы // К. Ю. Зинчук, А. С. Клюкач // Актуальные проблемы права и экономики : сб. материалов XVI Респ. научн.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Брест, 24 апр. 2015 г. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина ; редкол.: В. В. Лосев, Т. С. Силюк. – Брест : БрГУ, 2015. – Ч. 1. – С. 50–52.
3. Торговля людьми – рабство XXI века [Электронный ресурс] // Международная биржа труда для трудовых мигрантов.– Режим доступа: <http://gastrobaiter.com/aktualnye-statii/torgovlia-ludmi.html>. – Дата доступа: 15.10.2016.
4. Шиханцов, Г. Г. Криминология / Г. Г. Шиханцов. – Минск : Изд-во Гревцова, 2009 – 296 с.

УДК 343

В.К. ОКОРОВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – С.М. Храмов, кандидат юридических наук, доцент

МОТИВЫ УМЫШЛЕННЫХ ВОИНСКИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

Под мотивом преступления понимается то побуждение, которое сыграло решающую роль в выборе того или иного варианта поведения и в совершении преступного деяния. В основе мотива чаще всего лежат потребности. Потребности, присущие человеку, могут быть моральными, интеллектуальными, эстетическими и др. [1]. Помимо потребностей побуждениями к совершению преступления могут быть интересы и склонности. Решающее значение имеет то, какое место побуждение, лежащее в основе мотива, занимает в структуре личности, насколько это побуждение связано с общей направленностью личности. Особенность мотива любого воинского преступления определяется тем, что он является детерминантой преступного поведения, связанной с условиями воинской службы субъекта и возникающей из этих объективных условий. Мотивы воинских преступлений происходят именно из тех актуализированных потребностей, которые обуславливаются воинской средой, нахождением субъекта в определенной системе воинских отношений.

Мотив непосредственно связан с целью. Мотив определяет поведение человека не сам по себе, а лишь в связи с целью. Мотив и цель – понятия тесно связанные, но не тождественные. Они по-разному характеризуют волевой процесс, имеющий место при совершении преступного деяния. Мотив отвечает на вопрос, почему человек совершает то или иное действие, цель определяет, к чему человек стремится при совершении преступления.

Потребности, присущие человеку, могут быть моральными, интеллектуальными, эстетическими и др. [1]

Преступление – это форма выражения и объективизация мотивов преступления.

Преступление совершается непосредственно после того, как побуждение опосредовано осознанием действия и предвидением его дальнейших последствий.

Мотив преступления учитывается при решении вопроса о тяжести преступления (его квалификации), квалификации содеянного, назначения вида и размера наказания.

При назначении наказания, при решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности или освобождения от нее необходимо учитывать мотивы, которые отнесены к обстоятельствам, смягчающим и отягчающим наказание [2].

Мотивы должностных преступлений могут выражаться в виде корыстной заинтересованности либо иной личной заинтересованности.

Корыстный мотив является обязательным признаком состава преступления по ст. 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), хотя прямо об этом в ней не сказано. При отсутствии корысти, когда военнослужащий – должностное лицо – действует из иной личной заинтересованности, такое деяние получением взятки не является и может быть расценено только как злоупотребление.

Понятие корыстных побуждений сформулировано в ч. 10 ст. 4 УК: это мотивы, характеризующиеся стремлением извлечь из совершенного преступления для себя или для близких выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или своих близких от материальных затрат.

Иная личная заинтересованность может выражаться в стремлении, обусловленном такими побуждениями личного характера, как карьеризм, желание приукрасить действительное положение, скрыть свою некомпетентность и т.п.

На практике совершение военнослужащими должностными лицами умышленных деяний против интересов службы нередко обусловлено ложно понятыми интересами службы. Такой мотив необходимо разграничивать с корыстной или иной личной заинтересованностью.

Ложно понятые интересы службы являются частью общего понятия ложно понимаемых интересов служебной необходимости.

В реальности бывают случаи параллельного существования личных и ложно понятых служебных мотивов, руководствуясь которыми субъект совершает преступление. В таких случаях каждый из мотивов должен получать свою уголовно-правовую оценку как в рамках квалификации, так и при назначении наказания за воинское должностное преступление [3].

Таким образом, мотив является существенным признаком умышленных воинских преступлений. Кроме того, что он является одним из конструктивных признаков состава преступления, мотив формирует соответствующую цель, которая свидетельствует о направленности преступления против интересов военной службы. Содержание мотивов преступлений, совершаемых военнослужащими:

- нередко влияет на квалификацию преступлений;
- помогает правильно разграничить деяния, совершенные с различными формами и видами вины;
- влияет на характер и степень общественной опасности деяния;
- должно учитываться при индивидуализации ответственности и наказания за преступления, которые могут быть совершены как умышленно, так и неосторожно;
- должно влиять на пределы ответственности;
- способно определять преступность и наказуемость действий, совершенных в состоянии крайней необходимости;
- может характеризовать личность виновного, смягчать либо отягчать его ответственность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уланов, Д. Н. Психологические исследования / Д. Н. Уланов. – М., 2006. – 364 с.
2. Печников, Н. П. Мотив и цели, их значение в уголовном праве России : курс лекций / Н. П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2009. – 64 с.
3. Лукашева, Е. А. Мотивы поведения человека в правовой сфере / Е. А. Лукашева // Совет. государство и право. – 1972. – № 8. – С. 24.

УДК 343.9

Е.С. ПАБУЛЫ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ГРУППОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ХАРАКТЕРИСТИКА, СТРУКТУРА, ДЕТЕРМИНАНТЫ

Групповая преступная деятельность достаточно многогранная и многосторонняя. Криминология акцентирует внимание, наряду с прочим, на причинах групповой преступной деятельности, ее структуре с целью разработки мероприятий по предупреждению, профилактике.

Криминогенность преступной группы следует рассматривать как обобщенное и трансформированное на социальном фоне проявление ранее сформированных качеств и свойств личности правонарушителя, которые определяют возможность совершения преступлений в группе и постепенное развитие ее до более организованных форм преступной деятельности. Являясь в первую очередь системообразующим признаком групповой преступности, совместная преступная деятельность определяет, во-первых, количество образующих систему элементов, которым придает свойство необходимых компонентов. По сравнению с преступностью индивидуально действующих лиц в содержание групповой преступности входят, наряду с преступлениями и лицами, их совершающими, преступные группы, т.к. объединение усилий нескольких лиц рождает коллективного субъекта преступной деятельности. Во-вторых, совместная преступная деятельность существенным образом определяет характер и степень общественной опасности таких элементов системы, как преступление и лицо, совершившее преступление. Преступление в системе групповой преступности является совместно совершенным, т.е. групповым, а лицо, участвовавшее в его совершении, принадлежит к коллективному субъекту деятельности – преступной группе. Это повышает общественную опасность указанных элементов групповой преступности по сравнению с аналогичными элементами преступности индивидуально действующих лиц. В-третьих, совместная преступная деятельность через характер и степень общественной опасности группового преступления, его участников и преступную группу определяет характер и степень общественной опасности групповой преступности в целом. Групповая преступная деятельность, при прочих равных условиях, несет повышенную общественную опасность, т.к. в процессе ее осуществления происходит объединение усилий двух и более лиц ради достижения преступного результата, который мог бы и не наступить, если бы они действовали в одиночку.

Групповая преступность – довольно распространенное явление. При определенных колебаниях в ту или другую сторону ежегодно группой лиц совершается

около 30 % преступлений и более, в т.ч. по предварительному сговору – 15,5 %, организованной группой или преступным сообществом – 1,7 %. Некоторые преступления могут совершаться только как групповые, например, бандитизм, массовые беспорядки, участие в незаконном вооруженном формировании. Для других преступлений (видов, подвидов преступности) характерна довольно высокая доля соучастия (преступность несовершеннолетних, некоторые разновидности мошенничества и др.) [1].

Криминогенные детерминанты (причины и условия преступности) образуют сравнительно целостную совокупность составляющих их компонентов, т.е. систему. Сюда входят комплексы причин и условий отдельных видов преступлений, например, насильственных, корыстных, экономических и др., различаются и уровни криминогенных детерминант. Существенным фактором, влияющим на совершение преступлений преступными группами, является политическая нестабильность в обществе. Преступлениям, которые совершаются преступными группами, способствует и то, что противоправное поведение стало элементом образа жизни многих слоев населения. Уголовно-правовые запреты становятся менее действенными в условиях влияния одних лиц на других, что свойственно группе лиц. Фактором существования организованных форм преступности является и то, что она – при недостатках борьбы с ней – способна к самовосстановлению, осуществляет обратное негативное влияние на обстоятельства, что ее обуславливают. Одним из детерминантов группы преступности общеуголовной направленности есть криминальная субкультура. Ее детерминирующее влияние прослеживается также через наличие и распространение тюремной лирики, в которой отражается определенного рода «романтика» криминальной жизни. Установление конкретных причин длительного существования организованных преступных групп имеет значение для повышения результативности борьбы с этим преступным проявлением [2].

Комплексное исследование причин и условий групповых преступлений дает возможность планирования мероприятий, направленных на их предупреждение, а владение актуальными данными о структуре, понимание детерминации явлений повышают эффективность правоохранительной деятельности по пресечению групповой преступности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, А. И. Криминология : курс лекций / А. И. Алексеев // М. : Щит-М, 1999. – 340 с.
2. Гула, Л. Ф. Детерминанты совершения преступлений организованными преступными группами / Л. Ф. Гула // Общество: политика, экономика, право. – № 4. – 2014. – С. 36–38.

КОРРУПЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА БОРЬБЫ

Коррупция фактически стала глобальной проблемой современного общества, что выделяет необходимость использования передового мирового опыта борьбы с ней, но и не исключает некоторые особенности антикоррупционной деятельности в отдельных государствах – главное, решения, принимаемые в рамках борьбы с ней, должны быть адекватны вызовам: своевременными и достаточными.

Постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 31 января 2011 г. № 5/8/1/34/6 утвержден перечень коррупционных преступлений:

- хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК);
- легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 2 и ч. 3 ст. 235 УК);
- злоупотребление властью или служебными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 424 УК);
- бездействие должностного лица из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 425 УК);
- превышение власти или служебных полномочий, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 426 УК);
- незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 429 УК);
- получение взятки (ст. 430 УК);
- дача взятки (ст. 431 УК);
- посредничество во взяточничестве (ст. 432 УК);
- злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности (ст. 455 УК) [1].

Одними из самых заметных среди перечисленных продолжают оставаться хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (выражающееся в хищении бюджетных средств, в частности), злоупотребление властью или служебными полномочиями (выражающееся, например, в незаконном расходовании бюджетных средств), взяточничество (выражающееся в даче, получении взятки, посредничестве во взяточничестве). Анализ статистических показателей состояния выделенных видов коррупционной преступности, указанных в таблице, показывает их неустойчивый характер: за ростом следует значительное снижение, а за снижением – часто заметный рост (например, в 2013 г. было зарегистрировано 1 319 фактов взяточничества, в 2014 г. – 782, а в 2015 г. – 1 112 преступления) [2].

Таблица – Количество зарегистрированных отдельных коррупционных преступлений

Год	Зарегистрированные коррупционные преступление		
	хищение путем злоупотребления служебными полномочиями	злоупотребление властью или служебными полномочиями	взяточничество
2012	546	229	933
2013	597	299	1 319
2014	526	298	782
2015	703	279	1 112
2016 (I пол.)	546	170	759

Исходя из того, что предпосылок для столь высокой динамики, притом разнонаправленной, в общественной жизни не возникало, а также ввиду достаточно высокой инерционности социальных процессов, в т.ч. обуславливающих преступность, можно предположить, что она является отражением качества и некоторых особенностей правоохранительной деятельности, подтверждаемой также и разнонаправленной динамикой смежных коррупционных преступлений, что в совокупности отражает эффективность планирования борьбы с коррупционной преступностью – это актуализирует необходимость уточнение стратегии и тактики борьбы с коррупцией.

Не вызывают сомнений в эффективности и высоком потенциале новые принимаемые антикоррупционные меры (декларирование доходов и имущества, ограничения для государственных должностных лиц по управлению долями в уставных фондах коммерческих организаций и др.), однако это лишь подтверждает точность предлагаемой стратегии борьбы с коррупцией – постоянное совершенствование антикоррупционных мер, разработка и внедрение новых. Возможно, что как и часто иное решение, антикоррупционная мера с течением времени теряет свою эффективность, и после снижения показателей борьбы с коррупцией вновь принимаемая мера приносит свои результаты – сформулированная стратегия способна обеспечить высокую эффективность комплекса мероприятий даже при ее снижении по отдельным видам, направлениям деятельности. Внедрение новых мер предупреждения коррупционной преступности становится неотъемлемой и обязательной частью совершенствования методов борьбы с коррупцией.

Реальная продуктивность стратегии обеспечивается не менее результативным обеспечением и поддержкой на тактическом уровне. По мнению авторов А.В. Малько, Н.А. Лопашенко, И.Н. Коновалова и М.П. Петрова, для наиболее рационального подхода к антикоррупционной деятельности тактически правильно следовать приоритетам в реализации трех направлений антикоррупционной политики: начинать с раскрытия всего потенциала имеющихся в наличии антикоррупционных средств, затем уделять внимание ее профилактике и уже в последнюю очередь решать вопросы использования новых средств [3]. Необходимо предпринимать к уже имеющимся мерам борьбы с коррупционной преступностью дополнительные меры, однако важно повышать и эффективность уже реализуемых, перспективно проведение регулярного

мониторинга эффективности реализуемых антикоррупционных мер, выявление наиболее уязвимых в этом плане позиций, принятие своевременных шагов по их изменению и дополнению. В частности, необходимо повышение качества кадровой работы (подбор и расстановка кадров) – антикоррупционным потенциалом обладает и ротация кадров.

Верная стратегия и грамотная тактика антикоррупционной деятельности являются фундаментом для эффективной борьбы с коррупцией, что обуславливает работу над ними как первостепенную и системообразующую задачу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Перечень коррупционных преступлений [Электронный ресурс] : постановление Генер. прокуратуры Респ. Беларусь, Ком. гос. контроля Респ. Беларусь, Оператив.-аналит. центра при Президенте Респ. Беларусь, М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, Ком. гос. безопасности Респ. Беларусь, 31 янв. 2011 г., № 5/8/1/34/6 // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2016

2. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by>. – Дата доступа: 20.10.2016 г.

3. Проект концепции антикоррупционной политики в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Саратовская государственная юридическая академия. – Режим доступа: <http://nio.sgap.ru/files/konf-old/2007-2010/27-02-07-3.doc>. – Дата доступа: 24.10.2016.

УДК 343.9

В.А. ТЕЛЕШ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ЛАТЕНТНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Латентная преступность – совокупность преступлений, не нашедших отражение в уголовно-правовой статистике. Проблема латентности особенно актуальна не только для определения объема, интенсивности (уровня) преступности и выявления ее объективных показателей, но и как существенный криминогенный фактор [1, с. 47].

В латентной преступности обычно выделяются две части:

- скрытая преступность, не выявленная правоохранительными органами в силу специфики самих преступлений, отношения к содеянному со стороны потерпевшего и иных обстоятельств;
- скрываемая преступность, не нашедшая отражения в статистических учетах в результате неправомерных действий должностных лиц правоохранительных органов.

В первом случае акцент делается на нежелании потерпевшего или иных лиц, которым известно о преступлении, сообщить об этом компетентным органам. Например, супруг принимает значительную дозу алкоголя и на почве возникшей агрессии наносит удары своей супруге, причинив телесные повреждения, которая часто не желает обращаться за помощью в правоохранительные органы. Этому находят

различные объяснения со стороны жертвы: о том, что она не может написать заявление на любимого и близкого человека, отца детей.

Причиной латентности могут быть действия некоторых должностных лиц: отказ, уклонение от регистрации заявлений, с которыми обращаются потерпевшие, неверная юридическая оценка (разграничение правонарушения различных видов, в частности), иное.

Наиболее существенными факторами, обуславливающими существование скрытой преступности, являются:

- нежелание огласки интимных сторон жизни (особенно это характерно для такого вида преступлений, как изнасилование);
- малозначительность причиненного преступлением ущерба (мелкие хищения, кражи личного имущества граждан, когда потерпевшему причиняется не столь значительный для него ущерб);
- причинение легкого вреда здоровью и ряд других преступлений;
- отсутствие времени у потерпевшего для подачи заявления и разбирательства случившегося;
- неуверенность в неизбежности наказания преступника (такая неуверенность возникает потому, что у некоторой части граждан сложилось ложное представление о «всесильности» преступников и ограниченных возможностях милиции и других правоохранительных органов);
- особые взаимоотношения потерпевшего либо свидетелей с преступником: родственные связи, зависимость по службе, боязнь разглашения преступником компрометирующих потерпевшего сведений;
- боязнь угроз преступника совершить в отношении потерпевшего рэкет, похищение детей, насилие;
- дефекты правосознания (некоторые потерпевшие рассматривают преступление только как нарушение их личных интересов, никак не связывая его с опасностью для общества и принципом неотвратимости наказания за совершенное противоправное деяние);
- неблагоприятное поведение потерпевшего (связи с преступником, при которых со стороны потерпевшего допускались отступления от норм нравственности и морали, а иногда и прямые нарушения закона, что в большей степени характерно для жертв мошенничества и вымогательства);
- сложный, замаскированный характер преступных деяний (хищений путем присвоения, растраты, взяточничества, мошенничества и т.п.), затрудняющий установление правоохранительными органами самого факта совершения преступления [1, с. 47–48].

Неотъемлемыми последствиями латентности преступности являются:

- искажение представления о фактическом состоянии, уровне, структуре, динамике преступности, о величине и характере ущерба, причиненного обществу преступными деяниями, о которых говорилось выше;
- препятствие реализации принципа неотвратимости ответственности за совершенные преступления одного из важнейших принципов уголовного закона. Мировая практика борьбы с преступностью убеждает, что нарушение принципа неотвратимости ответственности является сильным катализатором преступности;

- рост преступности, особенно рецидивной, когда на человека, укравшего кошелек в автобусе, потерпевший не заявил в силу отсутствия времени; преступник подумает, что он ловко это сделал и остался незамеченным, и сделает это еще раз, и станет это заработком;

- снижение достоверности прогнозов преступности, затрудняющее определение основных направлений борьбы с ней;

- снижение авторитета правоохранительных органов;

- снижение активности граждан в борьбе с преступностью [1, с. 47].

Для криминологического анализа признаков и показателей преступности как зарегистрированной, так и латентной важно обращаться к самым разнообразным источникам информации. В практической деятельности наиболее часто используются следующие из них:

- статистические отчеты о преступности;

- результаты обобщения уголовных дел и материалов о преступлениях;

- данные социально-экономической, социально-демографической и другой статистики;

- результаты криминологических исследований, а также изучения общественного мнения о преступности.

Перспективными направлениями также являются:

- данные об административных правонарушениях;

- данные учреждений образования, здравоохранения;

- данные органов социальной защиты населения.

Необходимо совершенствовать непосредственно методику криминологических исследований, направленных на решение проблемы латентности: в дополнение к социологическим и статистическим методам активнее применять психологические методы (проективные, аффективные тесты, опросники и др.) [2], объектами которых могут быть как потенциальные правонарушители, так и жертвы.

Борьба с латентностью преступлений, как особой криминологической проблемой, представляется одним из приоритетов правоохранительной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминология : учебник для вузов / под ред. проф. В. Д. Малкова – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юстицинформ, 2006. – 528 с.

2. Шиханцов, Г. Г. Криминология [Электронный ресурс] / Г. Г. Шиханцов // ГрГУ имени Я. Купалы. – Режим доступа: <http://ebooks.grsu.by/criminal/3-mery-borby-s-korrupsionnoj-prestupnostyu.htm>. – Дата доступа: 10.10.2016.

УДК 343

Е.С. ХОДАН

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СУДИМОСТИ

Судимость существенно влияет на правовое положение человека, определяющее во многих случаях его социальную позицию и роль в обществе. Наличие судимости

устанавливает некоторые правовые ограничения, а погашение и снятие судимости, в свою очередь, позволяют эти ограничения снять. Именно поэтому к вопросу погашения или снятия судимости следует подходить с особым вниманием, учитывая вопросы о правовой сущности и социальной природе судимости. Судимость имеет прямое отношение к исполнению наказания, адаптации лиц, отбывших наказание – проблеме сложной и многогранной, охватывающей комплекс вопросов нравственного, психологического и практического характера по социализации личности.

Судимость – это правовое состояние лица, осужденного к уголовному наказанию за совершение преступления. Данное правовое состояние находит формальное выражение в обвинительном приговоре суда и реализуется в определенных правоограничениях в период с момента вступления приговора в законную силу и до момента погашения или снятия этого правоограничительного состояния. Социально-правовая природа судимости состоит в том, что этот правовой феномен относится к правоизменяющим юридическим фактам, с которыми в то же время связано возникновение, существование и прекращение особой разновидности уголовно-правового отношения. Судимость имеет для граждан уголовно-правовые и социальные последствия. В первом случае подразумевается, что статус осужденного будет учитываться при повторном совершении преступления – рецидиве, и выборе меры наказания. Социальные последствия, которые имеет судимость, заключаются не только в том, что осужденному трудно адаптироваться в обществе, – указанному лицу будет невозможно занятие ряда должностей, службы в правоохранительных органах, получение лицензии, связанной с оружием и др. Часто несовершеннолетние, совершившие преступления, не могут обозначить цели своего поведения, т.е. совершенное могло иметь ситуационный или случайный характер, но совершенный проступок может иметь последствия для всей его дальнейшей жизни. Вот почему необходимо родителям приложить все усилия к профилактике подростковой преступности. В этом деле положительное влияние семьи трудно переоценить. Уголовным законодательством Республики Беларусь предусмотрены погашение и снятие судимости. Погашение судимости – это аннулирование (отмена) государством правовых последствий, связанных с осуждением лица, которое осуществляется автоматически при условиях, предусмотренных уголовным законом. При погашении судимости, с правовой точки зрения, лицо считается не совершавшим преступления, не привлекавшимся к уголовной ответственности, не подвергавшимся наказанию и не отбывавшим его [1, с. 564; 2; 3, с. 187]. Снятие судимости осуществляется, когда не истек установленный в законе срок погашения судимости и если своим поведением лицо доказало, что ведет законопослушный образ жизни [4]. Погашенная или снятая судимость никак не влияют на квалификацию вновь совершаемых преступлений, на назначение наказания и на иные вопросы применения мер уголовно-правового воздействия.

Вместе с погашением, снятием судимости прекращаются и уголовно-правовые последствия, однако социальные и некоторые иные правовые все-таки нет: это подчеркивает общественную опасность совершенного преступления, с одной стороны, и выделяет социальную проблему, с другой стороны. Действующее законодательство не содержит специального акта, который давал бы перечень правовых ограничений, связанных с наличием судимости. Все социально-правовые последствия, связанные с судимостью можно классифицировать по группам. Основаниями в данной классификации выступили отношения, регулируемые различными отраслями права:

- правоотношения в сфере защиты конституционного строя, осуществления охраны правопорядка и отправления правосудия;
- правоотношения в части трудовой деятельности;
- правоотношения, регламентирующие правовой статус лица;
- правоотношения в сфере военно-служебных отношений;
- правоотношения в области избирательного права;
- правоотношения, регулирующие вопросы защиты семьи, материнства и детства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий [и др.] ; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.
2. Марчук, В. Понятие и правовые последствия судимости в действующем законодательстве Республики Беларусь / В. Марчук // Право.by. – 2009. – № 1. – С. 35–42.
3. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 663 с.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

УДК 343.97

А.Д. ЧЕРЕДНИЧЕНКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – О.Н. Иванчина, кандидат философских наук, доцент

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Преступность несовершеннолетних не является более распространенной, чем преступность среди взрослых. Однако, несмотря на довольно низкий удельный вес преступности несовершеннолетних в общей структуре преступности, эта проблема является очень актуальной, т.к. исправление несовершеннолетнего преступника – процесс сложный и важный для всего общества. Вовремя предпринятые эффективные меры воздействия на подростка предотвращают его превращение в рецидивиста. А для общества предотвращение преступности гораздо более выгодно во всех отношениях, чем уголовное наказание.

Причинами и условиями делинквентного поведения несовершеннолетних могут выступать те же явления и процессы, что и у взрослых преступников [1]. Но преступность несовершеннолетних имеет свои специфические детерминанты, которые складываются в целостный комплекс: возрастные психологические особенности, сложные жизненные ситуации, поиск собственной идентичности и др. Однако чаще всего деформации нормальной правовой социализации у несовершеннолетних являются отражением неблагоприятных внешних условий [2]. Если ранее криминологи утверждали, что самым криминогенным фактором, провоцирующим делинквентное поведение подростков, является дурное влияние родителей-алкоголиков, то в настоящее время этот фактор стал более широким – *кризисная, неблагополучная семья*. При этом родители могут быть вполне законопослушными людьми, однако их

нравственное состояние оставляет желать лучшего. Именно такая семья чаще всего в настоящее время воспитывает человека, способного в будущем совершать преступления. Кризис института семьи в настоящее время проявляется в отсутствии должного родительского внимания к детям, их воспитания (развития, поощрения, наказания, обеспечения всем необходимым для жизни).

Как итог длительного кризиса семьи, искажения гендерных ролей явилось увеличение размеров *социального сиротства* детей. Ребенок оказывается брошенным при живых родителях, попадает в приют или детский дом. Надо заметить, что данный феномен практически отсутствует в мусульманской культуре и характерен для постсоветских обществ. Скрытым социальным сиротством является невыполнение родителями своих обязанностей по воспитанию и развитию собственных детей. Если ребенок ощущает себя ненужным для родителей, чувствует себя обузой для взрослых, то практически всегда несовершеннолетний манифестирует какие-либо девиации (депрессии, суицидальные настроения, деликты). Тяжелое материальное положение семьи становится тем фактором, который способствует отдалению детей от родителей. Когда взрослые заняты тяжелым трудом, у них не остается ни сил, ни времени на духовное общение с детьми. Это не может не отразиться на мировоззрении и системе ценностей подростка. Искажение гендерных ролей приводит к снижению нравственного состояния общества, к деформированному отношению к детям, которые могут вытесняться из духовного пространства семьи и даже собственного дома.

Как и у взрослых преступников, для несовершеннолетних правонарушителей важным причинным фактором является *социальная несправедливость*, социальное расслоение, значительный разрыв в материальном обеспечении детей-выходцев из различных социальных слоев. Взрослые люди могут находить какие-либо логические оправдания для социального неравенства. Дети, которые воспринимают мир в первую очередь на уровне эмоций, не видят оправдания тому, что их родители не могут обеспечить им достойное качество жизни. Если взрослые могут признавать тот факт, что большие доходы получают те, кто много работает и приносит много социальной пользы, то дети убеждены, что им просто не повезло родиться в бедной семье. Зависть и отчаяние сменяются озлоблением и агрессией, побуждающими несовершеннолетних устраивать свой собственный «передел собственности», «социальный порядок» и «равенство возможностей».

Среди психологических особенностей подростков потребность в принятии их сверстниками является одной из ведущих. Поэтому включение несовершеннолетнего в группу с асоциальным поведением является важным фактором, способствующим противоправному поведению. Дорожа членством в такой группе, подросток начинает копировать асоциальное поведение [3].

Для становления правопослушного поведения несовершеннолетних очень важна *профилактическая работа правоохранительных органов*. Именно своевременное напоминание, информирование об ответственности за определенные деяния способствуют эффективной превенции.

Отсутствие культурного досуга и развития. Учеба, работа, занятия спортом, культурный досуг – все эти формы времяпрепровождения являются препятствием для вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность [3].

Негативное воздействие визуальной культуры, *сми* также выступает фактором деструктивного влияния на детей и подростков. В художественных произведениях имеет место процесс романтизации личности преступника и его преступной

деятельности. Культивация жестокости и насилия негативно влияет на психику взрослого человека, а тем более – на сознание несовершеннолетнего.

Среди *психологических аспектов* причин подростковой преступности важно отметить такие особенности, как переживаемые ими процессы «поиска себя», самоидентификации себя с конкретной группой, снижение «чувства опасности», самоакцентуация.

Следовательно, противоправное поведение подростков является результатом социальной дезадаптации. На фоне ослабления социально полезных связей (семья, школа, правопослушные сверстники) может обостриться внутриличностный кризис подростка, приводящий нередко к зависимостям и практике асоциального поведения. Поэтому необходимо комплексное профилактическое воздействие на несовершеннолетних, основанное на:

- признании ценности личности человека, на эффективной правовой защите несовершеннолетних;
- осуществлении на государственном уровне позитивной практики восстановления роли семьи как социального института, что позволит предотвратить как социальное сиротство, так и преступность несовершеннолетних.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиханцов, Г. Г. Криминология [Электронный ресурс] / Г. Г. Шиханцов // ГрГУ имени Я. Купалы. – Режим доступа: <http://ebooks.grsu.by/criminal/3-mery-borby-s-korrupsionnoj-prestupnostyu.htm>. – Дата доступа: 10.10.2016.

2. Баймурзаева, Р. А. Причины и условия преступности несовершеннолетних (на примере Республики Дагестан) [Электронный ресурс] / Р. А. Баймурзаева, С. Б. Баймурзаев. – Режим доступа: <http://juvenjust.org/txt/index.php/t355.html>. – Дата доступа: 30.10.2016.

3. Причины и условия преступности несовершеннолетних [Электронный ресурс] // FreeDiamond. – Режим доступа: http://criminology-info.ru/index.php?action=full_article&id=538. – Дата доступа: 20.10.2016.

УДК 343.9

В.Ю. ШВАБ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

МОШЕННИЧЕСТВО В СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК ОБЪЕКТ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из самых распространенных видов преступлений современности в сети Интернет является мошенничество. При этом с каждым днем появляются все новые его формы, виды и способы. Такая популярность хищения чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием посредством сети Интернет легко объяснима: Интернет позволяет выдавать себя за другого человека, изменяя данные о возрасте, социальном статусе и других идентификационных признаках, что является преимуществом при совершении мошенничества посредством глобальной сети.

Большое количества потенциальных жертв интернет-мошенничества обуславливают его виктимологическое исследование.

Ст. 209 Уголовного Кодекса Республики Беларусь определяет мошенничество как завладение имуществом либо приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием [1]. Интернет-мошенничество – это разновидность компьютерного мошенничества, в котором используется определенная компьютерная технология Интернет. Под компьютерным мошенничеством понимают завладение денежными средствами или причинение имущественного вреда путем использования банкоматов, сети Интернет, игровых автоматов, а также путем манипуляций со средствами ввода-вывода и с использованием сотовой телефонной связи [2].

Поведение и личность потерпевшего могут играть существенную роль в мотивации преступного поведения и создании ситуации, в которой такое поведение становится возможным. Виктимность – это способность лица по разным основаниям становиться жертвой преступлений. На способность стать жертвой преступления в основном влияет несоблюдение элементарных, известных потерпевшему правил безопасности, либо незнание таких правил. Большая часть правил не закреплена законом и нередко носит бытовой характер. В криминологии уже давно известны зависимости между личностью, состоянием, поведением жертвы и вероятностью стать жертвой традиционных видов преступлений, таких как: убийство, кража, изнасилование и т.д. История преступности в сети Интернет измеряется пока несколькими десятилетиями.

Можно выделить два вида виктимности лица к компьютерному мошенничеству: общую виктимность, которая детерминирует все виды и способы компьютерного мошенничества, и индивидуальную виктимность, которая присуща только одному или нескольким способам совершения компьютерного мошенничества.

Несмотря на то, что большинство авторов выделяет техническую неграмотность пользователя как основную причину виктимности, осуществление интернет-преступления не ограничивается только использованием узкотехнических приемов. Например, компьютерные пароли потерпевшего можно получить, представившись системным администратором сети по телефону, или создать интернет-сайт, похожий на благотворительный, и обманом собирать деньги. Подобные способы совершения компьютерных и интернет-преступлений, где преступная цель достигается не с помощью технических приспособлений или компьютерных программ, а с помощью обмана, иногда при непосредственном контакте с потерпевшим, объединены в группу методов, называемую «хакерами» «социальной инженерией». Представляется, что данные методы хорошо проработаны и известны профессиональным интернет-преступникам. Например, известный хакер Кевин Митник издал книгу *Art of Intrusion* (рус. – «искусство вторжения»), электронными копиями которой завален весь «хакерский» Интернет. Большая часть этой книги посвящена методам обмана и получения нужной информации не «компьютерными» способами. Сам он не раз в ходе своей преступной карьеры применял «социальную инженерию», представляясь сотрудником телефонной компании, копаясь в мусоре (для поиска информации о паролях и учетных записях). Заметим, что в отличие от технических приемов, описанных в его книгах, которые уже устарели, нетехнические методы актуальны и сейчас. Т.е. для того чтобы не стать жертвой интернет-мошенничества, кроме технической защиты своей компьютерной системы необходимо эффективно противостоять «взлому мозга», как иногда называют хакеры обман. Наиболее распространенными нетехническими ошибками, которыми пользуются интернет-мошенники, являются: передача паролей другому лицу и покупки в незнакомых

интернет-магазинах. Потерпевшие в результате компьютерного мошенничества в большинстве случаев (70,3 %) не знакомы с жертвой.

Такие особенности Интернет, как анонимность и возможность доступа из любой точки мира, позволяют мошенникам совершать преступления в масштабах всей планеты и против граждан любой страны. По данным Центра анализа интернет-мошенничества (Internet Fraud Complaint Center) почти 43 % всех случаев мошенничества, зафиксированных в последние годы, произошло именно с участниками аукционов. Каждый пятый потерпевший (18–22 %) был обманут нечестными продавцами товаров и услуг, а около 15 % инцидентов было связано с так называемыми «нигерийскими письмами» (предложениями о помощи в вывозе за пределы страны крупных денежных сумм). И только в 1,4 % криминальных ситуаций виновными оказывались предприятия электронной торговли. Бизнес-структуры страдают гораздо больше, чем частные лица. Мужчины становятся жертвами подобных преступлений чаще, чем женщины, а пожилые люди чаще, чем молодые [3].

Результаты исследования подтверждают важность выделения интернет-мошенничества в объект виктимологического исследования, которое в свою очередь позволяет уточнить меры профилактики, реализуемые в отношении потенциальных жертв интернет-преступников:

- во-первых, важно создать систему мер правовой пропаганды и повышения уровня правосознания;
- во-вторых, выстроить эффективную криминологическую профилактику, направленную на повышение технического уровня пользователей;
- в-третьих, привлекать к работе модераторов отдельных ресурсов с целью мониторинга ресурсов и выявления мошеннических схем, с которыми могут столкнуться пользователи;
- в-четвертых, внедрять новые технологии, программные продукты в сфере компьютерной безопасности, доступные рядовым пользователям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Сабадаш, В. В. Современное состояние проблемы распространения мошенничества в Интернете [Электронный ресурс] / В. В. Сабадаш // Центр исследования компьютерной преступности Crime Research. – Режим доступа: <http://www.crimeresearch.ru/articles/Sabadash1204/7>. – Дата доступа: 10.09.2016.

3. Зыков, Д. А. Виктимологические аспекты предупреждения компьютерного мошенничества : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д. А. Зыков. – Владимир, 2002. – 211 л.

УДК 343.9

И.А. ЯНЧУК, В.И. ШАШ

БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

МОДЕЛЬНЫЙ БИЗНЕС: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТ

Модельный бизнес ввиду внешнего эффекта часто выглядит весьма привлекательно для молодого поколения.

По словам организатора ряда конкурсов красоты в России Дмитрия Смирнова, одной из преобладающих составляющих модельного бизнеса являются деньги. Мода, модельный бизнес приобретают глобальные размеры, привлекая к себе все больше поклонников, подчиняя себе их поведение, из-за чего криминологическим вниманием этот массовый феномен не может быть обойден. Актуальность криминологического исследования модельного бизнеса обусловлена и тем, что в отечественной социологии и криминологии отмечается появление интереса на биологические интерпретации природы человеческого поведения, в т.ч. на различного рода учения о бессознательном, корнящегося в инстинктах человека [1].

В правоохранительных органах не ведут отдельной статистики преступлений в модельном бизнесе. Однако анализ судебной и следственной практики показывает сложную структуру преступности.

Одним из самых «громких» в Беларуси можно выделить уголовное дело в отношении девяти руководителей модельных агентств, приговоренных весной 2007 г. за торговлю людьми. По мнению суда, на протяжении 5 лет в стране действовала международная преступная организация, куда вошли директора гомельского агентства моделей «Грация», могилевского «Модель Люкс», бобруйского «Бобруйск Бомонд», минского «Зара», председателя объединения «Детский спортивно-творческий центр “София”». В деле собраны доказательства более 650 сделок и более 100 эпизодов сводничества с моделями, выезжавшими в ОАЭ на кастинги и показы, после которых бывали встречи личного характера с состоятельными арабами [2].

Достаточно частыми, как показывает опыт других государств, в сфере модельного бизнеса совершаются насильственные преступления против жизни и здоровья. Начинаящую модель из Сочи Элеонору Кондратюк в 1999 г. на глазах у подруг облили серной кислотой. «Истории, когда моделей обливают кислотой конкуренты или бывшие супруги, ужасны, но в принципе объяснимы: красота – главное преимущество этих девушек. Лишившись ее – они автоматически теряют все» [3].

В 2013 г. состоялось судебное разбирательство по делу белорусского модельера Александра Варламова, которому было предъявлено обвинение в совершении мошенничества, хищения путем злоупотребления служебными полномочиями, присвоении имущества, уклонении от уплаты налогов, злоупотреблении служебными полномочиями [2].

В последнее время становится очевидной связь модельного бизнеса и сферы торговли людьми – трафикинга.

Выделенные формы противоправной преступной деятельности в сфере моды позволяют говорить о том, что криминологическая характеристика модельного бизнеса не совпадает по своему содержанию с иными имеющимися (торговлей людьми, в частности) – это отдельная сфера деятельности, которая, тем не менее, имеет свойственные ей признаки:

- высокий общественный интерес (мероприятия, связанные с модельным бизнесом, традиционно привлекают общественность);
- относительно узкий круг участников модельного бизнеса (несмотря на достаточно высокую популярность, круг участников ограничен – представители бизнеса как организаторы и др.);
- заинтересованность в противоправной деятельности преступников и, часто, жертв (так, потерпевшие по уголовным делам часто не имеют претензий к лицам, совершившим преступления [2]);
- высокие бюджеты мероприятий, связанных с модельным бизнесом (например, каждому официально направленному в командировку за рубеж белорусскому участнику выплачивалось порядка 200 евро в сутки [2]);
- многообразие форм преступной деятельности (хищение денежных средств, предназначавшихся для финансирования мероприятий, торговля людьми, преступления против здоровья и др.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зиммель, Г. Психология моды / Г. Зиммель // Научное обозрение / пер. с нем. – 1901. – № 5. – С. 45–52.
2. В среду, 13 февраля [Электронный ресурс] // ООО «ТУТ БАЙ МЕДИА». – Режим доступа: <http://m.tut.by/news/society/334741.html>. – Дата доступа: 10.10.2016.
3. Ужасы модельного бизнеса [Электронный ресурс] / Интернет-радио Диалог. – Режим доступа: http://www.radio-dialog.ru/content/articles/index.php?ELEMENT_ID=1110. – Дата доступа: 09.10.2016.

СЕКЦИЯ 3
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

УДК 343

Т.Н. БЛОШУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – О.В. Глухова, старший преподаватель

**АДВОКАТ ДЛЯ СВИДЕТЕЛЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Ст. 62 Конституции Республики Беларусь гарантирует каждому право на юридическую помощь для осуществления законных прав и свобод, в т.ч. право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, органах местного управления, на предприятиях, в учреждениях, организациях, общественных объединениях и в отношениях с должностными лицами и гражданами.

Как известно, одним из основополагающих принципов уголовного процесса, наряду с законностью, является принцип равенства граждан перед законом и равенства защиты их прав и законных интересов. Данный принцип нашел свое отражение в ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), нормы которой определяют, что все лица, участвующие в уголовном процессе, равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту их прав и законных интересов. Производство по материалам и уголовному делу осуществляется на основе равенства граждан перед законом независимо от их происхождения, социального, должностного и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, политических и иных убеждений, отношения к религии, пола, образования, языка, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств. Каждый имеет право в ходе производства по материалам и уголовному делу на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в т.ч. право пользоваться в случаях и порядке, предусмотренных законодательством, юридической помощью адвокатов и других своих представителей.

При этом положения УПК не регламентируют порядок пользования услугами адвоката гражданами, участвующими в уголовном процессе в качестве свидетелей, в отличие от подозреваемых, обвиняемых и потерпевших, в отношении которых данное право нашло свое прямое закрепление. Более того, свидетель предупреждается об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и отказ или уклонение от дачи показаний по стст. 401, 402 Уголовного Кодекса Республики Беларусь.

Существуют случаи, когда из-за отсутствия достаточного количества доказательств по тому или иному уголовному делу лицо вызывается правоохранительными органами в качестве свидетеля для дачи показаний, а в последующем этому же лицу, в т.ч. и на основании материалов, полученных в ходе допроса последнего, предъявляют обвинение.

В Решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 2 июля 2015 г. № Р-989 «О праве граждан, выступающих свидетелями в уголовном процессе, на юридическую помощь» указывается, что отсутствие в УПК нормы, закрепляющей обязанность органа, ведущего уголовный процесс, допустить адвоката к участию

в уголовном процессе в качестве представителя свидетеля на практике не позволяет в должной мере реализовать гарантированное Конституцией право на юридическую помощь, в т.ч. при проведении следственных и иных процессуальных действий с участием свидетеля.

Кроме того, показания свидетеля, данные в присутствии адвоката, по мнению Конституционного Суда, будут обладать большей степенью достоверности и юридической значимости для принятия законного и обоснованного решения по уголовному делу.

Таким образом, Конституционный Суд пришел к выводу, что в УПК имеется пробел правового регулирования в части реализации права граждан, выступающих свидетелями в уголовном процессе, на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в т.ч. права пользоваться в любой момент помощью адвокатов. Указанное право, по мнению Конституционного Суда, подлежит обеспечению на всех стадиях уголовного процесса и не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах.

Кроме того, участие адвоката как представителя в ходе допроса своего доверителя по уголовным делам выступает дополнительной гарантией соблюдения должностным лицом органа, ведущего уголовный процесс, законодательных требований относительно продолжительности допроса, недопустимости наводящих вопросов, оформления протокола, а также точного изложения в нем показаний, данных свидетелем и др.

Соглашаясь с мнением Конституционного Суда и на основании вышеизложенного, представляется возможным сделать вывод о том, что в ч. 3 ст. 60 УПК Республики Беларусь необходимо добавить п. 6 следующего содержания: свидетель имеет право «на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в т.ч. право пользоваться помощью адвокатов».

УДК 343.326

А.В. БОРУК

Львов, НУЛП

Научный руководитель – В.С. Канцир, доктор юридических наук, профессор

НЕГЛАСНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ И ОТДЕЛЬНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Уголовно-процессуальный кодекс Украины (далее – УПК Украины), предусматривающий систему негласных следственных (розыскных) действий, обеспечивает органам досудебного расследования возможность тайного получения информации о готовящемся или совершенном преступлении. Негласные следственные (розыскные) действия, закрепленные гл. 21 УПК Украины, по сути и содержанию проводимых действий коррелируют с оперативно-розыскными мероприятиями, закрепленными ч. 1 ст. 8 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности». Так, подразделения, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, могут негласно выявлять и фиксировать следы тяжкого или особо тяжкого преступления, документы и другие предметы, которые могут быть доказательствами подготовки

такого преступления или получать разведывательную информацию, в т.ч. путем проникновения и обследования публично недоступных мест.

Данному мероприятию в уголовном производстве отвечает проведение негласного следственного (розыскного) действия, определенного ст. 267 УПК Украины «Обследование публично недоступных мест, жилища или иного владения лица». Отдельные нормы ч. 1 ст. 8 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности», с учетом изменений, внесенных от 23.12.2015 г., построенные как бланкетные и ссылаются на отдельные статьи УПК Украины, устанавливающие порядок проведения негласных следственных (розыскных) действий. Учитывая это, можно сделать вывод, что оперативно-розыскные мероприятия и негласные следственные (розыскные) действия являются однородными по организационно-правовым критериям и отличаются преимущественным образом по правовому статусу и субъектному составу. Проведение оперативно-розыскных мероприятий может осуществляться только уполномоченными оперативными подразделениями, а негласные следственные (розыскные) действия – следователем, прокурором или по их поручению – уполномоченным оперативным подразделением. Кроме того, оперативно-розыскные мероприятия будут проводиться с целью выявления, предупреждения и раскрытия готовящегося преступления, а негласные следственные (розыскные) действия будут направлены на выявление и проверку информации, необходимой для расследования уже совершенного преступления [1, с. 111–113].

Анализируя зарубежное законодательство, следует сделать вывод, что в Украине был учтен наиболее прогрессивный мировой опыт в правовом регулировании использования в досудебном расследовании негласных форм и методов получения информации о готовящемся или совершенном преступлении. В частности, в УПК Украины представлен наиболее широкий спектр негласных следственных действий, по сравнению с процессуальным законодательством ряда зарубежных стран. Небольшое сравнительное исследование можно провести на примере Уголовно-процессуального кодекса ФРГ (далее – УПК ФРГ), поскольку процессуальная модель досудебного расследования преступлений, заложенная в нем, подобная той, что представлена в УПК Украины. В частности, §§ 99–100 УПК ФРГ устанавливают порядок осуществления контроля и выемки телеграфно-почтовой корреспонденции. Согласно положениям этого нормативного акта, при разрешении на проведение выемки корреспонденции прокуратурой суд придерживается § 98 УПК ФРГ. С учетом § 100, право на выемку (§ 99) принадлежит только судье, а в неотложных случаях – прокуратуре. Решение о раскрытии изъятой корреспонденции принимает судья, назначивший выемку или ее подтвердивший. Контроль телефонных разговоров в ходе досудебного расследования регламентируется § 100а, что закрепляет исчерпывающий перечень преступлений, для раскрытия и для расследования которых может проводиться это следственное действие. Согласно §§ 110а–110с УПК ФРГ, при расследовании преступлений могут также использоваться негласные сотрудники. Использование сведений, полученных от негласного сотрудника в отношении лиц подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления или организация его проникновения в труднодоступные места, осуществляется по решению суда. Как исключение, законодательство ФРГ аналогичные полномочия также предоставляет прокуратуре. Порядок осуществления наблюдения в ФРГ закреплено §§ 163е–163g УПК. Разрешение на осуществление наблюдения может быть предоставлено только в отношении обвиняемого в совершении преступления, при условии, что другим способом невозможно получить

важную для дела информацию или установить его местонахождение. Ордер на проведение наблюдения выдается судом, а в неотложных случаях может быть предоставлен прокуратурой [2].

Уголовно-процессуальный кодекс Грузии (далее – УПК Грузии), как и УПК Украины, закрепляет систему тайных следственных действий, включая визуальный контроль, скрытое наблюдение, в т.ч. с применением технических средств, контрольную закупку, контролируруемую поставку, тайное прослушивание и запись коммуникаций, снятие и фиксация информации с каналов связи (путем присоединения к каналу связи компьютерной сети, линейным коммуникациям). Кроме того, систему тайных следственных действий по УПК Грузии составляют: контроль, наложение ареста и выемка коммуникационных отправок (кроме дипломатической почты), цензура корреспонденции; внедрение оперативного сотрудника в преступную группу; создание конспиративной организации в любой организационно-правовой форме для проникновения в преступную группу с целью получения информации, другие тайные действия, имеющие целью получение информации [3].

Сравнивая систему негласных следственных (розыскных) действий, которая закреплена в УПК Украины с аналогичным законодательством Федеративной республики Германии и Грузии, следует сделать вывод, что нормы украинского законодательства представляют более совершенную модель негласных средств расследования, прежде всего за счет более широкого перечня и детальной правовой регламентации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скулиш, Е. Д. Негласные следственные (розыскные) действия по уголовно-процессуальному законодательству Украины / Е. Д. Скулиш // Вестн. Нац. акад. прокуратуры Украины. – 2012. – № 2 (26). – С. 15–23.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной республики Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakoni.ucoz.ru>. – Дата доступа: 10.10.2016.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://matsne.gov.ge>. – Дата доступа: 10.10.2016.

УДК 343.1

М.Н. ВАЛЮХНЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – Е.В. Романюк, преподаватель

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА АПЕЛЛЯЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В соответствии с ч. 3 ст. 115 Конституции Республики Беларусь, стороны и лица, участвующие в процессе, имеют право на обжалование решений, приговоров и других судебных постановлений. Международный Пакт о гражданских и политических правах (п. 5 ст. 14) и Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 2 Протокола № 7 к Конвенции) предусматривают право каждого осужденного за совершение уголовного преступления на то, чтобы вынесенный в отношении его приговор или определенное ему наказание были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией [1, с. 36].

Анализируя наличие международного закрепления права на обжалование решений, приговоров и других судебных постановлений, можно сказать, что данный механизм является двусторонним правовым средством защиты как интересов государства, в лице правосудия, так и частных лиц. Т.е., даже установление на международно-правовом уровне норм, которые позволяют лицам обратиться с пересмотром не вступивших в законную силу приговоров или постановлений суда, говорит о возможности допущения ошибки органом, осуществляющим правосудие.

Апелляция (от лат. *appellatio* – обращение, воззвание) в «чистом», классическом виде – это пересмотр вышестоящей судебной инстанцией в пределах жалоб, поданных сторонами, не вступившего в законную силу приговора путем повторного рассмотрения дела по существу в условиях состязательности с непосредственным исследованием всех необходимых доказательств и постановлением нового приговора, заменяющего собой приговор нижестоящего суда. Предметом апелляционного пересмотра являются как вопросы факта (объем обвинения, виновность лица в совершении преступления), так и вопросы права (квалификация преступления и мера наказания) [1, с. 37].

Исторические корни апелляция берет еще с времени существования ВКЛ. Об этом говорят положения Статутов ВКЛ 1529, 1588 гг. Так, уже в Статуте 1529 г. отмечалась возможность обращения с жалобой в вышестоящую инстанцию. В Статуте 1588 г. существовал уже целый артикул (раздел) 4 «О судьях и судах», который вводит понятие апелляции на постановления господарского суда. Дальнейшее развитие института апелляционного производства Республики Беларусь приходится ко времени вхождения земель Беларуси в состав Российской Империи, которая, в свою очередь, уже имела в своем законодательстве апелляционный и кассационный порядок пересмотра приговоров суда. Это отражено в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.

Однако сложившиеся формы обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве просуществовали недолго, до 1917 г. С приходом советской власти апелляционный порядок пересмотра судебных решений был исключен из законодательства. На смену апелляционному и кассационному производствам пришло исключительно кассационное. Более того, термин «кассация» в советском государстве имел несколько иное смысловое наполнение, нежели определение понятия «кассация» в русском дореволюционном праве, и, в целом, определение данного термина, выработанное юридической наукой [2, с. 151].

Особенность «советской кассации» заключалась в том, что под ней понималось рассмотрение жалоб и протестов по формальным нарушениям права при вынесении приговора. А существовавший в то время ревизионный пересмотр предполагал пересмотр дела по существу. Уже с приходом Уголовно-процессуального кодекса БССР 1960 г. можно говорить о том, что апелляция советской эпохи – это совокупность апелляционных и кассационных начал.

Одним из положений Концепции судебной реформы Республики Беларусь 1992 г. являлось предложение по введению апелляции в уголовное судопроизводство. И в результате только спустя 24 года действовавшая в государстве кассационная форма проверки заменяется апелляционной (Закон Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь»).

Однако говорить о том, что в уголовном судопроизводстве в Республике Беларусь появилось «полное апелляционное производство» еще рано. Ограниченными

остались полномочия суда второй инстанции, например, в части исследования новых доказательств или проведении судебного следствия и некоторые другие.

Появление в уголовном судопроизводстве Беларуси института апелляции имеет положительные стороны, т.к. именно повышение оперативности правосудия и сокращение повторных судебных разбирательств являются базовыми задачами, возлагаемыми на институт апелляции.

Изложенное позволяет констатировать, что с закреплением в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь института апелляции сделан очередной шаг по реализации соответствующих положений Концепции судебно-правовой реформы и Послания о перспективах развития системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454. Вместе с тем, учитывая оставшееся излишнее количество элементов кассации в апелляции, можно надеяться, что мы находимся лишь на начальном этапе реформирования рассматриваемой стадии уголовного процесса [3, с. 143].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцева, Л. Перспективы введения апелляционного производства в уголовное правосудие Республики Беларусь / Л. Зайцева // Суд. вестн. – 2014. – № 4. – 53 с.

2. Лосев, В. В. Проблемы правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции: теоретический и практический аспекты : монография / В. В. Лосев [и др.]. – Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2015. – 166 с.

3. Солтанович, А. В. Введение апелляции в уголовное судопроизводство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / А. В. Солтанович, М. А. Скалкович. – Режим доступа: http://www.Institutemvd.by/components/com_chronoforms5/chronoforms/uploads/20160704162138_Soltanovich_Skalkovich.pdf. – Дата доступа: 12.10.2016.

УДК 343

Т.А. ГАЙЗУЛЛИН

Уфа, Институт права БашГУ

Научный руководитель – А. А. Тарасов, доктор юридических наук, профессор

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СВИДЕТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Доказывание в рамках уголовного процесса есть собирание, проверка и оценка доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 85 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), ст. 73 УПК РФ).

В ст. 74 УПК РФ содержится закрытый перечень видов доказательств, допустимых в рамках уголовного процесса. Этот перечень включает в себя в т.ч. показания свидетеля.

В ст. 75 УПК РФ определены основания признания доказательств недопустимыми, т.е. не имеющими юридической силы, вследствие чего они не могут быть положены в основу обвинения или использоваться для доказывания каких-либо юридически значимых обстоятельств.

Общий признак всех возможных недопустимых доказательств состоит в их незаконности, т.е. нарушении в процессе получения доказательств требований УПК РФ.

В качестве оснований недопустимости доказательства применительно к показаниям свидетеля можно выделить такие основания, как «порок личности свидетеля», «порок порядка получения показаний», «порок осведомленности» и др.

Основные «пороки личности» свидетеля определены в ч. 3 ст. 56 УПК РФ. В п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ установлено: «Не подлежит допросу в качестве свидетеля адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием», сходное положение содержится в п. 3. ч. 3 ст. 56 УПК РФ: «Не подлежит допросу в качестве свидетеля адвокат – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с оказанием юридической помощи». Также ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предусмотрено: «Любые сведения, ставшие известными адвокату при оказании юридической помощи доверителю, составляют профессиональную (адвокатскую) тайну», срок хранения которой не ограничен, равно как и объем сведений, ее составляющих.

Исходя из буквального толкования указанных норм, а также принимая во внимание содержание п. 2 ч. 6 ст. 56 УПК РФ о том, что свидетель не вправе давать заведомо ложные показания и отказываться от дачи показаний, следует сделать вывод, что в рамках производства по уголовному делу отсутствует ограничение полномочий органов предварительного расследования или суда на допрос в качестве свидетелей других представителей, не обладающих действующим статусом адвоката. В первую очередь, это частнопрактикующие юристы – представители по гражданским и арбитражным делам, а также сотрудники юридических подразделений различных юридических лиц. Помимо данных лиц, в категорию потенциальных свидетелей в силу буквального толкования закона входят все лица, так или иначе оказывавшие юридические услуги, в т.ч. нотариусы, различные специалисты-аудиторы и иные лица, оказывавшие правовую помощь на профессиональной основе.

Вместе с тем, содержание данных норм дополняется положениями Кодекса профессиональной этики адвоката, который расширяет легальное понятие «адвокатской тайны», вводя в данный термин профессионально-этическое обоснование существования данного вида тайны: «Доверия к адвокату не может быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны. Профессиональная тайна адвоката (адвокатская тайна) обеспечивает иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией Российской Федерации».

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что адвокатская тайна по своей сути есть не привилегия, а инструмент защиты прав граждан, обращающихся за правовой помощью. Также нельзя считать адвокатскую тайну правом, т.к. адвокат, исходя из буквального прочтения ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», «обязан хранить адвокатскую тайну», т.е., опять же, законодатель защищает здесь интересы доверителей, а не адвоката.

Таким образом, предоставление профессионального свидетельского иммунитета только лицам, обладающим действительным статусом адвоката, не отвечает требованиям об обеспечении конфиденциальности информации, предоставляемой специалистам для оказания квалифицированной правовой помощи. Данное обстоятельство, в свою очередь, указывает на существующую проблему обеспечения защиты прав и законных интересов граждан в рамках уголовного судопроизводства.

Обратимся к зарубежному законодательному опыту.

Strafprozessordnung (далее – StPO) – Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия, основной закону ФРГ в сфере уголовного процесса, который содержит следующие нормы.

В соответствии со ст. 53 StPO свидетельский иммунитет в силу профессиональных причин предоставляется в т.ч. адвокатам, нотариусам, патентным поверенным, аудиторам, приведенным к присяге бухгалтерам-ревизорам, консультантам по налоговым вопросам и налоговым поверенным. К адвокатам для целей данного пункта приравниваются все члены палаты адвокатов.

Аналогичные правовые нормы действуют в странах СНГ – в частности, в Республике Беларусь и Республике Казахстан.

Так, в соответствии со ст. 60 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ) к ненадлежащим свидетелям отнесены, помимо непосредственно адвокатов, их стажеры, помощники, иные работники адвокатских образований, юридических консультаций – для получения каких-либо сведений, которые могут быть им известны в связи с оказанием юридической помощи при производстве по уголовному делу.

В свою очередь, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК) в ст. 78 расширяет круг ненадлежащих свидетелей, предоставляя специальный иммунитет помимо адвокатов представителям и законным представителям сторон по уголовному делу, а также арбитрам, медиаторам и участникам национального превентивного механизма – по обстоятельствам, связанным с профессиональной деятельностью данных лиц.

Проводя сравнительный анализ, очевидно, что в StPO установлен наиболее широкий круг лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, УПК РБ и УПК РК представляют собой развитие идей о конфиденциальности сведений, данные законодательные акты предоставляют профессиональный свидетельский иммунитет более широкому кругу лиц, нежели УПК РФ.

Очевидно, что институт свидетельского иммунитета, в частности, профессионального свидетельского иммунитета, является гарантией сохранения в тайне той информации, которую лицо доверяет специалистам для решения какой-либо проблемы, т.к. лицо не может быть допрошено по данным вопросам, если сведения стали известны ему в процессе оказания профессиональной помощи.

Невозможно никакое согласие лица на подобный допрос, хранение профессиональной тайны есть не право, а обязанность лица. Единственным исключением может служить воля того, чью тайну хранит допрашиваемый.

Из системного анализа норм StPO, УПК РБ, УПК РК можно сделать вывод, что законодатель при предоставлении профессионального свидетельского иммунитета исходит из принципа обеспечения конфиденциальности и защиты права личности на неприкосновенность частной жизни.

Данная позиция представляется разумной и обоснованной, т.к. Основными законами постулируется абсолютный приоритет прав человека (ст. 2 Конституции РФ, ст. 1 Основного Закона ФРГ, ст. 2 Конституции РБ, ст. 1 Конституции РК) [3].

Вместе с тем, в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации данный вопрос решен крайне ограниченно. Закон в его нынешней редакции сориентирован на устаревшую модель правоотношений, не обеспечивающую в полной мере охрану прав и законных интересов граждан.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу о необходимости расширения профессионального свидетельского иммунитета в УПК РФ. Наделению профессиональным свидетельским иммунитетом подлежат лица, оказывающие правовую помощь на профессиональной основе – относительно фактов, ставших им известными в процессе оказания правовой помощи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс профессиональной этики адвоката [Электронный ресурс] : принят Первым Всерос. съездом адвокатов 31 янв. 2003 г. : в ред. от 22.04.2015 г. // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». – М., 2016.
2. Головненков, П. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO): науч-практ. комментарий и перевод текста закона / П. Головненков, Н. Спица. – Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2012. – 404 с.
3. Конституции зарубежных государств : учеб. пособие / сост. В. В. Маклаков. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2003. – 608 с.

УДК 343.1

И.С. ГАРБУЗ

Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Научный руководитель – О.Н. Евдокименко, старший преподаватель

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: ПРОБЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НОВОГО ИНСТИТУТА

Анализируется новый институт уголовно-процессуального права. Выделяются пробелы в правовом регулировании данного института и предлагаются пути их восполнения.

Соглашение с правосудием уже давно получило распространение во многих странах мира. Самый распространенный тип соглашения с правосудием представляет собой заключение договора с прокуратурой, в соответствие с которым прокуратура снимает с обвиняемого часть обвинений или меняет квалификацию преступления на менее тяжкое в обмен на признание обвиняемым своей вины.

Законом Республики Беларусь от 05.01.2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» внесены существенные изменения и дополнения в действующее уголовное и административное законодательство Республики Беларусь [1]. В раздел XIV Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, предусматривающий особенности производства по отдельным категориям уголовных дел, введена новая гл. 49-1 «Производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве» (стст. 468-5–468-12).

Можно выделить следующие основные положения, касающиеся условий, оснований и порядка заключения указанного соглашения, а также механизма его реализации:

- инициатива рассмотрения вопроса о возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве должна исходить только от стороны защиты;
- досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено только вменяемым лицом при обязательном участии защитника (а в случае заключения такого соглашения с несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым – также при участии его законного представителя);
- одной из сторон досудебного соглашения о сотрудничестве всегда является прокурор, поскольку именно на органы прокуратуры законом возложена обязанность по поддержанию государственного обвинения;
- заключение досудебного соглашения о сотрудничестве не является основанием к прекращению дальнейшего расследования по уголовному делу, которое проводится в общем порядке с целью обеспечить исполнение заключенного соглашения и гарантировать добросовестные намерения его участников;
- обязательным условием заключения досудебного соглашения о сотрудничестве является добровольное заявление подозреваемого или обвиняемого о признании вины в совершении преступления и выполнение им ряда действий, направленных на установление иных соучастников преступления, розыск имущества, приобретенного преступным путем, возмещение причиненного преступлением вреда, либо сообщение сведений о других преступлениях и лицах, их совершивших;
- вопросы добровольности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, надлежащем обеспечении права обвиняемого на защиту, а также о результатах реализации указанного соглашения рассматриваются судом на стадии предварительного судебного заседания, которую предлагается включить в уголовно-процессуальное законодательство тем же законопроектом.

При разработке института досудебного соглашения о сотрудничестве, а также при определении порядка его практической реализации авторы законопроекта во многом руководствовались образцами, представленными в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации [2, с. 236]. Об этом свидетельствуют совпадения ряда положений законопроекта с содержанием норм, закрепленных в гл. 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3, с. 246]. В связи с этим на уровне законопроекта не были разрешены некоторые проблемы практической реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в Республике Беларусь.

Так, ч. 1 ст. 468-8 УПК Республики Беларусь предусматривается, что участниками заключения досудебного соглашения о сотрудничестве являются прокурор или его заместитель, подозреваемый (обвиняемый), его защитник, а в случае, если подозреваемый (обвиняемый) является несовершеннолетним, также его законный представитель. Среди упомянутых лиц нет указания на следователя, в отличие от законодательства Российской Федерации. Однако, именно данный участник уголовного процесса осуществляет производство по уголовному делу и с наибольшей точностью способен оценить необходимость и возможную пользу от сотрудничества с подозреваемым (обвиняемым). Тот факт, что законом предусматривается право следователя высказать свою позицию о целесообразности сотрудничества с подозреваемым (обвиняемым) в справке, которая направляется прокурору, вовсе не исключает возможности принятия неверных решений, связанных с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве. Очевидно, что лицо, желающее оказать содействие органам уголовного преследования, далеко не всегда может точно знать, в какой именно помощи они нуждаются. Вследствие чего ходатайство

подозреваемого (обвиняемого) может не содержать информации, которую следователь оценит положительно с точки зрения возможности реализации досудебного соглашения о сотрудничестве. Таким образом, многие ходатайства могут остаться неудовлетворенными из-за отсутствия законодательного механизма взаимодействия следователя и подозреваемого (обвиняемого) по поводу объема, необходимости и возможности сотрудничества. С учетом изложенного, считаем правильным в ч. 1 ст. 468-8 УПК предусмотреть следователя как одного из обязательных участников заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Новый закон предполагает, что при направлении в суд уголовного дела, по которому имело место досудебное соглашение о сотрудничестве, прокурор в своем постановлении должен отразить полноту выполнения взятых на себя обвиняемым обязанностей, а также их значимость для следствия (ст. 468-10 УПК). В свою очередь эта норма корреспондирует со ст. 280-3 УПК, которая указывает, что в ходе предварительного судебного заседания, проводимого по таким категориям дел, суд обязан будет удостовериться в подтверждении прокурором факта исполнения взятых на себя обвиняемым обязательств. Однако, на практике возможны ситуации, когда по объективным причинам обвиняемый, несмотря на все приложенные для этого усилия, не сможет в полном объеме выполнить взятые на себя обязательства по досудебному соглашению. В этой ситуации обязательства формально не будут выполнены. Любое обязательство, вытекающее из договорных отношений, может быть не исполнено по независящим от волеизъявления сторон причинам. В таких ситуациях невиновное неисполнение, как мы знаем, ответственности не влечет. Представляется, что это характерное для цивилистики правило должно распространяться и на досудебное соглашение о сотрудничестве. Нам представляется необоснованным лишать обвиняемого права на уменьшение наказания, если он сделал для раскрытия преступления все от него зависящее. В этой связи необходимо дополнить закон специальным указанием на то, что прокурор вправе подтвердить выполнение обвиняемым взятых на себя обязательств по оказанию содействия предварительному следствию в расследовании преступления и в том случае, когда требуемый результат не был достигнут по независящим от обвиняемого причинам.

Определенную проблему представляет необходимость рационального соотнесения института досудебного соглашения о сотрудничестве с применением уже закрепленного в уголовно-процессуальном законодательстве механизма освобождения обвиняемого от уголовной ответственности по не реабилитирующим основаниям (ст. 30 УПК). На практике освобождение от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным стст. 20, 86, 87, 88, 88-1 и 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, зачастую является результатом неофициальной сделки между органом уголовного преследования и стороной защиты, причем последствия такой сделки для обвиняемого могут быть существенно привлекательнее тех, которые предлагаются в законопроекте применительно к результатам реализации досудебного соглашения о сотрудничестве [4, с. 74].

Важное значение приобретает и вопрос о субъектах досудебного соглашения о сотрудничестве, поскольку надлежащее определение его сторон позволяет соотнести обязательства, которые на них возлагаются, с их полномочиями в уголовном процессе, а также выработать действенные гарантии прав как участников соглашения, так и иных лиц, интересы которых так или иначе затрагиваются согласительной процедурой.

Особую актуальность приобретает вопрос об участии в досудебном соглашении о сотрудничестве потерпевшего и гражданского истца. С одной стороны, все производство по уголовному делу направлено в т.ч. на возмещение или иное

заглаживание вреда, причиненного преступлением. С другой, ни потерпевший, ни гражданский истец не могут брать на себя какие-либо обязательства в рамках досудебного соглашения, поскольку их участие в уголовном процессе в данном случае носит пассивный характер, и они заинтересованы главным образом в восстановлении своих нарушенных прав, что обязан обеспечить орган уголовного преследования [5, с. 20]. В связи с этим прокурор в силу ряда факторов обязан принять меры к предварительному получению согласия данных субъектов на заключение досудебного соглашения, что должно служить гарантией соблюдения прав и законных интересов названных участников уголовного процесса.

Перечисленные, а также иные проблемы, связанные с предлагаемой инкорпорацией в уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь института досудебного соглашения о сотрудничестве, по мнению автора, могут и должны быть решены на стадии принятия законопроекта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Головки, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л. В. Головки. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 236 с.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 246 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г., одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
5. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. – СПб. : Альфа, 1996. – 376 с.

УДК 343.326

Ю.Б. ГЛИВКА

Львов, НУЛП

Научный руководитель – В.С. Канцир, доктор юридических наук, профессор

СВОЙСТВА ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ В ХОДЕ УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА: НЕДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Согласно уголовному процессуальному закону, доказательство признается допустимым, если оно получено в порядке, установленном Кодексом. Недопустимое доказательство не может быть использовано при принятии процессуальных решений, на него не может ссылаться суд при принятии судебного решения (ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины)). Рассматриваемый институт является лишь до определенного предела «противоположностью» допустимости

доказательств, скорее, эти два института уголовного процесса тесно связаны и взаимодействуют. Они выступают своеобразными инструментами обеспечения принципов судопроизводства: законности, обеспечения прав и законных интересов сторон, участников производства. В случае несоблюдения требований по допустимости доказательств, законодателем применяется своеобразная санкция – доказательства признаются недопустимыми, их пребывание в доказательной базе по делу исключено.

Исходя из решения Конституционного суда Украины (дело по конституционному представлению Службы безопасности Украины относительно официального толкования положения части третьей ст. 62 Конституции Украины от 20 октября 2011 г. (дело № 1-31/2011)), можно прийти к предварительным обобщениям:

- недопустимость обоснования обвинения лица в совершении преступления на доказательствах, полученных незаконным путем, закреплена в первом предложении части третьей ст. 62 Конституции Украины, а согласно части второй ст. 64, эта гарантия не может быть ограничена;

- несоблюдение Конституции Украины и нарушения лицами, уполномоченными осуществлять оперативно-розыскную деятельность, требований Кодекса, других законов Украины при получении фактических данных является основанием для признания собранных таким образом доказательств недопустимыми.

Анализ положения части третьей ст. 62 Конституции Украины – «обвинение не может основываться на доказательствах, полученных незаконным путем» – дает основания для вывода, что обвинение в совершении преступления не может быть обосновано фактическими данными, полученными незаконным путем, а именно: с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, с нарушением установленного законом порядка, средств, источников получения фактических данных, неуполномоченным на то лицом и т.д. [1].

Само понятие «недопустимости доказательств» во время процессуального производства достаточно четко очерчено в ст. 87 УПК Украины «Недопустимость доказательств, полученных в результате существенного нарушения прав и свобод человека».

Суд обязан признать существенными нарушениями прав и свобод человека следующие действия:

- осуществление процессуальных действий, требующих предварительного разрешения суда, без такого разрешения или с нарушением его существенных условий;
- получение доказательств в результате пытки, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или угрозы применения такого поведения;
- нарушение права человека на защиту;
- получение показаний или объяснений от лица, которое не было уведомлено о своем праве отказаться от дачи показаний и не отвечать на вопросы, или их получение с нарушением этого права;
- нарушение права на перекрестный допрос.

Недопустимы также доказательства, которые были получены:

- из показаний свидетеля, который в дальнейшем был признан подозреваемым или обвиняемым в этом уголовном производстве;
- после начала уголовного производства путем реализации органами досудебного расследования или прокуратуры своих полномочий, непредусмотренных Кодексом, для обеспечения досудебного расследования уголовных правонарушений.

Доказательства, предусмотренные данной статьей, должны признаваться судом недопустимыми при любом судебном разбирательстве, кроме рассмотрения, если решается вопрос об ответственности за совершение указанного существенного нарушения прав и свобод человека, в результате которого такие сведения были получены.

Наиболее распространенная в научных кругах позиция сводится к тому, что недопустимость доказательств – это санкция, которая применяется в случае любого нарушения норм процессуального закона. Так, по мнению проф. Е.А. Маркиной, под недопустимостью доказательств усматривается комплексная гарантия законности действий органов уголовного производства, доброкачественности полученных сведений, их достоверности, защиты от необоснованного обвинения, права человека на справедливое судебное разбирательство, законности принятых решений по уголовному делу [2, с. 5].

Все нарушения правил допустимости доказательств можно условно разделить по таким видам.

1. Такие, которые безусловно влекут признание доказательств недопустимыми:

- нарушение конституционных и других закрепленных в уголовном процессуальном законе прав, свобод, интересов личности в процессе доказывания;
- получения доказательств непроцессуальными действиями;
- получения доказательств неправомочным субъектом;
- получения доказательств из незаконного, непредусмотренного Кодексом источника (например, полиграфа «детектора лжи», во время сеанса гипноза и т.д.); в частности, недопустимыми будут признаваться показания свидетеля (подозреваемого и обвиняемого), если будет установлено, что он дал их вследствие применения к нему насилия со стороны следователя. Это является существенным нарушением базовых прав человека, кроме этого, довольно часто приводит к оговорам (самооговорам).

2. Такие, которые необязательно влекут за собой признание доказательств недопустимыми. Относятся нарушения, связанные с несоблюдением установленного законом порядка проведения следственного (розыскного) или иного процессуального действия и фиксации их хода, результатов. Вопрос о допустимости полученных с такими нарушениями доказательств должен решаться в каждом конкретном случае, с учетом следующих обстоятельств:

- эти нарушения не должны порождать непреодолимые сомнения относительно полноты и достоверности собранных таким образом материалов;
- возможность устранить эти нарушения и развеять соответствующие сомнения дополнительными следственными действиями или другими процессуальными средствами.

Ко второй группе относятся доказательства, подлежащие устранению, однако здесь понимаются нарушения так называемого «технического характера», нарушение порядка оформления процессуальных документов [3, с. 127]. Например, отсутствие в протоколе обыска данных об одном из понятых, участвовавших в проведении обыска, не может рассматриваться как «техническая ошибка», поскольку отсутствие данных об обязательном участнике следственного действия свидетельствует о том, что документ, в котором зафиксирована это действие, не соответствует требованиям УПК Украины. Если же протокол обыска не подписан одним из понятых, но в протоколе содержатся данные о нем, то эта ошибка может быть устранена в ходе допроса понятого о причинах отсутствия его подписи.

Можно прийти к выводу, что недопустимость доказательств – это такое свойство определенного информативного материала, который, хотя и касается расследуемого дела, наряду с этим, должен быть проигнорирован следователем, прокурором, следственным судьей, судом по причине нарушений материального или процессуального закона в процессе выявления, сбора и оценки, процессуальной фиксации сведений, и, если такие нарушения привели к пренебрежению правами и интересами сторон, участников уголовного производства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Решение Конституционного Суда Украины по делу по конституционному представлению Службы безопасности Украины относительно официального толкования положения части третьей ст. 62 Конституции Украины от 20.10.2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua>. – Дата доступа: 10.10.2016.

2. Маркина, Е. А. Допустимость доказательств как гарантия правосудия и прав личности в современном уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. А. Маркина ; Науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка Генер. Прокуратуры РФ. – М., 2000. – 28 с.

3. Штурмак, А. Обеспечение прав человека как неотъемлемое условие допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве Украины / А. Штурмак // Право Украины. – 2009. – № 7. – С. 125–129.

УДК 343

В.Ю. ГРАБ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – С.М. Храмов, кандидат юридических наук, доцент

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ПОТЕРПЕВШЕМУ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ОСНОВЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Возмещение вреда потерпевшему от преступления является одной из целей уголовного процесса. В настоящее время в Республике Беларусь сформировано уголовно-процессуальное законодательство, регулирующее вопросы возмещения вреда потерпевшему. Однако возложение в приговоре (решении) суда обязанности возместить потерпевшему причиненный вред не всегда имеет практическое осуществление. Как показывает правоприменительная практика, неполное возмещение вреда потерпевшему зачастую связано с недостаточностью денежных средств, имущества лица, обязанного возмещать вред, с его антиобщественным образом жизни. В таких случаях возникает вопрос о практическом возмещении вреда.

Указанный вопрос регулируется во многих международно-правовых актах. П. 12 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью устанавливает, что в тех случаях, когда компенсацию невозможно получить в полном объеме от правонарушителя или из других источников, государствам следует принимать меры к предоставлению финансовой компенсации жертвам, которые в результате тяжких преступлений получили значительные телесные повреждения или существенно подорвали свое физическое или психическое здоровье; семьям, в частности иждивенцам лиц, которые умерли или стали физически или психически недееспособными в результате такой виктимизации.

Ст. 2 Европейской конвенции по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений устанавливает: когда возмещение ущерба не может быть обеспечено из других источников, государство должно это взять на себя для следующих категорий:

- для тех, которым в результате умышленных насильственных преступлений был нанесен серьезный ущерб физическому состоянию или здоровью;
- для тех, которые находились на иждивении погибших в результате такого преступления.

Нормы международного права находят отражение в национальном законодательстве многих европейских государств. В частности, согласно ст. 191 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджана, вопрос о выдаче потерпевшему компенсации за ущерб, понесенный им от деяния, предусмотренного уголовным законом, за счет средств государственного бюджета Азербайджанской Республики разрешается судом по заявлению потерпевшего. Отражая в обвинительном приговоре решение о выдаче потерпевшему компенсации за счет средств государственного бюджета Азербайджанской Республики, суд отмечает в приговоре также взыскание с осужденного и возврат в государственный бюджет выделенной в качестве компенсации денежной суммы.

Уголовно-процессуальное законодательство Франции закрепляет возможность потерпевшего получить компенсацию за причиненный ему преступлением вред от государства до того момента, когда преступник предстанет перед судом, который помимо основного приговора вынесет решение о возмещении ущерба.

Проект Федерального закона Российской Федерации «О потерпевших от преступлений» предусматривает возмещение государством вреда потерпевшим от преступлений, устанавливает условия такого возмещения.

Особый интерес представляет ст. 8 указанного проекта, которая регламентирует создание Федерального фонда помощи потерпевшим и источники его формирования, к которым относит уголовные штрафы, средства, полученные от конфискации в доход государства имущества, от реализации вещественных доказательств, суммы залогов, внесенных в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, и обращенных в доход государства; доходы от инвестирования части временно свободных средств Фонда в ликвидные государственные ценные бумаги и банковские вклады, добровольные взносы граждан и юридических лиц; поступления иных финансовых средств, не запрещенных законодательством [1].

До настоящего времени указанный закон не принят, однако в российском законодательстве предусмотрено возмещение вреда для потерпевших от актов терроризма.

Источниками формирования Фонда в проекте Закона Республики Казахстан «О Фонде компенсации вреда потерпевшим» являются неналоговые поступления, к которым относятся: фиксированные платежи, налагаемые судом, денежные взыскания, наложенные судом за неисполнение процессуальных обязанностей и нарушение порядка в судебном заседании на потерпевшего, свидетеля, специалиста, переводчика и иных лиц, за исключением адвоката, прокурора и подсудимого, суммы, удерживаемые по постановлению суда с осужденного, в отношении которого вступил в законную силу обвинительный приговор суда и которому назначено наказание в виде исправительных работ, суммы, взысканные в регрессном порядке.

В США создан Фонд жертв преступлений, который формируется за счет федерального бюджета. В Великобритании действует схема возмещения вреда, причиненного преступлением, которой предусмотрены размеры нормированных компенсаций для различных потерпевших.

Общим в законодательстве государств, закрепляющим возможность компенсации вреда, причиненного преступлением, из государственного бюджета, является взыскание с осужденного сумм, перечисленных потерпевшему из бюджета.

В азербайджанском уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрено принуждение к возмещению материального ущерба по инициативе суда, если лицо лишено возможности лично отстаивать предъявленный гражданский иск во время судебного рассмотрения. Суд вправе в порядке исключения по собственной инициативе принять постановление о возмещении ущерба, понесенного этим лицом от предусмотренного уголовным законом деяния, если документы и доказательства по уголовному делу или иным связанным с уголовным преследованием материалам позволяют сделать это.

Следует отметить, что ч. 8 ст. 149 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь предусматривает следующее: если гражданский иск остался непредъявленным, суд при постановлении приговора вправе по собственной инициативе разрешить вопрос о возмещении вреда, причиненного преступлением.

На практике указанное полномочие является мало применимым, в т.ч. и по той причине, что норма не предусматривает выяснения мнения потерпевшего по указанному вопросу. На наш взгляд, норма, закрепленная в законодательстве Азербайджана является более корректной и применимой на практике, поскольку предусматривает конкретное основание для реализации полномочия суда: отсутствие возможности лица лично отстаивать предъявленный иск во время судебного рассмотрения.

Помимо причинения физического и материального ущерба, преступлением зачастую причиняется моральный вред. Законодательством Республики Беларусь, равно как и законодательством зарубежных государств, предусмотрено возмещение морального вреда в денежной форме. Однако, кроме возмещения морального вреда в денежной форме, необходимой является оказание психологической поддержки жертвам преступлений.

В 1991 г. была создана Российская ассоциация поддержки жертв преступлений, в состав которой входят ученые, медики, психологи, работники правоохранительных органов. Приоритетным направлением деятельности этой организации было выбрано оказание медико-психологической помощи детям-жертвам насилия [2].

Автором исследования было проведено анкетирование, одним из вопросов которого являлся вопрос о необходимости создания фонда помощи потерпевшим от преступлений. 50 % опрошенных высказались за создание такого фонда, 14 % отметили необходимость создания такого фонда для оказания психологической поддержки потерпевшим от преступлений.

Проанализировав нормы уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран, можно сделать вывод, что во многих государствах сформирован институт возмещения вреда потерпевшему, нормы которого реализуются на практике. На сегодняшний день в Республике Беларусь существует объективная необходимость создания отдельного правового института возмещения вреда потерпевшему, в рамках которого необходимо закрепить понятие потерпевшего, его уголовно-правовой статус, предусмотреть создание фонда помощи потерпевшим, закрепив источники формирования фонда и случаи возмещения вреда потерпевшим. По нашему мнению, для формирования фонда помощи потерпевшим от преступлений для целей материального возмещения вреда потерпевшему необходимо проведение определенной работы на государственном уровне, в т.ч. дальнейшее изучение зарубежного опыта,

проведение анализа сумм возмещения вреда и опыта практикующих юристов. Создание фонда помощи потерпевшим по аналогии с Российской ассоциацией поддержки жертв преступлений возможно уже в настоящее время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О потерпевших от преступлений [Электронный ресурс] : проект Федерального закона. – Режим доступа: <http://rg.ru/2012/02/24/poterpevshie-site-dok.html>. – Дата доступа: 01.10.2016.

2. Проблемы девиктимизации потерпевших от убийства и причинения вреда здоровью человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7995:2016-02-10-10-37-38&catid=196:2010-12-29-10-42-57. – Дата доступа: 01.10.2016.

УДК 343

В.Ю. ГРАБ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – С.М. Храмов, кандидат юридических наук, доцент

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ О ВОЗМЕЩЕНИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПОТЕРПЕВШЕМУ

Ст. 60 Конституции Республики Беларусь установлено, что с целью защиты прав, свобод, чести и достоинства граждане в соответствии с законом вправе взыскать в судебном порядке как имущественный вред, так и материальное возмещение морального вреда. В силу п. 1 ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь одной из задач уголовно-процессуального закона является обеспечение законных прав и интересов физических и юридических лиц, которым преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред.

Ст. 152 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) установлено, что, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством, гражданин вправе требовать от нарушителя денежную компенсацию указанного вреда.

Возмещение наряду с материальным и физическим морального вреда потерпевшему от преступления является необходимым условием восстановления социальной справедливости. На сегодняшний день существует большое количество публикаций на тему морального вреда, одними авторами обосновываются механизмы расчета суммы, подлежащей возмещению в качестве морального вреда, другими отрицается адекватная возможность такого расчета.

Ч. 2 ст. 970 ГК устанавливает, что размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости, характер физических и нравственных страданий оценивается судом

с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего.

С одной стороны, законодателем устанавливаются определенные критерии, исходя из которых судом определяется размер морального вреда в денежном выражении. С другой – указанные критерии являются достаточно субъективными и на практике фактически в аналогичных между собой ситуациях суммы, взысканные в пользу потерпевшего в счет морального вреда, могут отличаться друг от друга в разы.

Нередко при определении размера морального вреда судами принимается во внимание и косвенно учитывается имущественное положение лица, причинившего вред, и реальная возможность его возмещения. На наш взгляд, такой подход не является оправданным и еще раз подчеркивает субъективность определения размера взыскиваемого морального вреда в каждом конкретном случае. Независимо от реальной возможности такой вред возместить, потерпевшему причиняются физические и нравственные страдания.

В практике имеются случаи, когда определением кассационной либо надзорной инстанции размер морального вреда изменяется в сторону увеличения, что подтверждает отсутствие единого подхода к порядку определения морального вреда и субъективности его определения.

Кроме разнообразия судебной практики присуждения морального вреда, следует отметить разнообразие требований морального вреда. В настоящее время не установлены минимальный и максимальный размеры морального вреда, в связи с чем при подаче гражданского иска потерпевшие руководствуются исключительно своими личными расчетами, зачастую завышая размеры причиненного вреда. Однако, очевидно, что и присуждение в качестве морального вреда откровенно малых сумм не является справедливым. В качестве минимального значения взыскиваемого на практике морального вреда считаем возможным установить значение в 50 % от средней месячной заработной платы в Республике Беларусь на дату вынесения решения (приговора) судом, максимального – 25-кратный размер средней месячной заработной платы в Республике Беларусь.

Следует отметить, что независимо от тяжести и категории совершенного преступления потерпевшему причиняются определенные нравственные страдания. На наш взгляд, необходимо закрепление в законодательстве презумпции морального вреда, поскольку не все потерпевшие обращаются за его возмещением в силу как недостаточной осведомленности о наличии такого права, так и неуверенности в фактическом возмещении такого вреда.

Уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено назначение различных экспертиз для установления обстоятельств преступления. При определении морального вреда также возможно назначение судебно-психологической экспертизы, устанавливающей глубину переживаний потерпевшего, личностные изменения потерпевшего в результате совершенного в отношении него преступления. На наш взгляд, такое явление, как моральный вред не может быть оценено чисто математически, также невозможно разграничение размеров морального вреда в зависимости от категории или тяжести преступления. В зависимости от личностных характеристик потерпевшего, его психоэмоционального состояния одна и та же ситуация может восприниматься различными людьми по-разному, и соответственно, им будет причинен различный моральный вред. По нашему мнению, представляется необходимым для исследования обстоятельств по требованиям потерпевших о возмещении морального вреда проведение судебно-психологической экспертизы.

Кроме возмещения морального вреда в денежной форме необходимым является оказание потерпевшим от преступления медицинской и психологической помощи. В Российской Федерации в 1991 г. была создана Российская ассоциация поддержки жертв преступлений, в состав которой входят ученые, медики, психологи, работники правоохранительных органов. Приоритетным направлением деятельности этой организации было выбрано оказание медико-психологической помощи детям-жертвам насилия [1].

Таким образом, действующее законодательство Республики Беларусь в части возмещения морального вреда очень нуждается в совершенствовании. В частности, необходимым является установление презумпции морального вреда, введение в практику судебно-психологических экспертиз для определения размера морального вреда. Кроме того, одним из возможных вариантов совершенствования национального законодательства в данной части является установление минимального и максимального пределов морального вреда. Также существует объективная необходимость создания организации, оказывающей профессиональную медико-психологическую помощь потерпевшим от преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проблемы девиктимизации потерпевших от убийства и причинения вреда здоровью человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7995:2016-02-10-10-37-38&catid=196:2010-12-29-10-42-57. – Дата доступа: 01.10.2016.

УДК 343.1

Е.В. ГРИГОРОВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – Е.В. Романюк, преподаватель

ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Одной особенностью уголовного процесса является предоставление суду права по собственной инициативе разрешить вопрос о возмещении вреда, причиненного преступлением, в случае если гражданский иск остался непредъявленным. Данное положение закрепляется в ч. 8 ст. 149 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Беларусь и в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 июня 2004 г. № 8 «О практике рассмотрения судами гражданского иска в уголовном процессе» [1].

При применении указанных норм возникает ряд сложностей. В частности, неясно, является ли данный порядок возмещения вреда искомым производством. Не все мнения ученых-юристов по этому вопросу содержат положительный ответ. Судами этот способ защиты права, безусловно, отнесен к исковому производству, обоснованием чего является то обстоятельство, что суды взыскивают государственную пошлину с обвиняемых как при наличии исковых заявлений, так и при решении вопроса о возмещении вреда, если иск остался непредъявленным. Однако такой способ возмещения вреда нельзя отнести к исковой форме защиты нарушенного права. Иск – это всегда требование. В рассматриваемой ситуации требование лица, потерпевшего от

общественно опасного деяния (независимо от того, к кому оно обращено), как таковое отсутствует [2, с. 63].

В анализируемых положениях не закреплён ряд существенных моментов. Это касается в т.ч. и субъектного состава складывающихся правоотношений. Основными субъектами выступают суд и обвиняемый, а гражданский истец и гражданский ответчик отсутствуют. Следовательно, возмещение вреда может быть в этом случае возложено исключительно на обвиняемого, но не на родителей, организацию или иных лиц, обязанных по закону нести материальную ответственность за его действия. Возложить эту ответственность на перечисленных лиц нельзя, т.к. привлечение их в качестве гражданских ответчиков невозможно из-за отсутствия в деле гражданского иска, а иных форм их участия в производстве по возмещению ущерба УПК не предусматривает.

Судами, как указано выше, возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, по собственной инициативе отнесено к исковому производству. Следовательно, суд при постановлении приговора в совещательной комнате должен установить те же факты, что и при рассмотрении гражданского иска (основания возмещения вреда, вид вреда, характер и степень вреда, размер вреда, лицо, понесшее вред, и лицо, в пользу которого принимается решение о возмещении (компенсации) вреда, лицо, несущее ответственность за причиненный вред, и лицо, с которого будет взыскано возмещение (компенсация), характер поведения лица, которому причинен вред, имущественное положение обвиняемого) [3, с. 19].

Таким образом, суд фактически принимает на себя осуществление прав и обязанностей сторон, а обвиняемый, являющийся, как правило, ответчиком по гражданскому иску, и потерпевший (гражданский истец) лишаются права на полную и эффективную судебную защиту, поскольку не имеют возможности в полной мере довести свою позицию по поводу гражданского иска до сведения суда в ходе судебного следствия. Решение суда о возмещении вреда при непредъявлении гражданского иска по собственной инициативе лишает обвиняемого возможности отстаивать собственные имущественные интересы, доказать свою невиновность в причинении ущерба, наличие иных обстоятельств, освобождающих его от материальной ответственности.

Непредоставление возможности реализовать предусмотренные ст.ст. 41, 43, 55 УПК права следует признавать нарушением права на защиту. Нарушение права на защиту признается существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену или изменение приговора, если оно путем лишения или стеснения гарантированных законом прав подозреваемого, обвиняемого, их законных представителей и защитников препятствовало суду всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела и повлияло или могло повлиять на постановление законного и обоснованного приговора [2, с. 65].

Ранее положения, аналогичные закреплённым в ч. 8 ст. 149 УПК, содержались в п. 7 ч. 1 ст. 303 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, которые были признаны неконституционными. В настоящее время анализируемые положения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации отсутствуют [2, с. 65].

Подводя итог, необходимо отметить, что существуют и другие проблемные вопросы, касающиеся возмещения вреда, причиненного преступлением. Вместе с тем законодательное решение даже названной проблемы позволило бы существенно улучшить качество работы по рассмотрению гражданских исков, в части и по возмещению и компенсации вреда в уголовном процессе в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г., одобр. Советом Республики 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Загоровский, А. Актуальные вопросы рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе / А. Загоровский // Законность и правопорядок. – 2012. – № 3 (23). – С. 62–67.
3. Мазалов, А. Г. Гражданский иск в уголовном процессе / А. Г. Мазалов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Юрид. лит., 1977. – 176 с.

УДК 343.131(045)

Ю.М. ДАНИЛЮК

Луцьк, СНУ імені Лесі Українки

Науковий керівник: О.В. Крикунов, кандидат юридичних наук, доцент

НЕВТРУЧАННЯ В ПРИВАТНЕ ЖИТТЯ ЯК ПРИНЦИП КРИМІНАЛЬНОГО ПРОВАДЖЕННЯ В УКРАЇНІ

В Кримінальному процесуальному кодексі України 2012 р. (далі – КПК України) надано увагу інтересам особи та регулюванню втручання в її приватне життя, так як одним з основних напрямків діяльності держави є захист людини та громадянина, забезпечення поваги до приватного життя людини, дотримання його недоторканності.

Дослідження та аналіз цих принципів та засад, передбачених не лише Конституцією України, а й такими міжнародними документами, як Загальна декларація прав людини, Конвенція про захист прав людини і основоположних свобод, Європейська конвенція про запобігання катуванням чи нелюдському або такому, що принижує гідність, поводженню чи покаранню та інших міжнародних договорів, ратифікованих Верховною Радою, дають змогу надати визначення як приватному життю особи, так і межах втручання в нього в кримінальному провадженні.

З огляду на те, що кримінальне процесуальне законодавство України застосовується з урахуванням практики Європейського суду з прав людини (ч. 5 ст. 9 КПК), буде корисним знайомство з практикою суду з окресленого питання. ЄСПЛ у своїх рішеннях зазначав, що поняття «приватного життя» охоплює: фізичну та психічну цілісність людини, деякі аспекти її фізичного та соціального «я», зокрема гендерну ідентифікацію, ім'я та сексуальну орієнтацію, статеве життя, право на особистий розвиток і право людини налагоджувати й розвивати стосунки з іншими людьми та зовнішнім світом, право на доступ до персональної інформації, право на приватний простір і т. ін. Тобто приватне життя включає в себе різні сфери буття людини, зокрема фізичну, просторову, комунікативну та інформаційну, які у літературі також розглядаються як основні складові права на повагу до приватного життя [1].

Відповідно до Рекомендації № R (87) 15, схваленої Комітетом Міністрів для держав-членів Ради Європи 17 вересня 1987 р. «Щодо співробітництва поліції і захисту персональних даних у секторі поліції», збір персональних даних у цілях поліції повинен обмежуватися тією мірою, якою необхідно для відвернення реальної небезпеки чи припинення кримінального правопорушення особливого характеру [2].

Ст. 15 чинного КПК України зазначає, що під час кримінального провадження кожному гарантується невтручання у приватне (особисте і сімейне) життя. Ніхто не може збирати, зберігати, використовувати та поширювати інформацію про приватне життя особи без її згоди, крім випадків, передбачених КПК України. Інформація про приватне життя особи, отримана в порядку, передбаченому КПК, не може бути використана інакше як для виконання завдань кримінального провадження. Кожен, кому наданий доступ до інформації про приватне життя, зобов'язаний запобігати розголошенню такої інформації.

Формулюючи цю засаду, законодавець виходить з того, що кожна людина унікальна, індивідуальна, є суб'єктом великої кількості неформальних зв'язків, носієм приватних інтересів, що є її особистою справою. Держава надає можливості особі контролювати інформацію про себе, про членів своєї сім'ї та родину, не допускати розголошення відомостей особистого, сімейного характеру, а в разі необхідності припинити розголос небажаної інформації, тобто певною мірою бути незалежною щодо інших людей, їх колективів, суспільства і держави загалом.

Відповідно до чинного кримінального процесуального законодавства України допускається отримання відомостей про приватне життя особи в кримінальному провадженні. Насамперед, це проведення негласних слідчих (розшукових) дій. Ст. 246 КПК визначає негласні слідчі (розшукові) дії як різновид слідчих (розшукових) дій, відомості про факт та методи проведення яких не підлягають розголошенню, за винятком випадків, передбачених у КПК. Негласність проведення слідчих дій виражається в тому, що вони здійснюються приховано не лише від осіб, злочинна діяльність яких документується, але й від усіх інших суб'єктів, що не беруть безпосередньої участі в їх провадженні [3].

Негласні слідчі (розшукові) дії проводяться у випадках, якщо відомості про злочин та особу, яка його вчинила, неможливо отримати в інший спосіб. Тобто проведення негласних слідчих (розшукових) дій є припустимим лише за умов, що отримання інформації гласним шляхом, через провадження гласних слідчих (розшукових) дій не повною мірою забезпечує можливість отримання фактичних даних, що можуть використовуватись у розслідуванні злочину. При цьому в цій сфері можливі такі правообмеження: аудіо-, відеоконтроль особи (ст. 260 КПК України), зняття інформації з транспортних телекомунікаційних мереж (ст. 263 КПК України), зняття інформації з електронних інформаційних систем (ст. 264 КПК України), обстеження публічно недоступних місць, житла чи іншого володіння особи (ст. 267 КПК України), спостереження за особою, річчю або місцем (ст. 269 КПК України), аудіо-, відеоконтроль місця (ст. 270 КПК України). Усе це пов'язане із запобіганням чи припиненням тяжкого та особливо тяжкого злочину, безпосереднім переслідуванням осіб, які підозрюються в учиненні злочину, з'ясуванням істини у кримінальному провадженні.

Відповідно до ч. 2 ст. 264 КПК не потребує дозволу слідчого судді здобуття відомостей з електронних інформаційних систем або її частини, доступ до яких не обмежується її власником, володільцем або утримувачем або не пов'язаний із подоланням системи логічного захисту. Уповноваженими органами у процесі збору і фіксації інформації, що має значення для кримінального провадження, може проводитись цілеспрямований пошук серед комп'ютерних систем та мереж відкритої інформації, у тому числі всевітньої мережі Інтернет, з метою виявлення необхідних у справі відомостей.

Серед великих масивів інформації, що локалізуються в соціальних мережах Інтернету, може бути отримана інформація щодо окремих осіб, які підозрюються в підготовці та вчиненні злочинів, їх зв'язків, та багато інших відомостей, що можуть сприяти вирішенню завдань досудового розслідування. Оскільки ця інформація є загальнодоступною, дозволу слідчого судді на її пошук та фіксацію кримінальний процесуальний закон не потребує, через те, що не відбувається обмеження приватності спілкування окремих осіб [4].

Отже, від того, наскільки гарантовано збереження таємниць приватного життя, як глибоко держава може проникати в зміст даних таємниць і які підстави для цього необхідні, залежить ступінь свободи особи в державі.

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. Європейська Конвенція про захист прав людини та основних свобод від 04.11.1950 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_004. – Дата доступу: 10.10.2016.
2. Удовенко, Ж. В. Невтручання у приватне життя при провадженні деяких слідчих (розшукових) дій / Ж. В. Удовенко // Часоп. Нац. університету «Острозька академія». Серія Право. – 2013. – № 2 (8). – 112 с.
3. Волошина, В. К. Визначення принципу невторчання у приватне життя особи та його зміст у стадії досудового розслідування / В. К. Волошина // Гуманізація у сфері кримінальної юстиції: сучасний стан та перспективи розвитку. – Одеса: Фенікс, 2011. – 108 с.
4. Кримінальний процесуальний кодекс України: наук.-практ. коментар: у 2 т. / за заг. ред. В. Я. Тація [та ін.]. – Харків: Право, 2012. – Т. 1. – 768 с.

УДК 343.326

Л.И. ДАНЬКЕВИЧ

Львов, НУЛП

Научный руководитель – В.С. Канцир, доктор юридических наук, профессор

КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ – ИСТОЧНИКОВ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ОТ ДОКУМЕНТОВ – ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Попробуем провести дифференциацию документов как самостоятельного вида источников доказательств и документов – вещественных доказательств не по какому-то отдельно взятому признаку, а по совокупности их характерных свойств. Согласно ст. 98 Уголовно-процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины), вещественными доказательствами являются материальные объекты, которые были орудием совершения преступления, сохранили на себе его следы или содержат другие сведения, которые могут быть использованы в качестве доказательства факта или обстоятельства, устанавливаемого в ходе уголовного производства, в т.ч. предметы, которые были объектом уголовно-противоправных действий, деньги, ценности и другие вещи, приобретенные противоправным путем или полученные юридическим лицом в результате совершения уголовного преступления. Документы являются вещественными доказательствами, если они содержат признаки, указанные в части первой статьи.

Проф. А.П. Запотоцкий предлагает проводить разграничение документов – источников доказательств от документов – вещественных доказательств по следующим критериям:

- сведения, зафиксированные в документах – вещественных доказательствах, отличаются от информации, содержащейся в других документах, по своему процессуальному статусу;
- доказательственное значение в документах – источниках доказательств имеет только содержание, но их форма носит вспомогательное значение. В отличие от них, документы – вещественные доказательства значимые по делу не только по содержанию, но и по своему внешнему виду, месту, времени их обнаружения и т.п.;
- документы – источники доказательств могут быть заменяемыми, в то время как документы – вещественные доказательства в силу того, что изменения, которые произошли с ними, связанные с событием преступления, не могут быть заменены на другие, поскольку следы, отразившиеся в них, являются уникальными и существуют в единственном виде;
- документы, как источники доказательств, могут копироваться с последующим процессуальным оформлением, что не уменьшает их доказательственного значения, а вещественные доказательства практически всегда уникальны и неповторимы;
- документ – источник доказательств включает в себя сведения, которые состоят из описания события преступления или фактов его совершения с помощью письма или других условных знаковых кодов и т.д., в отличие от документа – вещественного доказательства, доказывающего не описание материальных следов преступления или факта его совершения, а сами следы преступления, которые сохранились на нем [1].

Действительно, уже в ст. 99 УПК Украины законодатель четко разграничивает эти два источника доказательств. Документом является специально созданный с целью сохранения информации материальный объект, содержащий зафиксированные с помощью письменных знаков, звука, изображения и т.п. сведения, которые могут быть использованы в качестве доказательства факта или обстоятельств, устанавливаемых в ходе уголовного производства. К документам, при условии наличия в них таких сведений, могут относиться:

- материалы фотосъемки, звукозаписи, видеозаписи и другие носители информации (в т.ч. электронные);
- материалы, полученные в результате осуществления в ходе уголовного производства мероприятий, предусмотренных действующими международными договорами, согласие на обязательность которых предоставлено Верховной Радой Украины;
- составленные в порядке, предусмотренном УПК, протоколы процессуальных действий и приложения к ним, а также носители информации, на которых с помощью технических средств зафиксированы процессуальные действия;
- выводы ревизий и акты проверок.

Проф. Р.В. Локк главным признаком в разграничении «вещественных доказательств» и «других документов и технических носителей информации» считает связь с преступлением. Вещественные доказательства должны быть прямо и непосредственно связаны с событием преступления, и это необходимо законодательно закрепить. Тогда обстоятельства уголовного дела, подлежащие доказыванию, а также другие обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, но не связанные со

следами преступления, преступными действиями, обстоятельствами выявления и осуществления преступления, подлежали бы установлению с помощью других документов и технических носителей информации [2].

Таким образом, сведения, зафиксированные в документах – вещественных доказательствах, отличаются от информации, содержащейся в «других документах» по своему процессуальному статусу; доказательственное значение в документах – источниках доказательств имеет только содержание, но их форма носит вспомогательное значение [3].

Документ – вещественное доказательство закрепляет не описание материальных следов преступления или факта его совершения, а сами следы преступления, которые сохранились на нем, в отличие от документов – источников доказательств, включающих в себя сведения, которые состоят из описания события преступления или фактов его совершения с помощью письма или других условных знаков, шифров, кодов.

Документы – вещественные доказательства значимые по делу не только по содержанию, но и по своему внешнему виду, времени и месту их обнаружения.

Документы, как источники доказательств, могут копироваться с последующим процессуальным оформлением, что не уменьшает их доказательственное значение, а вещественные доказательства практически всегда уникальны и неповторимы.

Документы – источники доказательств могут быть заменяемыми, в то время как документы – вещественные доказательства в силу того, что изменения, которые произошли с ними, связанные с событием преступления, не могут быть заменены на другие. Следы, отразившиеся в них, являются единственными, исключительными, неповторимыми.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Запотоцкий, А. П. Документы как процессуальные источники доказательств в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. П. Запотоцкий. – М., 2009. – 26 с.

2. Локк, Р. В. Истребование, использование и предоставление письменных документов и носителей информации в ином виде как способ получения доказательств по УПК РФ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Р. В. Локк. – Саратов, 2006. – 200 л.

3. Гонгало, С. И. О соотношении документов-доказательств и вещественных доказательств [Электронный ресурс] / С. И. Гонгало. – Режим доступа: <http://eprints.oa.edu.ua>. – Дата доступа: 10.10.2016.

УДК 343.1

Е.Э. ДЕМИДЧИК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – Е.В. Романюк, преподаватель

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ УМЫШЛЕННОМ УНИЧТОЖЕНИИ ЛИБО ПОВРЕЖДЕНИИ ИМУЩЕСТВА

Предмет доказывания по уголовному делу – это совокупность имеющих значение для уголовного дела юридически значимых обстоятельств, которые должны быть доказаны или опровергнуты в целях обоснования выдвинутого в отношении определенного лица обвинения [1]. Предметом доказывания является совокупность

обязательных к доказыванию по делу фактов, которые определяются Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК) и Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК).

Ядро предмета доказывания составляет «главный факт» – юридический состав преступления, вменяемого в вину обвиняемого в форме обвинения [2]. Набор основных фактов и средств их доказывания будет варьироваться в соответствии с конкретными категориями дел. Отождествление «главного факта» с составом преступления является вполне обоснованным, т.к. уголовное дело возбуждается в случае обнаружения признаков преступления, но уголовная ответственность реализуется лишь при наличии всех признаков, предусмотренных законом. Если не установлен хотя бы один элемент состава преступления, то это влечет вывод о невиновности и оправдание лица (п. 2 ч. 1 ст. 357 УПК). Уголовная ответственность реализуется лишь при наличии всех элементов состава преступления, т.е. при доказанности всех элементов. Таким образом, состав преступления и образует ту цель, на достижение которой направлены усилия субъектов доказывания.

Необходимо учитывать перечень обстоятельств которые подлежат обязательному доказыванию независимо от категории уголовного дела. Закон закрепляет перечень таких обстоятельств (пп. 1–5 ч. 1 ст. 89 УПК).

Один из наиболее обсуждаемых, связанных с предметом доказывания вопросом является вопрос о том, един предмет доказывания, вне зависимости каких-либо условий, или он конкретизируется по конкретному виду преступлений. Анализ высказываемых по этому поводу точек зрения позволяет выделить две позиции.

Ученые, разделяющие первую точку зрения, считают, что предмет доказывания един по всем уголовным дела и ни при каких обстоятельствах не должен подлежать расширению или сужению [3].

Другую точку зрения высказывают ученые, которые считают, что предмет доказывания может быть шире обстоятельств, подлежащих доказыванию в зависимости от конкретных обстоятельств дела [4].

Наличие в законодательстве термина «другие обстоятельства» (ч.1 ст. 89 УПК) указывает на то, что правоприменитель должен сам их определить в зависимости от обстоятельств конкретного уголовного дела, чтобы данное преступление было доказано.

Определять предмет доказывания по уголовным делам об умышленном уничтожении либо повреждении имущества необходимо с учетом требований ст. 89 УПК и положений ст. 218 УК, которые устанавливают ответственность за умышленное уничтожение либо повреждение имущества, а также на основании положений постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» (далее – Постановление).

В предмет доказывания об умышленном уничтожении либо повреждении имущества необходимо включить установление следующих обстоятельств:

- наличие общественно опасного деяния, установленного уголовным законом – факт противоправного умышленного уничтожения либо повреждения путем действия либо бездействия; уничтожение – приведение вещи в такое состояние, когда она не может быть использована по своему назначению; повреждение – это такое воздействие на вещь, при котором она фактически не может быть использована без ее восстановления; для решения вопроса о том, утрачена ли вследствие совершенного деяния возможность использования имущества по целевому назначению или несколько

уменьшилась его ценность, нужны специальные познания, следует назначать соответствующую экспертизу;

- время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления; под *общеопасным способом* применительно к ст. 218 УК следует понимать такой способ умышленного уничтожения (повреждения) имущества, который заведомо для виновного представляет опасность для жизни и здоровья людей (например, обладает большой разрушительной силой), другого имущества (помимо того, на которое было направлено преступление) или иных правоохраняемых объектов; умышленное уничтожение или повреждение имущества квалифицируется как совершенное общеопасным способом независимо от того, был ли причинен вред другим объектам уголовно-правовой охраны; общеопасный способ должен создавать реальную угрозу наступления тяжких последствий, хотя фактически они могут не наступить [5];

- размер вреда, причиненного преступлением – для наступления ответственности по ст. 218 УК необходимо доказать, причинение ущерба на сумму, в сорок и более раз превышающую размер базовой величины; для привлечения по ч. 2 ст. 218 – причинение ущерба на сумму, в двести пятьдесят и более раз превышающую размер базовой величины; по ч. 3 – в тысячу раз; при определении размера вреда учитывается только реальный материальный ущерб. Упущенная выгода приниматься во внимание не должна; *вред*, причиненный имуществу, выражается в фактической стоимости поврежденного (испорченного), либо в сумме, составляющей разницу между стоимостью имущества до и после его повреждения, либо в стоимости восстановления (ремонта, необходимого комплектования и т.п.) поврежденной вещи в пределах возмещения реального вреда [6];

- наличие причинной связи между деянием и последствием – имущественным вредом;

- виновность обвиняемого в совершении преступления; форма вины – умысел, вид умысла (прямой или косвенный) направленность умысла (в частности, не был ли умысел направлен на лишение жизни человека либо причинения ему телесных повреждений); лицо сознает, что уничтожает либо повреждает чужое имущество, предвидит, что подобными действиями причиняет ущерб в значительном размере собственнику или иному законному владельцу, желает или сознательно допускает это либо относится безразлично; цели и мотивы умышленного уничтожения (повреждения) чужого имущества могут быть самыми разнообразными: зависть, ненависть, месть, ревность, личные неприязненные отношения; тем не менее, установление мотива и цели совершения данного преступления важно для отграничения его от других преступлений, совершение которых может сопровождаться уничтожением или повреждением чужого имущества;

- обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого; в УК закреплены перечни обстоятельств, смягчающих ответственность (перечень является открытым (ст. 63 УК)), и обстоятельств, отягчающих ответственность – исчерпывающий (ст. 64 УК).

Изучение вышеперечисленных элементов предмета доказывания позволяет добиться всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела об умышленном уничтожении либо повреждении имущества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лазарева, В. А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России : учеб. пособие / В. А. Лазарев. – Самара : Самар. ун-т, 2007. – 110 с.

2. Кухта, А. А. Предмет доказывания по уголовным делам об экономических преступлениях / А. А. Кухта // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2008. – № 1. – С. 100–105.

3. Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс / М. А. Чельцов. – М. : Госюриздат, 1962. – 130 с.

4. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1968. – 361 с.

5. Хилюта, В. В. Преступления против собственности: практика правоприменения и проблемы квалификации : монография / В. В. Хилюта. – Гродно : ГГАУ, 2008. – 318 с.

6. Инструкция о порядке определения размера причиненного государственному имуществу вреда в связи с утратой, повреждением (порчей), недостачей при проведении проверок (ревизий) финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц : утв. М-вом финансов Респ. Беларусь 24.03.2003 : по состоянию на 22 апр. 2013 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2013. – 53 с.

УДК 343.1

А.В. ЗИНОВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – Е.В. Романюк, преподаватель

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Судебная власть является одной из важнейших составляющих жизни общества и государства, это независимая и самостоятельная ветвь государственной власти. Тема судебной власти была и остается важнейшим и актуальным вопросом современности, что объясняется ее приоритетным положением в государстве.

Общепризнано, что существование суда присяжных является гарантом независимости судов, вносит подлинную состязательность сторон в судебный процесс, житейскую мудрость в атмосферу формальной юстиции, уменьшает риск злоупотребления, возможность коррупции и навязывания суду принятия определенного судебного решения. Несмотря на жесточайшую критику, суд присяжных утвердился в судебных системах развитых стран как наиболее демократичный и справедливый вариант судопроизводства. Споры о достоинствах и недостатках были всегда и будут впредь. Но иной, более совершенной, формы судопроизводства человечество не может придумать уже много веков.

Родиной суда присяжных считается Англия. Английский суд присяжных послужил примером для многих государств. Однако в современных демократических государствах к суду присяжных прибегают все реже либо вообще от него отказываются. Опыт применения суда присяжных дает определенные мотивы сомневаться в эффективности этого института осуществления правосудия. Проблемы, связанные с деятельностью суда присяжных, вызывают множество публикаций в юридической литературе. Одни авторы, одобряя деятельность суда присяжных, предлагают способы совершенствования его деятельности. Другие, указывая на множество недостатков, ратуют за исключение его из уголовного правосудия. Но в одном все авторы сходятся в своем мнении: деятельность суда присяжных сегодня вызывает множество нареканий [1].

На наш взгляд, авторы, одобряющие деятельность суда присяжных, не могут привести ни одного достаточного доказательства, которое могло бы поспособствовать принятию института присяжных заседателей в зарубежных государствах, в частности, в Республике Беларусь. А вот противники суда присяжных обосновывают свою позицию только конкретными фактами, убедительными доказательствами.

Во-первых, в обществе очень высок уровень правового нигилизма, в котором отчасти есть и вина самого государства. Принимаемые законы и подзаконные нормативные акты не всегда должным образом выполняются и соблюдаются самими государственными органами, что порождает определенную встречную реакцию общества.

Во-вторых, само уголовно-процессуальное законодательство еще очень далеко от совершенства. И если юристы понимают его недостатки и могут учитывать их в своей деятельности, то это не под силу гражданам, которые порой не обладают даже элементарным представлением об уголовном судопроизводстве и процессе доказывания.

В-третьих, нарушается принцип состязательности процесса, т.к. сторона обвинения и сторона защиты находятся не в равных положениях. В большинстве случаев, адвокат принимает дело к своему производству на начальных стадиях уголовного процесса и ведет его до вынесения приговора. Прокурор же, участвуя в качестве стороны обвинения, в лучшем случае успевает ознакомиться с материалами уже готового уголовного дела. Т.е. добросовестный защитник лучше ориентируется в материалах дела, знает его сильные и слабые стороны. Присяжные становятся легкой добычей театральные трюков адвоката, у которого больше шансов их запутать в рассматриваемом деле.

В-четвертых, правосознание общества находится на довольно низком уровне. Выполняя обязанности присяжного заседателя, человек, не знакомый с нормами права, основывается прежде всего на нормах морали и нравственности. В основу формирования моральных и нравственных норм ложатся реальные принципы, идеалы, понятия о добре и зле, действующие в обществе. При принятии такого решения, основанного на представлениях морали, решающее значение оказывают побуждения, которыми руководствуется человек. Нравственное сознание выражается в одобрении или осуждении, похвале или порицании, симпатии или неприязни. Нередко представление о личности лица, обвиняемого в совершении преступления, складывается у присяжного заседателя в результате поведения обвиняемого в судебном разбирательстве. Его агрессивность либо, наоборот, активное стремление вызвать жалость, убеждение в невиновности зачастую предопределяет решение присяжных. Учитывая бесспорное влияние эмоций, даже рецидивист в глазах присяжных может выглядеть как человек, случайно оступившийся [2].

Проблема применения суда присяжных остается острой и дискуссионной. Сегодня даже на родине суда присяжных, в Великобритании, на законодательном уровне наблюдается тенденция к сокращению компетенции суда присяжных по рассмотрению отдельных категорий дел. Основным аргументом критиков суда присяжных является то, что современные юридические сложности выходят за пределы компетентности большинства присяжных. Ведь в большинстве случаев, при оценке доказательств морали доминируют над нормами права. На наш взгляд, суд – это место не для нравственных оценок, а для юридической квалификации действий. Поэтому осуществление правосудия должно осуществляться профессиональным, объективным и беспристрастным судом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батычко, В. Т. Современные проблемы осуществления правосудия в России с участием присяжных заседателей / В. Т. Батычко – Таганрог : Изв. ЮФУ. Техн. науки, 2009. – С. 190–194.

2. Кондрачук, О. Н. Влияние эмоций на вердикт присяжных заседателей / О. Н. Кондрачук – Оренбург : Вестн. ОГУ, 2005. – С. 65–68.

УДК 343.1

К.Ю. ЗИНЧУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – Е.В. Романюк, преподаватель

ЗАДЕРЖАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Одним из важнейших проявлений правоохранительной функции государства является борьба с преступностью и обеспечение правосудия с целью защиты законных прав граждан и справедливого наказания лиц, совершивших преступления. Выполнение этой функции не возможно без применения соответствующих мер государственного принуждения, направленных на обеспечение правоохранительной деятельности государства. Одной из таких мер в уголовном процессе Республики Беларусь является задержание.

Задержание преступника – это ограничение свободы передвижения преступника с целью передачи его органам власти, если лицо пытается скрыться, может скрыться либо может совершить новые преступления [1].

Хотелось бы отметить, что такие авторы, как М.Х. Гельдибаев, А.П. Рыжаков и др., наряду с традиционной характеристикой задержания как меры уголовно-процессуального принуждения высказывают и двойственный взгляд на ее природу – как меру принуждения и одновременно как следственное действие, направленное на соби́рание доказательств.

Задержание состоит в фактическом задержании лица, доставлении его в орган уголовного преследования и в кратковременном содержании под стражей в местах и условиях, определенных законом [2]. Задержание представляет собой кратковременное лишение свободы задержанного лица, на основании чего можно заключить, что данная мера уголовно-процессуального принуждения отличается существенным ограничением прав задержанного лица. Несмотря на кратковременный характер применения, уголовно-процессуальное задержание – один из наиболее жестких видов государственного принуждения. Задержанный лишается свободы передвижения, возможности общения с другими людьми, возможности распоряжаться имуществом, страдает его физическая и нравственная неприкосновенность, он терпит иные многочисленные неудобства, связанные с бытом, проживанием, медицинским обслуживанием. Задержанный, как правило, несколько суток пребывает в состоянии сильнейшего стресса, вызванного резкой переменой положения, который способен вызвать чувство безысходности и бесполезности защиты даже у невиновного, что может послужить причиной самоговора [3]. Вместе с тем, задержание является важным элементом уголовного преследования, обеспечивающим пресечение преступной деятельности, предотвращение сокрытия или уничтожения доказательств

и применение в отношении подозреваемого, обвиняемого или осужденного лица мер пресечения или уголовной ответственности.

Т.к. задержание существенно затрагивает конституционные права граждан, в частности, право на неприкосновенность личности, то оно (задержание) должно применяться только в строгом соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК).

Обеспечение законности задержания является важнейшим условием обеспечения законности уголовного преследования. Незаконным следует считать любое необоснованное задержание. Так, в соответствии с частью 3 ст. 107 УПК, задержание производится:

- по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления;
- на основании постановления органа уголовного преследования;
- на основании постановления (определения) суда о задержании осужденного до разрешения вопроса об отмене условного неприменения наказания, отсрочки исполнения наказания или условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

Возможна ситуация задержания лиц, ошибочно принятых за преступников. Так, например, Д. проснулся от ударов тараном в железную дверь и вышел в коридор. В это время на кухню, разбив стекло в балконной двери, проникли бойцы в черном с оружием в руках. Жильцам приказали лечь на пол. Позднее выяснилось, что Д. подозревали в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 339 (хулиганство), в связи с чем он был задержан. Во время проведения очной ставки со свидетельницей и потерпевшей подозрения отпали – в момент совершения хулиганства Д. с друзьями рыбачил за 80 км от города М.

В связи с тем, что гражданин не оказывал сопротивления, полагаем, что должностное лицо, осуществляющее задержание, обязано было предупредить задержанного о том, что тот:

- задерживается по подозрению в совершении конкретного преступления;
- имеет право не свидетельствовать против себя;
- имеет право на получение юридической помощи как до осуществления допроса или взятия объяснений, так и в процессе данных процессуальных действий.

В этой связи предлагается дополнить главу 12 УПК Республики Беларусь отдельной статьей, которая будет включать в себя права и обязанности задерживаемого.

Задержание в уголовном процессе является необходимой процессуальной мерой, т.к. позволяет пресечь преступную деятельность, предупредить побег правонарушителей, установить его личность, воспрепятствовать воздействию на свидетелей и потерпевших, фальсификации доказательств и другим попыткам помешать объективному рассмотрению дела.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сноп, С. Н. Уголовное право. Общая часть [Электронный ресурс]: конспект лекций / С. Н. Сноп. – Режим доступа: http://ebooks.grsu.by/yg_pravo_konspekt/tema-11-obstoyatelstva-isklyuchayushchie-prestupnost-deyaniya.htm – Дата доступа: 16.10.2016.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г., № 295-З: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г., одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Васильева, Е. Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. Г. Васильева – Уфа, 2002. – 193 л.

УДК 343.1

Р.Л. КИСЛЮК

Луцк, ВНУ имени Леси Украинки

Научный руководитель – О.И. Назарук, кандидат юридических наук

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА
НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛЬЯ И ДРУГОГО ВЛАДЕНИЯ ЛИЦА
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Почти во все времена человеческой истории собственность признавалась священной и неприкосновенной. Эта идея обрела особую актуальность в двадцать первом веке, когда большинство стран в своих конституциях провозгласили равные права каждого гражданина на частную собственность, в т.ч. и на недвижимость. Признавая человека, его здоровье, честь, достоинство, неприкосновенность и безопасность как наивысшую социальную ценность, закон гарантировал каждому лицу право на неприкосновенность жилья и другого владения с целью обезопасить человека от противозаконного проникновения в частную жизнь. Но бывают также обстоятельства, когда существует необходимость вторжения в жилье уполномоченными органами или лицами. В такой ситуации важно действовать строго в рамках и по предписанию закона, чтобы минимизировать последствия вторжения в жилье и другое владение лица.

Проблематике реализации принципа неприкосновенности жилья и другого владения лица в уголовном процессе были посвящены научные работы таких украинских исследователей, как О.П. Кучинская, Т.В. Лукашкина, Л.Д. Удалова, П.Г. Назаренко, М.А. Погорецкий, Т.В. Маляренко и др. К сожалению, большинство ученых рассматривают данную тему в контексте положений Уголовно-процессуального кодекса Украины 1960 г., утратившего силу с принятием нового Уголовно-процессуального кодекса Украины 2012 г. (далее – УПК Украины).

Целью этой работы является исследование особенностей реализации принципа неприкосновенности жилья и другого владения лица в уголовном процессе согласно с нормами действующего законодательства.

По мнению О.Ю. Дыдыч, принципы права отражают правовые идеи, теории, подходы к правопониманию, формированию юридической практики и правовой культуры [1, с. 354]. Т.е. именно принципы права определяют, как будет выглядеть правовая система и насколько актуальным будет законодательство того или иного государства.

Действующий УПК Украины в ст. 7 перечислил принципы уголовного процесса, однако значения самого термина не раскрыл. Не достигнуто единства в понимании принципов уголовного процесса и в доктрине. Однако мы поддерживаем мнение М.М. Михеенка, который убежден, что под принципами уголовного процесса следует понимать доминирующие в государстве политические и правовые идеи, касающиеся заданий, способа формирования и осуществления уголовного производства, т.е. это положения, определяющие главные, наиважнейшие моменты устройства

и деятельности субъектов уголовного производства [2, с. 29]. Т.е. принципы уголовного производства гарантируют, что права и законные интересы лица будут соблюдены на всех стадиях процесса.

Принцип неприкосновенности жилья и другого владения закреплен в ст. 30 Конституции Украины, а также в ст. 13 УПК Украины. Как считает Н.Г. Назаренко, реализация в уголовном законодательстве принципа неприкосновенности жилья и другого владения лица является органической предпосылкой обеспечения прав и законных интересов граждан, вовлеченных в сферу уголовной процессуальной деятельности [3, с. 123].

Мы считаем, что понятие неприкосновенности жилья или другого владения не является самостоятельным, а скорее входит в состав неприкосновенности личности. Кроме того, неприкосновенность жилья и другого владения означает полный запрет на вторжение без согласия владельца или лица, проживающего в нем законно.

Стоит внимания позиция Верховного суда Украины, высказанная в абз. 2 п. 22 Постановления Пленума Верховного суда Украины от 6 ноября 2009 г. № 10, где определено, что под проникновением в жилье, другое помещение или хранилище надо понимать незаконное вторжение в них любым способом (с применением средств преодоления препятствий или без их применения, путем обмана, с применением подделанных документов или с помощью других средств), который дает возможность виновному лицу украсть имущество без входа в жилье, другого помещения или хранилища [4].

Интересно, что под *жильем*, согласно ч. 2 ст. 233 УПК Украины, понимается любое помещение, находящееся в постоянном или временном владении лица, независимо от его назначения и правового статуса, подходящее для постоянного или временного проживания в нем физических лиц, а также все составляющие части такого помещения. Под *другим владением* лица понимаются транспортное средство, земельный участок, гараж, другие строения или помещение бытового, служебного, хозяйственного, производственного и другого назначения, находящиеся во владении лица.

Как верно отмечает П.Г. Назаренко, в данной статье УПК Украины упомянуты далеко не все объекты недвижимости, ведь ими могут быть любые строения, которые за своими техническими, функциональными, эксплуатационными, архитектурными, экономическими свойствами принадлежат к зданиям [3, с. 123–124]. Это обстоятельство может повлечь различные последствия, поскольку данная недвижимость имеет разное целевое назначение и правовой статус.

Т.В. Лукашкина убеждена, что ст. 233 УПК содержит общие правила проникновения в жилье на основании определения следственного судьи либо с разрешения лица-владельца, что дает право на проведение в таком помещении следственных действий [3, с. 124]. С другой стороны, Л.Д. Удалова отмечает, что несмотря на наличие подобного разрешения, следователь все равно обязан тратить время на оформление документации и получение разрешения следственного судьи, что в конечном итоге приводит к затягиванию процесса [3, с. 124]. Мы считаем, такая ситуация вызвана коллизией ч. 1 ст. 233 и ч. 2 ст. 234 УПК Украины. Таким образом, можно говорить о том, что исключения из принципа неприкосновенности жилья и другого владения недостаточно продуманы, ведь наличие согласия владельца на вход в помещение в дальнейшем без соответствующего определения может привести к ситуации, когда доказательства, изъятые при обыске из жилья лица, не будут приниматься судом во внимание.

Как итог, хотелось бы отметить, что правовая природа принципа неприкосновенности жилья и другого владения не есть абсолютная, поскольку уголовным процессуальным законом допускается его временное ограничение, но только в установленном порядке и процедуре. Тем не менее, важно понимать разницу между законным ограничением и незаконным нарушением данного принципа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дидич, О. Ю. Система принципів кримінального процесу України: еволюція поглядів / О. Ю. Дидич // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. робіт. – Одеса : Юрид. літ., 2013. – Вип. 69. – С. 353–358.
2. Михеєнко, М. М. Кримінальний процес України : підручник / М. М. Михеєнко, В. Т. Нор, В. П. Шибіко. – Київ : Либідь, 1992. – 413 с.
3. Назаренко, Г. П. Принцип недоторканості житла та іншого володіння особи: загальнотеоретичний аналіз / Г. П. Назаренко // Наук. вісн. Ужгород. нац. ун-ту. Серія Право. – 2016. – Вип. 38. – Т. 2. – С. 122–125.
4. Про судову практику у справах про злочини проти власності [Електронний ресурс] : постанова Пленуму Верхов. суду України, 6 лист. 2009 р., № 10 : в ред. постанови Пленуму Верхов. суду України від 04.10.2016 р. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v0010700-09>. – Дата доступу: 10.10.2016.

УДК 343.1

Р.Я. КОВАЛЁВА

Луцьк, СНУ імені Лесі Українки

Науковий керівник: О.І. Назарук, кандидат юридичних наук, доцент

ЩОДО ПРОБЛЕМ ЗАКОНОДАВЧОЇ РЕГЛАМЕНТАЦІЇ ІНСТИТУТУ МЕДІАЦІЇ В КРИМІНАЛЬНОМУ ПРОЦЕСІ

Закріплення у вітчизняному кримінальному законодавстві можливості здійснення провадження на підставі угод є вирішальним кроком на шляху до впровадження інституту медіації в Україні. Доцільність введення останнього в українське законодавство ґрунтується на його ефективному функціонуванні у багатьох країнах світу. Сьогодні медіація все частіше застосовується як при вирішенні цивільних, господарських, адміністративних спорів, так і у кримінальних провадженнях. Проте національний досвід використання медіації свідчить про низку наявних проблем, які виникають на практиці під час врегулювання конфліктів.

Окремі питання законодавчого регламентування інституту медіації у кримінальному процесі в Україні досліджували ряд вітчизняних та зарубіжних науковців, зокрема: Ю.В. Баулін, В.М. Баранов, Ю.Л. Бошицький, Л.М. Володіна, І.А. Войтюк, Л.В. Головка, О.А. Губська, Л.В. Лобанова, Г.В. Єрьоменко, В.Н. Кудрявцев, Б.С. Кушнір, О.І. Кільдюшкіна, В.Т. Маляренко, В.М. Трубников, В.В. Землянська та ін. Разом з тим, ця проблематика є особливо актуальною, а багато питань, зокрема щодо необхідності законодавчого визначення поняття медіації, встановлення сутності та основ функціонування даного інституту, потребують подальшого ґрунтовного вивчення та дослідження як у теоретичному, так і в практичному аспектах.

У законодавстві України відсутнє визначення поняття «медіація», принципів та процедури функціонування даного інституту. Така ситуація унеможлиблює ефективне використання медіації у кримінальних провадженнях.

Враховуючи можливість застосування медіації у різних сферах суспільних відносин, на сьогодні розроблений цілий ряд доктринальних тлумачень терміну «медіація». Наприклад, А.М. Понясюк вважає, що суть медіації полягає у врегулюванні юридичного спору сторонами за допомогою нейтрального посередника (медіатора), який покликаний сприяти примиренню сторін і досягненню ними згоди [1, с. 12]. А.П. Гуськова та Д.В. Маткіна визначають медіацію як позасудове врегулювання спорів між суб'єктами за участі незацікавленої сторони; один із неформальних способів вирішення конфліктів; процес, в ході якого сторони зустрічаються разом з обраним, неупередженим, нейтральним спеціалістом – медіатором (посередником), який допомагає вести переговори з метою напрацювання взаємоприйнятної життєздатної рішення в умовах існуючих між ними відмінних інтересів [2, с. 11].

Щодо доктрини кримінального права, то в ній також містяться досить цікаві тлумачення медіації. Зокрема, на думку М.О. Карпенко та А.Р. Туманянц, медіація у кримінальних справах – це передбачена спеціальним законом процедура вирішення конфлікту між потерпілим та підозрюваним, обвинуваченим, засудженим, за участі медіатора, яка спрямована на примирення сторін та досягнення згоди щодо відшкодування завданої злочином шкоди [3, с. 264].

Кожне із пояснень медіації, більшою чи меншою мірою розкриваючи певні аспекти цього інституту, має право на існування та має бути враховане при розробці відповідного законодавчого визначення.

На сьогодні у Верховній Раді України очікують свого розгляду два законопроекти про медіацію. Перший проект Закону «Про медіацію» – № 3665 від 17 грудня 2015 р., що був поданий народними депутатами України за ініціативи депутата А.І. Шкрум (далі – Проект 1) [4], другий – № 3665-1 від 29 грудня 2015 р., поданий народним депутатом України С.В. Ківаловим (далі – Проект 2) [5].

Проаналізувавши положення Проекту 1 [4], ми виявили як вагомі нововведення, так і певні неточності. Зокрема, нечітко регламентовано питання щодо правового статусу, професійної діяльності та підготовки медіаторів, в тому числі неконкретними є вимоги до установ, які мають проводити підготовку та підвищення кваліфікації медіаторів тощо. Тим не менше, перевагою Законопроекту є чітке визначення у ст. 4 принципів здійснення медіації, а саме: добровільної участі, активності і самовизначення сторін медіації, незалежності та нейтральності медіатора, конфіденційності інформації щодо медіації.

У Проекті 2 значним здобутком є детальне закріплення прав, обов'язків медіатора та сторін медіації, а також особливостей медіації в окремих категоріях спорів [5].

Щодо визначення самого поняття «медіація», яке міститься в цих законопроектах, то в загальних рисах воно зводиться до тлумачення медіації як позасудової процедури вирішення спору між сторонами за допомогою одного чи кількох посередників (медіаторів) [4; 5]. Вважаємо, що таке визначення є надто загальним та потребує доопрацювання, при якому мають бути враховані загальні аспекти доктринальних тлумачень цього поняття.

Підтримуємо думку, що у кримінальному провадженні медіація може розглядатися як добровільна процедура вирішення кримінально-правового конфлікту між потерпілим і підозрюваним (обвинуваченим) для примирення сторін, досягнення ними згоди щодо відшкодування спричиненої протиправним діянням шкоди, за

сприяння професійного посередника (медіатора). На нашу думку таке визначення доцільно було б врахувати при прийнятті Закону «Про медіацію».

Отож, за рахунок повноцінного функціонування інституту медіації в кримінальному провадженні ми зможемо вирішити проблеми, пов'язані з вдосконаленням і спрощенням кримінального процесу, гуманізацією та демократизацією нашої правової системи, доступом до правосуддя, і як наслідок це сприятиме не лише зменшенню навантаження на правоохоронну, судову системи, прискоренню здійснення кримінального провадження, а й здійсненню профілактики у боротьбі зі злочинністю.

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. Понясюк, А. М. Участие адвоката в урегулировании юридических споров посредством медиации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / А. М. Понясюк. – М. : РААН, 2011. – 28 с.
2. Гуськова, А. П. Медиация в уголовном процессе / А. П. Гуськова, Д. В. Маткина // Российский судья. – 2009. – № 2. – С. 10–18.
3. Карпенко, М. О. Деякі питання впровадження ідеї відновного правосуддя в кримінально-процесуальне законодавство України / М. О. Карпенко, А. Р. Туманянц // Унів. наук. зап. – Хмельницький, 2006. – № 2 (18). – С. 260–264.
4. Про медіацію [Електронний ресурс] : проект Закону № 3665 від 17.12.2015 р. – Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=57463. – Дата доступу: 10.10.2016.
5. Про медіацію [Електронний ресурс] : проект Закону № 3665-1 від 29.12.2015 р. – Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=57620. – Дата доступу: 10.10.2016.

УДК 343

А.С. КОЛЯДИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – С.М. Храмов, кандидат юридических наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ДОПУСТИМЫМИ

Согласно уголовно-процессуальному законодательству Республики Беларусь, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в их совокупности – с точки зрения достаточности для окончания предварительного расследования и разрешения уголовного дела в судебном разбирательстве [1]. В процессе доказывания особое место занимают правила допустимости доказательства. Эти правила должны обеспечить достоверность средств доказывания и тем самым создать надежный фундамент для признания доказанными или недоказанными определенные обстоятельства.

В соответствии с законодательством Республики Беларусь допустимыми признаются доказательства, полученные органом, ведущим уголовный процесс, в установленном Уголовно-процессуальным кодексом (далее – УПК) порядке и из предусмотренных законом источников. Доказательство признается недопустимым, если оно получено с нарушениями конституционных прав и свобод гражданина или

требований УПК, связанными с лишением или ограничением прав участников уголовного процесса или нарушением иных правил уголовного процесса. Доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого обстоятельства, входящего в предмет доказывания [1].

Из закона следует, что допустимость доказательств определяется следующими критериями: доказательство получено надлежащим субъектом, правомочным по данному делу проводить процессуальное действие; доказательство должно быть получено с соблюдением правил проведения процессуального действия; при получении доказательства должны быть соблюдены все требования закона при фиксации хода и результата следственного действия; фактические данные должны быть получены только из источников, перечисленных в ч. 2 ст. 88 УПК [2, с. 231].

Недопустимость доказательств, в свою очередь, законодателем определена менее четко, сюда относят лишь нарушения прав и свобод граждан и нарушение уголовно-процессуального законодательства. В ч. 4 ст. 103 УПК говорится, что доказательства могут быть представлены государственным обвинителем, частным обвинителем, подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, представителями, а также любыми физическими и юридическими лицами [1].

На мой взгляд, существует проблема, выраженная в неопределенности лица, нарушения которого могут повлиять на критерий допустимости доказательств. К примеру, органы, ведущие уголовный процесс, могут в определенных законом случаях ограничить права и свободу граждан, а физическим лицам такое право не предоставлено. Выходит, субъекты собирания доказательств имеют не равные права и возможности в получении нужных доказательств. Например, лицо, обвиняемое в совершении преступления, не может иначе доказать свою невиновность, кроме как нарушая право другого лица на тайну частной жизни, при этом полученное доказательство в итоге будет стопроцентно достоверным. Стоит ли суду, рассматривающему дело, в таком случае признавать данное доказательство недопустимым? Ведь одними из целей разрешения уголовного дела являются установление истины по делу и привлечение к ответственности виновных лиц либо чтобы ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности. Или, к примеру, при подписании понятыми протокола один из них по ошибке оставил одну из страниц протокола без своей подписи. С одной стороны, согласно УПК, понятой тем самым нарушил свою законную обязанность удостоверить своей подписью в протоколе следственного действия факт производства этого действия, его ход и результаты; с другой стороны, понятой не собирает доказательства по делу. Тогда могут ли его нарушения повлечь за собой недопустимость доказательства?

Выше было сказано, что законодательно определено, какие из представленных доказательств являются допустимыми: те, которые получены в установленном порядке и из надлежащих источников. Порядок получения доказательств и перечень их источников, в свою очередь, четко указаны в УПК. Таким образом, суд или иной орган, ведущий уголовный процесс, не может оценить доказательства по факту их допустимости (т.е. подвергнуть личному субъективному мнению), а может лишь проверить, соблюдена ли законная процедура получения доказательств и находится ли источник, из которого были получены доказательства, в числе тех, что указаны в ч. 2 ст. 88 УПК.

Рассматриваемый критерий оценки доказательств (их допустимость) является основополагающим с точки зрения обеспечения равенства защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса. Несмотря на свое уголовно-процессуальное закрепление, правило о недопустимости доказательств, полученных с нарушением закона, требует дальнейшего законодательного совершенствования. По моему мнению, законодателю следует урегулировать данные вопросы путем указания, нарушения какого именно характера влекут за собой исключение доказательства, а также чьи нарушения в процессе доказывания могут повлечь за собой последствия недопустимости. При этом для стороны защиты могли бы быть расширены требования допустимости доказательств.

В литературе высказано следующее мнение: «Вопрос о допустимости того или иного доказательства правомерно ставить только тогда, когда этим доказательством оперируют только для изобличения обвиняемого, для подтверждения его виновности и последующего осуждения. Если же доказательства, полученные с нарушением закона, используются для отстаивания невинности или меньшей виновности обвиняемого, для смягчения его вины, то они обязательно должны приниматься во внимание следователем, прокурором и судом, ибо эти доказательства не доказывают ничего нового, кроме того, что само по себе не требует никаких доказательств, – невинности обвиняемого» [3]. Таким образом, оценка доказательства с точки зрения допустимости имеет скорее формальную, чем оценочную сторону доказательства и связана с процессуальными требованиями их получения. Для оправдательных доказательств проблема допустимости имеет свои особенности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г., одобр. Советом Республики 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А. Р. Белкин. – М. : Норма, 2005. – 528 с.
3. Иванов, А. А. Проблемы использования доказательств, полученных с нарушением процессуального закона [Электронный ресурс] / А. А. Иванов // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки : сб. ст. по материалам XXIV междунар. студ. науч.-практ. конф. – № 9 (24). – Режим доступа: [http://sibac.info/archive/guman/9\(24\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/9(24).pdf). – Дата доступа: 09.10.2016.

УДК 343.13

Н.С. МИЛИЩУК

Луцк, ВНУ имени Леси Украинки

Научный руководитель – О.В. Крыкунов, кандидат юридических наук, доцент

ПРИНЦИПЫ ПУБЛИЧНОСТИ И ДИСПОЗИТИВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Расширение процессуальных прав участников процесса, предоставления и обеспечения возможности свободного распоряжения ими, которое закрепил

Уголовно-процессуальный кодекс Украины 2012 г. (далее – УПК), способствует усилению в уголовном процессе диспозитивных принципов. В основном это происходит за счет сужения публичной составляющей, однако ее игнорирование может привести к снижению эффективности уголовно-процессуальной деятельности. В таком случае государство потеряет действенный инструмент контроля над преступностью, которая приведет к снижению уровня защиты тех же частных интересов. Это предопределяет неотложную необходимость анализа закрепленных путей решения проблемы согласования публичных и частных интересов в положениях УПК 2012 г., который является целью этого доклада.

Преобладание в уголовном процессе публичности объясняется тем, что в уголовно-процессуальной форме находят свою реализацию нормы уголовного права, которые приняты с целью охраны и защиты общества от общественно-опасных посягательств. Государство не может стоять в стороне того, что нарушаются установленные ею же уголовно наказуемые запреты – совершаются преступления [1, с. 8].

К содержанию принципа публичности ученые включают: «сочетание инициативы и активности в процессуальной деятельности должностных лиц и государственных органов», «должностная обязанность уполномоченных субъектов нарушать уголовное преследование, осуществлять расследование и решение уголовного дела», «обязанность должностных лиц и государственных органов исследовать все обстоятельства дела и обеспечивать охрану прав и законных интересов лиц, которые участвуют по делу», «требования, которые обязывают должностные лица и органы, которые ведут уголовный процесс, совершать по своему усмотрению процессуальные действия в пределах своей компетенции», «обязанность суда и органов уголовного преследования использовать свои полномочия, обязанность проявлять инициативу в своей деятельности», требование «активной правоиспользующей деятельности», «ответственность должностных лиц и государственных органов, которые ведут процесс, за ход и результаты процессуальной деятельности» и др. [2, с. 27].

Как верно отмечает Ф.Н. Багаутдинов, «охрана, защита прав и законных интересов личности... является публично-правовой обязанностью государства, его органов и должностных лиц» [3, с. 194]. Иначе говоря, защита прав участников предусматривает не их пассивное сдерживание, а обязанность осуществлять активную деятельность, направленную на их защиту и возобновление в случае нарушения. Кроме того, анализ практики Европейского суда по правам человека свидетельствует, что с целью защиты прав, предусмотренных Европейской конвенцией о защите прав человека и основополагающих свобод, суд значительное внимание уделяет обязанностям государства и ее должностных лиц в сфере осуществления правозащитной деятельности, а именно обязанности:

- проводить эффективное и своевременное расследование;
- объяснить причины отказа в возбуждении уголовного дела;
- возмещения материального и морального вреда и т.п.

Этому свидетельствует рассмотрение таких дел как, *Naumenko v. Ukraine*, *Kobtsev v. Ukraine*, *Strizhak v. Ukraine*, *Sharenok v. Ukraine* и др.

Однако построение уголовного процесса лишь на основе публичности или, наоборот, диспозитивности также невозможна. Поскольку значительное усиление публичности может привести к приобретению уголовно-процессуальной деятельностью репрессивного характера, а диспозитивность – к анархии. Поэтому перед законодателем всегда стоит нелегкое задание – сбалансировать, возвести

к минимуму публичное принуждение, дабы защитить, насколько это возможно, права и свободы человека (диспозитивность).

Под диспозитивностью следует понимать меру процессуальной свободы, правовое положение, согласно которому сторонам уголовного процесса предоставляется и обеспечивается возможность свободно, в пределах, установленных уголовным процессуальным законом, избирать способы осуществления своих материальных и процессуальных прав и использовать на свое усмотрение предусмотренные законом публичные средства их защиты, а также активно влиять на ход и результаты процесса. Конкретизация предписаний принципов диспозитивности содержится в нормах уголовного процессуального закона, в которых идет речь о реализации сторонами своих прав (в частности, давать объяснение, показание, заявлять отводы, ходатайства, подавать доказательства, обжаловать решение, действия и бездействие следователя, прокурора, следственного судьи, суда в порядке, предусмотренном УПК, знакомиться с материалами уголовного дела, журналом судебного заседания и технической записью судебного процесса и др.).

Ярким примером расширения пределов диспозитивности является институт уголовного процесса в форме частного обвинения. В случаях, когда преступлением нанесен вред преимущественно частным интересам, законодатель считает возможным ограничить действие принципа публичности и предоставляет возможность потерпевшему от преступления на свое усмотрение решить вопрос – обращаться ему к государству за защитой нарушенного права или нет [1, с. 9].

Ради возможного возобновления и сохранения супружеских, семейных и других близких родственных отношений законодатель соответственно в пп. 2 и 3 ст. 477 УПК предусмотрел для потерпевшего возможность выбора относительно заявления о совершении относительно него уголовного правонарушения, если оно совершено его женой (мужчиной), другим близким родственником, членом семьи потерпевшего [3, с. 356].

Действие принципа диспозитивности значительно расширено за счет предвидения возможности широкого приложения в процессе соглашений между потерпевшим и обвиняемым. Это кажется целесообразным, поскольку увеличиваются шансы потерпевших на возмещение им вреда, нанесенного преступлением; стороны гарантируют для себя определенные процессуальные и материально-правовые блага, хотя и в «компромиссном» варианте [4, с. 123]. Тем более, что при заключении договоров не исключается применение к преступнику государственного осуждения. Однако, соглашения о примирении не могут быть заключены в процессе относительно тяжелых и особенно тяжелых преступлений, что предопределено необходимостью в этих случаях защитить интересы общества. Реализация же подозреваемым, обвиняемым диспозитивного права на заключение соглашения о признании виноватости обеспечит определенные «льготы»: исключение из обвинительного акта отдельных эпизодов обвинения; более мягкую квалификацию преступления – и способствует процессуальной экономии [3, с. 124].

Если соотносить принцип диспозитивности и принцип публичности в уголовном процессе, то можно сделать вывод, что следственный судья, суд решают лишь те вопросы, что:

- вынесены на их рассмотрение сторонами уголовного процесса;
- отнесены к их полномочиям УПК (ч. 3 ст. 26 УПК) [4, с. 91].

Проведенный выше анализ правовой природы этих двух, с одной стороны, очень разных принципов дает нам возможность сделать выводы о том, что диспозитивность

и публичность находятся в уникальной связи. Они родственны между собой и зависимы один от другого, в то же время выступая в качестве принципов-партнеров. Их тесное взаимодействие, оказываясь в разных формах, обеспечивает движение уголовного процесса. Целесообразность преимущества того или другого принципа на конкретном этапе уголовного процесса определяется законодателем с учетом важности данного этапа для установления обстоятельств уголовного правонарушения, возможности ограничения ради этого прав участников осуществления, значимости для них конкретного уголовно-процессуального решения. Сотрудничество диспозитивности и публичности обеспечивает существование нескольких вариантов развития уголовно-процессуальной деятельности, ее осуществления с учетом требований полноты, всесторонности и непредвзятости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нор, В. Т. Публічність і диспозитивність у кримінальному процесі України: суть, пріоритети, взаємодія, сфера дії / В. Т. Нор // Закон і бізнес. – 2004. – № 47–48. – С. 7–12.
2. Дилбандян, С. А. Публичность: определение и значение в уголовном судопроизводстве России и Армении / С. А. Дилбандян // Рос. следователь. – 2010. – № 10. – С. 27–30.
3. Багаутдинов, Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений / Ф. Н. Багаутдинов. – М. : Юрлитинформ, 2004. – 544 с.
4. Герасимчук, О. Структура принципу диспозитивності у кримінальному процесі / О. Герасимчук // Право України. – 2007. – № 3. – С. 123–131.

УДК 343

А.И. НЕЁЛОВА, К.В. ФАДЕЕВА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – Е.В. Романюк, преподаватель

ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

На всех стадиях уголовного процесса при раскрытии, расследовании, рассмотрении уголовных дел важное значение имеет выполнение задач борьбы с преступностью. Достижение этой цели определяется тем, насколько научно обосновано, тактически правильно и в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона проведено расследование. Для достижения полного и объективного расследования немаловажное значение имеет такое следственное действие, как допрос. В качестве допрашиваемых лиц могут выступать по ряду категорий дел несовершеннолетние. Результаты допроса несовершеннолетних во многом зависят от того, в какой степени следователь учитывает возрастные и умственные особенности несовершеннолетнего, достигает необходимого уровня психологического контакта с допрашиваемыми лицами.

Допрос несовершеннолетнего подозреваемого имеет свою специфику, обусловленную возрастными особенностями, своеобразием психики детей и подростков, которая характеризуется широкой вариантностью, связанной с особенностями их высшей нервной деятельности, бытовой средой, условиями воспитания и обучения [1, с. 57].

При допросе несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) крайне необходимо установить с ним психологический контакт, т.е. вызвать доверие и желание давать показания. Допрос подростков должен касаться не только обстоятельств совершенного преступления, но и условий его жизни, воспитания, ближайшего окружения, интересов и потребностей. Выяснение этих обстоятельств поможет установить причины, способствующие совершению несовершеннолетним преступления.

Согласно ст. 435 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) участие педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого обязательно. Перед началом допроса им разъясняется право с разрешения следователя, прокурора задавать вопросы допрашиваемому, а по окончании допроса – ознакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей, о чем делается отметка в протоколе. При анализе информации, полученной при допросе несовершеннолетнего, следует учитывать его возраст, личные особенности, возможное влияние взрослых или старших по возрасту лиц. Ст. 434 УПК гласит, что допрос несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого не может продолжаться без перерыва более 2 ч., а в общей сложности – более 4 ч. в день. Однако данное нормативное закрепление времени продолжительности допроса несовершеннолетних ввиду их повышенной утомляемости, на наш взгляд, следовало бы сократить. Таким образом, хотелось бы ввести дополнения в ст. 434 УПК, изложив ч. 1 данной статьи в следующей редакции:

«1. Допрос несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого не может продолжаться без перерыва более *одного часа*, а в общей сложности – более 4 ч. в день. В случаях утомления несовершеннолетнего до истечения установленного времени, допрос должен быть прерван для отдыха несовершеннолетнего».

Следует отметить положительные тенденции, реализующиеся в Республике Беларусь в сторону эффективности допроса несовершеннолетних. Так, в Республике Беларусь существуют специальные комнаты для допроса несовершеннолетних, так называемые «дружественные комнаты». Они используются, прежде всего, для допроса малолетних свидетелей, потерпевших по насильственным преступлениям. Такие комнаты эффективны тем, что обстановка, которая в них создается, позволяет малолетнему рассказать о произошедших событиях, что безусловно имеет большое значение для раскрытия преступления. Как было отмечено, в настоящее время в Республике Беларусь действуют комнаты опроса, где допрос лиц, ставших жертвами и свидетелями насильственных преступлений, проходит в дружественных им условиях. Всего в Беларуси их около 14. Допрос детей, ставших жертвами и свидетелями насильственных преступлений – это повторная психологическая травма, поскольку ребенку приходится заново вспоминать и воспроизводить пережитое [2, с. 123]. Риска повторной травматизации можно избежать, если допрашивать в так называемых дружественных комнатах. Преимуществом дружественного детям допроса является сохранение психики ребенка и повышение надежности и качества показаний.

Хотелось бы выделить еще ряд проблем, связанных непосредственно с неправильным установлением психологического контакта с несовершеннолетними и выбором тактического приема допроса, что сказывается на результатах допроса. Успешно осуществить допрос несовершеннолетнего может не каждый следователь, т.к. дело здесь не только в юридической подготовке и опыте следственной работы. Допрос несовершеннолетнего требует от следователя хороших знаний педагогики, общей и детской психологии, умения таким образом определить свою собственную

линию поведения, чтобы при строжайшем выполнении закона обеспечить успешное выполнение поставленной задачи. Именно поэтому целесообразно было бы ввести в подготовку следователей, осуществляющих производство предварительного следствия по уголовным делам с участием несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших основы детской и подростковой психологии, возрастной педагогики. Необходимо разработать методические рекомендации, инструкции допроса несовершеннолетних, освещающие вопросы установления психологического контакта, применения наиболее эффективных тактических приемов и комбинаций.

Допрос несовершеннолетних носит сложный и многогранный характер. Поэтому при подготовке к допросу несовершеннолетнего следователь должен учесть все особенности, чтобы впоследствии допрос был проведен успешно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилин, Ю. В. Следственные действия : учеб. пособие / Ю. В. Гаврилин, А. В. Победкин, В. Н. Яшин. – М. : Книж. мир, 2006. – 187 с.
2. Зорин, Г. А. Многовариантные программы допросов: технологии построения и применения / Г. А. Зорин. – М. : Изд-во деловой и учеб. лит. – 2005. – 336 с.

УДК 343.326

Я.Б. ПАПРОЦКИЙ

Львов, НУЛП

Научный руководитель – В.С. Канцир, доктор юридических наук, профессор

НЕДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: КРАТКИЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ С ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ США И ФРГ

Среди запретов, касающихся недопустимости доказательств, способов и источников доказывания, можно выделить следующие.

Запрет на использование в качестве доказательств результатов допроса как свидетелей лиц, имеющих, в соответствии с законом, право на отказ от дачи показаний, и которые воспользовались данным правом. Запрет на использование в процессе показаний обвиняемого (несмотря даже на его согласие), полученных путем применения запрещенных методов допроса, например, путем жестокого обращения, издевательства, введения в организм допрашиваемого специальных препаратов, пытки, обмана или гипноза. Это правило касается и допроса свидетелей. Также угрозы применения недопустимых средств или обещания непредусмотренных законом привилегий. Запрет использования показаний подозреваемого, без разъяснения ему права давать или не давать показания. Данное правило сформулировано и в праве США, в судебном решении «по делу Эрнесто Миранды». Так, норма из V поправки к Конституции США закрепила привилегию против самообвинения: «никто не должен принуждаться в уголовном деле быть свидетелем против самого себя», что является синонимом «презумпции невиновности». Как минимум, эта норма запрещает недобровольное признание вины. В целом признание вины считается судами добровольным, если оно – результат сугубо свободного и ничем неограниченного выбора человека, заявляющего такое признание. В своем решении по делу Миранды

в 1966 г. Верховный суд США пришел к выводу, что критерий добровольности признания вины не является надежной гарантией против полицейских злоупотреблений при допросах подозреваемых и полицейского принуждения к недобровольным признаниям вины. Суд постановил, что показания подозреваемого, полученные во время допроса, проводимого в условиях содержания допрашиваемого под стражей, не могут быть использованы против него во время суда, если только полиция сначала не создаст такие процессуальные условия допроса, которые гарантировали бы, что привилегия против самообвинения не будет нарушена [1].

В ФРГ, наоборот, процессуалисты даже выдвинули концепцию особого стиля полицейского допроса. Поскольку полиции приходится действовать в необычных условиях неотложности первичных действий, то невозможно простое перенесение применения норм судейского допроса, который проводится в спокойной обстановке, на полицейский допрос. Полиция действует как воинское подразделение перед лицом врага, когда необходимо проявлять жесткий нрав по сравнению с действиями тыловых штабов, и это неизбежно [2, с. 116].

Запрет на допрос в качестве свидетелей государственных чиновников об обстоятельствах, составляющих государственную или служебную тайну, без получения соответствующего разрешения. Так, контроль и запись телефонных и других разговоров могут быть разрешены только судом, когда это касается способов получения доказательств, которые могут осуществляться специальными уполномоченными лицами.

Кроме этого, учитывая решение Конституционного Суда Украины о неукоснительном соблюдении прав человека на досудебных и судебных стадиях процесса и стст. 87–88 Уголовно-процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины), можно выделить следующие правила признания доказательств недопустимыми:

- получение доказательственной информации из ненадлежащего, незаконного процессуального источника;
- получение доказательств незаконным, ненадлежащим субъектом;
- доказательство получено с нарушением, несоблюдением процессуального порядка получения доказательств;
- несоблюдение предусмотренных законом правил фиксации хода и результатов следственных (розыскных) действий (в т.ч. и негласных следственных (розыскных) действий);
- нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина. Суд должен признать доказательства недопустимыми в случае существенного нарушения прав и свобод человека, гарантированных Конституцией, международными договорами, ст. 87 УПК Украины;
- нарушение требований ст. 88 УПК Украины. Использование сведений, касающихся личности подозреваемого, обвиняемого, кроме исключений установленных данной статьей. Доказательства, касающиеся судимостей подозреваемого, обвиняемого или совершения им иных правонарушений, не являющихся предметом этого уголовного производства, а также сведения о характере или отдельных чертах характера подозреваемого, обвиняемого являются недопустимыми в подтверждение виновности подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Нужно несколько детализировать перечень правил признания доказательств недопустимыми на основе нашего законодательства. Порядок получения доказательств, предусмотренных в ч. 1 ст. 86 УПК Украины, как условие допустимости доказательств, предполагает соблюдение следующих требований:

- законность процессуального источника доказательств;
- надлежащий субъект получения доказательств;
- соблюдение процессуального порядка получения доказательств;
- соблюдение правил фиксации хода и результатов следственных (розыскных) и негласных следственных (розыскных) действий.

Таким образом, одной из важных новелл УПК Украины (стст. 86–90) можно считать четкое закрепление понятие допустимости доказательства, случаи недопустимости доказательств, полученных в результате существенного нарушения прав и свобод человека, перечень существенных нарушений допустимости, процедура признания доказательств недопустимыми, недопустимости доказательств и сведений, касающихся личности подозреваемого, обвиняемого, значение решений других судов в вопросах допустимости доказательств. Появление таких новелл объективно обусловлено тем, что уголовное производство осуществляется на основе состязательности сторон обвинения и защиты и, в таких случаях, происходит самостоятельное отстаивание ими собственных правовых позиций о признании доказательств недопустимыми.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уведомление подозреваемого о его правах по правилам, установленным Верховным судом США в решении по делу Миранды (1966) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.studfiles.ru>. – Дата доступа: 10.10.2016.
2. Бойльке, В. Уголовно-процессуальное право ФРГ / В. Бойльке ; пер. с нем. Я. М. Плошкиной ; под ред. Л. В. Майоровой. – Красноярск : РУМЦ ЮО, 2004. – 352 с.

УДК 343.1

А.В. СЕМЕНЮК

Луцьк, СНУ імені Лесі Українки

Науковий керівник: О. І. Назарук, кандидат юридичних наук, доцент

ПРОБЛЕМНІ АСПЕКТИ УКЛАДЕННЯ УГОДИ ПРО ВИЗНАННЯ ВИНУВАТОСТІ У КРИМІНАЛЬНОМУ ПРОЦЕСІ УКРАЇНИ

Аналіз особливостей укладення угод про визнання винуватості дає підстави стверджувати про певну неузгодженість правового регулювання даного інституту з основними принципами кримінального провадження. У зв'язку з цим виникає необхідність теоретичного обґрунтування проблем укладення угод про визнання винуватості та визначення можливих шляхів їх вирішення.

Зазначені питання у своїх наукових працях досліджували такі науковці, як М.Й. Вільгушинський, К.Б. Калиновський, М.І. Хавронюк, В.І. Бояров, Ю.М. Дьомін, Є.В. Повзик, І. Тітко, О.Г. Добровольська, Г.П. Середя та ін., однак, окремі аспекти правового регулювання цього правового інституту потребують подальшого теоретичного осмислення.

Зокрема, укладення угоди про визнання винуватості певною мірою суперечить принципу презумпції невинуватості. Так, якщо угоди досягнуто з підозрюваним, то невідкладно складається і направляється до суду обвинувальний акт, відтак підозрюваний швидко стає обвинуваченим (підсудним). Винятки дозволені (але не обов'язкові) лише у випадках, передбачених ч. 1 ст. 474 Кримінально-процесуального кодексу України (далі – КПК України). Ці положення суперечать ч. 2 ст. 6 Конвенції про захист прав людини і основоположних свобод, ч. 1 ст. 62 Конституції України, ст. 17 КПК України щодо необхідності доведення вини особи навіть у тих випадках, коли сама вона своєї винуватості не заперечує [1, с. 6]. Суперечливість проявляється у самому факті визнання особою себе винною у скоєнні злочину передчасно. Засудження особи можливе тільки при встановленні її вини, а у випадку укладення угоди судом ухвалюється вирок, яким призначається покарання без проведення повного досудового розслідування.

Крім цього, проблемою застосування цього інституту вважають посилення ролі прокурора та зменшення ролі суду в кримінальному провадженні. Суб'єктивізм у діяльності прокурора може супроводжуватися примушуванням особи відмовитись від свого конституційного права на презумпцію невинуватості та сприяти посиленню корупції в діяльності прокурорів і суддів [2, с. 13].

Однак, гарантією принципу презумпції невинуватості є положення ч. 6 ст. 469 КПК України, згідно з якою факт ініціювання угоди і будь-які твердження, що були зроблені з метою її досягнення, не можуть розглядатися як відмова від обвинувачення або як визнання своєї винуватості при недосягненні у підсумку переговорів згоди про укладення угоди.

Доволі багато науковців та практиків вказують на те, що угода про визнання винуватості є фактично відмовою у правосудді. Вони відзначають, що ці угоди можуть бути наслідком тиску на підозрюваного чи обвинуваченого, а тому можуть викривляти кримінальне провадження. Негативні аспекти застосування кримінального провадження на підставі угод про визнання винуватості вбачаються і в тому, що їх укладення нівелює принцип встановлення об'єктивної істини [3, с. 98]. Завдяки укладанню угоди можуть бути встановлені не всі юридично значимі обставини скоєння злочину. Суд у подібних випадках частіше за все не буде прагнути глибоко вникати в суть події, задовольняючись формальним визнанням винуватості з боку підозрюваного або обвинуваченого і можливістю без зайвих затягувань винести вирок [4, с. 144].

Виникають питання стосовно правомірності застосування таких елементів здійснення кримінального провадження, як досягнення будь-яких домовленостей з винною особою з передбаченням для неї певних вигідних умов. Укладаючи угоди про визнання винуватості, держава в особі прокурора йде на компроміс з особою, яка порушила врегульований законодавством перебіг суспільних відносин. Основними критеріями досягнення компромісу повинні бути законність, моральність та етичність, спрямованість на всебічний та об'єктивний розгляд кримінального провадження в суді.

Наявність інституту угод наводить на висновки, що цінність кримінального судочинства на сучасному етапі визначається не так здатністю встановити об'єктивну (матеріальну) істину і залежно від отриманого результату вирішити питання про винність або невинність особи, як наявністю можливостей задовольнити інтереси сторін [2, с. 13].

Угоди про визнання винуватості можуть бути інструментом, який сприяє органам досудового розслідування у випадках, коли вони у процесі здійснення слідчих

дій не зібрали достатню кількість доказів у кримінальному провадженні. Тоді відбувається ухилення від виконання завдань кримінального провадження, а саме недопущення засудження жодного невинуватого та встановлення об'єктивної істини у справі. Більшість обвинувальних вироків буде ухвалюватися лише тому, що обвинувачений беззастережно визнає себе винуватим, а не на підставі допустимих та належних доказів з боку сторони обвинувачення.

Застосування інституту угоди про визнання вини слід застосовувати лише за доведеності вини, а саме визнання вини розцінювати як позитивний виховний момент, обставину, що пом'якшує відповідальність, а в сукупності з дійовим каяттям може бути й обставиною, що звільняє особу від відповідальності [5, с. 201].

Через інститут угод реалізуються вимоги процесуальної економії, зокрема коштів і часу для кримінального провадження, знімається навантаження з судів. Однак, є ряд проблемних аспектів, які потребують свого вирішення, зокрема невідповідність умов укладення угод про визнання винуватості принципам кримінального процесу. Концепція угоди про визнання винуватості забезпечує врегулювання соціальних суперечностей, бо передусім ціллю укладення такої угоди є задоволення інтересів сторін, а не встановлення об'єктивної істини. Обов'язковою умовою угоди про визнання винуватості повинно бути її формування на достатніх доказах причетності особи до вчиненого злочину. Укладення угоди повинно супроводжуватись щирим розкаянням винного у вчиненому.

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. Хавронюк, М. Деякі проблеми угоди про визнання винуватості / М. Хавронюк // Юрид. вісн. України. – 2012. – № 29. – С. 6–7.
2. Дьомін, Ю. Інститут угод у кримінальному провадженні: важливі аспекти правозастосування / Ю. Дьомін // Вісн. Нац. акад. прокуратури України. – 2013. – № 4. – С. 11–19.
3. Вільгушинський, М. Й. Погоджувальне правосуддя у кримінальній юстиції України: актуальні проблеми впровадження та застосування / М. Й. Вільгушинський, М. В. Сіроткіна // Часоп. цивіл. і кримін. судочинства. – 2012. – № 6. – С. 97–112.
4. Власова, Г. П. Укладення угоди між прокурором і підозрюваним (обвинуваченим) про визнання винуватості / Г. П. Власова // Наук. вісн. Нац. ун-ту держ. податкової служби України (економіка, право). – 2013. – № 2. – С. 140–144.
5. Добровольська, О. Г. Провадження на підставі угоди про визнання винуватості відповідно до нового КПК України / О. Г. Добровольська // Право і суспільство. – 2013. – № 2. – С. 199–203.

УДК 343

А.Г. СНИТКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – О.В. Глухова, старший преподаватель

СООТНОШЕНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА И ВЕДОМСТВЕННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Образование в 2011 г. Следственного комитета Республики Беларусь повлекло за собой серьезные изменения и дополнения в нормы отечественного права, регламентирующие построение и функционирование правовой модели уголовного преследования. В частности, прокуратура лишилась статуса самостоятельного органа предварительного следствия и появилась новая процессуальная фигура – начальник следственного подразделения. В соответствии с п. 15 ст. 4 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) им является «Председатель Следственного комитета Республики Беларусь, начальник следственного управления, начальник следственного отдела или отделения, а также иного подразделения органа предварительного следствия, в ведении которого находятся вопросы предварительного следствия, и их заместители». В связи с этим произошло существенное перераспределение полномочий между прокуратурой и Следственным комитетом. Отметим, что полномочие по осуществлению производства предварительного следствия по уголовным делам все же сохранилось за прокурорами. Это направление деятельности прокуратуры отнесено законодателем к категории факультативных (второстепенных) задач, стоящих перед прокурорами. На первом плане – осуществление прокурорского надзора за исполнением закона при производстве предварительного расследования.

В отечественной и зарубежной уголовно-процессуальной науке наряду с этим понятием существует понятие «ведомственный процессуальный контроль» на стадии предварительного расследования, который реализуется начальником следственного подразделения и подразумевает «проверку законности и обоснованности процессуальных решений, принятие мер по организации предварительного следствия, применение полномочий, направленных на устранение выявленных нарушений закона» [1]. Отдельные вопросы прокурорского надзора и ведомственного процессуального контроля при предварительном расследовании нашли свое отражение в работах В.П. Ашитко, Ю.Н. Белозерова, И.Ф. Демидова, В.В. Кальницкого, А.А. Кеника, А.Ф. Козлова, А.С. Сенько, А.Ф. Смирнова, С.А. Табакова, Х.С. Таджиева и др.

Сравним данные понятия, определим их общие и отличительные черты.

Во-первых, и прокурорский надзор, и ведомственный процессуальный контроль – не только уголовно-процессуальная деятельность, но и средство обеспечения законности следственной деятельности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Во-вторых, прокурор осуществляет надзор за предварительным расследованием от имени государства и не связан ведомственной заинтересованностью в исходе дела. В отличие от начальника следственного подразделения, у него не существует иного процессуального интереса, помимо обеспечения законности и обоснованности деятельности органов предварительного следствия. Поэтому прокурорский надзор характеризуется большей независимой объективностью, чем ведомственный процессуальный контроль.

В-третьих, прокурорский надзор осуществляется за законностью предварительного расследования в целом, в то время как начальник следственного подразделения осуществляет ведомственный процессуальный контроль только за работой подчиненных ему следователей по конкретным уголовным делам.

В-четвертых, ведомственный процессуальный контроль характеризуют прежде всего властно-распорядительные полномочия по организации всестороннего и объективного предварительного расследования, обеспечению выполнения предписаний уголовно-процессуального закона, руководству деятельностью следователя, в т.ч. по вопросам тактики и методики производства расследования.

Наконец, отличительными чертами ведомственного процессуального контроля являются: непрерывность (часто ежедневность) в контрольной деятельности со стороны начальника; возможность оперативно реагировать на выявленные нарушения закона и устранять их; возможность применения к лицам, допустившим несущественные нарушения закона, мер дисциплинарного воздействия; приближенность к объекту контрольной деятельности; персональная ответственность начальника за допущенные нарушения закона, обуславливающая необходимость повышения качества контрольной деятельности. Указанные черты «говорят о характерном признаке ведомственного процессуального контроля – его действенности, заключающейся в том, что он наиболее приближен к контролируемой деятельности, а лица, его осуществляющие, могут вникать в такие тонкости проверяемой работы, которые не всегда доступны другим видам контроля и надзора» [1]. Поэтому большинство сотрудников органов предварительного расследования считают ведомственный контроль уголовного дела более эффективным, чем прокурорский надзор.

Разделяем позицию некоторых ученых-юристов, что термин «ведомственный процессуальный контроль» является не совсем точным. Контроль – всего лишь одна из функций управления, а не самоцель. Думается, следует вести речь не только о процессуальном контроле, но и о процессуальном руководстве предварительным расследованием со стороны начальника следственного подразделения, направленном на повышение эффективности организации расследования.

Для осуществления прокурорского надзора и ведомственного процессуального контроля на стадии предварительного расследования прокурор и начальник следственного подразделения имеют широкий спектр полномочий, регламентированных ч. 5 ст. 34 УПК и ч. 2 ст. 35 УПК соответственно. Следует подчеркнуть, что в целом прокурор по сравнению с начальником следственного подразделения наделен более широкими полномочиями. Так, прокуроры среди органов уголовного преследования обладают исключительной возможностью возбуждать уголовные дела частного обвинения по преступлениям, указанным в ч. 2 ст. 26 УПК, а также уголовные дела частного-публичного обвинения. Кроме того, ряд полномочий прокурора обладают признаками ведомственного контроля, поскольку непосредственно связаны с руководством деятельностью следователя (отметим, не подчиненного непосредственно прокурору), например: отменять незаконные и необоснованные постановления следователя, давать следователю обязательные для исполнения письменные указания о производстве следственных и других процессуальных действий, разрешать жалобы на решения и действия следователя. Аналогичные права предоставлены начальнику следственного подразделения в ст. 35 УПК.

Таким образом, можно заключить, что в соответствии с нормами действующего уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь полномочия

прокурора по осуществлению надзора за соблюдением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия выходят за рамки исключительно надзорных, имеют черты ведомственного контроля. Такую ситуацию можно объяснить тем, что исторически на протяжении достаточно продолжительного времени в органах прокуратуры имелся следственный аппарат, подчиненный прокурору. В настоящее время представляется необходимым более четко разграничить полномочия начальника следственного подразделения как непосредственного руководителя следователя, которому он обязан подчиняться, и надзирающего прокурора по процессуальному руководству деятельностью следователя по расследованию преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Олефиренко, Т. Г. Ведомственный процессуальный контроль как основное средство руководителя следственного органа по обеспечению законности предварительного расследования [Электронный ресурс] / Т. Г. Олефиренко // Издательство «Грамота». – Режим доступа: <http://www.gramota.net/materials/3/2014/2-2/37.html>. – Дата доступа: 20.10.2016.

УДК 343.24.

А.А. СОПРОНЮК

Львов, ЛНУ имени И. Франко

Научный руководитель – А.А. Павлишин, кандидат юридических наук, доцент

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕФИНИЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САНКЦИИ

Среди научных исследований уголовно-процессуальных санкций нами были выявлены значительные различия в подходах к их определению. Причиной этого является многозначность самого термина иностранного происхождения и отсутствие законодательной его дефиниции. Также на толкование содержания санкции нормы права влияют противоречивые подходы к институту юридической ответственности.

Санкция (от лат. *sanctio* – строжайшее постановление) как многозначный термин толкуется в зависимости от специфики использования в тексте: как утверждение чего-либо высшей инстанцией, признание законности действий, решений – в юридической лексике имеет четыре основных значения:

- меры, применяемые к правонарушителю и влекущие для него определенные неблагоприятные последствия;
- структурная часть нормы права, указывающая на возможные меры воздействия на нарушителя данной нормы;
- термин «санкция» используется в процессуальной сфере для определения согласия компетентного государственного органа на совершение тех или иных юридически значимых действий, например, санкция судьи на обыск [1, с. 69] (следует указать на моральную устарелость примера, поскольку законодатель в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Украины понятием «санкция» больше не оперирует);
- в международном праве как меры воздействия в отношении государства, которое нарушило международное соглашение [2, с. 473].

В правоведении санкция определяется как часть нормы права, которая устанавливает невыгодные последствия в случае невыполнения правила, определенного в диспозиции. Она является логически завершающим элементом структуры нормы права, обусловлена существованием диспозиции. Санкция связывается с нежелательными последствиями материального, физического, психического и иного характера, которые наступают для правонарушителя [3, с. 283].

Стоит упомянуть, что учение о юридической ответственности впоследствии было расширено благодаря концепции позитивной ответственности. Это повлияло и на научные представления о понятии правовых санкций. В частности, А.В. Малько отстаивает позицию, согласно которой санкция – это часть нормы права, которая содержит не только вид и меру возможного наказания за невыполнение обязательств, определенных в диспозиции, но и указание на меры поощрения за выполнение рекомендованных действий [4, с. 33]. По нашему мнению, такой подход методологически ошибочен, поскольку прямо противоположные меры воздействия (принуждение и поощрение) объединяются в одном понятии.

В теории уголовного процесса одним из первых отраслевые санкции исследовал А.И. Столмаков. Согласно его наблюдениям, одни авторы определяют уголовно-процессуальные санкции как неблагоприятные последствия, наступающие в случае нарушения правовой нормы, другие – как указание на меры государственного принуждения к соблюдению норм права. Последняя концепция по оценке А.И. Столмакова представляется более правильной, поскольку термин «неблагоприятные последствия» слишком неконкретный. В этом случае размывается принципиальное различие между правовыми и другими социальными нормами, которое заключается в том, что первые охраняются с помощью мер государственного принуждения [5, с. 41].

В теории уголовного процесса Беларуси В.Н. Бибило высказал мнение, что с точки зрения теории уголовного процесса санкция – это такой элемент уголовно-процессуальной нормы, который указывает на последствия, которые должны наступить в случае несоблюдения ее диспозиции [6, с. 332]. Недостатком этого подхода, по нашему мнению, является «привязка» только к одному элементу правовой нормы. Кроме того, стоит акцентировать на негативном, неблагоприятном характере уголовно-процессуальных санкций.

Более последовательным представляется мнение Г.Н. Ветровой, которая определила санкцию как правовой способ обеспечения исполнения юридических обязанностей и охраны субъективных прав от возможных нарушений. Они предусмотрены нормами права как негативные последствия, которые наступают для обязанного субъекта процессуальных правоотношений при невыполнении им требований правовой нормы [7, с. 5]. К сожалению, определению Г.Н. Ветровой не хватает стройности изложения.

Также есть основания для критической оценки определения уголовно-процессуальной санкции, сформулированного С.А. Гейц, как последствий непризнания лица субъектом процесса при наличии оснований для этого или с нарушением процессуального порядка признания, а также нарушения процессуального порядка осуществления определенных действий и принятия определенных решений [8, с. 10]. Во-первых, по общему мнению упомянутых выше ученых, с которыми мы согласны, признаками уголовно-процессуальной санкции является невыгодность, штрафной характер последствий, а также прямое изложение их в нормах права (применение определенной меры принуждения, устранение должностного лица от дальнейшего

участия в производстве, отмена процессуального решения и т.п.). Во-вторых, неубедительной выглядит попытка «втиснуть» в общее определение уголовно-процессуальной санкции перечень конкретных форм нарушения норм Уголовно-процессуального кодекса.

Опираясь на изложенное, мы хотели бы привести наиболее удачное, по нашему мнению, определение, сделанное российскими учеными Н.А. Громовым, С.А. Полуниным, которые отметили, что санкция – это структурный элемент уголовно-процессуальной нормы, предусматривающий неблагоприятные последствия, которые наступают для субъекта процессуальных правоотношений при неисполнении или ненадлежащем исполнении требований уголовно-процессуальной нормы [9, с. 17]. Анализ этой точки зрения позволяет указать, что для формулировки научно обоснованного определения уголовно-процессуальной санкции нужно указать на правовую обязанность субъекта процессуальных правоотношений как предпосылку применения санкции за ее невыполнение. Также считаем, что и неисполнение, и ненадлежащее исполнение уголовно-процессуального закона не что иное, как формы его нарушения.

Подытоживая все вышесказанное, по нашему мнению, научно обоснованным, комплексным по содержанию и лаконичным по изложению является следующее определение: уголовно-процессуальная санкция – это структурный элемент нормы уголовно-процессуального законодательства, предусматривающий неблагоприятные последствия ее нарушения, которые наступают для обязанного субъекта процессуальных правоотношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орехов, В. Ю. Загальнотеоретичні проблеми розуміння санкції / В. Ю. Орехов // Часоп. Київ. ун-ту права. – 2005. – № 4. – С. 68–74.
2. Сухарев, А. Я. Большой юридический словарь / А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. – М. : Инфра-М, 2003. – 704 с.
3. Загальна теорія держави і права : підручник / М. В. Цвік [та ін.]; за ред. М. В. Цвіка, В. Д. Ткаченка, О. В. Петришина. – Харків : Право, 2002. – 432 с.
4. Малько, А. В. Поощрение как правовое средство / А. В. Малько // Правоведение. – 1996. – № 3. – С. 26–36.
5. Столмаков, А. И. Понятие и классификация санкций норм уголовно-процессуального права / А. И. Столмаков // Правоведение. – 1977. – № 3. – С. 40–46.
6. Бибило, В. Н. Структура норм уголовно-процессуального права // Проблемы юриспруденции: избранные труды / В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2010. – 470 с.
7. Ветрова, Г. Н. Санкции в судебном праве / Г. Н. Ветрова. – М. : Наука, 1991. – 160 с.
8. Гейц, С. О. Норми кримінально-процесуального права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С. О. Гейц. – Харків : ХНУВС, 2008. – 20 с.
9. Громов, Н. А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России / Н. А. Громов, С. А. Полунин. – М. : Городец, 1998. – 152 с.

УДК 343.326

В.В. СТРОИЧ

Львов, НУЛП

Научный руководитель – В.С. Канцир, доктор юридических наук, профессор

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ОБЖАЛОВАНИЕ РЕШЕНИЙ, ДЕЙСТВИЙ, БЕЗДЕЙСТВИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В связи с тем, что сфера уголовного судопроизводства связана с ограничением прав и свобод лиц, участвующих в процессе, вся деятельность в этой сфере должна строиться на строгом и неукоснительном соблюдении норм действующего законодательства. Но в ходе расследования уголовных производств бывают случаи совершения уполномоченными лицами незаконных действий или принятия необоснованных решений. В данном случае особое значение приобретает такое средство защиты прав граждан, как возможность участников процесса обжаловать решение, действие, бездействие во время досудебного расследования.

Институт обжалования действий, решений или бездействия государственных органов и должностных лиц в уголовном производстве – это совокупность уголовных процессуальных норм, регламентирующих деятельность участников производства в отношении подачи жалобы, деятельность следственного судьи по ее рассмотрению, а также правоотношения, которые возникают, развиваются и прекращаются между субъектами подачи жалоб и соответствующими должностными лицами.

Ч. 1 ст. 303 Уголовно-процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины) приводит исчерпывающий перечень случаев и субъектов обжалования решений, действий или бездействия стороны обвинения на предварительном расследовании.

Следует иметь в виду, что, в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 214 УПК Украины, бездействие следователя, прокурора, которое заключается в невнесении сведений об уголовном правонарушении в Единый реестр досудебных расследований, обозначает невнесение сведений в течение 24 ч. после получения заявления или сообщения об уголовном правонарушении. Этот срок исчисляется в порядке, предусмотренном в Положении о порядке ведения Единого реестра досудебных расследований, утвержденном приказом Генерального прокурора Украины от 06.04.2016 г. № 139 [1].

Бездеятельность следователя, прокурора, которая заключается в невозвращении временно изъятого имущества в соответствии с требованиями ст. 169 УПК Украины. Учитывая то, что временно изъятое имущество возвращается лицу, у которого оно было изъято, на основании постановления прокурора, бездействие может заключаться в непринятии такого постановления при отсутствии оснований для изъятия имущества.

Бездеятельность следователя, прокурора, которая заключается в невыполнении других процессуальных действий, обязательных к совершению в определенный УПК Украины срок. Следует отметить о наличии связи между обязанностью следователя или прокурора придерживаться определенных в УПК Украины действий и сроков, в пределах которых указанные лица обязаны их совершить.

Бездеятельность следователя или прокурора при применении мер безопасности. Согласно п. 6 ч. 1 ст. 303 УПК Украины, допускается обжалование действий следователя или прокурора при применении мер безопасности. Т.е. те их действия, которые заключаются в применении мер безопасности, могут быть обжалованы во

время досудебного расследования. Во всех остальных случаях обращение с жалобой возможно при наличии соответствующих решений следователя или прокурора, определенных в пп. 2–8 ч. 1 ст. 303 УПК Украины, изложенных в соответствующих процессуальных документах [2].

Обеспечению реализации права на обжалование процессуальных решений, действий или бездействия органов, проводящих досудебное расследование и судебное разбирательство, служит, прежде всего, стадийное построение производства. Обжалование возможно как на отдельной его стадии, в которой и решается жалоба, так и на следующей. Особое значение право на обжалование приобретает на стадии досудебного расследования, где наиболее чувствительно затрагиваются права, свободы и интересы лиц. Например, проф. М.Е. Шумило вообще считает стадию досудебного расследования наиболее уязвимой для нарушения прав человека и гражданина, в которой переплетаются и не совпадают интересы личности, общества и государства [3, с. 375–380].

На стадии досудебного расследования обжалование процессуальных решений, действий или бездействия органов досудебного расследования и прокурора возможно с использованием двух порядков – ведомственного и судебного.

Учеными-процессуалистами справедливо отмечается, что цель внедрения в уголовный процесс этой процедуры заключается в обеспечении неотложной судебной защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства [4, с. 507]. Итак, возможность обжаловать любое решение непосредственно в суде выступает одним из основных элементов права граждан на процессуальную защиту.

Обжаловать решения, действия и бездействие разрешается в течение всего периода уголовного производства. Исключения связаны с тем, что не могут быть обжалованы в апелляционном или в кассационном порядке судебные решения, которые не перечислены ст. 392 и ст. 424 УПК Украины.

Свобода обжалования любых действий (бездействия) вышеупомянутых органов и должностных лиц, с одной стороны, позволяет участникам уголовного производства в полной мере реализовать свои процессуальные права и обеспечить защиту собственных интересов, способствует выявлению и устранению нарушений и ошибок, допущенных при осуществлении уголовного производства, а с другой, значительно уменьшает количество эффективного рабочего времени следователя и прокурора на стадии предварительного расследования [4, с. 664].

По сравнению с другими процедурами, судебный порядок рассмотрения жалоб обеспечивает большую объективность, широкие возможности для заинтересованных лиц в отстаивании своих интересов, большую авторитетность и обязательность принятого по результатам рассмотрения жалобы решения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Положения о порядке ведения Единого реестра досудебных расследований [Электронный ресурс] : приказ Генер. прокуратуры Украины от 06.04.2016, № 139. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua>. – Дата доступа: 10.10.2016.

2. О некоторых вопросах порядка обжалования решений, действий или бездействия во время досудебного расследования [Электронный ресурс] : письмо Высш. специализир. суда от 09.11.2012 г., № 1640/0/4-12. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua>. – Дата доступа: 10.10.2016.

3. Шумило, М. Є. Наукові основи реформування досудового слідства / М. Є. Шумило // Актуальні проблеми кримінального права, процесу та криміналістики :

Матеріали II-ї міжн. наук.-практ. конф., Одеса, 8 жов. 2010 р. : у 2 т. – Одеса : Фенікс, 2010. – Т. 2. – С. 375–380.

4. Уголовный процесс : учебник / под. ред. Ю. М. Грошевого [и др]. – Харків : Право, 2012. – 824 с.

УДК 343.85

Я.О. ТОРЧИЛО

Луцьк, СНУ імені Лесі Українки

Науковий керівник: О.І. Назарук, кандидат юридичних наук, доцент

ОКРЕМІ АСПЕКТИ ТАКТИКИ ДОПИТУ НЕПОВНОЛІТНІХ ОСІБ У КРИМІНАЛЬНОМУ ПРОВАДЖЕННІ ВІДПОВІДНО ДО ЧИННОГО ЗАКОНОДАВСТВА УКРАЇНИ

У криміналістиці тактику допиту розглядають як вибір та застосування під час проведення допиту найбільш ефективних тактичних прийомів, що сприяють одержанню повних і об'єктивних показань від особи.

Особливості тактики допиту неповнолітніх розглядались у працях Р.С. Белкіна, Л.В. Васильєва, А.І. Долгової, М.М. Коченова, Є.М. Левшиць, Т.П. Матюшкової, С.С. Ординського, С.О. Пришляка, І.В. Романовської, В.Ю. Шепитька, С.І. Яковенка та ін.

Кримінальне провадження стосовно неповнолітніх регулюється положеннями гл. 38 Кримінального процесуального кодексу України (далі – КПК України), а також іншими статтями вказаного кодифікованого акту.

Тактика допиту будується з урахуванням загальних положень, що відносяться до процесу отримання свідчень. Однак, у кожному конкретному випадку допиту загальні тактичні прийоми повинні істотно доповнюватися і конкретизуватися відповідно до вікових і психологічних особливостей даної категорії осіб [1, с. 279].

Так, Н.В. Павлюк виокремлює системи тактичних прийомів, які спрямовані на подолання наслідків дії окремих психологічних особливостей, притаманних психіці неповнолітніх. Пропонується застосовувати тактичні прийоми допиту: використання різних видів запитань (деталізуючих, уточнюючих, контрольних, нагадуючих); використання образотворчих здібностей неповнолітнього; висвітлення події з різних боків; пропонування допитуваному повторити розповідь в іншій послідовності; використання аналогії, порівняння, суперечностей усередині показань або з іншими доказами [2, с. 430].

Професор В.О. Коновалова пропонує під час допиту неповнолітніх дотримуватись таких рекомендацій: створювати обстановку допиту, найбільш сприятливу для встановлення психологічного контакту; бути ввічливим та уважним, маючи на увазі підвищену самооцінку неповнолітнього, відчуття достоїнства; особливу увагу звертати на формування запитань – вони повинні мати зрозумілу, чітку форму, бути доступними і зрозумілими неповнолітньому, враховувати віковий та інтелектуальний розвиток; не вживати складні терміни [3, с. 119].

Однією з умов допиту неповнолітнього, що забезпечує отримання повних і достовірних показань, є встановлення психологічного контакту між слідчим і допитуваним. В окремих випадках, коли контакт з дитиною не налагоджується, можна вдаватися до прийому, заснованому на численних спостереженнях психологів і педагогів про те, що діти часто виявляють підвищений інтерес до людей, які не звертають на них

увагу, і, звикнувши до їх присутності, самі намагаються вступити в спілкування з ними. «У подібних випадках слідчий може зайняти вичікувальну позицію, зробити вигляд, що займається своїми справами, не маючи до дитини жодного відношення, в той час як з дитиною розмовляє педагог або супроводжуюча особа» [4, с. 177].

Застосування ігрових ситуацій під час допиту сприятиме нейтралізації психологічної напруженості у неповнолітніх молодшого віку. Ігрові моменти можна використовувати навіть до неповнолітніх 10–11 рр. [5].

Новелою нового КПК є допит малолітнього або неповнолітнього свідка, потерпілого у режимі відеоконференції при трансляції з іншого приміщення (дистанційне досудове розслідування). Необхідність проведення допиту малолітнього або неповнолітнього свідка, потерпілого у режимі відеоконференції, як правило, виникає у зв'язку з тим, щоб запобігти або мінімізувати психологічне травмування неповнолітнього або малолітнього потерпілого чи свідка, яке може бути викликане його особистим візуальним контактом з підозрюваним [6, с. 55].

Отже, тактика проведення допиту малолітніх та неповнолітніх осіб заснована на загальних положеннях проведення допиту, регламентованих чинним кримінальним процесуальним законодавством і зумовлена видом конкретного кримінального провадження. Тактика допиту неповнолітніх має специфічні особливості, що обумовлюються їх індивідуальними властивостями і рівнем розвитку та визначаються залежно від особливостей психіки дітей і підлітків різного віку.

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. Шурухнов, Н. Г. Криміналістика : учеб. пособие / Н. Г. Шурухнов. – М. : Юристъ, 2006. – 639 с.
2. Павлюк, Н. В. Використання тактичних прийомів допиту неповнолітніх, спрямованих на нейтралізацію фантазування / Н. В. Павлюк // Криміналістика ХХІ століття : матер. міжн. наук.-практ. конф., Харків, 25–26 лист. 2010 р. – Харків : Право, 2010. – С. 427–430.
3. Коновалова, В. Е. Допрос: тактика и психология / В. Е. Коновалова. – Харьков : Издатель СПД ФЛ Вапнярчук Н. Н., 2006. – 176 с.
4. Васильев, А. Н. Тактика отдельных следственных действий / А. Н. Васильев. – М. : Юрид. лит., 2009. – 327 с.
5. Павлюк, Н. В. Процес формування показань неповнолітніх (інтерпретація та використання під час допиту) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н. В. Павлюк ; Нац. ун-т «Юрид. акад. України ім. Я. Мудрого». – Харків, 2011. – 20 с.
6. Кримінальний процесуальний кодекс України : наук.-практ. коментар : у 2 т. / О. М. Бандурка [та ін.] ; за заг. ред. В. Я. Тація, В. П. Пшонки, А. В. Портнова. – Харків : Право, 2012. – Т. 1. – 768 с.

УДК 343.1

Г.М. ХАРКІВ

Луцьк, СНУ імені Лесі Українки

Науковий керівник: О.І. Назарук, кандидат юридичних наук, доцент

КРИМІНАЛЬНЕ ПРОВАДЖЕННЯ НА ПІДСТАВІ УГОД ЯК ОСОБЛИВИЙ ІНСТИТУТ КРИМІНАЛЬНОГО ПРОЦЕСУАЛЬНОГО ПРАВА УКРАЇНИ

Одним із шляхів реформування кримінального процесуального законодавства є спрощення кримінального провадження та розширення реалізації принципу диспозитивності у ньому. З урахуванням цього, у Кримінально-процесуальному кодексі України (далі – КПК України) з'явився принципово новий інститут кримінального процесуального права – провадження на підставі угод. Цей інститут покликаний сприяти досягненню консенсусу між сторонами кримінального провадження.

Проблематиці провадження на підставі угод в Україні присвячені праці таких вчених, як В.І. Боярова, М.Й. Вільгушинський, В.Г. Гончаренко, Ю.М. Грошевий, М.О. Карпенко, В.Т. Нор, В.О. Рибалко, О.В. Сав'юк, В.Я. Тацій, Г.П. Серeda, В.І. Фаринник, М.І. Хавронюк, однак окремі питання укладення угод у кримінальному процесі потребують подальшого обґрунтування. Так, Є.М. Блажівський, Ю.М. Грошевий, Ю.М. Дьомін вказують на те, що аналіз норм КПК України, наукових публікацій, що регламентують умови і порядок укладення таких угод, приводить до висновку, що в Україні немає досвіду правозастосування цього інституту, а окремі положення цього нормативно-правового акту потребують вдосконалення та змін.

У КПК України чітко визначено особливості кримінального провадження на підставі угод, водночас, у законі не надано поняття угоди про примирення між потерпілим та підозрюваним чи обвинуваченим. Разом з тим у ч. 2 ст. 469 КПК України визначено, що угода про примирення між потерпілим та підозрюваним чи обвинуваченим може бути укладена у провадженні щодо кримінальних проступків, злочинів невеликої чи середньої тяжкості та у кримінальному провадженні у формі приватного обвинувачення [1].

Цікавим нововведенням є положення про те, що домовленості стосовно угоди про примирення можуть укладати потерпілі, підозрювані чи обвинувачені як самостійно, так і за допомогою захисників і представників або іншої особи, погодженої сторонами (єдиним обмеженням щодо ведення подібних переговорів є однозначна заборона брати в них участь слідчому, прокуророві чи судді). Водночас, як вказує С. Слинко, можуть залучатися фахівці з цієї справи (медіатори), які допомагають консультаціями обом сторонам при домовленості та складанні проекту угоди [2].

Позитивним є й положення, що на слідчого, прокурора покладається зобов'язання поінформувати підозрюваного й потерпілого про їх право на примирення, роз'яснити механізм його реалізації та не чинити перешкод в укладенні відповідної угоди (ч. 7 ст. 469 КПК). Обов'язковим, на думку Е.В. Попаденко, є роз'яснення таким особам наслідків укладення та затвердження угоди про примирення, які закріплені в ч. 2 ст. 473 КПК (для підозрюваного чи обвинуваченого – це обмеження права оскарження вироку згідно з положеннями стст. 394 і 424 КПК та відмова від здійснення прав, передбачених п. 1 ч. 4 ст. 474 КПК) [3, с. 55].

Підписавши угоду, потерпілий, у свою чергу, має усвідомлювати, що надалі позбавляється права вимагати в подальшому притягнення свого кривдника до

кримінальної відповідальності за відповідне кримінальне правопорушення чи змінювати розмір вимог про відшкодування шкоди [2].

При цьому законодавець не розкриває зміст дій, не пов'язаних із відшкодуванням шкоди, які підозрюваний чи обвинувачений зобов'язані вчинити на користь потерпілого. Суд зобов'язаний переконатися у судовому засіданні, що укладення угоди сторонами є добровільним, тобто не є наслідком застосування насильства, примусу, погроз або наслідком обіцянок чи дії будь-яких інших обставин, ніж ті, що передбачені в угоді. Для з'ясування добровільності укладення угоди за необхідності суд має право витребувати документи, у тому числі скарги підозрюваного чи обвинуваченого, подані ним під час кримінального провадження, та рішення за наслідками їх розгляду, а також викликати у судові засідання осіб та опитувати їх [4, с. 123].

Якщо суд відмовить в затвердженні угоди, тоді досудове розслідування або судове провадження здійснюється у загальному порядку. Сторони кримінального провадження в цьому випадку не можуть повторно укласти угоду про визнання винуватості та звернутися до суду для її затвердження [5, с. 329].

Провадження на підставі угод має важливе значення в кримінальному судочинстві, тому що сприяє економії процесуального часу та державних коштів. В майбутньому інститут угод повинен вдосконалити кримінальний процес, забезпечивши швидке відновлення прав потерпілого й підвищивши ефективність розслідування злочинів.

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. Кримінальний процесуальний кодекс України. – Київ: Центр учбової літ., 2012. – 254 с.
2. Слинко, С. Угоди в кримінальному провадженні: новела кримінально процесуального законодавства [Електронний ресурс] / С. Слинко // Судеб.-юрид. газ. – Режим доступу: <http://sud.ua/blog/2014/02/15/60561-ygodi-v-krimnalnomu-provadhenn-novela-krimnalnogo-protsepyalnogo-zakonodavstva/print>. – Дата доступу: 10.10.2016.
3. Шкелебей, В. А. Угоди про примирення й визнання винуватості у кримінальному процесі України та інших країн: порівняльний аналіз / В. А. Шкелебей // Наук. вісн. Нац. акад. внутр. справ. – 2012. – № 6. – С. 179–188.
4. Шпачук, А. О. Провадження на підставі угод / А. О. Шпачук // Часоп. Акад. адвокатури України. – 2014. – № 22. – С. 121–128.
5. Кримінальний процесуальний кодекс України: наук.-практ. коментар: у 2 т. / Є. М. Блажівський [та ін.]; за заг. ред. В. Я. Тація, А. В. Портнова. – Харків: Право, 2012. – Т. 2. – 664 с.

УДК 343

Д.А. ЧИГРИН

Уфа, БашГУ

Научный руководитель – А.А. Тарасов, доктор юридических наук, профессор

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПО ФОРМИРОВАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: СРАВНИТЕЛЬНО- ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Перераспределение в уголовном процессе Российской Федерации полномочий субъектов государственной обвинительной деятельности, ставшее следствием принятия Федерального закона № 87-ФЗ от 5 июня 2007 г. [1], повлекло за собой существенное ослабление статуса прокурора в досудебном производстве по уголовному делу. Участник процесса, ответственный за поддержание государственного обвинения в суде, фактически утратил возможность контролировать процесс его формирования на досудебных стадиях процесса, оказавшись дистанцированным от субъекта, проводящего расследование, т.е. от следователя. Полагаем, что это стало причиной ухудшения качества проводимого расследования, а также может негативно влиять на эффективность поддержания государственного обвинения в суде.

Как следует из статистических данных, опубликованных на официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации [2], в последние годы количество направленных прокуратурой требований об устранении нарушений законодательства в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) неуклонно росло. Если в 2011 г. число направленных требований составляло 83 223, то в 2012 г. – 115 594 (количество увеличилось на 38,9 %), в 2013 г. – 147 337 (количество увеличилось на 27,5 %), в 2014 г. – 184 300 (количество увеличилось на 25,1 %), в 2015 г. – 215 246 (рост составил 16,8 %), в период с января по май 2016 г. – 108 285 (увеличение по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. на 23,5 %). Таким образом, в период с 2011 г. по 2015 г. количество направленных прокуратурой требований об устранении нарушений законодательства в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ увеличилось более, чем на 200 %, и данная тенденция сохраняется.

Необходимость расширения полномочий прокурора в досудебном производстве косвенно подтверждается и данными социологических исследований. Так, 54,55 % опрошенных автором следователей указывают, что участие прокурора в следственных действиях может положительно повлиять на эффективность поддержания государственного обвинения в суде.

Зарубежный правовой опыт также свидетельствует о целесообразности наделения прокурора более широкими полномочиями во взаимоотношениях с органами расследования.

Заслуживают внимания выводы одного из проводившихся в США научно-практических исследований. В конце 1970-х гг. американский Национальный институт правоохранительной деятельности и Уголовного правосудия (The National Institute of Law Enforcement and Criminal Justice), позднее переименованный в Национальный институт правосудия (The National Institute of Justice), выделил грант корпорации RAND на проведение общенационального анализа расследований, проводимых полицией в крупных городах США. Его авторы пришли, помимо прочего, к выводу о необходимости передачи расследования, проводимого после ареста подозреваемого

(post-arrest Investigation), под руководство обвинителя (prosecutor). Анализ обработанных авторами данных показал, что большая часть «следственных усилий» в раскрытых делах производилась именно после ареста. Принимая во внимание осуществляемые в ходе уголовного судопроизводства функции, именно обвинитель был признан тем должностным лицом, которое должно направлять деятельность следствия. Возложение на него подобных полномочий может стать эффективным способом обеспечения потребности в доказательствах, необходимых для успешного судебного преследования [3].

В Англии и Уэльсе, в соответствии с п. 3.2 Кодекса Королевских Обвинителей (The Code for Crown Prosecutors) Служба Королевских Обвинителей (The Crown Prosecution Service), отвечающая за выдвижение обвинения и его поддержание перед судом, может консультировать органы, производящие расследование, давать им советы, касающиеся тактики расследования. Ими могут разъясняться требования, предъявляемые к доказательствам, может оказываться содействие при производстве процедур, предшествующих обвинению (pre-charge procedures) [4]. Между тем, в п. 3.2 Кодекса Королевских Обвинителей четко говорится, что они не вправе руководить полицией и иными органами, производящими расследование.

Значительным объемом полномочий в досудебном производстве наделены органы, отвечающие за дальнейшее поддержание государственного обвинения в суде, и в странах СНГ.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь в ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор принимает уголовное дело к своему производству и расследует его в полном объеме, пользуясь при этом полномочиями следователя, или поручает его расследование нижестоящему прокурору либо соответствующему органу предварительного следствия; осуществляет надзор за расследованием уголовных дел органом дознания, следователем; осуществляет процессуальное руководство и надзор за деятельностью нижестоящего прокурора, производящего предварительное следствие (ч. 4 ст. 34 УПК Республики Беларусь). Схожая ситуация наблюдается и в Республике Молдова [5]. Как указывается в ст. 52 Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова, в ходе уголовного преследования прокурор непосредственно осуществляет уголовное преследование, выполняя функции органа уголовного преследования, лично осуществляет руководство уголовным преследованием и контролирует законность процессуальных действий органа уголовного преследования, дает письменные указания о производстве действий по уголовному преследованию и специальных розыскных мероприятий по розыску лиц, совершивших преступления, предъявляет обвинение и допрашивает обвиняемого, а также осуществляет иные полномочия, предусмотренные законом.

Таким образом, статистические данные и международный правовой опыт свидетельствуют о том, что при выработке предложений по совершенствованию уголовно-процессуального закона необходимо принимать во внимание важность обеспечения эффективного взаимодействия между субъектами, отвечающими за обвинительную деятельность в суде, и субъектами, производящим расследование по уголовному делу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон № 87-ФЗ от 5 июня 2007 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» // Рос. газ. – 2007. – 8 июня. – № 122.

2. Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/stat/data/>. – Дата доступа: 05.10.2016.
3. Greenwood, P. W. The Criminal Investigation Process : in 4 vol. / P. W. Greenwood, J. R. Petersilia. – Santa Monica : Rand Corporation, 1975. – Vol. 1 : Summary and Policy Implications. – 31 p.
4. The Crown Prosecution Service. The Code For Crown Prosecutors. January. 2013. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.cps.gov.uk/publications/code_for_crown_prosecutors/index.html. – Date of access: 04.10.2016.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 07.06.2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?Id=326970&lang=2>. – Дата доступа: 04.10.2016.

УДК 343.1

Ю.В. ШЕВЧИК

Луцьк, СНУ імені Лесі Українки

Науковий керівник: О.І. Назарук, кандидат юридичних наук, доцент

ВЗАЄМОДІЯ СЛІДЧОГО ТА ПРОКУРОРА У КРИМІНАЛЬНОМУ ПРОЦЕСІ УКРАЇНИ

На сьогоднішній день термін «взаємодія» не є законодавчо визначений у кримінальному процесі. Питання взаємодії суб'єктів кримінального провадження досліджувалися рядом науковців, до яких належать О. Василенко, П. Каркач, О. Толочко, В. Пивоваров, Л. Щербина М. Якимчук та ін. У науці кримінального процесу, криміналістиці взаємодія слідчого та прокурора формулюється як погоджені щодо мети, місця і часу спільні процесуальні заходи.

Актуальність поняття взаємодії у кримінальному провадженні обумовлена особливим статусом прокурора у цьому процесі. Адже, здійснюючи нагляд у формі процесуального керівництва, прокурор повинен не тільки визначити обсяг доказової бази, яку необхідно отримати під час досудового слідства, але й забезпечити законність при її зборі [2, с. 95].

Відповідно до ст. 36 Кримінально-процесуального кодексу України (далі – КПК України), прокурор є самостійним у своїй процесуальній діяльності, втручання в яку осіб, що не мають на те законних повноважень, забороняється. Органи державної влади, органи місцевого самоврядування, підприємства, установи й організації, службові та інші фізичні особи зобов'язані виконувати законні вимоги та процесуальні рішення прокурора.

Здійснюючи нагляд за додержанням законів під час проведення досудового розслідування у формі процесуального керівництва досудовим розслідуванням, прокурор має ряд повноважень. Реалізація окремих з них дозволяє забезпечити ефективну та своєчасну взаємодію слідчого та прокурора-процесуального керівника у кримінальному провадженні.

Слідчий, у свою чергу, обирає тактичні прийоми розслідування злочинів і погоджує їх із прокурором. Таким чином ми маємо своєрідний тандем прокурора та слідчого, метою якого є розслідування кримінального провадження.

Так, відповідно до п. 4 ч. 2 ст. 36 КПК України, прокурор може доручати слідчому, органу досудового розслідування проведення у встановлений прокурором строк слідчих (розшукових) дій, негласних слідчих (розшукових) дій, інших процесуальних дій або давати вказівки щодо їх проведення чи брати участь у них, а за необхідності – особисто проводити слідчі (розшукові) та процесуальні дії в порядку, визначеному КПК України. Водночас, прокурор, користуючись правом встановлення строку слідчих (розшукових) дій, негласних слідчих (розшукових) дій, інших процесуальних дій, ставить слідчого в часові рамки, що не завжди є позитивом для слідчого. Проте можливість прокурора брати участь у проведенні процесуальних дій або ж проводити їх особисто свідчить про взаємозв'язок з слідчим та можливість надання останньому компетентної допомоги у розкритті кримінальних правопорушень.

У п. 7 ч. 2 ст. 36 КПК України прокурор має право скасовувати незаконні та необґрунтовані постанови слідчих. Прокурор відповідно до закону, враховуючи обставини кримінального провадження, на власний розсуд оцінює обґрунтованість постанови, що дає йому своєрідне «право вето» на постанову слідчого, скориставшись яким прокурор наглядає за додержанням законів під час здійснення досудового розслідування.

У п. 13 ч. 2 ст. 36 КПК України визначено, що прокурор наділений правом затверджувати чи відмовляти у затвердженні обвинувального акта, клопотань про застосування примусових заходів медичного або виховного характеру, вносити зміни до складеного слідчим обвинувального акта чи зазначених клопотань, самостійно складати обвинувальний акт чи зазначені клопотання.

Прокурор не зобов'язаний виконувати функції, покладені на слідчого, він лише здійснює нагляд за розслідуванням кримінального провадження, здійснюючи процесуальне керівництво. Тобто він або визначає законність процесуальних дій слідчого і погоджується з ними, або ж не погоджується і самостійно встановлює подальший хід справи.

Варто погодитись з думкою М. Руденка та В. Півненка, які вказують, що наділення прокурора у досудовому розслідуванні функцією процесуального керівництва органами досудового слідства зумовлено такими чинниками: ліквідацією архаїчного кримінального процесуального інституту додаткового розслідування, який гостро підняв проблему, пов'язану не тільки з забезпеченням законності усіма учасниками досудового розслідування (що було раніше), а й з неприпустимістю представлення в суд неякісно розслідуваної кримінальної справи, визначенням прокурора ключовим владним суб'єктом досудового розслідування, що відповідає перед державою за забезпечення якісного розслідування кримінальних правопорушень, покладенням на прокурора обов'язку з прийняття кінцевого рішення за результатами проведеного розслідування кримінального правопорушення: закрити кримінальне провадження (ч. 1 ст. 284 КПК України), звернутися до суду з клопотанням про звільнення від кримінальної відповідальності (ч. 2 ст. 286 КПК України), звернутися до суду з обвинувальним актом (ст. 291 КПК України), звернутися до суду з клопотанням про застосування примусових заходів медичного або виховного характеру (ст. 292 КПК України) [3, с. 281].

Слід зазначити, що належна організація взаємодії прокурора й слідчого є важливою умовою ефективності процесуального керівництва досудовим розслідування та однією з ключових складових організації роботи прокурора-процесуального керівника.

Належним чином організована взаємодія прокурора й слідчого є дієвим способом підвищення оперативності та результативності досудового розслідування, за

умови постійного її здійснення. Проте така взаємодія не повинна переходити в інструмент втручання в самостійну процесуальну діяльність слідчих.

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. Кримінальний процесуальний кодекс України від 13.04.2012 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/main/t21>. – Дата доступу: 10.10.2016.
2. Бортун, М. Взаємодія прокурора зі слідчим, слідчим суддею на стадії досудового розслідування / М. Бортун // Вісн. Нац. акад. прокуратури України. – 2013. – № 4. – С. 95–100.
3. Руденко, М. В. Про сутність прокурорського процесуального керівництва досудовим розслідуванням / М. В. Руденко, В. П. Півненко // Юрид. часоп. Нац. акад. внутр. справ. – 2013. – № 1. – С. 277–283.
4. Плішкін, В. М. Теорія управління органами внутрішніх справ : підручник / В. М. Плішкін ; за ред. Ю. Ф. Кравченка. – Київ : Нац. акад. внутр. справ України, 1999. – 702 с.
5. Komamytzka, O. Die Zusammenarbeit des Leiters einer Staatsanwaltschaft, dem Staatsanwalt, der die prozessuale Leitung innehat und dem ermittelnden Organ der Staatsanwaltschaft im Rahmen der ukrainischen Strafprozessordnung / O. Komamytzka // Die Zusammenarbeit der Staatsanwaltschaft. – 2014. – № 4. – С. 385–397.

УДК 343

С.Н. ШИПУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – М.В. Андрияшко, кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕР ПОощРЕНИЯ И ВЗЫСКАНИЯ КАК СРЕДСТВ РЕАЛИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОСУЖДЕННЫХ

Одной из самых важных задач исправительных учреждений является укрепление законности, повышение эффективности воспитательного воздействия с помощью различных организационных, правовых и иных средств, в т.ч. предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством, мер поощрения и взыскания, применяемых к осужденным. Проблема совершенствования правового регулирования мер поощрения и взыскания как средства реализации требований режима в воспитательном воздействии на осужденных в условиях реформирования Уголовно-исполнительной системы является весьма актуальной.

Одним из действенных средств воспитательного воздействия на осужденных к лишению свободы является применение к ним предусмотренных законом мер поощрений и взысканий (дисциплинарной практики).

Уголовно-исполнительная система ориентирована на решение задач регулирования порядка и условий исполнения и отбывания наказания, определения эффективных средств исправления осужденных и совершенствования дисциплинарной практики в местах лишения свободы [1, с. 5].

Вопросам правового регулирования института применения мер поощрения и дисциплинарного взыскания к осужденным к лишению свободы в разное время были

посвящены труды таких отечественных ученых-правоведов, как К.В. Бубон [2], А.С. Михлин [3], Ю.Д. Соловьев [4] и др.

Для стимулирования осужденных к выполнению требований порядка и условий отбывания наказания предусмотрена широкая система мер поощрения, применяемая к ним. За надлежащее выполнение установленных законодательством обязанностей, добросовестное отношение к труду, обучению, участие в воспитательных мероприятиях, работе самодеятельных организаций осужденных и иную полезную деятельность к осужденным к лишению свободы, согласно ст. 110 Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК), могут применяться следующие меры поощрения:

- объявление благодарности;
 - награждение подарком;
 - денежная премия;
 - разрешение на получение дополнительной посылки или передачи;
 - разрешение на телефонный разговор продолжительностью до пятнадцати минут;
 - предоставление дополнительного краткосрочного или длительного свидания
- и др. [5, с. 278].

Меры поощрения применяются, если осужденный не имеет взысканий, за исключением досрочного снятия ранее наложенного взыскания. Досрочное снятие ранее наложенных взысканий осуществляется поочередно, начиная с первого непогашенного взыскания. Взыскания могут быть сняты в тех случаях, когда со дня отбытия взыскания или его объявления прошло менее года, т.е. не наступил срок погашения взыскания. Одним постановлением с осужденного может быть снято одно взыскание [6, с. 174–175].

Все поощрения осужденным объявляются постановлениями должностных лиц исправительных учреждений, имеющих право применять меры поощрения. После объявления осужденному постановления о применении поощрения начальник отряда делает соответствующую запись в тетради индивидуальной воспитательной работы [5, с. 279].

Меры взыскания применяются за нарушение установленного порядка отбывания лишения свободы. Виды мер взыскания:

- выговор;
- внеочередное дежурство по уборке помещений или территории исправительного учреждения;
- лишение права на получение очередной посылки или передачи;
- лишение очередного длительного или краткосрочного свидания и др.

В колониях-поселениях дополнительно предусмотрены меры взыскания в виде:

- отмены права проживания вне общежития;
- запрещения выхода за пределы общежития в свободное от работы время на срок до 30 дней.

Порядок применения мер взыскания установлен в стст. 113, 130, 131 УИК. Меры взыскания применяются с учетом обстоятельств совершения нарушения, личности осужденного и его предыдущего поведения. Налагаемое взыскание должно соответствовать тяжести и характеру нарушения. Не допускается за одно нарушение налагать несколько взысканий. За несколько нарушений, совершенных одновременно или в течение одних суток, может налагаться одно взыскание. Осужденный не может быть подвергнут взысканию, не получив возможности высказаться и дать письменное

объяснение в свое оправдание. Должностные лица, применяющие к осужденным меры взыскания, должны всесторонне и полно учитывать обстоятельства совершения нарушения, степень вины осужденного и его пояснения и налагать взыскание после личной беседы с ним [6, с. 175–176].

Порядок наложения, погашения и снятия взыскания регулируется Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений. Если в течение года со дня наложения последнего дисциплинарного взыскания осужденных не будет подвергнут новому взысканию, считается, что он не имеет взысканий.

Персональный учет поощрений и взысканий ведется начальниками отрядов, отделений (старшими воспитателями, инструкторами, старшими инструкторами по организации исправительного процесса) [5, с. 282].

Таким образом, одним из средств обеспечения режима является дисциплинарное воздействие (поощрения и взыскания), что является средством стимулирования правопослушного поведения осужденных.

Уголовно-исполнительное законодательство и практика его применения являются одним из общепризнанных и действующих в современных условиях средств воздействия на преступность и контроля за ее состоянием.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ялунин, В. У. Соблюдение прав человека – приоритетная задача уголовно-исполнительной системы / В. У. Ялунин // Ведомости уголов.-исполн. системы. – 2002. – № 5. – С. 2–6.
2. Бубон, К. В. О российской системе и практике применения наказаний в качестве мер юридической ответственности / К. В. Бубон // Адвокат. – 2009. – № 4. – С. 9–17.
3. Михлин, А. С. Поощрительные институты и их место в уголовно-исполнительном праве / А. С. Михлин // Реформа уголовно-исполнительной системы и её правовое обеспечение. – М., 1993. – С. 101–104.
4. Соловьёв, Ю. Д. Проблемы совершенствования поощрительных норм исправительно-трудового права / Ю. Д. Соловьёв // Совершенствование законодательства основ исполнения уголовных наказаний. – М., 1984. – С. 36–38.
5. Шарков, А. В. Уголовно-исполнительное право : учебник / А. В. Шарков. – 2-е изд., исправ. и доп. – Минск : Тесей, 2008. – 384 с.
6. Шевцов, Ю. Л. Уголовно-исполнительное право Республики Беларусь : ответы на экзаменационные вопросы / Ю. Л. Шевцов. – Минск : Тетралит, 2013. – 272 с.

УДК 343.131.7 (477)

М.Р. ШНАЙДЕР

Луцк, ВНУ имени Леси Украинки

Научный руководитель – О.В. Крыкунов, кандидат юридических наук, доцент

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ КАК ОТРАСЛЕВОЙ ПРИНЦИП В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ

Презумпция невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления, является одним из важнейших демократических принципов, характеризующих правовое государство и его уголовное судопроизводство. Поэтому и не случайно, что вопросы, связанные с названной основой уголовного судопроизводства, постоянно

находятся в поле зрения как ученых, так и правоведов-практиков. При этом во многих из этих вопросов отсутствует единство во взглядах, а также существует определенный разноречивой и в практической реализации правовых положений, вытекающих из основы презумпции невиновности [1, с. 1].

Стоит согласиться с мнением А.А. Титаренко, что презумпция невиновности – один из базовых принципов уголовного процесса, имеющий самостоятельное значение и выполняющий особую роль в современных условиях построения правового государства, гарантирует защиту прав и свобод человека. Учитывая, что уголовно-процессуальные правоотношения связаны с вмешательством в личную жизнь граждан, ограничением в случаях, предусмотренных законом, их прав и свобод (применением мер процессуального принуждения), необходимо предусмотреть систему гарантий, которые должны обеспечивать принцип презумпции невиновности [2].

Различные аспекты реализации принципа презумпции невиновности в уголовном процессе в большей или меньшей степени были предметом исследования в трудах ученых-процессуалистов Украины: С.А. Альперта, Ю.М. Грошевого, А.Я. Дубинского, В.С. Зеленецкого, В.Т. Маляренко, А.Р. Михайленко, М.М. Михеенко, В.В. Молдована, В.Т. Нора, Н. Омеляненко, З.Д. Смитиенко, В.М. Тертишника, И. Чангули, В.П. Шибико, Н.Е. Шумило и др. Вместе с тем, следует конкретизировать нормативное содержание принципа презумпции невиновности.

Прежде всего, следует указать, что презумпция невиновности является отраслевым принципом уголовного судопроизводства, нормативное содержание которого определяется, во-первых, положениями ст. 62 Конституции Украины. Лицо считается невиновным в совершении преступления и не может быть подвергнуто уголовному наказанию, пока его вина не будет доказана в законном порядке и установлена обвинительным приговором суда. Никто не обязан доказывать свою невиновность в совершении преступления [3, с. 15].

Во-вторых, принцип презумпции невиновности – это основополагающее кредо любого цивилизованного государства. Он записан во всех международных документах о правах человека. В частности, согласно Всеобщей декларации прав и свобод человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., «каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты» (ч. 1 ст. 11) [4]. А также ч. 2 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод устанавливает, что каждый обвиняемый в уголовном преступлении считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в соответствии с законом [5].

Более подробно данный принцип находит свое закрепление в действующем Уголовном процессуальном кодексе Украины (далее – УПК) [6, с. 12]. Так, в соответствии со ст. 17 предусмотрено, что лицо считается невиновным в совершении уголовного преступления и не может быть подвергнуто уголовному наказанию, пока его вина не будет доказана в порядке, предусмотренном УПК, и установлена обвинительным приговором суда, вступившим в законную силу. Т.е. в соответствии с содержанием этой ст. принцип презумпции невиновности состоит в том, что лицо считается невиновным в совершении уголовного преступления и освобождается от обязанности доказывать свою невиновность. Обязанность доказывать вину подозреваемого, обвиняемого или подсудимого возложена на следователя, прокурора, а в случаях, определенных УПК, – на потерпевшего.

Анализ этих норм показывает, что формулировка презумпции невиновности обвиняемого в Конституции Украины и УПК очень отличается от определений, данных в указанных международно-правовых актах. Сущность разницы заключается в том, что по Конституции Украины право обвиняемого быть судимым в соответствии с принципом презумпции невиновности превращается в обязанность быть судимым, поскольку презумпция может быть опровергнута только приговором суда. Кроме того, в соответствии с Конституцией Украины, обвиняемый находится в менее выгодном положении, чем согласно положениям Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, позволяющие установить невиновность лица различными процедурами, определенными законом.

Рассматривая нормативное содержание данного отраслевого принципа, следует также обратить особое внимание на его действие во времени. По времени презумпция невиновности сохраняется до вступления обвинительного приговора в законную силу. Только с этого момента обвиняемый, а теперь он уже является осужденным, государством, обществом считается виновным в совершении преступления. Так, Европейский Суд по правам человека в деле «Аллене де Рибермон против Франции» (1995 г.) признал нарушением ч. 2 ст. 6 ЕВРОКОНВЕНЦИИ («каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его вина не доказана в законном порядке») сообщение полицейского высокого уровня на пресс-конференции о том, что заявитель является «подстрекателем убийства». Суд в своем решении подчеркнул, что названное должностное лицо в своем сообщении прямо заявило о виновности заявителя, а это, с одной стороны, побуждало общественность поверить в нее, а с другой – предшествовало оценке фактов компетентными судьями [1, с. 9].

Исходя из этого, основная суть презумпции невиновности состоит в том, что любое выдвинутое против лица обвинение должно быть надежно доказано. Только в результате судебного разбирательства с его гласностью, состязательностью, непосредственностью исследования доказательств лицо может быть признано виновным в совершении преступления, а до этого рассматривается как невиновное. В презумпции невиновности выражена идея о судебном контроле за правильностью выводов органов предварительного расследования и прокурора по вопросу о виновности лица в совершении уголовного преступления.

Итак, на основании выше изложенного можно отметить, что для полного функционирования, правильного понимания и применения принципа презумпции невиновности действующее законодательство требует некоторых дополнений. Ст. 62 Конституции Украины может быть изложена в следующей редакции: «Лицо считается невиновным в совершении уголовного преступления, пока его виновность не будет доказана в установленном законном порядке и установлена обвинительным приговором или решением суда о закрытии уголовного производства по нереабилитирующим основаниям или об освобождении лица от уголовной ответственности, которые вступили в законную силу».

Ч. 1 ст. 15 УПК следует изменить следующим образом: «Никто не может быть признан виновным в совершении уголовного правонарушения иначе, как по обвинительному приговору или определению суда о закрытии уголовного производства по нереабилитирующим основаниям или об освобождении лица от уголовной ответственности, которые вступили в законную силу. Никто не может подвергаться уголовному наказанию иначе, как по обвинительному приговору суда, вступившему в законную силу».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нор, В. Т. Презумпция невиновности как конституционная основа уголовного судопроизводства и ее применение в практике Европейского суда по правам человека / В. Т. Нор // Журн. Нац. ун-та «Острожская академия». Серия Право. – 2011. – № 1 (3). – С. 1–23
2. Титаренко, А. А. Принцип презумпции невиновности в уголовном производстве [Электронный ресурс] / А. А. Титаренко. – Режим доступа: file://C:/Users/admin/Downloads/25961%20(1).pdf. – Дата доступа: 10.10.2016.
3. Конституция Украины : Закон Украины от 28.06.1996 г., № 254к/96-ВР // Ведомости Верхов. Рады Украины. – 1996. – № 30. – 141 с.
4. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Права человека. Международные договоры Украины. – М. : Наук. думка, 1992. – С. 18–24.
5. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-002.htm>. – Дата доступа: 10.10.2016.
6. Уголовный процессуальный кодекс Украины : Закон Украины от 13.04.2012 г., № 4651-VI // Ведомости Верхов. Рады Украины. – 2013. – № 9–10, 11–12, 13. – 88 с.

УДК 343.98

Т.Д. ЩУКО

Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Научный руководитель – В.С. Соркин, кандидат юридических наук, доцент

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Допрос свидетеля – эффективное средство получения доказательств, широко используемое в процессе расследования преступлений [1, с. 87].

Чаще всего допрос свидетелей проходит в условиях отсутствия противоречий между допрашивающим лицом и допрашиваемым. Однако при допросе лиц указанных категорий может сложиться также и конфликтная ситуация.

Тактические приемы, реализуемые при допросе свидетелей в подобных ситуациях, базируются на общих правилах изобличения ложных показаний, но в целом существенно ограничены, по сравнению с тактическими приемами, используемыми в конфликтной ситуации допроса подозреваемого, обвиняемого.

Мотивы дачи заведомо ложных показаний могут быть различными: негативное отношение к правоохранительным органам, нежелание участвовать в деле, желание скрыть собственное аморальное поведение или аналогичное поведение других лиц, ошибочное восприятие собственных действий как преступных, стремление оговорить подозреваемого (обвиняемого) из неприязненных либо корыстных побуждений, стремление подтвердить ложное алиби, ложные обстоятельства, смягчающие наказание обвиняемого по причине родственных, дружеских, иных отношений [2].

В данном случае правильным видится использование такого приема, как свободный рассказ, что позволит свидетелю выбирать наиболее приемлемую для него последовательность повествования. И если при допросе свидетеля в отсутствие конфликта таким образом активизируются мыслительные процессы, увеличивается интенсивность припоминания всех известных обстоятельств, то при даче ложных

показаний свободный рассказ способствует изобличению допрашиваемого через возможное появление различных проговорок и противоречий в показаниях. Помимо этого свободный рассказ лица, дающего ложные показания, отличается упорядоченностью сообщаемых сведений [3, с. 257].

Подобные приемы рекомендованы к применению в отношении свидетелей, когда показания явно носят характер надуманных, не соответствующих действительности, или ориентированы в пользу лица, которое фигурирует в уголовном деле в качестве подозреваемого или обвиняемого.

Для повышения качества деятельности по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений, в первую очередь, необходимо обратить внимание на тактические просчеты, допускаемые следователем при проведении допроса свидетелей.

В целом к тактическим просчетам следователя можно отнести: он не позволяет допрашиваемому рассказать об известных ему событиях и фактах в свободной форме, при составлении протокола происходит обработка показаний допрашиваемого, в ходе допроса применяется жесткое психологическое давление, показания записываются неполно, показания «засоряются» ненужной информацией, при производстве допроса допрашиваемый плохо представляет себе цель и предмет допроса [4, с. 173].

Для получения от свидетеля и потерпевшего достоверных, полных и правдивых показаний целесообразным представляется применять следующие тактические приемы:

- формирование контакта следователя с допрашиваемым свидетелем;
- анализ показаний в процессе допроса с целью установления их достоверности, полноты и позиции допрашиваемого;
- помощь допрашиваемому для восстановления в памяти забытого, преодоления «наслоений» к воспринятому в процессе «хранения» его в памяти, а также для преодоления субъективных недостатков воспроизведения;
- психологическое воздействие в процессе допроса, непосредственно направленное на преодоление установки на ложь и на получение правдивых показаний.

На достоверность показаний потерпевших и свидетелей могут влиять различные объективные и субъективные факторы (личные отношения с участниками преступления, обстоятельства, компрометирующие допрашиваемого, нежелание наживать себе врагов, страх, опасение за безопасность своих близких и т.д.).

Следователю необходимо выяснить такого рода обстоятельства и с учетом этого так строить допрос, чтобы предотвратить возможность ошибок в показаниях в силу добросовестного заблуждения допрашиваемого, нейтрализовать попытку неискренности, заведомой лжи, используя соответствующий арсенал приемов допроса [5, с. 467].

К числу факторов, неблагоприятно влияющих не только на возможность получения объективных и полных показаний от свидетелей, но формирующих негативное отношение у них к возможности свидетельствования, можно отнести недифференцированный подход, определяющийся одинаковыми стилями общения со всеми категориями допрашиваемых со стороны опытных следователей. Подобный подход приводит к тому, что допрошенные в качестве свидетелей граждане, настроенные нейтрально либо благожелательно в отношении правоохранительных органов меняют отношение на резко негативное. Происходит это под воздействием неуважения, невнимания к их словам и превратным толкованием, грубым искажением сказанного.

Изучение следственно-судебной практики позволяет сделать вывод, что игнорирование вышеперечисленных закономерностей формирования показаний свидетелей ведет к допущению следственных ошибок при установлении субъективной

стороны преступления и влечет за собой проблемы тактического порядка, возникающие при допросе данной категории лиц.

Все вышеизложенное подкрепляет необходимость дальнейшего совершенствования существующих рекомендаций в области получения и закрепления показаний свидетеля через развитие теоретических положений криминалистики и посредством активного внедрения их в практическую деятельность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей : учеб. пособие / А. Р. Ратинов. – М. : Изд-во НИиРИО ВШ МООП, 2001. – 290 с.
2. Егошин, В. В. К вопросу о тактических особенностях допроса потерпевших и свидетелей в условиях конфликтной ситуации [Электронный ресурс] / В. В. Егошин. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=223446823>. – Дата доступа: 19.10.2016.
3. Шаевич, А. А. Криминалистическая тактика, юридическая психология и практика производства допросов / А. А. Шаевич // Криминалистические чтения на Байкале – 2015 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2015. – С. 257–260.
4. Кучин, О. С. Влияние практики общей криминалистической тактики допроса на его правовую регламентацию / О. С. Кучин // Актуальные проблемы криминалистической тактики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М. : Юрлитинформ, 2014. – С. 171–177.
5. Образцов, В. А. Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов / под ред. В. А. Образцова. – М. : Юристь, 1999. – 501 с.

УДК 343

А.Г. БАТЮШКО, К.В. ФЕЛЬДШЕРОВА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

*Научный руководитель – И.А. Заранка, преподаватель***ЗВУКОВЫЕ СЛЕДЫ КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ**

Устная речь является самым распространенным средством коммуникации среди людей. Изменения, которые она оставляет в материальной среде, называют звуковыми следами. В связи с развитием информационных технологий, укоренением их в повседневной жизни людей возросла и роль звуковых следов. Их нередко стали использовать, в первую очередь, для расследования и предупреждения преступлений, а также для установления личности преступника и иных обстоятельств, требующих выяснения по уголовному делу.

Необходимость изучения следов звука породило развитие и применение на практике специальных видов их исследований, которые в криминалистической науке стали называть «фоноскопическими».

Фоноскопия – идентификация человека по голосу, она изучает звуковую информацию на звуковых, магнитных и других носителях, а также аппаратуру (магнитофоны, диктофоны и т.д.) [1]. Данный вид криминологических исследований, изучающий специальную группу следов, является относительно новым и основывается на изучении органов речевого аппарата человека, что позволяет определить, например, пол, возраст человека, совершившего преступление, а также на изучении культуры речи, что позволяет определить образование, профессию.

В Республике Беларусь стали проводиться фоноскопические экспертизы и исследования в 1994 г. подразделениями, находящимися в системе Министерства юстиции и Министерства внутренних дел. С 2013 г. фоноскопическими исследованиями занимаются в центральном аппарате и территориальных подразделениях Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Основными задачами фоноскопического исследования являются: установление дословного содержания звукозаписей; идентификация человека по голосу и речи; определение признаков монтажа и иных изменений, внесенных в фонограмму; установление личностных характеристик по голосу и речи [2].

В основу методики фоноскопических исследований положены акустический и лингвистический анализы устной речи.

Лингвистический анализ в целом более направлен на исследование устной речи, отражающей социальные, интеллектуальные, психофизиологические и другие личностные характеристики человека; акустический – на изучение характеристик, определяемых анатомическими, физиологическими и психофизиологическими особенностями индивидуума.

Акустический анализ базируется на многочисленных измерениях спектрально-временных характеристик речевого сигнала и их последующей статистической обработке для выявления индивидуального комплекса акустических признаков.

До недавнего времени практическое решение задач идентификации личности по акустическим признакам устной речи было затруднено из-за необходимости

осуществления очень большого числа измерений спектрально-временных характеристик речевого сигнала. Развитие компьютерных технологий фоноскопических исследований позволило не только полностью реализовать все возможности аналоговых электроакустических приборов, но и осуществить измерения акустических параметров, что ранее было просто невозможно.

Комплексный лингва-акустический анализ фонограмм речи позволяет проводить идентификацию человека даже по фонограммам низкого качества и малой длительности.

Фоноскопические исследования проводятся с помощью измерительно-вычислительных комплексов, включающих высококачественную звукозаписывающую и воспроизводящую аппаратуру, соединенную с компьютером, оснащенным специальным устройством ввода-вывода акустической информации и пакетом прикладных программ для обработки речевых сигналов и дальнейшего их исследования [3].

Осложняется проведение фоноскопической экспертизы тем, что лица, совершившие преступление, могут прибегать к монтажу и иным изменениям голосовых следов. Несмотря на то, что признаки монтажа можно определить и устранить при помощи технических средств, это не всегда дает положительные результаты в раскрытии и расследовании преступлений, особенно, если звуковая запись является единственным доказательством. В данных ситуациях следователям необходимо обращаться за помощью к лицам, которые обладают теоретическими и практическими знаниями, необходимыми для работы с техническими средствами, а также к специалистам в области познания психологии, поведения человека.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что данный вид экспертиз не достаточно развит в Республике Беларусь. Существует острая необходимость в повышении уровня как технического оснащения экспертов, так и использования теоретических познаний в области обнаружения и исследования звуковых следов. Следует понимать, что иногда информация, содержащаяся в звуках, является единственным доказательством при раскрытии и расследовании преступления. Она позволяет определить комплекс мер, которые следует провести правоохранительным органам для полного и своевременного разрешения вопросов по уголовному делу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминалистическая фоноскопия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ereading.club/chapter.php/97497/24/Alennikov_Salova__Shpargalka_po_kriminalistike.html. – Дата доступа: 17.10.2016.
2. Фоноскопическая экспертиза [Электронный ресурс] // Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.sudexpert.gov.by/ru/pay-fono.htm>. – Дата доступа: 17.10.2016.
3. Россинская, Е. Р. Криминалистика. Вопросы и ответы : учеб. пособие для вузов / Е. Р. Россинская. – М. : Юнити-Дана, 1999. – 351 с.

УДК 343.98

Е.М. БЕЛАН

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

БИОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Наблюдая за преступностью, качественными изменениями ее структуры, а также достаточно высоким количеством тяжких преступлений против человека, можно сделать вывод о том, что необходимо повышение эффективности процесса расследования. Возможным направлением решения этой задачи является проведение комплексных исследований в области различных наук с целью совершенствования уже имеющихся рекомендаций и разработке более продуктивных приемов, средств и методов раскрытия преступлений, в частности использования биологических следов.

Нельзя не отметить, что многообразие процессов и следов, возникающих в результате совершения преступления, требуют от работников практических органов знания приемов, методов, средств, разработанных на основе различных наук. Определенную роль в этом процессе играют интеграция и дифференциация смежных научных отраслей знания – криминалистики, биологии и судебной медицины, что способствует объективизации процесса расследования, повышению статуса следов биологического происхождения в практике борьбы с преступностью [1].

Отличительными следами насильственных преступлений, которые остаются на месте происшествия, теле и одежде участников преступного события, на орудиях преступления, нередко являются объекты биологического происхождения: индивидуальный запах человека, волосы, кровь, сперма, вагинальные выделения, потожировое вещество, слюна и моча, а также отдельные ткани и органы человека (или их фрагменты). Перечисленные выше биологические объекты, произошедшие от человека, не исчерпывают все разнообразие данной группы, включающей в себя также объекты растительного и животного мира [1]. Однако они чаще всего встречаются в практике расследования насильственных преступлений.

Наличие подобных объектов, источником которых являются тело и органы человека, а иногда и животных, обусловлено:

- преступными действиями лиц, причиняющих телесные повреждения различной степени тяжести потерпевшим и этим умышленно наносящих вред их здоровью либо применяющих физическое воздействие на потерпевших с целью завладения имуществом, что характерно для грабежей, разбоев и вымогательств, соединенных с насилием;
- активным сопротивлением потерпевшего, борьбой, сопровождаемой иногда причинением повреждений нападающему.

Информация, содержащаяся в следе преступления, являющегося предметом судебного исследования, должна быть переведена в актуальную и доказательственную форму. Для этого потенциальные источники информации должны быть подвергнуты специальному исследованию, содержащиеся в них следы должны быть «прочтены» (декодированы), а полученные результаты систематизированы и оценены для обоснования подлежащих установлению юридических фактов [2].

Так, например, выяснение механизма возникновения следов крови имеет важное значение для раскрытия обстоятельств события преступления. Это позволяет получить информацию о таких обстоятельствах, как:

- локализация источника кровотечения на теле человека;
- характер ранения, направление и сила удара, степень кровотечения;
- положение потерпевшего в момент начала кровотечения, двигался ли он после ранения, имели ли место борьба или самоубийство.

При расследовании половых преступлений большое значение имеют следы спермы. Они могут быть обнаружены на теле и одежде потерпевших, на разнообразных предметах с места происшествия, а также на теле и одежде обвиняемых. При производстве судебно-медицинской экспертизы пятен, похожих на сперму, решаются два основных вопроса:

- установление наличия спермы в пятнах;
- определение групповой специфичности с целью исключения или подтверждения возможности происхождения спермы от определенных лиц.

Обнаруженный на месте происшествия окурок сигареты, несомненно, будет являться потенциальным носителем слюны, с помощью которой можно определить группу крови, половую принадлежность человека, выкурившего ее.

Обнаружение волос и их исследование позволяют установить, принадлежат ли волосы человеку или животному; с какой части тела, иногда какова половая принадлежность.

Внимание следует обращать на орудие преступления, т.к. в нем могут сохраниться волосы потерпевшего. При дорожно-транспортном происшествии обнаружение волос возможно на выступающих деталях транспортного средства, а в случае перевозки пострадавшего или трупа, при угонах автотранспорта – в кузове автомобиля.

При исследовании мочи можно также обнаружить яды, лекарственные препараты, алкоголь и др. Для решения вопроса о возможности происхождения пота и мочи от конкретного лица на экспертизу следует представить образцы его крови и соответствующих выделений.

По следам ног можно судить и об обстоятельствах совершения преступления, а также о некоторых особенностях субъекта, который их оставил, что необходимо для его розыска. По этим следам нетрудно отождествить человека (его обувь), но нельзя исключать и их исследование на наличие частиц биологического происхождения (особенно босых ног, поверхностных следов наслоения). Следы зубов обнаруживаются обычно на продуктах питания (сыр, масло, шоколад, яблоки и т.п.), а иногда на теле потерпевшего или преступника. По ним можно судить о некоторых обстоятельствах происшествия, например, о характере борьбы потерпевшего с преступником, но по ним возможна и индивидуальная идентификация личности, если след станет объектом биологического исследования. Потенциал биологических исследований этих следов зачастую недооценивается некоторыми следователями.

В связи с этим изучение следов биологического происхождения, знание закономерностей их образования представляется нам важным для полного, всестороннего, объективного расследования совершенного деяния и зачастую имеет большое значение для раскрытия преступления и изобличения преступника, являясь одним из важных доказательственных элементов совершения преступления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Майорова, Е. И. Концептуальные основы судебно-биологической экспертизы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Е. И. Майорова. – М. : Юрид. ин-т МВД России, 1996. – 37 с.

2. Надоненко, О. Н. Криминалистическое значение следов биологического происхождения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О. Н. Надоненко. – Екатеринбург, 2009. – 192 л.

УДК 343.98

А.В. БОЖКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Проблема познания человека, личности с давних пор являлась одной из главных проблем науки, а особенно в таких отраслях, как философия, психология, история, медицина и правоведение. В юридических науках уголовно-правового направления интерес к личности можно объяснить тем, что человек в них выступает как субъект противоправных деяний. Особой спецификой характеризуется изучение личности преступника в криминалистике.

Личность – понятие довольно многогранное. Давая оценку понятию личности, представители различных наук определяют ее исключительно исходя из особенностей интереса своего предмета. Личность преступника, являясь социально-правовой категорией, как и любая другая личность, раскрывается через свое поведение, через деятельность и положение, которое она занимает в обществе. Теория личности преступника основана главным образом на идеях социологии. Если ее анализировать как совокупность изложенных в трудах научных идей, положений, то можно сделать вывод о том, что она позволяет отнести к признакам личности преступника не только социальные, но и психологические, а также биологические его признаки, охватывая также психику человека.

В криминалистике личность субъекта, который совершает преступление, устанавливается через изучение ее отдельных свойств и качеств, получающих отражение в следах преступления, для того чтобы в дальнейшем использовать данные знания в качестве средств воздействия на эту личность при производстве следственных действий [1, с. 86].

Однако криминалистический аспект изучения личности преступника предполагает учет в одинаковой степени не всех психических состояний, свойств и качеств ее. Наибольшее значение имеют сложные психические свойства личности, которые отражают ее деятельность, мотивы, цели, потребности, интересы, взгляды, характер, волю. Следует учитывать, что отрицательные психологические качества сами по себе не могут привести к совершению противоправного деяния. Исходя из этого, поведение личности, обусловленное характером общественных отношений, является сознательным волевым актом [2, с. 3].

Изучая личность преступника в криминалистическом аспекте, можно выделить два основных подхода к изучению.

Во-первых, это собирание, а также получение информации о личности еще неизвестного следствию преступника. Данное изучение зачастую является неполным и представляет собой получение сведений только о некоторых качествах личности: о половых признаках преступника, некоторых его биологических и физических данных,

психологических особенностях, мотивах его действия. Такое изучение носит опосредованный характер.

Во-вторых, изучение личности уже известного следствию преступника. В этом случае изучается совокупность психологических и социальных свойств и качеств личности преступника. Полученная информация используется для проверки выдвинутых следователем версий, распознавания подлинных мотивов совершенного преступления, оказания на правонарушителя необходимого воспитательного воздействия [3, с. 12].

Некоторые сведения о личности обвиняемого (возраст, смягчающие и отягчающие обстоятельства) носят для органов дознания, следствия, а также суда обязательный характер, выяснение других сведений, которые характеризуют личность обвиняемого (свойства характера, ценностные ориентации и т.д.), в значительной степени факультативный характер. Закон не требует от работников дознания и следствия безусловного их выяснения. Однако полное и объективное расследование будет затруднено без установления подобных сведений.

Важную сторону личности составляет ее основные психологические качества: воля, темперамент, эмоциональные свойства, влияющие на деятельность личности во всех сферах и имеющие непосредственное значение при решении ряда правовых вопросов, в частности следственно-практических задач и воспитательного влияния.

Таким образом, криминалистическое направление изучения данных, характеризующих личность преступника, организуется с целью правильного выдвижения следственных версий, а также для выбора тактических приемов при производстве отдельных следственных действий.

При изучении личности преступника в криминалистике необходимо собирать все сведения по данному лицу – в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном смысле носящие обязательный характер (возраст, в частности), и дополнительные сведения, имеющие факультативное значение (пол, например), а также иные данные, представляющие криминалистический интерес (рост, вес, темперамент и др.), пределы которого обусловлены спецификой дела (кража или хулиганство, очевидное или неочевидное преступление и др.). Все эти сведения вооружают дознавателя, следователя знанием, гарантирующим целесообразное и эффективное расследование уголовного дела, что обеспечивает выполнение задач, возложенных законом на стадию предварительного расследования преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведерников, Н. Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Понятие, предмет и методика изучения / Н. Т. Ведерников. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. – 174 с.
2. Матусевич, И. А. Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений / И. А. Матусевич. – Минск : Изд-во БГУ, 1975. – 128 с.
3. Глазырин, Ф. В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий : учеб. пособие / Ф. В. Глазырин. – Свердловск : Свердлов. юрид. ин-т, 1973. – 156 с.

УДК 343.98.065

А.Н. БРИШТЕН

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ПРИМЕНЕНИЕ В КРИМИНАЛИСТИКЕ БИОМЕТРИЧЕСКИХ СИСТЕМ НА БАЗЕ КЛАВИАТУРНОГО ПОЧЕРКА

В последние годы стремительно увеличивается число преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники. Так, за 2015 г. в Республике Беларусь было выявлено 2 440 киберпреступлений, что на 6,6 % больше, чем в 2014 г. [1]. Это обуславливает развитие отдельных криминалистических методик, связанных с компьютерной техникой и информационными технологиями.

При быстром клавиатурном вводе информации, который достигается за счет использования всех пальцев обеих рук, у каждого человека появляется свой уникальный клавиатурный почерк [2]. Клавиатурный почерк на сегодняшний день – одна из наиболее актуальных тем в среде специалистов по информационной безопасности, т.к. он является практически таким же уникальным биометрическим показателем, как отпечатки пальцев или радужная оболочка глаза.

Клавиатурный почерк представляет собой систему индивидуальных особенностей, начертаний и динамики воспроизведения букв, слов и предложений на клавиатуре [2].

Ряд ученых выделяет два основных направления применения биометрических систем на базе клавиатурного почерка:

- биометрическая идентификация;
- биометрическая аутентификация [2].

Различием между этими понятиями является уровень доверия к пользователю. На этапе идентификации уровень доверия высокий, т.к. происходит обучение системы. На этапе аутентификации уровень доверия, наоборот, относительно низок, т.к. пользователь в процессе аутентификации должен доказать свою «подлинность» [3].

Биометрическая идентификация включает в себя следующие этапы:

- предъявление биометрических образов пользователем – ввод текста с клавиатуры;
- измерение заданных биометрических параметров в предъявленном образе – вычисление времени удержания клавиши и время между нажатиями;
- создание, сохранение в базе данных системы и уточнение биометрического эталона идентифицируемой личности – построение шаблона (профиля) пользователя;
- сравнение полученного профиля с сохраненными [3].

Эти этапы являются подготовительными для аутентификации.

Для аутентификации пользователя можно использовать временные характеристики клавиатурного почерка, которые позволяет измерить стандартная клавиатура: время удержания нажатой клавиши и интервал времени между нажатиями клавиш. Для повышения надежности идентификации С.П. Расторгуевым было предложено деление клавиатуры на поля (оптимальное количество полей равно четырем) [4].

В.М. Федоров, Д.П. Рублев, Е.М. Панченко в статье «Идентификация пользователя по виброакустическим шумам, возникающим при наборе произвольного текста на клавиатуре» [5] разработали метод, основанный на регистрации

вибраакустических шумов при наборе данных с клавиатуры. Для аутентификации пользователя предварительно из записанного вибраакустического сигнала произвольного текста, набранного каждым пользователем, удалялись паузы между нажатиями и отпусканиями клавиш. Оператором с использованием звукового редактора, формировалась обучающая выборка вибраакустических шумов, возникающих при нажатии и отпускании клавиш, и вибраакустических шумов, которые присутствуют в паузах при наборе текста. Полученные данные выборки были использованы для обучения нейронной сети, которая впоследствии проводила идентификацию образцов почерка [5].

А.Н. Савинов предлагает при идентификации клавиатурного почерка использовать параметр учета наложения клавиш, выделяя тот факт, что время удержания клавиши увеличивается, если одновременно с ней была нажата другая клавиша. Пересечение клавиш наблюдается у профессиональных пользователей, которые уже много лет работают на клавиатуре, и, как правило, эти индивиды в совершенстве владеют слепым десятипальцевым набором [6].

На данный момент наиболее используемыми системами биометрической аутентификации являются: система “ID-007”, разработанная американской фирмой “Enigma Logic” и система «Кобра», разработчиком которой выступает Академия ФСБ России. Системы такого типа реализуют три основных функции: сбор информации, обработка информации и принятие решения по результатам идентификации [2].

Подводя итог, следует отметить, что для эффективной идентификации и аутентификации клавиатурного почерка необходимо в комплексе учитывать следующие характеристики: время удержания нажатой клавиши, интервал времени между нажатиями клавиш, количество ошибок при наборе в единицу времени, количество случаев использования дополнительных клавиш в единицу времени (числовой клавиатуры), общее время удержания двух клавиш одновременно в единицу времени [7]. Достоинства биометрической аутентификации по клавиатурному почерку заключаются в минимальных затратах, т.к. аутентификация не требует установки специальных аппаратных средств, не нуждается в сопровождении. При аутентификации клавиатурного почерка происходит скрытая идентификация, анализ психофизического состояния пользователя. Польза использования биометрической аутентификации по клавиатурному почерку заключается в ее возможности прозрачного применения для пользователя, постоянно либо периодически. Также использование аутентификации по клавиатурному почерку позволяет выявлять несанкционированный доступ уже после процесса идентификации паролем, защищает от подмены объекта и гарантирует подлинность. Наиболее перспективно применение данного метода при использовании удаленного рабочего места в системах обнаружения несанкционированного доступа.

Применение биометрических систем на базе клавиатурного почерка – биометрической идентификации и биометрической аутентификации – обладает высоким криминалистическим потенциалом при расследовании преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Статистические данные за 2015 год [Электронный ресурс] / М-во внутренних дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=3311>. – Дата доступа: 12.10.2016.

2. Традиционные методы биометрической аутентификации и идентификации [Электронный ресурс] : учеб. изд. / В. М. Колешко [и др.] ; под ред. В. М. Колешко. – Минск : БНТУ, 2009. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

3. Модель идентификации пользователей по клавиатурному почерку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dgtu.donetsk.ua/public/JournalAI_2004_4/Razdel8. – Дата доступа: 12.10.2016.

4. Расторгуев, С. П. Программные методы защиты информации в компьютерах и сетях / С. П. Расторгуев. – М. : Изд-во агентства «Яхтсмен», 1993. – 188 с.

5. Панченко, Е. М. Идентификация пользователя по виброакустическим шумам, возникающим при наборе произвольного текста на клавиатуре / Е. М. Панченко, Д. П. Рублев, В. М. Федорова // Изв. ЮФУ. Техн. науки. – 2013. – № 12 (149). – С. 241–246.

6. Савинов, А. Н. Методы, модели и алгоритмы распознавания клавиатурного почерка в ключевых системах : автореф. дис. ... канд. техн. наук : 05.13.19 / А. Н. Савинов ; СПбНИУ ИТМО. – СПб., 2013. – 19 с.

7. Об идентификации клавиатурного почерка пользователей [Электронный ресурс] // STUDYDOC. – Режим доступа: <http://studydoc.ru/doc/2585664/obidentifikacii-klaviaturnogo-pocherka>. – Дата доступа: 12.10.2016.

УДК 343.98

А.В. ВАШКЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ОДОРОЛОГИЯ: ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ГРАБЕЖЕЙ И РАЗБОЕВ

Одорология может быть представлена как отрасль криминалистической техники, система знаний о запахах, их источниках, способах обнаружения, фиксации, изъятия, хранения и анализа запаховых следов в целях расследования преступлений [1, с. 115].

В теории выделяют два основных вида одорологии, в основе которых находятся различные способы изъятия, анализа и регистрации запахов: одорологию кинологическую и инструментальную. Кинологическая одорология в качестве анализатора запаха использует орган обоняния служебной собаки. В инструментальной одорологии в качестве анализатора применяются физико-химические приборы, способные выделять спектр пахучих веществ, регистрировать с высокой чувствительностью на отдельные компоненты выделений человека.

При раскрытии отдельных категорий преступления запах может играть важную роль в установлении обстоятельств деяния посредством анализа скрытых следов преступления. К числу указанных преступлений можно отнести грабеж и разбой.

Обнаружение происшедших изменений обстановки, а также выявление и изучение запаховых следов преступления способствует установлению виновного лица. Однако осмотр места происшествия при грабеже и разбое связан со своими специфическими особенностями. В первую очередь это связано с тем, что причиняется не только материальный вред, но также вред жизни и здоровью человека, а носителями запахового следа могут стать различные по своим свойствам предметы: одежда потерпевшего, оружие, предмет преступления. Кроме того, преступления такого рода, как грабеж и разбой, зачастую совершаются на открытой местности: часто невозможности четко обозначить границы места происшествия, что затрудняет поиск

следов преступления и преступника. Зачастую на практике при расследовании большинства преступлений ограничиваются осмотром только непосредственного места совершения, однако разбой и грабеж не относится к данному числу: пределы осмотра существенно расширяются. Особенно важно помнить о возможном контакте с потерпевшим, похищенным имуществом, орудием, предметами окружающей обстановки. Использование в процессе расследования и раскрытия преступлений служебно-розыскных собак и анализ запаховых следов человека позволяют идентифицировать преступника, получить розыскную и доказательственную информацию для решения вопроса о его виновности путем установления маршрута как преследования преступником своей жертвы, так и передвижения преступника после совершения хищения, обследовать местность с целью поиска попыток подозреваемого скрыть следы преступления. Уходя с места преступления, преступник стремится избавиться от предметов, поврежденных или запачканных во время нападения, выбросить или уничтожить одежду, по которой его можно было бы опознать. Похищенные вещи преступник зачастую осматривает недалеко от места нападения, где оставляет малоценное имущество [2].

Обонятельные способности собак широко применяются в оперативно-розыскных мероприятиях: при расследовании и задержании преступников по «горячим следам», отыскании сокрытых предметов, для их «узнавания» по заданным собаке запаховым образцам проверяемых лиц [3]. Специально обученные собаки используются сотрудниками органов внутренних дел при розыске сокрытых трупов, поиске оружия, наркотических средств и взрывчатых веществ. Особую эффективность кинологовическая одорология приобретает при работе в ночное время, когда эффективный осмотр прилегающей территории попросту невозможен. Служебные собаки в кратчайшие сроки в сложных условиях способны помочь добыть дополнительную информацию о преступнике и преступлении, обозначить место происшествия, установив цепочку действий преступника. Поэтому так важно следователю свою работу на месте происшествия, связанного с грабежом или разбоем, осуществлять во взаимодействии с кинологом.

К инструментальной одорологии при раскрытии грабежей и разбоев обращаются скорее в исключительных случаях, в отличие от одорологии кинологовической, позволяющей осуществить раскрытие преступления «по горячим следам». Однако и инструментальная одорология при расследовании грабежей и разбоев также имеет широкую перспективу: исследованию могут быть подвержены оставленные на месте происшествия орудия (в т.ч. имеющие случайный, прикладной характер – бутылки, палки и др.), отдельные похищенные предметы, ввиду малой ценности брошенные вблизи места нападения (пакеты, кошельки и др.). При этом вероятность обнаружения подобных предметов при расследовании грабежей и разбоев достаточно высока. Перспективным является их определение в рамках криминалистической характеристики преступления.

Известно, что чем меньше времени проходит с момента совершения преступления до начала розыскной деятельности, тем выше эффективность следственных и оперативно-розыскных мероприятий. Чем в более скорый срок будет получено достоверная информация с места происшествия о цепочке событий, тем скорее будет сформирована почва для раскрытия преступления. Именно в этом случае особую значимость приобретает одорология. Соккрытие запаховых следов в условиях интенсивности грабежа, разбоя становится практически невозможным. Даже

кратковременно находящиеся в руках подозреваемого предметы могут сохранять его запаховые следы достаточно длительное время.

При этом работа с запахами имеет свои недостатки. Запах – это «невидимый след», который в неизменном виде может храниться недлительное время. Запаховые следы лучше сохраняются на холоде, в тени, в закрытых помещениях, на шероховатых поверхностях; хуже – на ветру, на нагретых и гладких вещах. Основными объектами, носителями запаховых следов человека являются следы крови, которые сохраняют запах человека десятки лет; грязные предметы одежды, обувь сохраняют запах от нескольких дней до нескольких месяцев. Число проводимых экспертиз запаховых следов сравнительно невелико, причем не всегда в заключениях делается однозначный вывод о тождестве запахов. Р.С. Белкин в проблеме одорологического метода выделяет четыре аспекта: естественно-научный и технический, процессуальный, этический и тактический [1, с. 120].

Естественно-научный и технический заключается в ограниченности периода, в течение которого запах человека остается неизменным. При этом в рамках современного уровня технического прогресса этот срок увеличивается многократно.

Тактический аспект сводится к приемам проведения одорологической выборки, которые должны обеспечить объективность, достоверность, убедительность и наглядность результатов. В рамках эстетического аспекта уделяется внимание пренебрежению человеческим достоинством подозреваемого, низведенного до роли бесправного объекта исследования.

При решении процессуального аспекта проблемы одорологического метода необходимо учитывать, что в доказывании особое место занимают правила допустимости доказательств. Несмотря на преимущество служебных собак в работе с запаховыми следами, полученная с их помощью информация не будет отвечать принципу объективности. Следовательно полученную информацию наиболее целесообразно использовать на предварительном следствии исключительно в организационных и оперативных целях, т.к. при использовании живых биодетекторов не может быть однозначно оценена полученная информация.

Таким образом, работа с запаховыми следами при расследовании грабежей и разбоев обладает высоким потенциалом: она может сократить срок и повысить эффективность обследования места преступления, а также прилегающей территории, создать условия для криминалистической идентификации. Необходимой представляется разработка отдельных криминалистических рекомендаций по работе с запаховыми следами при осмотре мест происшествий по делам о грабежах и разбоях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин, Р. С. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. – М. : Норма, 2004. – 992 с.
2. Кокорин, Д. Л. Особенности тактики осмотра места происшествия при расследовании разбойных нападений / Д. Л. Кокорин, Т. С. Пачина // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 2–3. – С. 121–128.
3. Круглова, А. А. Осмотр места происшествия по делам о грабежах и разбойных нападениях / А. А. Круглова // Вестн. Восточ.-Сибир. ин-та МВД России. – 2014. – № 1. – С. 41–45.

УДК 343.98

Д.А. ЛАЗАРЕВИЧ, О.В. НИЧИПОРУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ДНК: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

Дезоксирибонуклеиновая кислота (далее – ДНК) как молекула, находящаяся в ядре живой клетки, была открыта еще в 60-х гг. XIX в. Это открытие сделал швейцарский врач Мишер. По-настоящему история ДНК началась с момента открытия структуры ее молекулы, что произошло значительно позже, в 1953 г. С тех пор ДНК становится все более и более значимой благодаря своей центральной роли в живом организме [1]. Анализ ДНК может рассказать о приблизительной родословной человека, его генетических заболеваниях и половой принадлежности.

Однако, с появлением новых технологий ДНК начинает представлять не только биологический, но и криминалистический интерес. Как выяснилось, на основе данных, предоставляемых ДНК, можно составить приблизительный портрет лица, совершившего преступление: на основе информации о поле и расовой принадлежности (т.е., степенях смешения рас) создается трехмерная модель-портрет человека. Кроме того, одновременное моделирование вариаций формы лица в зависимости от пола и геномной родословной наряду с генетическими маркерами в черепно-лицевых генах-кандидатах позволяет исключить из модели общие эффекты, оставив лишь отпечатки индивидуальных генов. В сущности, комбинируя данные о половой и расовой принадлежности, исследователи узнают, как определенные гены и их вариации влияют на форму лица и его особенности. «В настоящее время мы используем ДНК для идентификации личности. Но мы можем получить гораздо большее из этих данных. Пока что мы не способны в точности восстановить все внешние признаки лица, носителя ДНК, но и эта перспектива уже не за горами», – отмечал ведущий автор данного исследования Марк Шрайвер, профессор антропологии из университета Пенсильвании [1].

Для исследования формы лица ученые использовали 592 представителя популяций смешанного типа западноафриканского и европейского происхождения, проживающих в США, Бразилии и Кабо-Верде. При создании модели на трехмерные изображения их лиц поместили сетку и измерили пространственные координаты 7 000 соединенных точек. Затем при помощи статистических методов ученые определили взаимосвязи между вариациями физических характеристик лиц и разницей в данных о половой принадлежности, геномном происхождении и генах, определяющих форму лица и головы. Например, плоскость носа или ширина скул могла отличаться от среднего показателя. Для идентификации этих генов исследователи изучили распространенные генетические мутации, провоцирующие деформации черепа и лица. При этом учитывались даже вариации генов в пределах нормы, т.к. они также могут повлиять на внешний вид черепа. К примеру, один из генов отвечает за форму губ, другой изменяет форму и конфигурацию костей вокруг глаз, а третий влияет на форму центральной части лица [1].

Сравнивая геномы добровольцев, ученый и его коллеги определили места, где ДНК отличались всего на одно основание, называемое однонуклеотидным полиморфизмом. И исходя из этого, они сосредоточились на генах, предположительно связанных с конфигурацией черт лица, к примеру, тех, которые отвечают за форму

головы в процессе эмбрионального развития. Основываясь на данных о половой принадлежности и происхождении, ученые вычисляли статистическую вероятность того, что данный однонуклеотидный полиморфизм был вовлечен в определение особенностей лица. Таким образом, были выявлены 24 однонуклеотидные полиморфизмы на 20 генах, которые в значительной степени отвечали за формы и черты лица [1]. И на основании этого компьютерная программа, разработанная исследователями, используя эти данные, может превратить последовательность ДНК неизвестного человека в трехмерную модель лица.

Самое близкое к повседневной реальности применение, в частности, данная технология может найти именно в криминалистике, т.к. зачастую на месте преступления может оставаться самое минимальное число следов злоумышленника, к примеру упавший волос с головы преступника, и тогда на основании даже такого следа можно будет установить причастность человека к преступлению, а фотороботы можно будет составлять, основываясь не на свидетельских показаниях, а на анализе образцов ДНК.

Говоря о практическом применении ДНК-технологии, руководитель Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации Александр Иванов отметил, что расследование практически ни одного резонансного уголовного дела в России не обходится без проведения анализа ДНК. Как отметил специалист, при производстве экспертиз и исследований экспертами всего трех российских лабораторий только за один год было установлено 112 лиц, причастных к совершению преступлений, и установлена личность 52 неопознанных трупов [3].

Наиболее рациональным и целесообразным в Республике Беларусь видится проведение подобного рода экспертиз в обязательном порядке в ряде случаев: по тяжким и особо тяжким преступлениям против жизни, здоровья, половой неприкосновенности человека, при установлении личности неопознанных трупов. Развивая данную технологию, ДНК-экспертиза может опередить по своей продуктивности дактилоскопическую – идентификационный потенциал для этого очевиден.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Открытие структуры ДНК [Электронный ресурс]/ ПостНаука. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/42611>. – Дата доступа: 19.10.2016.
2. Новая компьютерная программа восстанавливает лицо человека по ДНК [Электронный ресурс]// Вести. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1398542&cid=2161>. – Дата доступа: 19.10.2016.
3. Интервью руководителя Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации Александра Иванова РИА «Новости» [Электронный ресурс]// Следственный Комитет Российской Федерации. – Режим доступа: <http://sledcom.ru/press/interview/item/507737>. – Дата доступа: 19.10.2016.

УДК 343.98

Я.С. МЕЛУШЕВА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ЛАЗЕРНОГО 3D-СКАНИРОВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Сегодня трудно представить нашу жизнь без автомобилей. С каждым днем автомобильный парк увеличивается, растут объемы перевозимых грузов и, в целом, интенсивность движения. Только в г. Бресте по данным 2015 г. зарегистрировано более 150 000 автомобилей – это означает, что на двух жителей, примерно, приходится один автомобиль. Еще в 2013 г. количество автомобилей составляло около 100 000. В связи с таким быстрым ростом автотранспорта возрастает и число нарушений правил дорожного движения, формирующих особую категорию преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, содержащихся в гл. 28 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Основу преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта составляют дорожно-транспортные происшествия (далее – ДТП). ДТП – это происшествие, совершенное с участием хотя бы одного находившегося в движении механического транспортного средства, в результате которого причинен вред жизни или здоровью физического лица, его имуществу либо имуществу юридического лица [1, с. 4]. При расследовании преступлений в данной сфере правоохранительные органы сталкиваются с множеством проблем, т.к. обстановка автотранспортных происшествий многоэлементна по содержанию и сложна по своей структуре. В нее включаются многие как объективные (особенности устройства дороги, внешнее окружение дороги, элементы окружающей среды, освещенность, время суток и т.д.), так и субъективные факторы (вменяемость, быстрота реагирования водителя, опыт и др.) [2]. Сложность расследования, прежде всего, состоит в точном воспроизведении всей картины ДТП для выявления объективных и субъективных признаков состава преступления.

Одной из главных составляющих расследования ДТП является использование различных технических средств, особенно на первоначальном этапе – осмотр места происшествия. По статистическим данным именно от качества проведения исследований на этой стадии чаще всего зависит успех расследования. Осмотр места происшествия при ДТП является сложным и объемным процессуальным действием ввиду того, что несет в себе множество информационных следов, которые нужно тщательно изучить и зафиксировать. При этом данные действия должны производиться в достаточно короткие сроки, т.к. осмотр чаще всего производится в местах, где активно происходит дорожное движение (городская улица, загородная трасса или автомагистраль). Логичен и целесообразен поиск новых технических средств.

Примером таких средств могут служить технологии лазерного 3D-сканирования, широко применяющиеся в технологически развитых странах. С помощью такого сканирования производится реконструкция и построение трехмерной модели места происшествия либо аварии. При использовании технических средств такого плана практически полностью исключается человеческий фактор, что позволяет быстро фиксировать все детали места происшествия без участия человека [3]. Это освобождает работников правоохранительных органов от измерений вручную с помощью различных

измерительных приборов (на практике чаще всего – измерительная рулетка) расстояний между объектами, измерений проезжей части, тормозного пути и иных данных, имеющих значение для расследования ДТП. Также облегчает работу в части составления схем ДТП и различных фототаблиц, т.к. сразу же воспроизводит модель произошедшего. В свою очередь, целостная 3D-модель избавляет от множественной бумажной волокиты правоохранные органы (множество фотографий, схемы ДТП и т.д.), тем самым обеспечивая более надежную сохранность доказательств. Также из плюсов данных технологий можно выделить то, что значительно уменьшается препятствие движению других автомобилей для фиксации следов, благодаря чему понижается возможность застоев транспорта и пробок, а следовательно и повышается уровень безопасности на дороге. Наряду с этим производитель заявляет, что данные технологии могут работать в различных погодных условиях и в различное время суток, что особенно важно при фиксации следов. Например, на месте ДТП обнаружены следы крови, также следы ног скрывшегося водителя, отпечатки пальцев, запаховые следы и др., которые следователю нужно изъять. При плохих погодных условиях, например, дожде, данные следы могут очень быстро пропадать и следователь просто не успеет их исследовать и изъять. В данном случае осмотр должен осуществляться настолько оперативно, чтобы плохие погодные условия не влияли на качество расследования преступления. Сложность исследования в ночное время места происшествия связана с отсутствием достаточного освещения. В этом случае следователь может просто не заметить некоторые важные детали преступления. А т.к. лазерное сканирование воспринимает сразу же картину целостно, вероятность сохранения следов на месте происшествия, важных для расследования, значительно увеличивается. При использовании указанных систем значительно уменьшается и ложность показаний лиц, участвующих в ДТП. Связано это с тем, что дознаватель, следователь уже до начала проведения опроса (допроса) лиц имеет представление о произошедшем на основании фактов, содержащихся в трехмерной модели места происшествия, и по внутреннему убеждению может сделать определенные выводы о том, могут ли те или иные показания о произошедшем быть правдивыми или лицо пытается скрыть свою вину, особенно в случаях, когда один из водителей погибает в ДТП. Лазерное сканирование также предусматривает возможность оценки степени повреждения автомобиля. Данная функция полезна тем, что в будущем не будет необходимости проведения дополнительно, после осмотра места происшествия, автотехнической экспертизы. Это экономит, прежде всего, финансовые затраты на проведение экспертизы и в целом время расследования конкретного уголовного дела.

Использование технологии лазерного 3D-сканирования при расследовании ДТП дает ряд преимуществ: экономия времени и денежных средств в связи с существенным снижением трудоемкости действий, снижение нагрузки на работников правоохранных органов, использование высокотехнологичных средств, повышающих качество расследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Правила дорожного движения. – Минск : Букмастер, 2015. – 64 с.
2. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 1999. – 233 с.
3. Высококачественный 3D-сканер ДТП для расследования и криминалистики [Электронный ресурс] / Измерительное оборудование Faro. – Режим доступа: <http://www.faro.com/russia/faro-freestyle>. – Дата доступа: 17.10.2016.

УДК 343

В.К. ОКОРОВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – С.М. Храмов, кандидат юридических наук, доцент

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЦЕССА РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОРГАНАМИ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ

Одной из основных функций криминалистики является обеспечение сотрудников правоохранительных органов методическими рекомендациями по противодействию преступности, а также эффективными современными средствами и методами предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. Если проследить историю развития специальной терминологии, то можно отметить следующее. В последнее время в научный оборот было введено понятие «криминалистическое обеспечение». Такое обновление связано, прежде всего, с комплексной разработкой, внедрением и применением в практической деятельности криминалистических приемов, методов и средств выявления, собирания и исследования информации, значимой для раскрытия и расследования преступлений.

В настоящее время не сложилось единой терминологии по рассматриваемой проблеме. Так, Р.С. Белкин использует в своих публикациях понятие «криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования», которое, по его мнению, представляет собой систему криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений сотрудников использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии их использования в целях выявления, раскрытия и расследования преступлений [1].

З.И. Кирсанов к задачам криминалистического обеспечения борьбы с преступностью относит, во-первых, решение прикладных задач криминалистики, состоящих в разработке и предоставлении судебно-следственным, оперативно-розыскным и другим правоохранительным органам криминалистических средств и методик получения, оценки и использования информации, необходимой для выявления, предотвращения и раскрытия преступлений, и, во-вторых, решение дидактической функции, заключающейся в разработке проблем обучения практических работников криминалистическим методикам, вооружение их криминалистическими знаниями [2].

Таким образом, криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений органами пограничной службы может быть определено как особая организационно-функциональная система, направленная на формирование и поддержание на определенном уровне постоянной готовности сотрудников органов пограничной службы к систематическому использованию в практической деятельности криминалистического арсенала средств борьбы с преступностью, а также на реализацию этой готовности в каждом случае раскрытия и расследования преступления, обусловливаемом конкретной оперативно-розыскной или следственной ситуацией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиханцов, Г. Г. Криминология : учеб. пособие / Г. Г. Шиханцов. – Минск : Тесей, 2014. – 296 с.

2. Криминология : учеб. пособие / С. В. Максимов [и др.] ; под общ. ред. В. Е. Эминова. – М. : Норма, Инфра-М, 2000. – 160 с.

УДК 343.37 (075.8)

М.Я. СОБКО

Луцьк, СНУ імені Лесі Українки

Науковий керівник: О.І. Назарук, кандидат юридичних наук, доцент

ФОРМИ ВИКОРИСТАННЯ СПЕЦІАЛЬНИХ ЗНАТЬ У КРИМІНАЛЬНИХ ПРОВАДЖЕННЯХ ВІДПОВІДНО ДО ЧИННОГО ЗАКОНОДАВСТВА УКРАЇНИ

Ефективне розслідування злочинів залежить від багатьох факторів. Одним із них є вмiле використання спеціальних знань. Г. Гросс надавав великого значення спеціальним знанням у встановленні об'єктивної істини, у можливості дослідження «реальних доказів».

Серед питань надійного і максимального наукового забезпечення правосуддя одне із перших місць посiдає система нормативних приписів і криміналістичних рекомендацій щодо ефективного використання у процесі доказування спеціальних знань. Це цілком зрозуміло, оскільки вирішення більшості ситуацій, які виникають у процесі правового регулювання, вимагає опори на ґрунтовні, досконалі знання, здобуті людством протягом усього його існування. Такого роду знання, які виходять за межі звичних, побутових знань, дають можливість, за всіх інших умов, здійснювати грамотне і справедливе правосуддя. Ці знання одержали у праві офіційне найменування спеціальних [1, с. 23].

До науковців, які розглядали дану проблему, варто віднести С.Ф. Бичкову, А.І. Вінберга, В.Г. Гончаренка, А.В. Іщенка, Н.І. Клименка, М.В. Костицького, В.С. Кузьмічова, В.К. Лисиченка, В.Г. Лукашевича.

На думку Р.П. Марчук, спеціальні знання викликають лише теоретичний інтерес. Тобто у процесі їх вивчення має значення їх поняття, ознаки та класифікація, суть та їх внутрішній світ. Зовнішній прояв таких знань виявляється у формі використання [2, с. 158].

Науковці пропонують різні поняття, але донині не має єдиного розуміння «спеціальних знань». Наприклад, М.С. Строгович вважає, що спеціальними є лише наукові знання [3].

На думку Г.М. Надгорного, «спеціальні знання – це питання, що не належать до загальновідомих, що утворюють основу професійної підготовки з наукових, інженерно-технічних і виробничих спеціальностей, а також не загальновідомі знання, потрібні для здійснення якихось інших видів діяльності» [4, с. 42].

На нашу думку, найбільш повно розкрили зміст поняття спеціальних знань В.К. Лисиченко та В.В. Циркаль: «це не загальновідомі в судочинстві наукові, технічні і практичні знання, набуті в результаті професійного навчання чи роботи з визначеною спеціальністю особою, залученою як спеціаліст чи експерт з метою допомоги слідчому чи суду в з'ясуванні обставин справи або дачі висновків з питань, для вирішення яких потрібне їх використання» [5, с. 19].

І.В. Європіна чітко відмежовує в функціональному сенсі спеціальні знання як результат професійної підготовки і певну спеціалізовану освіченість окремих людей від передбачених процесуальними законами спеціальних знань, які, маючи за своїм змістом повну тотожність з першими, можуть використовуватись у чітко визначених

законом формах і межах. Науковець розглядає спеціальні знання у процесуальній формі, що включає в себе загальнонаукове їх поняття як змістова основа поняття процесуального. Процесуальне поняття спеціальних знань повинно визначати лише межі і форми особливого використання цих знань та юридично значущі наслідки такого використання [6].

У криміналістиці під формою використання спеціальних знань прийнято розуміти зовнішній прояв їх суті, що обумовлена їх змістом та знаходить своє практичне вираження при розслідуванні кримінальних правопорушень.

Вчені до форм використання спеціальних знань відносять призначення експертизи та участь спеціаліста при провадженні слідчих (розшукових) дій. Із даною позицією важко не погодитись, адже і експертиза, і участь спеціаліста прямо передбачені кримінальним процесуальним законодавством і у нормах закону безпосередньо зазначено, що для здійснення цих дій необхідні спеціальні знання.

До процесуальної форми використання спеціальних знань під час досудового розслідування належить залучення спеціалістів до проведення окремих слідчих дій (ст. 71 Кримінально-процесуального кодексу України).

Важливою процесуальною формою використання спеціальних знань є експертиза. Порядок призначення експертизи вбирає в себе ряд організаційних і процесуальних дій. Важливою є проблема наявності матеріалів, які потрібно буде передати експертам, та вибору експертної установи чи конкретного експерта [7].

Окремі науковці виокремлюють ще одну форму використання спеціальних знань – консультації та роз'яснення спеціаліста. Консультації спеціаліста допомагають слідчому ознайомитися з наявними у справі документами, розібратись у матеріалах документальної перевірки (ревізії), спланувати подальші перевірочні заходи. Крім того, особиста участь спеціаліста (експерта) при проведенні допиту підозрюваних (обвинувачених) і свідків допомагає правильно сформулювати питання допитуваному, звернути увагу слідчого на показання допитуваного, які не відповідають дійсності, а також допомагає правильно використати під час допиту документи бухгалтерського обліку та звітності.

У сучасній криміналістичній літературі широкого розповсюдження набуло віднесення форм використання спеціальних знань у залежності від доказовості результатів їх застосування.

Отже, формами використання спеціальних знань можна вважати дії, які проводяться при розслідуванні злочинів, і для здійснення яких необхідне використання цих знань. Вміле використання спеціальних знань відіграє визначну, а іноді вирішальну роль ефективного процесу розслідування правопорушень з подальшим притягненням винної особи до кримінальної відповідальності.

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. Гончаренко, В. Г. Спеціальні знання: генезис, предмет, рівні, форми використання в доказуванні / В. Г. Гончаренко, В. В. Курдюков, К. В. Легких // Вісн. Акад. адвокатури. – 2007. – Вип. 9. – С. 22–32.
2. Марчук, Р. П. Форми використання спеціальних знань при розслідуванні злочинів та їх криміналістична систематизація / Р. П. Марчук // Вісн. ХУУП. – 2014. – № 12. – С. 157–160.
3. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1968–1970. – Т. 1. – 1968. – 487 с.

4. Надгорный, Г. М. Соотношение специальных и юридических знаний / Г. М. Надгорный // Криминалистика и судебная экспертиза : республик. межвед. науч.-метод. сб. – Киев, 1984. – Вып. 28. – С. 14–19.

5. Лисиченко, В. К. Использование специальных знаний в следственной и судебной практике / В. К. Лисиченко, В. В. Циркаль. – Киев : КГУ, 1987. – 100 с.

6. Європіна, І. В. Використання спеціальних знань при розслідуванні злочинів у сфері використання комп'ютерів, систем та комп'ютерних мереж і мереж електрозв'язку / І. В. Європіна // Науковий вісн. – 2012.

7. Розум, О. М. Застосування спеціальних знань при розслідуванні злочинів, вчинених із особливою жорстокістю / О. М. Розум // Наук. вісн. Нац. ун-ту ДПС України (економіка, право). – 2013. – № 2. – С. 170–174.

УДК 343.98

А.А. ТАРСКИЙ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В.И. Резюк, преподаватель

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В КРИМИНАЛИСТИКЕ УСТРОЙСТВ ВИРТУАЛЬНОЙ И ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

XXI в. называют веком высоких технологий. Их развитие происходит невероятными темпами: для сравнения, производительность суперкомпьютера 2016 г. в сорок шесть с половиной тысяч раз выше производительности суперкомпьютера начала века. Новейшие разработки внедряются и в криминалистике: цифровая фото- и видеосъемка, обеспечение связи между участниками следственных действий и др. Представляется обладающим актуальностью и большим потенциалом использование в криминалистической деятельности устройств виртуальной и дополненной реальности [1].

Впервые такие устройства появились в конце 60-х гг. XX в., благодаря таким ученым, как Мортон Хейлиг и Айвен Сазерленд. Хейлинг создал особый симулятор, который погружал зрителей в виртуальную реальность при помощи фильма, а также запахов, звуков и дуновений ветра, сопровождающих его. Айвен Сазерленд создал шлем, дающий возможность передавать изображение с компьютера, а также менять его в зависимости от положения головы зрителя. При этом не стоит путать устройства виртуальной реальности с устройствами дополненной реальности. Последние не создают новое виртуальное пространство, а лишь дополняют электронной информацией реальный мир с помощью специальных устройств: смартфонов, очков, линз, проекторов и некоторых других. Примером могут послужить новейшие разработки в области технологии «умный дом», позволяющей управлять техникой без использования пультов управления: необходимые элементы управления будут проецироваться на любую удобную для вас поверхность. Не менее успешно устройства виртуальной и дополненной реальности могут также использоваться в расследовании преступлений [1].

Одним из возможных направлений использования подобных устройств можно обозначить осмотр места происшествия. От тщательности осмотра во многом зависит дальнейший ход расследование: лишь одна малейшая пропущенная деталь может отправить следствие по ложному следу. Одним из вариантов решения может послужить полное сканирование места происшествия и перенесение его в виртуальное

пространство. Осуществить это можно с помощью специальных сенсоров, камер и дронов. Полностью просканированное место происшествия целиком переносится в компьютер, где, посредством специального программного обеспечения, оно максимально точно воссоздается и подготавливается для возможности его полного повторного осмотра следователем в случае необходимости. При этом виртуальная копия места происшествия не будет подвержена воздействию временных, природных либо других факторов, которые могут уничтожить улики, находившиеся на реальном месте событий. Особенно актуально подобное решение для осмотра мест на открытом воздухе. Ведь если помещение, в котором произошло преступление, опечатывается и может оставаться в исходном состоянии более или менее продолжительный период времени, то места происшествия на открытом воздухе очень сильно подвержены погодным факторам, способным уничтожить абсолютно все улики, которые там присутствовали. Используя устройства виртуальной реальности, следователь получает возможность вернуться на исходное место происшествия в любой момент. При помощи специального костюма и перчаток он может свободно перемещаться и взаимодействовать с виртуальным местом преступления. При этом можно не опасаться случайного уничтожения улик в ходе осмотра: специальное программное обеспечение, работающее с виртуальной реальностью, может в любой момент вернуть место происшествия в исходное состояние. На данный момент подобной разработкой занимаются в одном из университетов Великобритании, а Министерство юстиции Великобритании возлагает на это изобретение большие надежды. Сведения о владельце автомобиля по его государственному номеру, информация о жертве либо свидетелях, максимально детальное описание любого предмета, найденного на месте происшествия – все эти и многие другие данные будут отображаться прямо перед следователем в случае необходимости. Осуществить подобное возможно с помощью устройства дополнительной реальности (к примеру очкам) и расположенных на нем сенсоров и камер, а также связи между подобным устройством и базами данных. Сенсоры и камеры позволяют получать детальную информацию об объекте, а специально подготовленные базы данных будут выводить информацию о нем на устройство [2; 3].

Еще один способ использовать устройства виртуальной реальности – это использование подобных устройств для проведения следственных экспериментов. Следственный эксперимент производится для доказательства возможности или невозможности тех или иных обстоятельств, имеющих непосредственное отношение к расследуемому преступлению. Для достоверности подобного эксперимента требуется максимально близко восстановить картину произошедшего. А это зачастую требует больших временных и материальных затрат. Использование подобных устройств и специального программного обеспечения позволит воссоздать подобные условия значительно быстрее и свести материальные затраты к минимуму (за исключением первоначальных затрат на подобное оборудование). При этом следствие получит возможность максимально достоверного воссоздания преступлений, связанных с причинением тяжких телесных повреждений либо лишением жизни, таких как: убийство, террористические акты, ДТП и другие преступления подобного рода. Современные компьютерные технологии позволят создать реалистичную картину произошедшего, а устройства виртуальной реальности (шлем, костюм и перчатки) позволят стать их непосредственными участниками.

Использование в криминалистике устройств виртуальной и дополненной реальности соответствует тенденции стремительного развития информационных

технологий, является адекватным ответом на новые формы и виды преступности и полностью отвечает основной цели криминалистической деятельности – установлению истины по делу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Таратута, Е. Е. Философия виртуальной реальности / Е. Е. Таратута. – СПб. : СПбГУ : Апория, 2007. – 147 с.
2. Хищняк, Н. Десять инновационных способов использования виртуальной реальности [Электронный ресурс] / Н. Хищняк // Новости высоких технологий. – Режим доступа: <http://hi-news.ru/technology/10-innovacionnyx-sposobov-ispolzovaniya-virtualnoj-realnosti.html>. – Дата доступа: 13.10.16.
3. Розенсон, И. А. Основы теории дизайна / И. А. Розенсон – СПб. : Питер, 2006. – 224 с.

УДК 343.7

С.Д. ТЕРЕШКО

Минск, БГУ

Научный руководитель – Д.Г. Мороз, кандидат юридических наук

ГИПНОЗ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Можно ли с помощью гипноза заставить субъекта совершить преступление? Данный вопрос приобрел актуальность еще в XX в., а пределы подчинения личности и возможности использования этого состояния в противоправных целях уже неоднократно становились предметом исследования многих ученых, как в области психологии, так и в области юриспруденции. Отметим, однако, что в ходе исследований они так и не смогли прийти к единому мнению и условно разделились на две группы.

Первые, например, Туретт, Кауфман, Форель, Беллин, указывали на ложность утверждения о возможности использования гипноза в противоправных целях. Наблюдения приводили исследователей к выводам, что испытуемый, пускай и в случае глубокого гипноза, сохраняет контроль над гипнотической ситуацией и не может совершить неприемлемые для него действия. Их мнение разделял и Х. Стюард, иронически сравнивая гипнотическую ситуацию «с британской парламентской системой, где королева обладает лишь той властью, которая дана ей народом» [1, с. 244].

Вторая же группа ученых утверждала, что во всех этих случаях речь идет о ситуациях, «когда гипнотизер и его пациент находятся в обычных, нормальных, необусловленных повышенной зависимостью отношениях» [2, с. 97]. В свою очередь, они моделировали ситуации, в которых внушаемые противоправные действия должны были выполняться в заданный постгипнотический период, или создавали у субъекта соответствующую мотивацию для совершения неприемлемых им действий.

Далее мы полагаем верным согласиться с мнением исследователей, утверждающих о возможности совершения преступления субъектом, находящемся в гипнотическом состоянии, начиная от преступлений, не представляющих большой общественной опасности, и заканчивая особо тяжкими. При этом отметим, что применение гипноза наиболее характерно при склонении, вербовке, вовлечении и подготовке лиц для совершения преступлений террористической направленности, а также в деятельности деструктивных религиозных организаций.

Однако самыми распространенными преступлениями, совершенными с применением гипноза в качестве способа, являются преступления против собственности. Так, одним из примеров является случай, произошедший в Минске. Г. приглашала женщин прийти к ней на сеанс «ясновидения», во время которого уверяла, что видит нависшее над ними проклятие, для снятия которого требовалось передать «ясновидящей» имеющиеся при себе деньги. Произнеся над купюрами заклинание, она возвращала деньги владельцу. После этого Г. просила принести из дома и передать ей другие деньги для совершения тех же действий. Г. заворачивала деньги в газету, что-то шептала и возвращала кулек. При этом она запрещала его разворачивать некоторое время, по истечении которого потерпевшие обнаруживали, что деньги исчезли, а в газете имеется нарезанная бумага. На предварительном следствии жертвы данного преступления утверждали, что в момент общения с виновной не контролировали своих действий и не могли объяснить причину беспрекословного подчинения [3, с. 98].

Отметим, что в подобных случаях гипноз имеет схожесть с преступным обманом, т.к. предполагает психическое воздействие на человека. Однако, как заметил Шарапов, в отличие от гипноза «обман не связан с психофизиологической переорганизацией человеческого сознания», т.е. человек, подвергнутый обману, «сохраняет интеллектуальные и волевые способности к проявлению критичности и переоценке восприятия внушаемых ему сведений» [4, с. 45]. Отметим, что подобные случаи хищения чужого имущества трудно доказать, что обусловлено сложностью отличия гипнотического воздействия от приемов психологического воздействия, например, уговора или просьбы.

Помимо вышеперечисленных, также имелись прецеденты, когда преступник собственноручно убивал свою жертву, предварительно введя ее в гипнотическое состояние. Кроме того, известны многочисленные случаи изнасилования женщин под гипнозом. Так, «в мае 2005 г. суд Франции приговорил О. к 15 годам лишения свободы за изнасилование пациенток под гипнозом и потребовал его экстрадиции из России, где тот занимался частной практикой как психотерапевт. 7 апреля 2006 г. О. был задержан в Москве и заключен под стражу» [5, с. 50].

Необходимо обратить внимание на то, что в большинстве подобных случаев гипнотизер избегает уголовной ответственности. Это объясняется высокой латентностью преступлений, совершенных с применением гипноза. Как отмечал Л.В. Седых, «жертвы гипнотизеров, как правило, не обращаются в правоохранительные органы, опасаясь испортить свою репутацию». Для подтверждения своих слов автор ссылается на результаты проведенного анкетирования, согласно которым «из 18 выявленных жертв только одна обращалась в правоохранительные органы, однако возбуждать уголовное дело не стали, не объяснив причины отказа». [5, с. 50].

Исходя из всего вышесказанного, мы делаем следующие выводы.

С помощью гипноза могут совершаться самые различные преступления, начиная от не представляющих большой общественной опасности и заканчивая особо тяжкими. При этом гипнотизируемый может оказаться как потерпевшим (когда загипнотизированное лицо подвергается физическому насилию или ему причиняется имущественный ущерб), так и средством совершения преступления (когда в результате преступного гипнотического воздействия жертва совершает преступные действия). Так, наиболее распространенными преступлениями, совершенными с помощью гипноза являются: дача заведомо ложных показаний (ст. 401 УК), кража (ст. 205 УК),

умышленное причинение тяжкого или менее тяжкого телесных повреждений (стст. 147 и 149 УК), изнасилование (ст. 166 УК), убийство (ст. 139 УК) и др.

Ввиду вышеизложенных обстоятельств, на наш взгляд, следует обратить внимание на необходимость внесения в Уголовный кодекс некоторых дополнений, в т.ч.:

- в ст. 4 Уголовного кодекса изменить определение термина «гипноз», а именно: вызванное внушением беспомощное к сопротивлению состояние человека, характеризующееся снижением способности сознавать фактический характер своих деяний и руководить ими;

- нормы, предусматривающие ответственность лиц, использующих гипноз в противоправных целях.

В заключение отметим, что пробел уголовного законодательства по вопросу гипноза является весьма серьезным и требует скорейшего устранения. Не стоит забывать, что, хоть процент преступлений, совершенных с помощью гипноза, сравнительно мал, он все же существует и с каждым годом отнюдь не становится меньше. Именно поэтому дальнейшее пренебрежение данной темы приведет лишь к большему количеству проблем, а также подмене одних выводов другими.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шойфет, М. С. Гипноз: преступники и жертвы / М. С. Шойфет. – М. : Эксмо, 2010. – 512 с.
2. Гримак, Л. П. Гипноз и преступность / Л. П. Гримак. – М. : Республика, 1997. – 304 с.
3. Хилюта, В. В. Гипноз как средство завладения чужим имуществом / В. В. Хилюта // Право.by. – 2011. – № 3. – С. 97–100.
4. Шарапов, В. В. Криминальная гипносуггестия: криминологические и уголовно-правовые аспекты / Р. Д. Шарапов // Государство и право. – 2004. – № 11. – С. 42–50.
5. Седых, Л. В. Преступления с применением гипноза / Л. В. Седых // Законность. – 2011. – № 1. – С. 48–51.

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарные доклады

Володько П.А. Принцип законности и справедливости в уголовном праве.....	3
Демидчик Е.Э., Резюк В.И. Фактическая преступность в контексте оценки латентности.....	5
Жук А.О. Непосредственный объект заражения венерической болезнью и ВИЧ-инфекцией	7
Залевская С.А. Отграничение нарушения авторских прав от неправомерного завладения компьютерной информацией	9
Лазаревич Д.А. Виктимное поведение потерпевшего как условие совершения карманных краж	11
Лосев И.В. Причинение имущественного ущерба без признаков хищения: направления совершенствования уголовно-правовой нормы	14
Манец В.Э. Захват заложника и его отличие от похищения человека.....	16
Рамашевская А.Р. Понятие института досудебного соглашения о сотрудничестве и проблема его реализации в уголовном процессе Республики Беларусь.....	18
Шостак Я.А. Стадия апелляционного производства (понятие, значение, сущность).....	20

Секция 1. Уголовное право

Бабигов А.П. Антикоррупционное законодательство Петра I.....	23
Бельская В.С. Особенности квалификации захвата заложников и проблемы разграничения от смежных составов преступления	25
Бизикина А.С. Некоторые российские проблемы законодательной регламентации и квалификации убийства матерью новорожденного ребенка и пути их решения с учетом белорусского опыта.....	27
Богатко А.В. Юридическое лицо как субъект преступления	30
Бойко О.А. Действие уголовного закона в пространстве: практический аспект.....	31
Бойко О.А. Экстрадиция в Республике Беларусь	34
Быкова К.В. Разграничение торговли людьми и использования рабского труда по уголовному законодательству Республики Беларусь	37
Вавренюк В.А. Ложное банкротство: уголовно-правовой аспект	38
Викторович З.М. Проблемы правового регулирования защиты персональных данных в законодательстве Республики Беларусь.....	40
Володько П.А. Принцип равенства граждан перед законом в уголовном праве.....	43
Галь М.А., Храмов С.М. Практика применения института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.....	45
Герасимук А.С. Исторические аспекты определения возраста уголовной ответственности несовершеннолетних на территории Беларуси	47
Гордиевич Е.А., Заранка И.А. Актуальные проблемы квалификации преступления «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»	49
Григорович Е.В. Разбой: уголовно-правовой и криминологический аспекты.....	51
Давыденко Д.И. Характеристика квалифицирующего признака сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов «на территории учреждения образования».....	53
Жук А.О. Уголовно-правовая характеристика истязания	55

Журович А.С. Малозначительность деяния в уголовном праве	57
Залевская С.А. Отграничение нарушения прав промышленной собственности от коммерческого шпионажа	59
Киндзерская В.Б. Понятие, порядок и условия исполнения наказания в виде общественных работ	60
Климашевская В.О. Согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее преступность деяния, при причинении вреда жизни и здоровью: оценка и перспективы.....	62
Коношенко А.А., Резюк В.И. Государственный служащий как специальный субъект коррупционных преступлений	64
Кукель А.Н. Уголовно-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации граждан по законодательству Республики Беларусь	67
Куксич О.С. Оценка вменяемости несовершеннолетнего	69
Лосев И.В. Уклонение от уплаты таможенных платежей и налогов, сборов: направления совершенствования уголовно-правовых норм.....	70
Макрушина А.В. Предмет и потерпевший в преступлениях против интеллектуальной собственности	72
Макрушина А.В. Предмет, орудие и средство преступления: критерии разграничения.....	74
Максимук О.А. Отказ в приеме на работу и увольнение беременной женщины: уголовно-правовой аспект	76
Малич Е.Ю. Субъект преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов	79
Манец В.Э. Уголовная ответственность за дезертирство	82
Мосиянчик Е.В. Отказ либо уклонение от дачи показаний	85
Ничипорук О.В. Проблемы разграничения правомерной необходимой обороны и превышения ее пределов	87
Ничипорук О.В. Разграничение убийства матерью новорожденного ребенка и убийства, совершенного в состоянии аффекта	89
Нурьев В.Н., Резюк В.И. Наказания в уголовных законодательствах Беларуси и Туркменистана: сравнительно-правовой анализ.....	92
Остапук Д.Д. Злоупотребление доверием как один из способов совершения мошенничества и причинения имущественного ущерба без признаков хищения	94
Остапук Д.Д. Характеристика обмана как способа совершения мошенничества.....	96
Пабулы Е.С. Разграничение заранее не обещанного укрывательства и пособничества как вида соучастия в преступлении	97
Панов Г.В. Административная преюдиция в Уголовном кодексе Российской Федерации: некоторые внутриотраслевые проблемы и пути их решения с учетом белорусского опыта.....	100
Пивоварчук Д.В. Уголовно-правовая защита компьютерных программ от неправомерного использования	102
Пискун А.Л. Мотивы совершения хулиганства	104
Поздеев Д.А. Некоторые российские проблемы, связанные с введением в Уголовный кодекс Российской Федерации судебного штрафа, и пути их решения с учетом белорусского опыта	106
Пужель И.О. Субъект привилегированного состава детоубийства	109
Саско О.І. Кримінально-правове значення мотиву злочину.....	111
Сильченко Т.В. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблема оценки ...	114

Сильченко Т.В. Разграничение преступления и административного правонарушения	115
Сироджов М.Х., Резюк В.И. Категории преступлений в уголовных законодательствах Республики Беларусь и Республики Таджикистан: сравнительно-правовой анализ	116
Станкевич А.Л. Присвоение и растрата: документальное оформление полномочий в отношении похищаемого имущества как обязательный признак вверенного имущества	118
Станкевич И.В. Мотив «корысть» в составах хищений имущества и других преступлений	120
Суховерхая Е.С. Разграничение приготовления к преступлению, покушения на преступление и оконченного преступления с материальным составом	123
Тогтамышов Ы.А. Рецидив в уголовных законодательствах Беларуси и Туркменистана.....	125
Фідря Ю.О., Лупак І.В. Правова природа примусових заходів виховного характеру.....	127
Шарипов Ф.Р. Вина в уголовных законодательствах Беларуси и Туркменистана....	129
Шарипова Ф.Ю. К вопросу о применении судебного штрафа как основания освобождения от уголовной ответственности.....	131
Шваб В.Ю. Фишинг как способ совершения мошенничества в глобальной сети Интернет.....	134
Янковский С.А. Способы вывода активов с Украины за границу с помощью коррупционных схем	136

Секция 2. Криминология

Антонович В.Е., Клюка А.В. Криминологический анализ личности преступника-коррупционера	139
Баурина И.В. Классификация и методология криминологического исследования латентной преступности	141
Вавренюк В.А. Причины ложной экономической несостоятельности	142
Валюхневич М.Н. Надзорное производство: криминологический аспект	144
Гусак А.П. Социально-психологические факторы совершения преступлений несовершеннолетними в состоянии алкогольного или наркотического опьянения....	145
Давыденко Д.И., Василевская О.Н. Криминологическая характеристика женской преступности	148
Демидчик Е.Э., Резюк В.И. Фактическая преступность в контексте оценки латентности.....	150
Жданюк А.Ю., Ивахник М.Н. Преступность несовершеннолетних как объект криминологического исследования.....	152
Зинович А.В. Суд присяжных: криминологический аспект	154
Ковалев О.В., Лозицкий А.С. Подростковая наркомания: криминологический аспект.....	156
Крац А.А. Криминологические особенности личности преступника-рецидивиста...	158
Куксич О.С. Детерминация преступности несовершеннолетних	160
Лазаревич Д.А. Виктимологическая классификация потерпевших от краж личного имущества граждан	161
Лантратова Е.С. Понятие и сущность ресоциализации осужденных.....	163

Лещинская Д.А. Профилактика преступности несовершеннолетних органами внутренних дел	165
Лойко Я.И. Генезис личности преступника	167
Назарук М.М. Торговля людьми: криминологический аспект	169
Оконович В.К. Мотивы умышленных воинских должностных преступлений, совершаемых военнослужащими	171
Пабулы Е.С. Групповая преступность: характеристика, структура, детерминанты... ..	173
Панько Д.С., Резюк В.И. Коррупционная преступность: стратегия и тактика борьбы	175
Телеш В.А. Латентная преступность как криминологическая проблема	177
Ходан Е.С. Социально-правовой анализ судимости	179
Чередниченко А.Д. Причины и условия преступности несовершеннолетних	181
Шваб В.Ю. Мошенничество в сети Интернет как объект виктимологического исследования	183
Янчук И.А., Шаш В.И. Модельный бизнес: криминологические аспекты	186

Секция 3. Уголовный процесс, прокурорский надзор

Блошук Т.Н. Адвокат для свидетеля по законодательству Республики Беларусь: уголовно-процессуальный аспект	188
Борук А.В. Негласные следственные действия по законодательству Украины и отдельных зарубежных стран	189
Валюхневич М.Н. Возникновение и развитие института апелляции в уголовном процессе Республики Беларусь	191
Гайзуллин Т.А. Профессиональный свидетельский иммунитет в уголовно-процессуальном законе Российской Федерации	193
Гарбуз И.С. Досудебное соглашение о сотрудничестве: пробелы правового регулирования нового института	196
Глипка Ю.Б. Свойства доказательственной информации в ходе уголовного производства: недопустимость доказательств	199
Граб В.Ю. Возмещение вреда потерпевшему: пути совершенствования белорусского законодательства на основе зарубежного опыта	202
Граб В.Ю. Пути совершенствования правовых норм о возмещении морального вреда потерпевшему	205
Григорович Е.В. Проблемы возмещения вреда, причиненного преступлением	207
Данилюк Ю.М. Невтручання в приватне життя як принцип кримінального провадження в Україні	209
Данькевич Л.И. Критерии разграничения документов – источников доказательств от документов – вещественных доказательств	211
Демидчик Е.Э. Предмет доказывания по делам об умышленном уничтожении либо повреждении имущества	213
Зинович А.В. Эффективность института присяжных заседателей	216
Зинчук К.Ю. Задержание в уголовном процессе Республики Беларусь	218
Кислюк Р.Л. Особенности реализации принципа неприкосновенности жилья и другого владения лица в уголовном процессе	220
Ковалёва Р.Я. Щодо проблем законодавчої регламентації інституту медіації в кримінальному процесі	222
Колядич А.С. О некоторых вопросах признания доказательств допустимыми	224

Милицук Н.С. Принципы публичности и диспозитивности в уголовном процессе	226
Неёлова А.И., Фадеева К.В. Особенности допроса несовершеннолетних.....	229
Папроцкий Я.Б. Недопустимость доказательств: краткий сравнительный анализ с процессуальным законодательством США и ФРГ.....	231
Семенюк А.В. Проблемні аспекти укладення угоди про визнання винуватості у кримінальному процесі України.....	233
Снитко А.Г. Соотношение прокурорского надзора и ведомственного процессуального контроля на стадии предварительного расследования в Республике Беларусь.....	236
Сопронюк А.А. Теоретические основы дефиниции уголовно-процессуальной санкции.....	238
Строч В.В. Обеспечение права на обжалование решений, действий, бездействия в уголовном производстве.....	241
Торчило Я.О. Окремі аспекти тактики допиту неповнолітніх осіб у кримінальному провадженні відповідно до чинного законодавства України	243
Харків Г.М. Кримінальне провадження на підставі угод як особливий інститут кримінального процесуального права України.....	245
Чигрин Д.А. Полномочия прокурора по формированию государственного обвинения в досудебном производстве по уголовному делу: сравнительно-правовой аспект	247
Шевчик Ю.В. Взаємодія слідчого та прокурора у кримінальному процесі України.....	249
Шипук С.Н. Правовое регулирование мер поощрения и взыскания как средств реализации воспитательного воздействия на осужденных.....	251
Шнайдер М.Р. Презумпция невиновности как отраслевой принцип в уголовном процессе Украины.....	253
Щуко Т.Д. Допрос свидетеля как эффективная форма получения доказательств.....	256

Секция 4. Криминалистика, оперативно-розыскная деятельность

Батюшко А.Г., Фельдшерова К.В. Звуковые следы как средство доказывания	259
Белан Е.М. Биологические следы: криминалистический аспект	261
Божко А.В. Специфика изучения личности преступника в криминалистике.....	263
Бриштен А.Н. Применение в криминалистике биометрических систем на базе клавиатурного почерка	265
Вашкевич А.В. Одерология: повышение эффективности расследования грабежей и разбоев.....	267
Лазаревич Д.А., Ничипорук О.В. ДНК: криминалистическая идентификация человека.....	270
Мелушева Я.С. Использование технологии лазерного 3D-сканирования при расследовании дорожно-транспортных происшествий	272
Оконович В.К. Криминалистическое обеспечение процесса раскрытия и расследования преступлений органами пограничной службы.....	274
Собко М.Я. Форми використання спеціальних знань у кримінальних провадженнях відповідно до чинного законодавства України.....	275
Тарский А.А. Использование в криминалистике устройств виртуальной и дополненной реальности	277
Терешко С.Д. Гипноз и преступления	279

Научное издание

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
Сборник материалов конференции

Подписано в печать 10.04.2017. Формат 60*841/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 11,74. Уч.-изд. л. 16,43
Тираж 80 экз. Заказ № 87.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени Пушкина А.С.».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/55 от 14.10.2013.
ул. Мицкевича, 28 ; 224016, Брест.